

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

Июль — Август

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Гос.
Публичная
библиотека
■ Ленинград

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. главн. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. главн. редактора)

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

XXIV СЪЕЗД КПСС И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза — важнейшее политическое событие в жизни партии и советского народа. Съезд явился событием всемирного значения. «Центральный комитет КПСС, вся наша партия по существу отчитывались на съезде перед мировым пролетариатом, перед всеми трудящимися земли за свою борьбу в интересах общего дела. И это естественно: КПСС исходит из единства и нераздельности наших национальных и интернациональных задач»¹. В работе съезда участвовали 102 делегации коммунистических и рабочих партий, национально-демократических и левых социалистических партий из 91 страны. Их выступления на съезде были демонстрацией крепнущего единства коммунистов, всех революционных сил мира, одобрения ими принципиальной марксистско-ленинской линии КПСС в международном коммунистическом движении.

XXIV съезд КПСС убедительно показал всемирно-историческое значение коммунистического строительства в Советском Союзе и того вклада, который вносит партия и советский народ в мировой революционный процесс, руководящую роль в этом процессе Ленинской партии нашей страны.

XXIV съезд КПСС подвел итоги напряженной работы партии и народа во всех сферах хозяйственной и общественной жизни за отчетный период, выработал политическую линию и научно обоснованную программу на предстоящее пятилетие.

На съезде были единодушно одобрены политическая линия и практическая деятельность Центрального Комитета КПСС, выводы и предложения, содержащиеся в Отчетном докладе ЦК КПСС. Съезд утвердил Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг.

Успешно завершив восьмую пятилетку, наш народ под руководством партии сделал новый крупный шаг в создании материально-технической базы коммунизма. Эти достижения СССР укрепляют уверенность в победоносной силе идей социализма и коммунизма за рубежами нашей Родины.

Главная задача девятой пятилетки состоит в том, чтобы обеспечить дальнейший мощный подъем экономики и культуры нашей страны, рост народного благосостояния, развитие социалистических общественных отношений. На основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда будут создаваться лучшие условия для труда и отдыха людей, для духовного расцвета советского человека. Рост благосостояния нашего народа — высшая цель политики партии, и этот курс будет определять не только нашу деятельность в предстоящие пять лет, но и общую ориентацию хозяйственного развития страны на длительный период. В области социальной политики партия будет осуществлять линию на дальнейшее укрепление единства советского общества, сближение классовых и социальных групп,

¹ «Великая интернациональная сила ленинизма», «Правда», 13 апреля 1971 г.

всех наций и народностей, на неуклонное развитие социалистической демократии, все более активное привлечение масс к решению общественных и государственных дел, повышение коммунистической сознательности трудящихся.

В новой пятилетке перед советской наукой открываются широкие перспективы и возможности. Намечено всемерно развивать исследования в области естественных, физико-математических и технических наук. Предусмотрены меры по улучшению материального оснащения трудящихся, совершенствованию организации исследований, более быстрой практической реализации достижений науки и техники. Партия проявляет постоянную заботу о том, чтобы творческий труд наших ученых становился все более плодотворным.

В Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы предусматривается также «дальнейшее развитие общественных наук, проведение комплексных исследований современных процессов развития общества для научного руководства социалистическим хозяйством и решения задач коммунистического строительства»².

Рассматривая задачи этнографической науки в свете материалов XXIV съезда КПСС, необходимо подвести некоторые итоги научной деятельности советских этнографов за предшествующие годы.

Наиболее значительным результатом этой деятельности было завершение 13-томной серии (18 книг) «Народы мира», в создании которой по существу участвовали все этнографы Советского Союза. Закончена была также и пятитомная серия «Очерки общей этнографии». Ведутся исследования культуры и быта не только сельского, но и городского населения, в первую очередь рабочих. Ощутимые результаты в этих исследованиях, особенно касающиеся крестьянства, были достигнуты уже к середине 50-х — началу 60-х годов.

Одной из важнейших проблем, отраженных еще в документах XXII съезда КПСС, явилась проблема дальнейшего развития социалистических наций. Поэтому в последнее пятилетие советские этнографы много занимались этнической проблематикой, особенно современными этническими процессами.

В наступившем пятилетии эта линия исследований получит свое дальнейшее развитие. Советский Союз — многонациональное социалистическое государство. Поэтому на XXIV съезде КПСС было уделено особое внимание проблемам интернационализма, вопросам сближения наций и народностей. В Отчетном докладе ЦК КПСС подчеркивается, что «Одним из самых крупных завоеваний социализма является практическое осуществление партией ленинской национальной политики — политики равенства и дружбы народов... Партия и впредь будет укреплять Союз Советских Социалистических Республик, последовательно осуществляя ленинский курс на расцвет социалистических наций и их постепенное сближение»³.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе особо отметил, что «За годы социалистического строительства в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ»⁴. Об этом же говорилось почти во всех выступлениях секретарей ЦК союзных и секретарей обкомов автономных республик. Изучение этнических аспектов становления этой новой общности является одной из важнейших задач советской этнографической науки. Особое внимание этнографов нашей страны привлекает проблема культурного сближения советских наций и народностей, раскрытие специфических черт складывающейся общесоветской культуры.

² «Коммунист», 1971, № 6, стр. 31.

³ «Коммунист», 1971, № 5, стр. 60.

⁴ Там же.

В своих обобщающих трудах наши ученые, анализируя процессы сближения советских наций и народностей, пытаются раскрыть самый механизм чрезвычайно многообразного процесса складывания культуры советского народа, единой по своему социалистическому содержанию, но не являющейся механической суммой всех национальных культур нашей страны.

Как показала работа над этими трудами, особенно важно усилить внимание к изучению процессов формирования общесоветских черт в сфере духовной культуры. Перспективно в разработке связанных с этим проблем сотрудничество этнографов, фольклористов и литературоведов.

Важную роль в изучении современных этнических и национальных процессов в СССР должны сыграть исследования в области этносоциологии. Перед этносоциологами стоит такая важная задача, как оптимизация социально-культурных аспектов развития и сближения наций в нашей стране. Работа в конечном итоге должна завершиться выработкой практических рекомендаций.

Этнические особенности все более перемещаются из сферы опредмеченной деятельности в сферу самой деятельности и даже в сферу сознания, как одного из важнейших компонентов культуры в широком смысле этого слова. Поэтому одной из актуальных задач советских этнографов является проведение исследований в области этнопсихологии. Такого рода исследования имеют важное значение для прогнозирования путей развития этнических процессов.

Однако было бы неправильно сводить изучение современных этнических процессов в СССР лишь к этносоциологическим исследованиям, в которых главное внимание уделяется взаимосвязи этнического сознания и культуры с социально-профессиональными и экологическими факторами. Вне поля зрения этносоциологов неизбежно остаются многие этнокультурные явления. Этим и определяется, в первую очередь, необходимость этнографического изучения современных культурно-бытовых явлений. Правда, этническая специфика все более исчезает из такой традиционной сферы исследований этнографов, как материальная культура. В то же время было бы ошибкой преувеличивать процесс стирания этнических особенностей в современной культуре в целом. Показательно, например, что, хотя современные бытовые предметы зачастую лишены этнической специфики, они все же выполняют определенные этнические функции, которые проявляются в их использовании. Одним словом, этнографам необходимо исследовать также те аспекты современной национальной культуры, которые ранее не стояли в центре их внимания.

В наступившей пятилетке, наряду с продолжающимся изучением современных этнических процессов у различных народов нашей страны, настоятельно необходимо создание обобщающих теоретических исследований, раскрывающих сущность главного объекта этнографической науки — этноса. Важной задачей является теоретическая разработка проблем культуры и ее этнических функций.

Нужно продолжить и теоретическую разработку проблематики, связанной с уточнением предметной области этнографической науки в ее историческом развитии. В частности, необходимо уделить внимание ее соотношению со смежными дисциплинами.

В дальнейшем углублении и конкретизации нуждается разработанное советскими этнографами учение о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях; требует внимания проблема соотношения этноса и географической среды, и т. д.

В новом пятилетии необходимо продолжить исследования малых народов СССР — на Севере и в Сибири, Средней Азии, на Кавказе. Дело в том, что знание и учет их этнических традиций имеет большое практическое значение, является важным условием адаптации малых народов к современной культуре.

Огромное внимание в материалах съезда уделено вопросам укрепления мировой социалистической системы, развитию экономического, социального и культурного единства стран социализма. В связи с этим приобретает особое международное значение труд «Восточные славяне». Эта работа — одна из основных частей трехтомной серии по этнографии славян, подготавливаемой советскими этнографами совместно с учеными социалистических стран Европы.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Л. И. Брежнев отметил: «...образование и укрепление мировой социалистической системы явилось мощным ускорителем исторического прогресса, начало которому положил Великий Октябрь. Открылись новые перспективы для торжеств социализма во всем мире... Успехи в деле социализма во многом зависят от правильного сочетания общего и национально-особенного в общественном развитии... Действие общих закономерностей проявляется в различных формах, отвечающих конкретным историческим условиям, национальным особенностям»⁵. В связи с этим перед советскими этнографами встают важнейшие проблемы изучения проявления общих закономерностей строительства социализма в конкретной этнической специфике различных стран социалистической системы и развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, вступивших на некапиталистический путь развития.

XXIV съезд КПСС еще раз подчеркнул особое значение для национально-освободительных движений в развивающихся странах этих трех континентов борьбы с силами империализма. «Несмотря на все сложности и даже отдельные поражения, — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС, — идет многообразный процесс общественных изменений в обширных районах мира»⁶. Это многообразие обусловлено историческим прошлым, этнической спецификой, особенностями этнокультурных традиций отдельных народов, полиморфизмом этнической структуры большинства недавно возникших государств. Поэтому без учета этнических факторов невозможен подлинно научный анализ происходящих в развивающихся странах процессов, неизбежны просчеты при их прогнозировании. Все это придает особую значимость работам советских этнографов, посвященным изучению современных этнических процессов в зарубежных странах. Важное теоретическое и практическое значение имеет исследование советскими учеными судеб национальных меньшинств в инонациональной среде. Особое внимание уделяется изучению исторических судеб малых народов зарубежной Азии, выявлению закономерностей и своеобразия этнических процессов у этих народов.

Положено начало изучению проблем национального развития, процессов натурализации и культурной адаптации в развитых капиталистических странах. Актуальность этих исследований на современном этапе чрезвычайно велика.

Рассматривая задачи этнографической науки в свете материалов XXIV съезда КПСС, естественно уделить основное внимание проблематике, непосредственно связанной с современностью. Однако было бы неверно полагать, что этнографические исследования, относящиеся к историческому прошлому народов, лишены актуальности. В данной связи достаточно например сослаться на такую относящуюся к отдаленному прошлому проблему, как этногенез народов.

Важнейшим сводом данных по этнической истории народов СССР являются историко-этнографические атласы, над которыми работает сейчас большой коллектив советских этнографов.

Большое мировоззренческое значение имеет и изучение истории первобытного общества. Это комплексная проблематика, плодотворная раз-

⁵ «Коммунист», 1971, № 5, стр. 5.

⁶ Там же, стр. 16.

работка которой возможна лишь совместными усилиями этнографов, археологов и антропологов.

Большой комплекс крупных тем намечен на предстоящее пятилетие советскими антропологами. Это монографии о факторах расообразования, по истории человеческих рас и т. п.

Следует особо отметить создаваемый Лабораторией этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР капитальный труд «Атлас населения мира», включающий 200 многоцветных карт.

Все эти обобщающие труды наших ученых очень важны для изучения судеб народов мира, путей их социального и национального развития.

Большое значение для развития советской этнографии имело в последнем пятилетии углубленное освоение и пропаганда теоретического наследия основоположников марксизма-ленинизма в связи с празднованием 150-летия со дня рождения К. Маркса, 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и 150-летия со дня рождения Ф. Энгельса. Дальнейшая разработка теоретического наследия классиков марксизма, пропаганда идей научного коммунизма приобретают особое значение в связи с подчеркнутой съездом необходимостью повышения коммунистической сознательности трудящихся.

Разработка вопросов теории неразрывно связана с непримиримой идеологической борьбой против антимарксистских и других враждебных концепций. «Убедительность критики буржуазных и ревизионистских наскоков на нашу теорию и практику,— говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС,— в огромной степени усиливается тогда, когда она опирается на активное и творческое развитие общественных наук, марксистско-ленинской теории»⁷.

Перед советскими этнографами стоит ответственная задача критики реакционных направлений в буржуазной этнографии и антропологии, вскрытия антинаучной сущности различного рода антимарксистских (нередко маскирующихся под марксизм) теорий, выдвигаемых буржуазными этнографами и антропологами. Особое значение имеет разоблачение реакционной сущности всякого рода расистских теорий. Советским ученым предстоит внести новый, еще более значительный вклад в дело борьбы с расизмом.

Наша партия всегда придавала большое значение пропаганде научных знаний. Это имеет непосредственное отношение к советским этнографам, так как чтение лекций, выпуск научно-популярных книг и брошюр, музейная и краеведческая работа играют большую идеологическую и культурно-воспитательную роль. Пропаганда этнографических знаний особенно важна в деле воспитания трудящихся нашей страны в духе советского патриотизма, интернационализма, непримиримости к любым проявлениям национализма. Этим советские этнографы будут способствовать решению одной из важнейших задач, поставленных съездом в области социальной политики партии,— дальнейшему упрочению морально-политического единства советского общества.

Все стоящие перед советскими этнографами в этом пятилетии задачи могут быть успешно решены лишь при условии совершенствования идейно-воспитательной работы, создания атмосферы творческого поиска, высокой организованности, взаимной требовательности и ответственности. XXIV съезд КПСС дал огромный творческий заряд всем советским людям. Он мобилизует и всех нас на активное решение стоящих перед советскими этнографами задач.

⁷ «Коммунист», 1971, № 5, стр. 81.

С. И. Брук

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СССР

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1970 ГОДА)¹

По рекомендации Организации Объединенных Наций в 1970—1971 гг. проведены переписи населения в большинстве стран мира. Эти переписи, проводившиеся по согласованным программам, позволят точнее определить численность населения по странам и континентам, а также получить данные о составе населения по ряду признаков.

15 января 1970 г. проведена очередная перепись населения СССР. До этого переписи населения нашей страны проводились в 1897, 1920, 1926, 1939 и 1959 гг. Перепись 1920 г., как известно, готовилась и проводилась под непосредственным руководством В. И. Ленина. В подготовке всех переписей и, в частности, в разработке основных методологических вопросов их программ активное участие принимали ученые различных специальностей (статистики, экономисты, географы, этнографы, языковеды и др.).

Перепись 1970 г. проведена по более широкой программе, чем это было рекомендовано ООН. Она имела своей целью установить общую численность населения страны и его распределение по отдельным населенным пунктам, сельсоветам, городам, районам, округам, областям, краям, республикам; состав населения по полу, возрасту, семейному состоянию, национальности, языку, уровню образования, охвату учебной, источникам средств существования, занятиям, отраслям народного хозяйства, видам производства, общественным группам, продолжительности работы и другим признакам.

Программа переписи 1970 г. значительно шире программы предыдущей переписи 1959 г. Кроме родного языка, определен и другой язык народов СССР, которым свободно владеет опрашиваемый. Ставился также вопрос о передвижении населения по стране, который позволит выявить миграции за последние два года и их причины. Получены данные о том, сколько людей трудоспособного возраста занято домашними работами и в личном подсобном хозяйстве, что даст возможность разработать мероприятия по вовлечению этой группы населения в общественное производство.

Намечена обширная программа разработки материалов переписи. Однако уже сейчас, когда опубликованы лишь основные итоги, можно сделать вывод о большом политическом, народнохозяйственном и научном значении переписи. Материалы переписи обеспечат практических работников и ученых детальными статистическими данными, необходимыми для составления планов дальнейшего развития нашей страны. Сопоставление этих материалов с материалами предыдущих переписей даст воз-

¹ В основу статьи положены итоги переписи населения 1970 г., опубликованные ЦСУ СССР, справочники «Народное хозяйство СССР», статистические материалы, публикуемые в журнале «Вестник статистики», сводные этностатистические труды Института этнографии АН СССР. Их перечень см. в конце статьи.

возможность тщательно проанализировать процессы, протекающие среди населения СССР и составить обоснованные прогнозы на будущее.

В настоящей статье мы ограничимся анализом материалов переписи 1970 г., характеризующих динамику и размещение населения, демографические показатели, уровень образования, этнолингвистические процессы.

Динамика и размещение населения

Численность населения СССР на 15 января 1970 г. составила 241 720 134 человека, в том числе 111 399 377 мужчин и 130 320 757 женщин. Ниже дается изменение численности населения за последние 100 лет (в млн. чел.) ²:

1 января 1870 г.— 86,3	
1 января 1897 г.—124,6	1 января 1950 г.—178,5
конец 1913 г. —159,2	15 января 1959 г.—208,8
1 января 1940 г.—194,1	15 января 1970 г.—241,7

Несмотря на огромные потери, связанные с двумя мировыми войнами и гражданской войной, население страны росло довольно быстрыми темпами: за 100 лет оно увеличилось в 2,8 раза и примерно за 75 лет удвоилось. В 1970 г. в СССР было на 82,6 млн. или на 51,9% больше жителей, чем в дореволюционной России. За последние двадцать лет население СССР увеличилось на 63,2 млн. чел. или на 35,4% (за этот же период население зарубежной Европы возросло лишь на 17,9%). За 11 лет, прошедших после переписи 1959 г., население нашей страны увеличи-

Таблица 1

Динамика численности населения союзных республик

	Численность населения в тыс. человек				1970 г. в процентах		
	конец 1913 г.	1 января 1940 г.	15 января 1959 г.	15 января 1970 г.	к 1913 г.	к 1940 г.	к 1959 г.
РСФСР	89902	110098	117534	130079	144,7	118,2	110,7
Украинская ССР	35210	41340	41869	47126	133,8	114,0	112,6
Белорусская ССР	6899	9046	8056	9002	130,5	99,5	111,8
Узбекская ССР	4366	6645	8261	11960	273,9	180,0	144,8
Казахская ССР	5565	6054	9153	12849	230,9	212,2	140,4
Грузинская ССР	2601	3612	4044	4686	180,2	129,8	115,9
Азербайджанская ССР	2339	3274	3698	5117	218,8	156,3	138,4
Литовская ССР	2828	2925	2711	3128	110,6	107,0	115,4
Молдавская ССР	2056	2468	2885	3569	173,6	144,7	123,8
Латвийская ССР	2493	1886	2093	2364	94,8	125,4	113,0
Киргизская ССР	864	1528	2066	2933	339,5	192,0	142,0
Таджикская ССР	1034	1525	1981	2900	280,5	190,2	146,4
Армянская ССР	1000	1320	1763	2492	249,2	188,8	141,4
Туркменская ССР	1042	1302	1516	2159	207,2	165,7	142,4
Эстонская ССР	954	1054	1197	1356	142,1	128,7	113,4
СССР в целом	159153	194077	208827	241720	151,9	124,6	115,8

лось на 32,9 млн. чел., или на 15,8%; ежегодный прирост населения за этот период составлял почти 3 млн. чел., или 1,34% (для сравнения укажем, что в США за эти годы он был равен 1,27%, а в Англии, Франции, ФРГ и Японии — 0,6—1,1%).

Динамика численности населения союзных республик показана в табл. 1.

² Здесь и далее приводятся данные, характеризующие население в пределах современных границ СССР; лишь для 1926 г. приводятся данные в границах СССР, существовавших до 17 сентября 1939 г.

Как видно из табл. 1, между союзными республиками наблюдаются существенные различия в росте численности населения. Довольно сильные различия в динамике населения можно заметить и внутри крупных республик. В пределах РСФСР с 1940 по 1970 гг. население районов Урала выросло на 44,3%, Западной Сибири — на 32,0%, Восточной Сибири — на 51,9%, Дальнего Востока — на 83,2%, Северного Кавказа — на 36,1%; в то же время население Волго-Вятского экономического района уменьшилось на 6,0%, а Центрально-Черноземного — даже на 13,7%. На Украине за то же время население Южного района выросло на 28,4% а Юго-Западного — только на 3,6%.

Население в автономных республиках и областях также росло неравномерно, но в среднем быстрее, чем по стране в целом. С 1959 по 1970 гг. оно увеличилось на 18,0% в автономных республиках, на 16,9% — в автономных областях и на 33,2% — в национальных округах; быстрее всего население росло в Чечено-Ингушской, Калмыцкой, Нахичеванской и Кабардино-Балкарской АССР, где оно увеличилось на 40—50%, медленнее всего — в Поволжских республиках и Карелии (здесь прирост составил всего 3—11%). «Рекордсменами» среди национальных округов являются Ханты-Мансийский и Чукотский, население которых выросло за 11 лет более, чем в два раза.

Неравномерный рост населения по отдельным районам страны объясняется рядом причин. С началом индустриализации СССР происходит передвижение населения в слабоосвоенные районы Востока и Юго-Востока. Сказываются последствия Отечественной войны. Как известно, больше всего пострадали западные районы, потерявшие значительный процент своего населения в ходе военных действий и в период временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками; кроме того, часть населения переместилась в центральные и восточные области страны. В 1950-х и 1960-х годах значительный контингент населения переселился в районы освоения целинных и залежных земель. И все же для большинства районов СССР различия в росте численности населения определяются, в первую очередь, характером его воспроизводства, т. е. соотношением рождаемости и смертности (об этом см. ниже).

Средняя плотность населения СССР — 10,9 чел. на 1 кв. км, причем в Европейской части страны она несколько превышает 30 чел., а в Азиатской составляет лишь 3 чел. на 1 кв. км. По союзным республикам средняя плотность населения на 15 января 1970 г. составляет:

РСФСР	— 7,6	Молдавская ССР—106,0
Украинская ССР	—78,1	Латвийская ССР— 37,1
Белорусская ССР	—43,4	Киргизская ССР— 14,8
Узбекская ССР	—26,6	Таджикская ССР —20,3
Казахская ССР	— 4,7	Армянская ССР —83,7
Грузинская ССР	—67,3	Туркменская ССР— 4,4
Азербайджанская ССР—59,0		Эстонская ССР —30,1
Литовская ССР	—48,0	

Наиболее густо заселены центральные районы Европейской части СССР, особенно междуречье Оки и Волги, а также районы Донбасса и Правобережной Украины, Молдавская ССР, многие районы Закавказья и Средней Азии. По данным последней переписи средняя плотность в наиболее густозаселенных областях составляла: в Московской области (с г. Москвой) — 273,1 чел. на 1 кв. км. Андижанской — 246,5, Ферганской — 187,4, Донецкой — 184,7, Ташкентской (с г. Ташкентом) — 183,6, Хорезмской — 123,2, Киевской (с г. Киевом) — 119,6. Львовской — 111,4. Наманганской — 108,6, Черновицкой — 104,3. Наименьшая средняя плотность зарегистрирована в национальных округах: Эвенкийском — 0,02 чел. на 1 кв. км, Таймырском (Долгано-Ненецком) — 0,04, Корякском, Чукотском и Ямало-Ненецком — 0,1, Ненецком — 0,2, Ханты-Мансийском — 0,5. Весьма низкую плотность имеют Якутская АССР — 0,2 чел.

на 1 кв. км, Магаданская, Камчатская и Тюменская области — соответственно 0,3; 0,6 и 1,0, Красноярский край — 1,2, Тувинская АССР — 1,4, Горно-Бадахшанская автономная область — 1,5 чел. на 1 кв. км.

Основная масса сельского населения находится в южных и центральных районах Европейской части СССР; наибольшая плотность его (свыше 100 чел. на 1 кв. км) характерна для долины Днестра и некоторых районов Украины. Плотность сельского населения намного меньше в зоне таежных лесов и особенно тундры Европейского Севера, где население почти полностью сосредоточено в долинах крупных рек; весьма редкое сельское население характерно также для сухих степей и полупустынь Юго-Востока Европейской части СССР. На Кавказе густо заселены (свыше 150 чел. на 1 кв. км) долины рек и Черноморское побережье. В Азиатской части СССР сравнительно плотно заселены районы вдоль Сибирской железнодорожной магистрали, предгорья Урала и Алтая, Приамурье, юг Приморья, а также долины и предгорья республик Средней Азии (в последних наблюдается наивысшая в СССР плотность сельского населения — свыше 200 чел. на 1 кв. км); в остальных районах — тайге и тундре Сибири и Дальнего Востока, пустынях и полупустынях Средней Азии и сухих степях Казахстана население очень редкое (на 1 кв. км здесь приходится менее 1 чел.).

В нашей стране непрерывно растет доля городского населения. Изменения численности городского и сельского населения характеризуются в табл. 2.

Таблица 2

Изменение численности городского и сельского населения

Годы	Все население; в млн. чел.	В том числе		В процентах ко всему населению	
		городское	сельское	городское	сельское
1913	159,2	28,5	130,7	18	82
1939	190,7	60,4	130,3	32	68
1959	208,8	100,0	108,8	48	52
1970	241,7	136,0	105,7	56	44

С 1939 г. численность городского населения увеличилась более чем в 2,2 раза, а сельского — уменьшилась почти на одну четверть. За последние 11 лет сельское население уменьшилось на 3 120 тыс. чел., т. е. в среднем за год оно сокращалось на 284 тыс. Следует, впрочем, отметить, что среднегодовой темп снижения сельского населения в прежние годы был значительно выше (с 1939 по 1959 г. сельское население в среднем за год уменьшалось более чем на 1 млн. чел.). За последние 11 лет городское население выросло на 36 млн. чел. Это произошло за счет естественного прироста в городах (14,6 млн.), преобразования сельских населенных пунктов в городские (5 млн.) и перехода из села в город части сельских жителей (более 16 млн.). Переход значительного числа сельского населения в города стал возможен в связи с индустриализацией страны, а также ростом механизации и повышением производительности труда в социалистическом сельском хозяйстве.

Наиболее высокий процент городского населения характерен, с одной стороны, для старых промышленных районов (Ленинградская область вместе с г. Ленинградом — 90%, Московская область вместе с г. Москвой — 86; Донецкая — 87, Ворошиловградская — 83, Свердловская — 81, Челябинская — 78, Днепропетровская — 76%), с другой — для районов Севера и Востока страны, индустриальное развитие которых началось в годы Советской власти (Мурманская область — 89%, Кемеровская — 82, Карагандинская — 81, Сахалинская — 78, Хабаровский край — 78, Камчат-

ская область — 76, Магаданская — 75%). В то же время в областях, где преобладает сельское хозяйство, процент городских жителей не превышает четверти всего населения (Сурхандарьинская, Кашкадарьинская, Хорезмская, Сырдарьинская и Андижанская области Узбекской ССР, Тернопольская и Винницкая области Украинской ССР).

Рост числа городских поселений и распределение их по численности жителей показаны в табл. 3.

Таблица 3

Рост числа городских поселений и численности их жителей

Городские поселения с числом жителей в тыс.	Число городских поселений (городов и поселков городского типа)			Число жителей в них (в млн. чел.)		
	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.
Менее 10	1758	3043	3576	8,3	14,4	16,2
От 10 до 100	915	1428	1707	23,6	37,0	44,2
От 100 до 500	78	123	188	15,7	24,4	38,3
500 тыс. и больше	11	25	33	12,8	24,2	37,3
Все городские поселения	2762	4619	5504	60,4	100,0	136,0

Из табл. 3 видно, что быстрее всего растут города крупнейшие (св. 500 тыс. жителей) и большие (100—500 тыс. жителей). В первых число жителей увеличилось с 1939 г. почти в три раза, во вторых — почти в 2,5 раза; население остальных городов увеличилось примерно в два раза. Сейчас у нас насчитывается 10 городов с числом жителей более 1 млн. в каждом (в 1939 г. таких городов было 2, в 1959 г. — 3): Москва — 7 061 тыс. чел., Ленинград — 3 513 тыс., Киев — 1 632 тыс. Ташкент — 1 385 тыс., Баку — 1 261 тыс., Харьков — 1 223 тыс., Горький — 1 170 тыс., Новосибирск — 1 161 тыс., Куйбышев — 1 047 тыс., Свердловск — 1 026 тыс. чел. Восьмисоттысячный рубеж перешли еще 10 городов: Минск, Одесса, Тбилиси, Донецк, Челябинск, Казань, Днепропетровск, Пермь, Омск, Волгоград. В 13 городах насчитывается от 500 до 800 тыс. жителей.

Многие появившиеся после революции крупные города возникли на «пустом» месте. В их формировании основную роль сыграло развитие различных отраслей индустрии. Освоение новых каменноугольных месторождений вызвало строительство городов Копейска (156 тыс. чел.)³, Ангрен (94 тыс.), Междуреченска (81 тыс.), Коркина (79 тыс.), Воркуты (65 тыс.), Инты (51 тыс.). С добычей и переработкой нефти связано возникновение городов Салавата (114 тыс.), Октябрьского (81 тыс.), Алметьевска (77 тыс.); с развитием черной металлургии — Магнитогорска (364 тыс.), Сумгаита (124 тыс.), Электростали (123 тыс.), Рустави (около 100 тыс.), Новотроицка (85 тыс.); с развитием цветной металлургии — Норильска (136 тыс.), Балхаша (77 тыс.), Алма-Аты (76 тыс.). Рост химической промышленности привел к возникновению Ангарска (204 тыс.), Чирчика (108 тыс.), Новокуйбышевска (104 тыс.), Кохтла-Ярве (67 тыс.). Вместе с крупными электростанциями возникли Братск (155 тыс.), Волжский (142 тыс.). Крупнейшим центром химии и машиностроения стал Тольятти (251 тыс.). По существу в число новых можно включить и такие крупные города как Новокузнецк (499 тыс. чел.), Душанбе (374 тыс.), Мурманск (309 тыс.), Каменск-Уральский (169 тыс.), Березники (145 тыс.), Лисичанск (117 тыс.) и ряд других, в которых в 1926 г. было менее, чем по 10 тыс. жителей.

Только после второй мировой войны возникло 25 новых городов, насчитывающих свыше 50 тыс. жителей каждый; в двух из них (Тольятти и Ангарске) сейчас живет более чем по 200 тыс. чел., а еще в пяти (Братск,

³ По городам с числом жителей более 100 тыс. — данные на 15 января 1970 г., с числом жителей менее 100 тыс. — на 1 января 1969 г.

Волжский, Салават, Находка, Новокуйбышевск) — более, чем по 100 тыс.

Сильно выросли и старые города. В особенности это относится к столицам союзных и автономных республик и автономных областей (с 1939 по 1970 гг. число жителей в Алма-Ате увеличилось более, чем в три раза, в Ереване и Минске — почти в четыре, во Фрунзе — в четыре с половиной, в Нукусе, Сыктывкаре, Чебоксарах — в пять-семь раз). Крупнейшие промышленные центры за этот же период выросли, за редким исключением, не менее чем в два раза; более, чем в три раза увеличилось население в Куйбышеве, Челябинске, Красноярске, Кривом Роге, Караганде, Ульяновске, Рязани, Тюмени, Чимкенте, Владимире, Орске; более, чем в четыре раза — в Липецке и Кургане; почти в шесть раз — в Череповце; в 11,5 раз — в Усть-Каменогорске.

Все ускоряющаяся урбанизация оказывает большое влияние на ход демографических и этнических процессов. В городах рождаемость и естественный прирост, как правило, несколько ниже, чем в сельской местности, а в связи с этим уменьшается и доля детей в общей численности населения. Города отличаются более пестрым национальным составом населения, что объясняется притоком сюда населения из различных районов страны. В городских центрах быстрыми темпами идут процессы национального смешения.

Демографические показатели

Воспроизводство населения. Данные о воспроизводстве населения (рождаемость, смертность и естественный прирост) при проведении переписи населения непосредственно не выявляются, но косвенно о них можно судить, так как они оказывают весьма существенное влияние на динамику и размещение населения, на изменение национального состава и на ряд других показателей. Поэтому воспроизводству населения уделяется большое внимание при текущем учете населения (см. табл. 4).

Таблица 4

Воспроизводство населения

Годы	На 1000 человек населения			Умерло детей в возрасте до одного год ¹ на 1000 родившихся
	число родившихся	число умерших	естественный прирост	
1913	45,5	29,1	16,4	269
1926	44,0	20,3	23,7	174
1939	36,5	17,3	19,2	167
1940	31,2	18,0*	13,2	182
1950	26,7	9,7	17,0	81
1960	24,9	7,1	17,8	35
1965	18,4	7,3*	11,1	27
1969	17,0	8,1*	8,9	26

* Одна из причин некоторого увеличения смертности в 1940 г. — включение в состав СССР районов с высокой смертностью населения, а в последние годы — рост средней продолжительности жизни, вызвавший значительное увеличение в населении доли старших возрастов.

До Октябрьской революции для нашей страны был характерен высокий прирост населения (для того времени — один из самых высоких в мире), который складывался из очень высокой рождаемости и высокой смертности. После революции естественный прирост населения еще больше увеличился, главным образом за счет быстрого снижения смертности (рождаемость в первые два десятилетия Советской власти тоже снижалась, хотя и весьма незначительно). Резкие сдвиги в структуре естествен-

ного прироста произошли после Второй мировой войны. Уже в 1950 г. е. всего через пять лет после кровопролитной и опустошительной войны, удалось добиться уменьшения смертности населения почти в два раза по сравнению с довоенным, 1940 г. Это было достигнуто прежде всего за счет резкого снижения детской смертности. Десятилетие с 1949 по 1959 г. характеризуется стабильным уровнем рождаемости (колебания по годам между 24,9 и 26,7 на тысячу человек населения), некоторым снижением смертности (с 9,7 до 7,2) и довольно высоким естественным приростом (между 17,0 и 18,1). Среди высокоразвитых стран Советский Союз в этот период имел один из самых низких показателей общей смертности населения и один из самых высоких показателей естественного прироста населения.

Демографическая ситуация начала существенно меняться с 1960 г. За десятилетие (1960—1969 гг.) среднегодовая рождаемость снизилась с 24,9 до 17,0 на тысячу человек населения (в значительной мере это связано с тем обстоятельством, что в последнее десятилетие начали вступать в брак молодые люди, родившиеся в 1941—1945 гг., а в то время была очень низкая рождаемость), смертность стабилизировалась или даже несколько повысилась (это закономерное явление, связанное, как уже отмечалось, с резким возрастанием процента лиц старших возрастов), а естественный прирост уменьшился с 17,8 в 1960 г. до 8,9 в 1969 г. В среднем за последние 5 лет рождаемость в СССР была равна 17,6 на 1000 человек населения, смертность — 7,6, естественный прирост — 10,0. Несмотря на все это и сейчас СССР имеет более низкую смертность и более высокий естественный прирост, чем другие развитые страны.

Снижение рождаемости и естественного прироста населения в последнее десятилетие — явление, характерное для всех без исключения развитых стран мира. В табл. 5 приведены показатели воспроизводства населения для крупнейших из них.

Таблица 5

Показатели воспроизводства населения крупнейших капиталистических стран (в промиллях)

		1960 г.	1969 г.	В среднем за послед. 5 лет
Англия	рождаемость	17,5	16,6	17,5
	смертность	11,5	11,9	11,7
	естеств. прирост	6,0	4,7	5,8
Франция	рождаемость	17,9	16,7	17,2
	смертность	11,4	11,3	11,1
	естеств. прирост	6,5	5,4	6,1
ФРГ	рождаемость	17,8	15,0	16,8
	смертность	11,4	11,9	11,5
	естеств. прирост	6,4	3,1	5,3
США	рождаемость	23,7	17,7	18,1
	смертность	9,5	9,5	9,5
	естеств. прирост	14,2	8,2	8,6

Следует отметить, что с 1967 г. снижение рождаемости в СССР почти прекратилось, что является следствием вступления в брак возрастов, родившихся после войны (а их численность по сравнению с возрастными военного времени резко увеличивается). В Директивах XXIV съезда КПСС намечены мероприятия, которые должны стимулировать увеличение рождаемости: «В целях создания лучших условий для воспитания подрастающего поколения увеличить материальную помощь семьям, имеющим детей, расширить льготы работающим женщинам-матерям; ввести пособия на детей семьям, в которых средний доход на члена семьи не превышает 50 рублей в месяц...»⁴.

⁴ «Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы», «Коммунист», 1971, № 6, стр. 31.

По сравнению с дореволюционным периодом общая смертность в СССР снизилась в 3,8 раза (а детская — более, чем в 10 раз) и по сравнению с 1940 г. — в 2,5 раза.

До революции умирало в возрасте до 5 лет 43% родившихся, а сейчас лишь 3,6%. Снижение смертности обусловило рост средней ожидаемой продолжительности жизни населения с 32 лет в 1896—1897 гг. и 44 лет в 1926—1927 гг. до 70 лет (65 у мужчин и 74 — у женщин) в 1968—1969 гг.

Смертность населения в городах и сельской местности находится примерно на одном и том же уровне. Рождаемость же значительно ниже в городах, однако эта разница в 1940—1950 гг. резко уменьшилась (см. табл. 6).

Особенно низкая рождаемость характерна для наиболее крупных городов; в 1969 г. она была равна: для Москвы — 11,2 на 1000 жителей, Ленинграда — 11,9, Риги — 13,1, Харькова — 13,3, Куйбышева — 13,5, Горького — 13,7. Особенно в этом отношении стоят крупные города Средней Азии. Рождаемость во Фрунзе достигает 19,9, в Ташкенте — 20,0, Ашхабаде — 21,9, Душанбе — 22,2 на 1000 жителей.

Несравненно большие различия в рождаемости мы наблюдаем при сравнении структуры воспроизводства по союзным республикам (см. табл. 7).

Из табл. 7 видно, что смертность по республикам колеблется в сравнительно небольших пределах (от 13,0 до 21,6 смертей на тысячу чело-

Таблица 6
Рождаемость городского и сельского населения

Годы	Число родившихся на 1000 человек населения		
	всего	в городских поселениях	в сельских местностях
1913	45,5	30,2	48,8
1926	44,0	34,1	46,1
1940	31,2	30,5	31,5
1950	26,7	26,0	27,1
1960	24,9	22,1	27,7
1965	18,4	16,3	20,8
1969	17,0	15,9	18,3

Таблица 7

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по союзным республикам (в расчете на 1000 человек населения)

	1940 г.			1950 г.			1960 г.			1969 г.		
	число родившихся	число умерших	естеств. прирост	число родившихся	число умерших	естеств. прирост	число родившихся	число умерших	естеств. прирост	число родившихся	число умерших	естеств. прирост
РСФСР	33,0	20,6	12,4	26,9	10,1	16,8	23,2	7,4	15,8	14,2	8,5	5,7
Украинская ССР	27,3	14,3	13,0	22,8	8,5	14,3	20,5	6,9	13,6	14,6	8,6	6,0
Белорусская ССР	26,8	13,1	13,7	25,5	8,0	17,5	24,4	6,6	17,8	15,9	7,4	8,5
Узбекская ССР	33,6	13,2	20,4	30,9	8,8	22,1	39,9	6,0	33,9	32,7	5,9	26,8
Казахская ССР	41,1	21,6	19,5	37,6	11,7	25,9	37,3	6,6	30,7	23,5	6,2	17,3
Грузинская ССР	27,4	8,8	18,6	23,5	7,6	15,9	24,7	6,5	18,2	18,7	7,5	11,2
Азербайджанская ССР	29,4	14,7	14,7	31,2	9,6	21,6	42,7	6,7	36,0	29,3	7,0	22,3
Литовская ССР	23,0	13,0	10,0	23,6	12,0	11,6	22,5	7,8	14,7	17,4	8,7	8,7
Молдавская ССР	26,6	16,9	9,7	38,9	11,2	27,7	29,2	6,4	22,8	18,9	7,4	11,5
Латвийская ССР	19,3	15,7	3,6	17,0	12,4	4,6	16,7	10,0	6,7	14,0	11,1	2,9
Киргизская ССР	33,0	16,3	16,7	32,4	8,5	23,9	36,9	6,1	30,8	30,1	7,5	22,6
Таджикская ССР	30,6	14,1	16,5	30,4	8,2	22,2	33,5	5,1	28,4	34,7	6,1	28,6
Армянская ССР	41,2	13,8	27,4	32,1	8,5	23,6	40,1	6,8	33,3	22,8	5,2	17,6
Туркменская ССР	36,9	19,5	17,4	38,2	10,2	28,0	42,4	6,5	35,9	34,3	7,0	27,3
Эстонская ССР	16,1	17,0	-0,9	18,4	14,4	4,0	16,6	10,5	6,1	15,5	11,3	4,2
СССР в целом	31,2	18,0	13,2	26,7	9,7	17,0	24,9	7,1	17,8	17,0	8,1	8,9

век в 1940 г. ⁵, 7,6 — 14,4 в 1950 г., 6,0 — 10,5 в 1960 г., 5,2—11,3 в 1969 г. В показателях смертности мы не можем обнаружить какой-либо связи с этнической принадлежностью населения.

Совсем по-другому обстоит дело с рождаемостью. Показатели 1940 г. опровергают широко бытующие представления о том, что с давних времен в Средней Азии и на Кавказе уровень рождаемости был намного выше, чем в остальных районах страны; в этом году лишь в Армянской и Казахской ССР данный показатель был значительно выше среднего союзного, а в Эстонской и Латвийской — намного ниже (последние две республики в течение многих десятилетий действительно отличаются низким уровнем рождаемости). Мало что изменилось и в 1950 г., когда группу республик с высокой рождаемостью вошли Молдавская и Туркменская ССР. Лишь после 1950 г. начинается резкая дифференциация уровней рождаемости между среднеазиатскими и закавказскими республиками (без Грузинской ССР, где рождаемость никогда не была особенно высокой) и остальными районами СССР: в первых она продолжает расти, а во вторых — падать. После 1960 г. начинается общее снижение рождаемости, однако в первой группе республик оно происходит менее быстрыми темпами. В результате, в 1969 г. рождаемость в среднеазиатских республиках и Азербайджане (в Армянской ССР в последние годы она резко снизилась) была в два раза выше, чем в остальных республиках.

По уровню рождаемости в последнее десятилетие все союзные республики можно свести в четыре группы (см. табл. 8).

Таблица 8

**Колебания уровня рождаемости по группам республик
(на 1000 чел. населения)**

Республики	1960 г.	1969 г.
1. Среднеазиатские, Казахстан, Азербайджан	33,5—42,7	23,5—34,7
2. Грузия, Армения и Молдавия	24,7—40,1	18,7—22,8
3. РСФСР, Украина, Белоруссия, Литва	20,5—24,4	14,2—17,4
4. Эстония, Латвия	16,6—16,7	14,0—15,5

В целом же естественный прирост населения в среднеазиатских республиках колебался в 1969 г. от 2,3 до 2,9%, а в прибалтийских республиках, БССР, УССР, РСФСР — от 0,3 до 0,9%. Фактор воспроизводства стал главным для объяснения динамики населения по большинству регионов СССР. Об этом можно судить по следующим данным: с 1959 по 1970 гг. население Средней Азии и Казахстана увеличилось на 9,8 млн. чел., в том числе на 8,6 млн. за счет естественного прироста и на 1,2 млн. — за счет переезда сюда населения из других республик.

Какие же причины влияют на изменение уровня рождаемости населения в различные годы у различных народов? Если причины, от которых зависят колебания смертности, достаточно ясны (это уровень социально-экономического развития того или иного народа, благосостояние населения, развития системы здравоохранения, возрастной состав населения и т. д.), то причины, влияющие на изменение уровня рождаемости, установить не так-то легко. По-видимому, различный уровень рождаемости у разных народов связан с бытующими у них общественными традициями и установками, которые определяют брачно-половые отношения (заключе-

⁵ Мы не принимаем во внимание, по-видимому, неполные данные о смертности в Грузии на 1940 г.

чение и расторжение брака, форма брака и семьи, время вступления в брак, ограничение половых отношений и др.), а также отношение самой брачной пары и окружающего коллектива к брачности, плодовитости, бездетности и т. п.⁶ Он меняется в результате социально-экономических преобразований (изменения уровня благосостояния и образования, урбанизации и т. д.).

Поло-возрастной состав. По данным всех переписей населения, женщин в нашей стране было больше, чем мужчин. В табл. 9 показано соотношение полов в разные годы.

Таблица 9

Доля в населении страны женщин и мужчин

Годы	В процентах ко всему населению		Годы	В процентах ко всему населению	
	женщин	мужчин		женщин	мужчин
1897*	51,0	49,0	1950	56,1	43,9
1913	50,3	49,7	1959	55,0	45,0
1926	51,7	48,3	1965	54,3	45,7
1939	52,1	47,9	1970	53,9	46,1

* Данные по Европейской части России.

До революции, однако, разница между численностью мужчин и женщин была сравнительно невелика (в 1913 г. женщин было всего на 1 млн. больше). Положение существенно изменилось после Первой мировой и гражданской войны и, особенно, после Второй мировой войны, вызвавших огромные потери прежде всего среди мужского населения. По данным переписи 1926 г., женщин стало на 5 млн. больше, чем мужчин. Перепись 1959 г. зафиксировала еще больший разрыв между числом женщин и мужчин — женщин оказалось на 20,8 млн. больше, чем мужчин. Следует предположить, что эта диспропорция была еще разительнее сразу же после окончания второй мировой войны (так как в 1959 г., т. е. спустя 14 лет после окончания войны, общее численное соотношение мужчин и женщин должно было несколько выравниваться за счет молодого поколения).

Перепись 1970 г. зарегистрировала некоторое уменьшение разрыва между числом женщин и мужчин — женщин оказалось больше на 19,1 млн. чел. и они составили 53,9% всего населения, вместо 55% в 1959 г. Ясно, что такое соотношение сохраняется исключительно за счет старших возрастов: численность мужчин и женщин в возрасте до 43 лет включительно стала одинаковой, зато женщины 44 лет и старше составляют 64,8% населения в этих возрастных группах. Что касается новорожденных, то у нас, как и во всем мире, мальчиков рождается больше, чем девочек (на 106 мальчиков приходится 100 девочек). Однако вследствие относительно более низкой смертности девочек доля мужчин и женщин к 27—28 годам выравнивается.

В городах доля мужчин несколько больше, чем в селе (соответственно 46,3 и 45,8%). В районах, где развита тяжелая индустрия, процент мужчин выше, а в местностях, где преобладает сельское хозяйство или легкая промышленность, — обычно несколько ниже. Особенно высок процент мужчин в северных и восточных районах страны; в Коми и Якутской АССР, Камчатской и Магаданской областях мужчин уже в 1959 г. было больше, чем женщин.

⁶ Подробно об этом см.: В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 106—184.

Интересные закономерности можно выявить при рассмотрении пола во состава населения по союзным республикам (см. табл. 10).

Оказывается, что до Второй мировой войны при общем преобладании женщин в целом по стране все среднеазиатские республики, Казахстан, Азербайджанская и Армянская ССР имели в составе своего населения женщин меньше, чем мужчин. Причины такого явления коренятся, по видимому, в бесправном положении женщин Востока в прошлом⁷. Сыграла, вероятно, свою роль и индустриализация национальных окраин, сопровождавшаяся переселением в эти районы значительных контингентов населения, в первую очередь мужского.

Таблица 10

Половой состав населения по союзным республикам

	Процент женщин в общей численности населения				Процент женщин в общей численности населения		
	1939 г.	1959 г.	1970 г.		1939 г.	1959 г.	1970 г.
РСФСР	52,8	55,4	54,4	Молдавская ССР	50,4	53,8	53,4
Украинская ССР	52,1	55,6	54,8	Латвийская ССР	52,9	56,1	54,3
Белорусская ССР	51,5	55,5	54,0	Киргизская ССР	49,1	52,8	52,2
Узбекская ССР	48,4	52,2	51,3	Таджикская ССР	48,1	51,3	50,8
Казахская ССР	48,0	52,5	51,9	Армянская ССР	49,5	52,2	51,2
Грузинская ССР	50,1	53,8	53,0	Туркменская ССР	48,4	51,8	50,8
Азербайджанская ССР	48,7	52,4	51,5	Эстонская ССР	53,5	56,1	54,3
Литовская ССР	52,0	54,1	53,1	СССР в целом	52,0	55,0	53,9

В 1959 и 1970 гг. во всех союзных республиках численность женщин была выше численности мужчин. Однако в Средней Азии и Закавказье (исключая Грузию) половая диспропорция не проявлялась так резко как в других районах страны.

В каждой республике имеются различия и в половом составе городского и сельского населения. И хотя почти повсюду мужчины составляют более высокий процент в городах, чем в сельской местности, эта разница по отдельным республикам заметно варьирует. Наибольшая разница характерна для Украины, где доля мужчин в городских поселениях — 46,7%, а в сельской местности — лишь 44,3%. Исключение из отмеченной закономерности составляют Узбекская и Киргизская республики, где доля мужчин в городах ниже, чем в сельской местности.

Возрастной состав. 196 млн. советских людей (или 81% населения страны) родились после Октябрьской революции. В последнее тридцатилетие возрастная структура СССР изменилась следующим образом (в %):

	1939 г.	1959 г.	1970 г.
до 15 лет	37,7	30,4	30,9
16—59 лет	55,5	60,2	57,3
60 лет и старше	6,8	9,4	11,8

Отмеченные изменения возрастного состава являются следствием увеличения средней продолжительности жизни и колебаний уровня рождаемости в различные годы. Несмотря на то, что общий процент детей в возрасте до 15 лет был в 1959 и 1970 гг. примерно одинаков, возрастной состав детей претерпел за эти годы существенные изменения. Так, в результате наблюдавшегося в последнее время снижения рождаемости процент детей до 4 лет уменьшился с 11,7 в 1959 г. до 8,5 в 1970 г. Зато более вы-

⁷ Почти во всех странах Зарубежной Азии женщин и сейчас намного меньше чем мужчин (в Пакистане их 47,4%, на Цейлоне — 47,5, в Китае 48,2, в Индии — 48,5% всего населения). Что касается Европы и Америки, то здесь в большинстве стран процент женщин выше, чем мужчин, что объясняется большей средней продолжительностью жизни женщин, а для европейских стран также потерями среди мужского населения в годы войны. В Африке численность женщин примерно равна численности мужчин.

сокий уровень рождаемости в 1955—1960 гг. привел к тому, что сейчас детей в возрасте 10—15 лет больше, чем их было в 1959 г. на 9,5 млн.

В возрастной пирамиде населения СССР имеются три явно выраженные аномалии. Сильное влияние на возрастную структуру оказали войны, которые не только привели к значительным прямым потерям, но и обусловили сокращение рождаемости и естественного прироста. Резкое сокращение рождаемости в 1914—1920 гг. и 1941—1945 гг. отразилось в том, что в 1970 г. удельный вес возрастных групп 50—54 и 25—29 лет был относительно мал. Снижение рождаемости в начале 1930-х годов (следствие индустриализации страны и связанных с ней интенсивных миграционных процессов, а также трудностей в перестройке сельского хозяйства на социалистический лад) привело к снижению удельного веса лиц в возрасте 35—39 лет.

Следует подчеркнуть непрерывное и довольно быстрое увеличение числа лиц старших возрастов, что является следствием больших усилий, предпринимаемых в нашей стране по подъему народного здравоохранения. Число лиц в возрасте 60 лет и старше увеличилось с 13,0 млн. в 1939 г. до 19,7 млн. в 1959 г. и 28,5 млн. в 1970 г., т. е. выросло за 30 лет в 2,2 раза. В СССР высок процент долгожителей. В 1959 г. на 100 тыс. чел. приходилось 10 чел. в возрасте 100 лет и старше (в США — только 3, в Англии — 0,6, в Японии — 0,1). Больше всего долгожителей на Кавказе.

Вследствие значительно большей средней продолжительности жизни у женщин по сравнению с мужчинами и в связи с большими потерями мужского населения во время войны в Советском Союзе на каждые 1000 женщин старше 60 лет приходится только 477 мужчин. Следует отметить одну особенность возрастной структуры: среди сельских жителей доля лиц старших возрастов (60 лет и старше) значительно выше, чем среди городских. В 1959 г. она составляла у первых 10,9%, а у вторых лишь 7,8% всего населения⁸.

Различия в возрастной структуре населения по отдельным республикам зависят главным образом от структуры воспроизводства. Республики с высокой рождаемостью отличаются повышенной долей детских возрастов. Так, в 1959 г. во всех Среднеазиатских республиках процент детей (до 15 лет) приближался к 40, а в Эстонии и Латвии он не составлял и 25 (в РСФСР он был равен 29,9, в Украинской ССР — 27,1)⁹. Что касается старших возрастов (60 лет и выше), то здесь наблюдается противоположная картина: в Эстонии и Латвии доля лиц этих возрастов была почти в два раза выше, чем в Среднеазиатских республиках.

Уровень образования

Данные о современном уровне образования населения свидетельствуют об огромных успехах нашей страны в развитии культуры.

В СССР практически ликвидирована неграмотность. Первые данные о проценте грамотных в нашей стране были получены после проведения переписи 1897 г. Тогда грамотных оказалось лишь 28,4% населения (40,3% среди мужчин и 16,6% среди женщин)¹⁰. Еще ниже был уровень грамотности среди сельских жителей — в среднем 23,8% (35,5% у мужчин и 12,5% у женщин). Почти поголовно неграмотным было коренное население Средней Азии, Крайнего Севера и других окраин царской России.

Уже в первые годы Советской власти в результате развертывания культурной революции доля неграмотных существенно понизилась. Так, к 1926 г. процент грамотных по сравнению с 1897 г. увеличился вдвое, а среди женщин — в 2,6 раза. Перед Отечественной войной процент негра-

⁸ Данные на 1970 г. пока не опубликованы.

⁹ Данные на 1970 г. пока не опубликованы.

¹⁰ Все сведения о грамотности даются для лиц в возрасте 9—49 лет.

мотных составлял уже 12,6, а в 1959 г. только 1,5. Перепись 1970 г. учла всего лишь 170 тыс. неграмотных мужчин и 269 тыс. женщин, причем это были преимущественно лица, не имевшие возможности посещать школы по причине физических недостатков или хронической болезни.

В 1969/1970 учебном году в СССР различными видами образования была охвачена почти одна треть населения (78 640 тыс. чел.). Быстро растет число студентов высших и учащихся средних специальных учебных заведений. По сравнению с довоенным временем численность обучающихся в высших учебных заведениях увеличилась в 5,6 раза, а в средних специальных учебных заведениях в 4,4 раза.

С каждым годом растет контингент лиц, имеющих высшее и среднее образование. За короткий период в 11 лет (с 1959 по 1970 гг.) число лиц с высшим или средним образованием ¹¹ увеличилось на 62%, а с законченным высшим — более чем в два раза (на 119%). Сейчас в СССР на

Таблица 11

Уровень образования населения по союзным республикам

	На 1000 человек (в возрасте 10 лет и старше) приходилось лиц с высшим или средним образованием		В 1970 г. увеличилось по сравнению с 1939 г. (в %)
	1939 г.	1970 г.	
СССР	108	483	447
РСФСР	109	489	449
Украинская ССР	120	494	412
Белорусская ССР	92	440	478
Узбекская ССР	55	456	829
Казахская ССР	83	470	566
Грузинская ССР	165	554	336
Азербайджанская ССР	113	471	417
Литовская ССР	81	382	472
Молдавская ССР	57	397	696
Латвийская ССР	176	517	294
Киргизская ССР	46	452	983
Таджикская ССР	40	420	1050
Армянская ССР	128	516	403
Туркменская ССР	65	475	731
Эстонская ССР	161	506	314

каждую тысячу жителей в возрасте 10 лет и старше 483 человека имеют высшее или среднее образование (среди работающего населения эта цифра достигает 653). Характерно, что доля лиц, имеющих высшее или среднее образование у мужчин и женщин со временем сближается (соответственно 522 и 452 на 1000 человек старше 10 лет в 1970 г.); у работающих же мужчин и женщин она стала практически одинаковой.

Постепенно сближается уровень образования городских и сельских жителей. Как известно, этот уровень всегда был намного ниже на селе. В 1939 г. в сельской местности на 1000 человек старше 10 лет приходилось 52 человека с высшим или средним образованием (т. е. в 4,2 раза меньше чем в городах) и лишь 2 человека с высшим образованием (т. е. в 9,5 раза меньше чем в городах). К 1970 г. доля лиц, имеющих высшее или среднее образование, увеличилась в сельской местности в 6,4 раза, а процент лиц с высшим образованием — в 7 раз; в настоящее время в сельской местности на каждую 1000 жителей приходится 322 человека с высшим или средним образованием (в городах — 522) и 14 человек с высшим образованием (в городах — 62). Таким образом, различие в уровне образования городских и сельских жителей заметно сгладилось,

¹¹ Здесь и в дальнейшем имеется в виду как полное, так и неполное среднее образование.

хотя по числу лиц, имеющих высшее образование, сельская местность продолжает еще довольно сильно отставать.

За годы Советской власти и особенно после Отечественной войны резко возрос образовательный уровень населения ранее отсталых национальных районов страны. Изменения уровня образования по союзным республикам показаны в табл. 11.

Что касается автономных республик, то сейчас более половины их имеет более высокий средний образовательный уровень работающего населения, чем СССР в целом. Особенно высок этот уровень в Аджарской, Абхазской, Северо-Осетинской, Татарской, Коми и Карельской АССР.

Интересно сопоставить по основным национальностям нашей страны такой показатель, как число студентов высших учебных заведений, приходящееся на 1000 человек данного народа (приводятся сведения на 1969/1970 учебный год; по стране в целом он равен 19):

русские	—21	грузины	—27	киргизы	—17
украинцы	—15	азербайджанцы	—20	таджики	—13
белорусы	—14	литовцы	—18	армяне	—22
узбеки	—16	молдаване	—11	туркмены	—15
казахи	—19	латыши	—16	эстонцы	—18

Как видно, резких колебаний этого показателя по основным народам союзных республик не наблюдается.

Среднее число студентов вузов, приходящееся на 1000 человек коренного населения автономных республик и автономных областей, составляет 14 человек. Выше всего этот показатель у бурят — 34, черкесов — 28, осетин — 27, абхазов — 27, адыгейцев — 26, карачаевцев — 23, балкарцев — 23, якутов — 21.

За годы Советской власти в нашей стране успешно проведена культурная революция. И дело не только в том, что в СССР подготовлены многочисленные квалифицированные кадры для разных отраслей экономики, науки и культуры. Еще большее значение имеет то обстоятельство, что высокого образовательного и культурно-технического уровня достигли как мужчины, так и женщины, как городские, так и сельские жители, как народы центральных районов, так и народы ранее отстававших национальных окраин.

Национальность и родной язык

«Одним из самых крупных завоеваний социализма является практическое осуществление партией **ленинской национальной политики** — политики равенства и дружбы между народами... В истекшие годы под руководством партии были сделаны новые шаги по пути всестороннего развития каждой из братских советских республик, по пути дальнейшего постепенного сближения наций и народностей нашей страны. Это сближение происходит в условиях внимательного учета национальных особенностей, развития социалистических национальных культур... За годы социалистического строительства в нашей стране возникла **новая историческая общность людей — советский народ**»¹².

Советский Союз — одно из самых многонациональных государств мира; его населяют свыше 100 народов, говорящих на языках различных лингвистических групп. Народы эти живут на огромной территории, в разных географических зонах и прошли сложный путь исторического развития, что соответствующим образом преломилось в их обычаях и традициях. До Октябрьской революции народы России находились на разных ступенях социально-экономического развития: если у малых народов Севера преобладал еще родо-племенной быт, то у крупных народов Евро-

¹² «Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза», «Коммунист», 1971, № 5, стр. 60.

пейской части страны господствовали уже развитые капиталистические отношения. Революция положила начало коренным социальным, экономическим и культурно-бытовым преобразованиям. Была перестроена социальная структура общества — ликвидированы сословно-классовые привилегии и частная собственность на средства производства, преодолена замкнутость и культурная разобщенность отдельных социальных слоев.

Индустриализация страны и рост крупных городов, образование национальных автономий, постоянная экономическая помощь отсталым ранее народам — все это привело к ликвидации экономической и культурной отсталости и к выравниванию уровней развития отдельных народов.

Для национального развития народов Советского Союза характерны две основные тенденции: с одной стороны, развитие национальных форм культуры, с другой — сближение социалистических наций в ходе строительства социализма. Особенно усилились процессы культурного взаимодействия между народами в пределах крупных историко-этнографических областей — Средней Азии, Кавказа, Прибалтики, Поволжья и т. д. В результате территориального смещения народов и роста межнациональных браков темпы культурно-бытового сближения все более ускоряются. Это сближение сопровождается широким развитием двуязычия и возрастанием роли русского языка и русской культуры.

Отмеченные тенденции, однако, не означают прекращения действия факторов, связанных с национальным самосознанием людей, их языково-культурными и другими различиями; эти факторы играли и еще длительное время будут играть важную роль в жизни нашего многонационального государства. В связи с таким положением учет национальной и языковой принадлежности населения и изучение национальных процессов имеет первостепенное научное и практическое значение. В частности, трудно переоценить значение анализа языковой ситуации для развития культурного строительства в СССР.

Этим объясняется то обстоятельство, что все советские переписи включали в число своих основных задач определение национального и языкового состава населения. В переписи 1970 г., как и в предыдущих переписях, определение национальной принадлежности опрашиваемых основывалось на их самосознании и осуществлялось постановкой прямого вопроса о национальности. Национальность детей определялась родителями; лишь в случаях, когда отец и мать принадлежали к разным национальностям и затруднялись сами назвать национальность своих детей, рекомендовалось отдавать предпочтение национальности матери. Языковой состав населения определялся постановкой вопроса о родном языке. Если опрашиваемый затруднялся назвать какой-либо язык родным, то в анкете записывался язык, которым он лучше всего владеет или которым обычно пользуется в семье. Родным языком для детей, еще не умеющих говорить, записывали язык, на котором обычно разговаривают в семье. Определялся также второй язык народов СССР, которым свободно владеет опрашиваемый¹³.

Сопоставление материалов переписей СССР показывает, что за годы Советской власти национальный и языковой состав населения нашей

¹³ Нередко во время переписи опрашиваемые вместо национальности указывали принадлежность к той или иной этнографической группе, а вместо родного языка — какой-либо диалект этого языка; иногда счетчикам сообщаются устаревшие или неточные названия национальностей или языка. Для того чтобы привести все эти ответы к общему знаменателю, ЦСУ СССР вместе с соответствующими научными учреждениями (Институт этнографии АН СССР, Институтом языкознания АН СССР и др.) к каждой переписи составлял список национальностей и языков и бытующих этнических и языковых наименований. В списке, подготовленном к переписи 1970 г., отражено более 800 этнических наименований, которым соответствуют 122 основных национальности, и более 300 языковых и диалектных наименований, которым соответствуют 114 языков. Таким образом, при проведении переписи фиксируются все без исключения названия, указываемые опрашиваемыми, разработка же данных ведется лишь по установленным названиям национальностей и языков.

страны претерпел значительные изменения. Изменились общее число народов, учитываемых переписями, численное соотношение разных народов, а также соотношение между национальностями и соответствующими им родными языками.

Национальность. При разработке материалов переписи 1926 г. получили отражение 178 этнических наименований, перепись же 1959 г. выявила только 109 этнических единиц. В опубликованных данных переписи 1970 г. выделен 91 народ, насчитывающий более 10 тыс. чел. каждый; кроме того еще ряд мелких народов включен в графу «другие национальности»¹⁴. Список народов, выделенных в материалах переписи 1970 г., мало отличается от списка переписи 1959 г.; дополнительно в качестве самостоятельного народа выделены только долганы, ранее включавшиеся в состав якутов.

Чем же можно объяснить резкое сокращение числа выделяемых при проведении переписи народов за период с 1926 по 1959 гг.? Куда «исчезли» почти семьдесят этнических общностей (некоторые из них насчитывали более чем по 200 тыс. чел.), выделенные переписью 1926 г. в качестве самостоятельных народов¹⁵?

Дело заключается в том, что за прошедший более чем тридцатилетний период в СССР бурно шли процессы этнической консолидации, заключающиеся в слиянии близкородственных по происхождению, языку и культуре территориальных, родо-племенных и других групп людей в крупные народности и нации. Особенно интенсивно протекали эти процессы в окраинных, прежде отсталых в социально-экономическом отношении районах (Средней Азии и Казахстане, Сибири и др.); в это время из отдельных родо-племенных групп образовались такие крупные нации, как казахская, киргизская, туркменская и др. Кроме того, многие уже сформировавшиеся народы стали более монолитными, различия между отдельными их частями сгладились. Например, поморы, кержаки, отдельные группы казаков, камчадалы к моменту установления Советской власти зачастую еще не осознавали себя частями русского народа и существенно отличались от основной части русских по диалекту, культуре и быту. Теперь же их лишь с большим трудом можно выделить в качестве этнографических групп русского народа. Быстро стираются также различия между бойками, лемками, гуцулами и остальными украинцами; латгальцами и собственно латышами и т. д. В результате таких процессов многие этнические общности, зафиксированные переписью 1926 г., фактически перестали существовать. Так, отсутствие в итоговом списке народов, учтенных переписью 1959 г., мишарей, кряшен и нагайбаков связано со слиянием основной их части с татарами; отсутствие мегрелов, сванов, лазов и аджарцев — их слиянием с грузинами; кипчаков, тюрок и кураминцев — растворением их среди узбекского народа. Малочисленные народности Алтае-Саянского нагорья объединились в два более крупных народа — алтайцев и хакасов. Кашгарцы и таранчи вошли в состав уйгурской народности. Сложнее обстоит дело с андоцескими народами, включенными в состав аварцев, кайтаками и кубачинцами — в состав даргинцев и особенно с памирскими таджиками, включенными в состав таджиков, и талышами — в состав азербайджанцев. Все они постепенно консолидируются с более крупными народами, близкими к ним по культуре, однако до настоящего времени сохраняют некоторые культурно-бытовые особенности и свои родные языки (большинство их двуязычно). Являются ли перечисленные этнические общно-

¹⁴ Опубликованы лишь данные о малых народах Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также Дагестана, численность которых менее 10 тыс. чел.

¹⁵ В материалах переписи 1959 г. имеются два народа, не зафиксированные переписью 1926 г. Из состава адыгейцев были выделены черкесы и из состава ненцев — нганасаны.

Динамика численности основных народов союзных республик*

	Численность в тыс. человек по данным переписей				В 1970 г., в процентах к		
	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.
Русские	77791	100932	114114	129015	165,8	127,8	113,1
Украинцы	31195	35611	37253	40753	...	114,4	109,4
Узбеки	3928	4845	6015	9195	234,1	189,8	152,9
Белорусы	4739	8275	7913	9052	...	109,4	114,4
Казахи	3968	3101	3622	5299	133,5	170,9	146,3
Азербайджанцы	1715	2276	2940	4380	255,4	192,4	149,0
Армяне	1568	2152	2787	3559	227,0	165,4	127,7
Грузины	1821	2250	2692	3245	178,2	144,2	120,6
Молдаване	279	2060	2214	2698	...	131,0	121,9
Литовцы	42	2033	2326	2665	...	131,1	114,6
Таджики	980	1271	1397	2136	218,0	168,1	152,9
Туркмены	764	812	1002	1525	199,6	187,8	152,2
Киргизы	763	885	969	1452	190,3	164,1	149,9
Латыши	151	1628	1400	1430	...	87,8	102,2
Эстонцы	155	1144	989	1007	...	88,0	101,9

* Численность народов на 1926 г. здесь и в дальнейшем дается в границах СССР, существовавших до 17 сентября 1939 г., на остальные годы — в современных границах. В связи с этим мы не подсчитываем процент роста с 1926 г. по 1970 г. по тем народам, которые существенно изменили свою численность в связи с изменением границ (украинцы, белорусы, молдаване, цыгане, венгры, румыны, гагаузы и некоторые другие).

сти этнографическими группами более крупных народов или пока еще самостоятельными народами — вопрос, требующий специального изучения¹⁶.

Большие изменения произошли в численности народов. Для детального рассмотрения этих изменений целесообразно все народы, выделенные переписью 1970 г. сгруппировать в три таблицы. В первой из этих таблиц приводятся данные по основным народам союзных республик во второй — по основным народам автономных республик, автономных областей и национальных округов, в третьей — по народам, не образующим национальных автономий¹⁷.

Из таблиц 12—14 видно, что с 1926 по 1970 гг. более чем в два раза выросла численность азербайджанцев, узбеков, армян, таджиков, ингушей, карачаевцев; на 75—100% — туркмен, киргизов, грузин, кабардинцев, народностей Дагестана, чеченцев, балкарцев, осетин, татар; на 50—75% — русских, башкир, каракалпаков, адыгейцев, чувашей; на 25—50% — казахов¹⁸, хакасов, абхазов, марийцев, удмуртов, бурят; на 10—25% — коми и коми-пермяков, якутов, народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока; менее чем на 10% — алтайцев, калмыков. Численность карелов, мордвы, евреев, поляков, татар и некоторых других народов за этот период несколько уменьшилась.

С 1939 по 1970 г. быстрее всего росла численность азербайджанцев, узбеков, туркмен (она увеличилась более чем на 80%), а также казахов, таджиков, армян и киргизов (увеличилась более чем на 60%). В то же время численность русских выросла всего на 29%, украинцев — на

¹⁶ См. С. И. Брук, В. И. Козлов, Этнографическая наука и перепись населения 1970 г., «Сов. этнография», 1967, № 6.

¹⁷ Полные результаты переписи 1939 г. опубликованы не были. Были сообщены данные о численности только 62 народов. Поэтому мы используем данные переписи 1939 г. для характеристики динамики численности основных народов лишь в союзных республиках.

¹⁸ Численность казахов переписью 1926 г. была несколько преувеличена, так как в состав этого народа были неправильно включены некоторые родо-племенные группы киргизов, каракалпаков и узбеков. Если исправить эту ошибку, прирост казахов за период 1926—1970 гг. окажется значительно выше.

Динамика численности основных народов автономных республик, автономных областей и национальных округов

Народы	Численность в тыс. человек по данным переписей			В 1970 г. в процентах к	
	1926 г.	1959 г.	1970 г.	1926 г.	1959 г.
Татары	3311	4968	5931	179,1	119,4
Евреи	2666	2268	2151	...	94,8
Чуваши	1117	1470	1694	151,7	115,3
Народности Дагестана	698	945	1365*	195,6	144,5
Мордва	1340	1285	1263	94,3	98,3
Башкиры	714	989	1240	173,7	125,4
Удмурты	514	625	704	137,0	112,7
Чеченцы	319	419	613	192,2	146,3
Кабардинцы	428	504	599	140,0	118,8
Осетины	272	413	488	179,4	118,2
Коми и коми-пермяки	376	431	475**	126,3	110,2
Буряты	238	253	315	132,4	124,5
Якуты	241	233	296	122,8	127,0
Каракалпаки	140	204	280	200,0	137,3
Ингуши	146	173	236	161,6	136,4
Народности Севера, Сибири и Дальнего Востока	74	106	158	213,5	149,0
Карелы	131	130	151***	115,3	116,2
Тувинцы	248	167	146	58,9	87,4
Калмыки	...	100	139	...	139,0
Карачаевцы	132	106	137	103,8	129,3
Адыгейцы	55	81	113	205,5	139,5
Абхазы	65****	80	100	215,4	125,0
Хакасы	57	65	83	145,6	127,7
Балкарцы	46	57	67	145,7	117,6
Алтайцы	33	42	60	181,8	142,9
Черкесы	51	45	56	109,8	124,5
...	****	30	40	...	133,3

* Всего в материалах переписи 1970 г. выделено 10 народностей Дагестана; их численность (в тыс. человек) такова: аварцы — 396, лезгины — 324, даргинцы — 231, кумыки — 189, лакцы — 86, табасараны — 65, ногойцы — 52, рутульцы — 12, цахуры — 11, агулы — 8,8. По сравнению с 1959 г. численность всех этих народов увеличилась примерно одинаково — от 40 до 50%.

** В том числе коми — 322 тыс. и коми-пермяки — 153 тыс. человек. Численность первых по сравнению с 1959 г. увеличилась на 12,1%, вторых — на 6,6%.

*** Всего в материалах переписи 1970 г. пока опубликованы данные по 19 народностям Севера, Сибири и Дальнего Востока; их численность (в тыс. человек) такова: ненцы — 29, эвенки — 25, ханты — 21, чукчи — 14, эвены — 12, нанайцы — 10, манси — 7,7, коряки — 7,5, долганы — 4,9, ринки — 4,4, селькупы — 4,3, ульчи — 2,4, саамы — 1,9, удэгейцы — 1,5, ительмены — 1,3, кеты — 1,2, орочи — 1,1, нганасаны — 1,0, юкагиры — 0,6. По сравнению с 1959 г. численность большинства этих народов увеличилась на 10—20%. Исключение составляют эвенки, почти не увеличившие своей численности, а также ненцы и эвены, численность которых выросла соответственно на 24,8 и 31,9%. Возможно, что некоторые этнографические группы, включавшиеся ранее в состав эвенков, были отнесены при проведении переписи 1970 г. к эвенкам.

**** Черкесы в переписи 1926 г. были включены в состав адыгейцев.

15%, белорусов — на 9%, а численность латышей, эстонцев, мордвы, евреев и некоторых других народов даже уменьшилась.

Наибольшие различия в приросте численности отдельных народов характерны для периода между двумя последними переписями населения. Группа народов, больше всего увеличивших свою численность с 1959 по 1970 г. (как указывалось выше, в среднем по стране население возросло за это время на 15,8%), приведена в табл. 15.

Показатели среднегодового прироста этих народов Средней Азии и Кавказа настолько высоки, что в мире трудно найти значительные этнические группы населения, для которых был бы характерен такой высокий прирост. Значительно выше среднего по стране прирост у тувинцев, карачаевцев, кабардинцев, каракалпаков, цыган, черкесов, калмыков, армян, абхазов, якутов, гагаузов, адыгейцев, башкир, абазинцев (за 11 лет — от 25 до 40%).

Динамика численности народов, не образующих национальных автономий

Народы	Численность в тыс. человек по данным переписей			В 1970 г. в процентах к		Народы	Численность в тыс. человек по данным переписей			В 1970 г. в процентах к	
	1926 г.	1959 г.	1970 г.	1926 г.	1959 г.		1926 г.	1959 г.	1970 г.	1926 г.	1959 г.
Немцы	1239	1620	1846	149,0	114,0	Финны	135	93	85	...	91,5
Поляки	782	1380	1167	...	84,6	Турки	9	35	79	...	225,7
Корейцы	87	314	357	...	113,7	Дунгане	15	22	39	260,0	177,2
Болгары	111	324	351	...	108,3	Иранцы					
Греки	214	309	337	157,5	109,1	(персы)	53	21	28	52,8	133,2
Цыгане	61	132	175	...	132,6	Абазины	14	20	25	178,6	125,0
Уйгуры	66	95	173	262,1	182,1	Ассирийцы	10	22	24	240,0	109,1
Венгры	6	155	166	...	107,1	Чехи	17	25	21	123,5	84,9
Гагаузы	1	124	157	...	126,6	Таты	29	11	17	58,6	154,5
Румыны	5	106	119	...	112,3	Шорцы	13	15	16	123,1	106,7
Курды	69	59	89	129,0	150,8	Словаки	10	15	12	120,0	80,9

Таблица 15

Рост численности народов

Народы	Рост за 11 лет	Среднегодо- вой прирост	Народы	Рост за 11 лет	Среднегодо- вой прирост
	в процентах			в процентах	
Таджики	52,9	3,95	Ингуши	49,0	3,65
Узбеки	52,9	3,95	Казахи	46,3	3,5
Туркмены	52,2	3,9	Чеченцы	46,3	3,5
Киргизы	49,9	3,75	Народности Дагестана	44,5	3,4
Азербайджанцы	49,0	3,65	Балкарцы	42,9	3,3

Таблица 16

Удельный вес народов в населении страны

Народы или группы народов	Доля в населении страны в процентах		Народы или группы народов	Доля в населении страны в процентах	
	1959 г.	1970 г.		1959 г.	1970 г.
Русские	54,7	53,4	Народы Поволжья	4,9	4,9
Украинцы	17,8	16,9	Народы Кавказа	5,2	6,1
Белорусы	3,8	3,7	Народы Средней Азии и Казахстана	6,5	8,5
Народы Прибалтики	2,3	2,1	Другие народы	4,8	4,4

Среднегодовой прирост среди русских и белорусов несколько ниже, а среди украинцев даже значительно ниже, чем среднегодовой прирост по стране в целом; весьма низкий прирост характерен для латышей и эстонцев. Имеется несколько народов, численность которых сократилась.

В результате различий в приросте изменился удельный вес отдельных народов в населении страны (см. табл. 16).

В результате изменился также удельный вес народов, принадлежащих к различным лингвистическим группам. Так, доля народов славянской группы снизилась с 77,1% в 1959 г. до 74,6% в 1970 г., а доля народов тюркской группы наоборот возросла соответственно с 11,1% до 13,4%.

Причины, обуславливающие разницу в росте численности народов, весьма многообразны. Важнейшими из них являются: неодинаковый ес-

естественный прирост у разных народов (который фактически сводится к различному уровню рождаемости, так как различия в уровне смертности у подавляющего большинства народов страны невелики) и процессы естественной ассимиляции (растворение разнородных этнических групп в инациональной среде). Процессами этнической ассимиляции, которые в советское время потеряли прежний противоречивый характер и являются естественным результатом тесных экономических и культурных связей, затронуты прежде всего группы, имеющие разбросанный характер расселения или оторванные от основного этнического массива и живущие в окружении других народов. Особенно быстро ассимиляционные процессы протекают в городах, где чаще встречаются межнациональные браки и скорее происходит переход с одного языка на другой.

Неравномерный рост численности народов обусловлен в какой-то мере и последствиями Второй мировой войны. Как известно, от нее больше всего пострадали народы, расселенные на территории, временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками. Значительная часть мирного населения в этих местах была истреблена; кроме того, здесь упала рождаемость и возросла смертность. После войны в этих районах в течение длительного времени сохранялась неблагоприятная половозрастная структура населения и, как следствие этого, — пониженная, по сравнению с другими районами, рождаемость. Влияние на изменение численности народов оказала и взаимная репатриация населения из пограничных районов СССР и стран Восточной Европы, а также репатриация около 200 тыс. армян из стран Ближнего Востока и Европы.

Новые переписи нередко вносят определенные коррективы в установление этнической принадлежности отдельных групп населения. Выше уже говорилось об ошибочном включении в состав казахов некоторых групп соседних народов во время переписи 1926 г. Тогда же в состав ительменов были включены камчадалы, являющиеся в действительности этнографической группой русского народа. По-видимому, часть населения западных районов БССР и УССР, говорившая на белорусском и украинском языках, но исповедовавшая прежде униатскую религию, причислила себя в 1959 г. к полякам, а в 1970 г. — к белорусам и украинцам. Значительные колебания в численности малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока можно частично также объяснить тем, что одна и та же группа вначале включалась в состав одного народа, а затем — в состав другого.

Если же говорить об изменении численности народов только за период между двумя последними переписями, то здесь решающую роль, безусловно, сыграл неодинаковый уровень рождаемости. Наряду с этим, процессы ассимиляции оказали существенное влияние на динамику численности некоторых народов Поволжья и Европейского Севера (в первую очередь мордвы, удмуртов, карелов, финнов, коми и коми-пермяков), а также евреев и поляков. Это те народы, которые особенно сильно смешиваются с другими этносами, главным образом соседними. Не случайно, что численно меньше всего выросли или даже сократились как раз народы, у которых наблюдается наименьший процент лиц, считающих родным языком язык своей национальности, и наибольший процент лиц, свободно владеющих вторым языком народов СССР.

Неодинаковый прирост, наблюдаемый у различных народов, и в меньшей степени миграции населения и процессы ассимиляции, привели к некоторому изменению национального состава союзных республик. Этот состав в обобщенном виде показывает табл. 17, в которой приведен материал о четырех (для РСФСР и Украины — трех) крупнейших народах каждой республики: коренном народе, русских, украинцах и наиболее крупном из остальных народов.

**Удельный вес крупнейших народов
(в процентах к населению республик)**

	1959 г.				1970 г.			
	Корен- ный на- род	Рус- ские	Укра- инцы	Наиболее крупный из остальных народов*	Корен- ный на- род	Рус- ские	Укра- инцы	Наиболее крупный из остальных народов*
РСФСР	83,3		2,9	3,5	82,8		2,6	3,7
Украинская ССР	76,8	16,9		2,0	74,9	19,4		1,6
Белорусская ССР	81,1	8,2	1,7	6,7	81,0	10,4	2,1	4,3
Узбекская ССР	61,1	13,5	1,1	5,4	64,7	12,5	1,0	4,8
Казахская ССР	29,8	43,2	8,3	2,1	32,4	42,8	7,2	2,2
Грузинская ССР	64,3	10,1	1,3	11,0	66,8	8,5	1,1	9,7
Азербайджанская ССР	67,5	13,6	0,7	12,0	73,8	10,0	...	9,4
Литовская ССР	79,3	8,5	0,7	8,5	80,1	8,6	0,8	7,7
Молдавская ССР	65,4	10,2	14,6	3,3	64,6	11,6	14,2	3,5
Латвийская ССР	62,0	26,6	1,4	2,9	56,8	29,8	2,3	4,0
Киргизская ССР	40,5	30,2	6,6	10,6	43,8	29,2	4,1	11,3
Таджикская ССР	53,1	13,3	1,4	23,0	56,2	11,9	1,1	23,0
Армянская ССР	88,0	3,2	0,3	6,1	88,6	2,7	...	5,9
Туркменская ССР	60,9	17,3	1,4	8,3	65,6	14,5	1,6	8,3
Эстонская ССР	74,6	20,1	1,3	1,4	68,2	24,7	2,1	1,4

* Для РСФСР, Узбекской ССР, Казахской ССР—это татары; Украинской ССР—евреи; Белорусской ССР и Литовской ССР—поляки; Грузинской ССР, Азербайджанской ССР—армяне; Молдавской ССР—гагаузы; Латвийской ССР—белорусы; Киргизской ССР, Таджикской ССР, Туркменской ССР—узбеки; Армянской ССР—азербайджанцы; Эстонской ССР—финны.

В связи с тем, что русские составляют важный компонент населения каждой республики, интересно проанализировать, как менялась их численность в каждой из республик (см. табл. 18).

Таблица 18

Численность русских по республикам в тыс. чел.

	1959 г.	1970 г.	1970 г. в про- центах к 1959 г.
СССР	114114	129015	113,1
РСФСР	97864	107748	110,1
Украинская ССР	7091	9126	128,7
Белорусская ССР	660	938	142,1
Узбекская ССР	1114	1496	134,3
Казахская ССР	3950	5500	139,2
Грузинская ССР	408	397	97,3
Азербайджанская ССР	501	510	101,8
Литовская ССР	231	268	116,0
Молдавская ССР	293	414	141,3
Латвийская ССР	556	705	126,8
Киргизская ССР	624	856	137,2
Таджикская ССР	263	344	130,8
Армянская ССР	56	66	117,9
Туркменская ССР	263	313	119,0
Эстонская ССР	240	335	139,6

Из таблицы видно, что численность русских немного уменьшилась в Грузии и лишь незначительно увеличилась в Азербайджане. Во всех же остальных республиках (кроме РСФСР) она возросла намного больше, чем это можно было ожидать, учитывая естественный прирост русских. Если условно принять этот прирост одинаковым для всех республик и не учитывать действия других факторов, то окажется, что за 11 лет почти 1,5 млн. русских переехали в Среднюю Азию и Казахстан, свыше

1,0 млн. — на Украину, около 200 тыс. — в Белоруссию, 250 тыс. — в Прибалтику. В действительности же эти цифры, по-видимому, несколько ниже, особенно для Средней Азии и Казахстана, в связи с тем, что в районах высокой рождаемости этот показатель повышается и у прибывающего населения (в связи с тем, что в миграционных процессах участвует более молодые контингенты населения)¹⁹. Вполне вероятно, что и на Украину переехало меньше русских, чем получается по исчислению: ведь еще в 1959 г. свыше 2 млн. украинцев на территории УССР указали своим родным языком русский, часть из них (или их детей) за прошедшее время могла сменить и свое национальное самосознание.

Несмотря на приток русских извне, их удельный вес сократился во всех республиках Средней Азии и Казахстана. Эта тенденция в еще большей мере проявляется в республиках Закавказья, куда притока русских не было. Во всех остальных республиках, где коренное население растет не очень быстрыми темпами, доля русских значительно увеличилась. Несколько уменьшился удельный вес русских в РСФСР.

В результате взаимодействия трех факторов (они названы в порядке значимости) — неодинакового уровня рождаемости, миграций населения и ассимиляционных процессов в одних союзных республиках удельный вес коренных народов увеличился (республики Средней Азии и Закавказья, Казахстан, Литва), в других — уменьшился.

Родной язык. В большинстве случаев численность каждой национальности близка к численности лиц, указавших в качестве родного язык, соответствующий этой национальности. 93,9% всего населения страны указали в переписных анкетах 1970 г. родным языком язык своей национальности. Лиц, указавших в качестве родного языка язык другой национальности, оказалось 14,7 млн. человек. Из них 13 млн. назвали в качестве родного языка русский, другие — украинский, белорусский, татарский, грузинский, таджикский, узбекский и др. Очень высок процент людей с родным языком своей национальности среди основных народов союзных республик — обычно он превышает 95%. У армян, почти две пятых которых живет за пределами своей республики, этот процент снижается до 91,4, а у белорусов и украинцев — до 80,6 и 85,7 соответственно.

Процент лиц с родным языком своей национальности среди основных народов автономных республик и автономных областей колеблется в больших пределах, однако, как правило, он все же достаточно высок (лишь среди башкир, карелов, мордвы, удмуртов, хакасов, коми и коми-пермяков число таких лиц составляет менее 85%). Совсем другое положение мы наблюдаем у народов, расселенных разбросанно. Среди евреев (лишь небольшая часть которых живет в Еврейской автономной области) считает родным язык своей национальности 17,7%, среди поляков — 32,5%, иранцев (персов) — 36,9%, греков — 39,3%, финнов — 51,0% и т. д.

Несмотря на значительное распространение русского языка, данные о соотношении национальности и родного языка изменились за 11 лет мало. Объясняется это, по-видимому, включением в программу переписи вопроса о владении вторым языком народов СССР. Опрашиваемые оказались как бы свободнее в своем выборе и могли указывать родным язык своей национальности даже в том случае, если они знали его несколько хуже русского.

Кроме 13 млн. человек из числа нерусских народов, указавших при переписи в качестве родного русский язык, еще 41,9 млн. человек назвали его в качестве второго языка, которым свободно владеют. Таким

¹⁹ Такое предположение хорошо согласуется с материалами ЦСУ, в которых указано, что с 1959 г. по 1970 г. в Среднюю Азию и Казахстан переехало 1200 тыс. чел. из других союзных республик.

образом, 54,9 млн. человек, или почти половина нерусского населения СССР свободно владеет русским языком. Всего же русский язык хорошо знает 76% всего населения страны.

Интересно отметить, что два рассмотренных явления — переход на другой язык и знание второго языка — тесно связаны между собой. Народы, у которых высок удельный вес лиц, перешедших на другой язык, имеют также высокий процент лиц, знающих другой язык. Оба эти показателя наиболее низки у основных народов союзных республик, более высоки у основных народов автономных республик и автономных областей, самые высокие — у остальных народов.

Русский язык играет важную роль в процессе сближения народов СССР. Кроме того, овладение этим языком помогает всем народам страны приобщиться к достижениям передовой науки и культуры.

Итоги переписи населения свидетельствуют об огромных успехах, достигнутых советским народом за последнее десятилетие. Ее материалы будут использованы для решения многих задач, стоящих перед нашими странами.

Использованные материалы

1. «Годы роста. Сообщение ЦСУ СССР о предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1970 г.», газ. «Известия», № 93, 18 апреля 1970 г.
2. «Страна Советов: биография роста. Сообщение ЦСУ СССР о возрастной структуре, уровне образования, национальном составе, языках и источниках существования населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.», газ. «Известия», № 90, 16 апреля 1971 г.
3. «ЦСУ СССР, Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. XVII, М., 1929.
4. «Народы СССР (краткий справочник)», М.—Л., 1958.
5. «ЦСУ СССР, Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. (СССР)», М., 1962.
6. «Численность и расселение народов мира», («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962.
7. «Население земного шара (справочник по странам)», М., 1965.
8. «ЦСУ СССР, Народное хозяйство СССР в 1968 г. (статистический ежегодник)», М., 1969.
9. «ЦСУ СССР, Народное хозяйство СССР в 1969 г. (статистический ежегодник)», М., 1970.
10. «Женщины в СССР». «Вестник статистики», 1971, № 1.
11. «Численность населения, естественное движение населения, браки и разводы в СССР», «Вестник статистики», 1971, № 2.
12. «Рождаемость, смертность, естественный прирост населения по крупным городам СССР», «Вестник статистики», 1971, № 3.

ETHNO-DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE USSR (AS SHOWN IN THE 1970 CENSUS DATA)

On January 15, 1970 the regular population census was taken in the USSR; its first results have been published recently. The Census will provide practical workers and scientists with extensive data for planning the further development of our country. Comparison with materials of earlier censuses permits detailed analysis of the processes taking place in the Soviet population and forms a base for compiling well-founded projections for the future.

The article gives an analysis of the Census results which characterize the trends of the population, its geographical distribution, demographic changes, educational levels, ethno-linguistic processes. Data from several censuses (those of 1926, 1939, 1959 and 1970), as well as current vital statistics, are drawn upon to characterize changes in the numbers and density of the population, urbanization, reproduction (birth, death and increase rates), sex and age composition, literacy, educational level, ethnic and linguistic composition which have taken place in the Soviet period, and especially after the Second World War, in the country as a whole, as well as in the Union republics and autonomous republics and regions. Particular consideration is given to the differences in these changes between various regions and to the elucidation of the reasons for such wide differences.

Т. А. Жданко

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

(ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ СОСТАВЛЕНИЯ)

Этнография, как и другие общественные науки, для дальнейшего своего развития, творческой разработки крупных теоретических проблем требует создания прочной научной источниковедческой базы, совершенствования методики, развертывания фундаментальных исследований. В свете этих задач все большее значение приобретает работа по составлению и изданию историко-этнографических атласов. Это один из важнейших видов обобщающих этнографических трудов, и в то же время свод накопившихся со времени зарождения этнографической науки сведений по истории культуры и быта народов. Подготовка атласов сопровождается тщательным учетом, систематизацией и группировкой этнографических материалов, расширением круга источников, заполнением пробелов в изученности отдельных территорий.

Основная специфика атласа — картографирование, дает возможность с наибольшей научной эффективностью использовать полевые этнографические материалы многочисленных экспедиций, музейные собрания, архивные источники, данные анкетных обследований, статистические и другие массовые сведения, сбору которых этнографы в настоящее время придают первостепенное значение.

Роль картографирования в научных изысканиях хорошо известна. Этот метод теперь широко применяется в области общественных наук, в частности — исторических. Картографирование для этнографа, историка, археолога, языковеда отнюдь не только фиксация территориального распространения тех или иных предметов или явлений; это особая форма научного исследования, точного и объективного, «графический метод изображения на определенный период различных аспектов исторического процесса»¹. Составление этнографических карт открывает широкие возможности для сопоставлений, выявления связей в материальной и духовной культуре разных народов, сравнительно-исторического анализа. В историкоэтнографических атласах исследуются сложные научно-теоретические проблемы, главным образом этногенетического и историко-культурного характера.

Преимущества метода этнографического картографирования хорошо освещены в литературе и обсуждались на многих научных сессиях и конференциях, посвященных составлению этнографических атласов — в зарубежных странах и в СССР. Уже давно ведется работа по подготовке к изданию атласов в Польше, ФРГ, Югославии, Австрии, Швейцарии, Венгрии, Финляндии, Швеции и других странах. С участием советских этнографов готовится Европейский историко-этнографический атлас². На VII Международном конгрессе антропологических и этнографи-

¹ С. И. Брук, М. Г. Рабинович, Историко-этнографические атласы, «Сов. этнография», 1964, № 4, стр. 102.

² См.: С. И. Брук, С. А. Токарев, Проблемы составления Европейского историко-этнографического атласа, «Сов. этнография», 1966, № 5, стр. 91—101.

ческих наук (Москва, 1964) состоялся симпозиум по методике составления историко-этнографических атласов³; на следующем, VIII Конгрессе (Токио и Киото, 1968) большой интерес вызвал доклад советских этнографов о принципах и методах составления региональных историко-этнографических атласов в СССР⁴.

* * *

Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана — один из серии региональных атласов⁵,готавливаемых Институтом этнографии АН СССР в сотрудничестве с республиканскими научными учреждениями⁶.

Вопрос о его составлении начал обсуждаться еще в 1950-х гг. В годы появился в печати ряд статей о задачах и типе среднеазиатского атласа, о его структуре, содержании, источниках⁷. Авторы статей в своих проектах опирались на опыт создания двух этнографических атласов, тогда еще не опубликованных — Сибирского, охватившего обширный регион, населенный многими народами, и Русского, посвященного одному крупному народу⁸. Они склонялись к варианту регионального атласа, и более перспективного с точки зрения научно-исследовательских задач, при условии, чтобы в нем были с достаточной полнотой показаны и все образные черты традиционной культуры каждого народа.

В 1956 г. второе совещание археологов и этнографов Средней Азии состоявшееся в Душанбе, приняло решение начать совместную подготовку этого капитального коллективного труда⁹. Вскоре Институтом этнографии АН СССР были изданы программы сбора материалов к Среднеазиатскому атласу по темам «Одежда» и «Жилище»¹⁰. В 1961 г. вышел в свет сборник «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана», со статьями этнографов и археологов, программами и картами¹¹. Деятельно включились в работу этнографы респуб.

³ «Труды VII Международного Конгресса антропологических и этнографических наук», т. 8, М., 1970, стр. 511—534.

⁴ С. М. S. I. Bruck, W. K. Gardanow, K. G. Guslisty, M. G. Rabinowitsch, T. A. Shdanko, L. N. Terentijewa, Grundsätze und Methoden beim Zusammenstellen regionaler geschichtlich-ethnographischer Atlanten in der UdSSR, «Proceedings VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, 1968, Tokyo and Kyoto», vol. II, pp. 3—6.

⁵ В настоящее время ведется работа над региональными атласами: 1. Юго-западного региона (Украина, Белоруссия, Молдавия); 2. Северо-западного региона (Прибалтика — Литва, Латвия, Эстония); 3. Кавказа (Северный Кавказ и Закавказье — Грузия, Армения, Азербайджан); 4. Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Туркмениция) и Казахстана.

⁶ В авторском коллективе этого атласа участвуют, помимо сотрудников Московской и Ленинградской частей Института этнографии АН СССР, этнографы Академий наук республик Средней Азии и Казахстана, сотрудники отдела Средней Азии Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград), кафедры этнографии МГУ и некоторых других научных учреждений.

⁷ См.: Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас Средней Азии, «Сов. этнография», 1955, № 3, стр. 20—29; С. П. Русаякина, Музейные этнографические фонды как источники для составления Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, «Сов. этнография», 1956, № 4, стр. 157—158; С. М. Абрамзон, О содержании разделов историко-этнографического атласа Средней Азии, посвященных отдельным народам (применительно к киргизам), «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVI, 1957, стр. 50—53.

⁸ «Историко-этнографический атлас Сибири», М.—Л., 1961; «Русские. Историко-этнографический атлас», М., 1967.

⁹ «Материалы второго совещания археологов и историков Средней Азии (9 октября—4 ноября 1956 г., Сталинабад)», М.—Л., 1959, стр. 235—262; стр. 266—267.

¹⁰ Е. И. Махова, С. П. Русаякина, Программа для сбора материалов по теме «Одежда народов Средней Азии и Казахстана», М., 1958; Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Программа сбора материалов по жилищам сельского населения Средней Азии и Казахстана, М., 1958.

¹¹ «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 48, М.—Л., 1961.

канских академий наук. В 1955—1965 гг. экспедиционными работами были охвачены все области Казахстана. Сплошное этнографическое исследование дало в скором времени ощутимые научные результаты: вышли в свет несколько историко-этнографических монографий и тщательно составленные этнические карты расселения родоспленных групп казахов в конце XIX—начале XX в.¹²

Большую работу вели и этнографы Таджикистана: они продолжали начатое ранее сплошное этнографическое обследование областей республики, в частности Гармской области (Каратегина и Дарваза). Материалы этих многолетних полевых работ тщательно обработаны, систематизированы и в значительной части уже изданы¹³. Издан также альбом народной одежды таджиков¹⁴. Серьезные исследования и сбор материалов для подготовки атласа велись и в других республиках — Туркмении, Узбекистане, Киргизии. Нельзя не отметить, например, что в 1959 г. были опубликованы первые этнографические карты, характеризующие ареалы распространения на территории Киргизии различных типов юрт, вариантов женского головного убора и технических приемов узорного ткачества¹⁵. В «Трудах Киргизской экспедиции» опубликованы также детальные этнические карты Киргизии¹⁶, а один из них посвящен главным отраслям народного прикладного искусства киргизов¹⁷. Серьезным вкладом в разработку атласа стала и книга К. И. Антипиной об особенностях материальной культуры южных киргизов¹⁸.

После выхода в свет двух томов труда «Народы Средней Азии и Казахстана», вошедшего в серию «Народы мира», работа по подготовке атласа — следующего коллективного обобщающего труда по этнографии среднеазиатско-казахстанского региона — становится интенсивней. В 1967 г. в Ашхабаде совещание республиканских, московских и ленинградских авторских коллективов определило принципы построения атласа, очередность работ, организацию и методику сбора материалов; были также утверждены списки карт и типологических таблиц первого выпуска атласа, посвященного теме традиционных форм хозяйства (иригация, земледелие, скотоводство)¹⁹. Второе совещание по подготовке атласа проходило в Ташкенте, в 1969 г. На нем уже демонстрировались эскизы нескольких этнографических карт²⁰. Доклады и карты, обсуждавшиеся на этих совещаниях, подготовлены к печати, составив два очередных сборника материалов к атласу.

¹² И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, Казахская национальная одежда (XIX—нач. XX вв.), Алма-Ата, 1964; В. В. Востров, М. С. Муканов, Родоплеменный состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968; Х. Аргынбаев, Этнографические очерки по скотоводству казахов, Алма-Ата, 1969 (на казах. яз.).

¹³ «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. 1, Душанбе, 1966; вып. 2, Душанбе, 1970.

¹⁴ Н. Н. Ершов, З. А. Широкова, Альбом одежды таджиков, Душанбе, 1969.

¹⁵ Е. И. Махова, Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, Фрунзе, 1959, стр. 44—58.

¹⁶ «Карта дореволюционного родоплеменного расселения киргизов в Южной Киргизии». Составил Я. Р. Винников, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, Фрунзе, 1956; «Расселение родоплеменных и этнических групп киргизов в Северной Киргизии». Составили С. М. Абрамзон и Я. Р. Винников, Там же, т. IV, М., 1960.

¹⁷ «Народное декоративно-прикладное искусство киргизов», «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. V, М., 1968.

¹⁸ К. И. Антипина, Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, Фрунзе, 1962.

¹⁹ Т. А. Жданко, Новый труд по истории культуры, газ. «Туркменская искра», 10 декабря 1967 г.; см. также: «Региональное совещание по вопросам подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Методические материалы», М., 1967. В это издание включены программы сбора материалов к атласу по теме «Земледелие и ирригация» (авторы — Н. А. Кисляков и М. В. Сазонова, с участием Н. Н. Ершова) и по теме «Животноводство» (автор — С. М. Абрамзон).

²⁰ С. Мирхасилов, Совещание по вопросам подготовки «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана», журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 5, стр. 52—53.

Принципы и методы составления региональных атласов СССР сходны; координация в этом направлении необходима, поскольку в перспективе предусматривается создание сводного «Атласа СССР», что потребует сопоставимого материала. В то же время каждый из этих атласов имеет некоторые особенности, обусловленные спецификой региона, состоянием источников, степенью привлечения сведений из наук, смежных с этнографией. Значительные различия имеются в том круге научных проблем, разработке которых придают первостепенное значение авторские коллективы каждого из атласов.

Регион, охватываемый атласом Средней Азии и Казахстана, обширен и многонационален. Как отмечалось выше, он включает территории пяти союзных республик (Узбекская ССР; Казахская ССР; Таджикская ССР; Туркменская ССР; Киргизская ССР) и двух национальных автономий: Каракалпакской АССР (в составе Узбекистана) и Горно-Бадахшанской автономной области (в составе Таджикской ССР).

Общая площадь региона — 3994 тыс. км², численность населения — 32 804 тыс. чел.²¹

Помимо шести основных народов, составляющих в совокупности преобладающую часть (около 60%) населения региона (узбеки, казахи, таджики, туркмены, киргизы, каракалпаки), в атласе найдет отражение культура издавна, еще в средневековые поселившихся здесь мелких групп пришедших народов (среднеазиатские арабы, среднеазиатские цыганы и некоторые другие); они восприняли языки (узбекский, таджикский), многие черты культуры народов Средней Азии и частично ассимилируются последними. Среди аборигенов региона наряду с таджиками будут представлены так называемые припамирские народности (шугнанцы, рушанцы, бартангцы, язгулемцы и др.), процесс этнической интеграции которых в среде таджиков до сих пор еще не завершен. На картах атласа будут показаны особенности культуры уйгуров и дунган, пришедших в Среднюю Азию и Казахстан из Восточного Туркестана в 1870—1880-х гг., а также белуджей и корейцев, поселившихся здесь уже в годы Советской власти. На этнической основе атласа выделяются и ареалы расселения в сельских местностях (и соответственно — элементы культуры) русского и украинского населения — переселенцев из центральных областей России, живущих в среде народов среднеазиатско-казахстанского региона со второй половины XIX в.; они оказали существенное влияние на хозяйство и материальную культуру соседних групп местного населения — казахов, киргизов и др., и в свою очередь восприняли у последних некоторые элементы культуры и трудового опыта.

Охват картографированием всей совокупности народов многонационального региона, очевидно, даст серьезные научные результаты. Эти народы связаны общностью исторических судеб, давностью экономических, этнических и культурных взаимовлияний. В результате длительных контактов в их материальной, духовной культуре и быту наряду со специфичными для отдельных этносов формами сложилось немало и общих или близко сходных черт. Картографирование элементов их традиционной культуры на общерегиональной основе даст возможность выявить с максимальной научной объективностью как этнодифференцирующие признаки отдельных этнических общностей, так и ареалы распространения черт культурной общности, свойственных всему региону, представляющему собой крупную историко-этнографическую область.

Издание атласа рассчитано на длительный период: это связано с состоянием материалов. Несмотря на систематические полевые исследования еще не преодолена неравномерность этнографической изученности

²¹ «О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1970 г.». Сообщение ЦСУ СССР, газ. «Правда», 109, (18887), 19 апреля 1971 г., стр. 1 («Численность населения союзных республик»).

разных областей Средней Азии и Казахстана. По многим важным темам имеется лишь фрагментарный материал; до сих пор на территории региона существуют и «белые пятна» — совсем не изученные районы и группы народов. Все это создает большие трудности для авторов. Задерживает подготовку атласа также и недостаток кадров для чрезвычайно трудоемкой подготовительной работы — научные коллективы этнографов в республиках все еще малочисленны. По мере накопления и обработки материалов будет подготовляться серия тематических выпусков: «Хозяйство (иригация, земледелие, скотоводство)»; «Промыслы и ремесла»; «Поселения и жилища»; «Одежда и украшения»; «Пища и утварь»; «Верования и обряды»; «Народное искусство и орнамент» и др. В каждый выпуск войдут карты, исторический и этнографический очерки, рисунки, фотографии, типологические таблицы. В серии будет также вводный выпуск, характеризующий географическую среду (карты рельефа, почв, основных природных зон) и состав населения Средней Азии и Казахстана, с очерком этнической истории. Наряду с этническими картами, освещающими расселение народов в разные исторические периоды, в этот выпуск включаются карты лингвистические и антропологические.

В ближайшие годы (1972—1975) будут изданы два сборника материалов к атласу по теме «Хозяйство» и два по темам «Жилище» и «Одежда». В 1975 г. по намеченному плану завершается подготовка типологических таблиц и большинства карт к выпуску «Иригация, земледелие, скотоводство», на котором сосредоточено сейчас основное внимание. Первоочередность этого выпуска, большое место, выделяемое теме традиционных форм хозяйства, отличают атлас Средней Азии и Казахстана (как и Кавказа) от атласов европейских регионов. Ниже мы остановимся подробнее на некоторых вопросах разработки карт этого выпуска, призванного внести существенный вклад в изучение проблем агроэтнографии.

Часть авторского коллектива атласа уже начинает подготовку других его выпусков: «Одежда и украшения», «Поселения и жилища». Начат подбор материала и к нескольким картам по обрядам и верованиям; так, в ближайшие годы намечается составить пробные карты по свадебной и погребальной обрядности, по среднеазиатскому шаманству и др. Ведется работа и по вводному выпуску. Сейчас, в частности, начат подбор всех изданных и рукописных этнических карт для составления детальной сводной этнической карты региона на конец XIX — начало XX вв., учитывающей расселение основных этнографических и родо-племенных групп. Вводный выпуск, комплексный по своей тематике, потребует привлечения специалистов разного научного профиля.

* * *

Один из главных принципов построения региональных историко-этнографических атласов в нашей стране, в отличие от зарубежных, — отображение явлений материальной и духовной культуры народов в их историческом развитии. Так, в атласе «Русские» пространственное распространение каждого изучаемого элемента дается большей частью на двух картах разных периодов. Для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана также выделены хронологические рубежи исторических периодов, по которым будут составляться карты.

Отправным рубежом исследований по большинству тем атласа может стать период присоединения к России — середина или 60-е — 70-е годы XIX века, когда народы Средней Азии и Казахстана сохраняли еще феодальные формы хозяйства и бытового уклада и вместе с тем существенно усилилось этнографическое изучение края в связи со всесторонним его исследованием русскими учеными и администрацией. Однако по Бухарскому и Хивинскому ханствам, которые оказались на положении «вас-

сальных» владений царизма, сведения о населении и его культуре продолжали оставаться крайне скудными и неточными. Территория этих ханств не была даже охвачена Всероссийской переписью населения 1897 г., поскольку они официально считались самостоятельными государствами, хотя по существу полновластными правителями эмиры Бухары и хивинские ханы были только в области внутренней политики. Впрочем, начавшееся уже исследование источников XIX века — архивов Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств, — вероятно, сможет в какой-то мере восполнить пробелы в сведениях по этому периоду и позволит составить карты хотя бы по некоторым темам.

Вторым рубежом для карт атласа принято начало XX в. В источниках и обширной литературе накопилось достаточно данных о тех существенных изменениях в хозяйстве, быту и культуре народов Туркестанского края и Степного генерал-губернаторства («Киргизского края»), которые произошли вследствие полувекового периода их пребывания в составе России и проникновения на эту юго-восточную окраину империи капиталистических отношений. Эта группа карт атласа зафиксирует уровень экономического развития и культуру формирующихся наций Средней Азии и Казахстана накануне Октябрьской революции. Наиболее полно обеспечен атлас по этому периоду и конкретным этнографическим материалом (музейные коллекции и др.).

Третья хронологическая веха — начало Советского периода — 1917–1930 гг.; по этому периоду имеется много источников и литературы для составления карт. Они будут характеризовать отправной этап социальных преобразований в хозяйстве, культуре и быту. Изучение Средней Азии в эти годы было тесно связано с формированием, в результате национально-государственного размежевания 1924–1925 гг., суверенных национальных советских социалистических государств на территории региона — союзных и автономных республик и автономных областей. К этому же периоду относятся первые переписи населения, проведенные в Советском государстве, в том числе наиболее полная, охватившая все области и народы региона (в том числе впервые — и территории б. Бухарского и Хивинского ханств) — перепись 1926 г. Хорошо освещается этот период и экспедиционными материалами различных специальных обследований.

Последний исторический рубеж — наша современность. Характер карт этого периода, очевидно, в значительной степени определится привлечением тех массовых материалов, которые будут собраны в результате широких этнографических и этносоциологических исследований, организуемых для изучения проблем современных этнических процессов в СССР.

Разумеется, не для всех тем атласа представится целесообразным и возможным составление карт по всем четырем периодам.

Не останавливаясь более детально на исторических и этнографических источниках, используемых для составления карт атласа, относящихся хронологически к новому и новейшему времени (это — особая, обширная тема)²² вернемся к отмеченной выше необходимости включения в тематические выпуски, помимо основных, этнографических, также и историко-археологических очерков. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана имеет глубокие истоки, восходя к VI–V векам до н. э., к древним персидским надписям и рельефам, украшавшим гробницы ахеменидских царей и дворец в Персеполе, и сохранившим названия народов Средней Азии, сведения об их расселении, превосходные изображения их внешнего облика. Благодаря развитию археологических исследо-

²² Вопросу об источниках для составления атласа уделено большое внимание в указанных выше статьях 1950-х гг. и других изданиях. Обширная литература, архивные источники, музейные материалы еще далеко не полностью учтены и систематизированы. Авторы ведут эту работу, составляя картотеки, библиографические списки и обзоры. Ведется работа и в архивах по выявлению статистических и других материалов.

ваний за последние десятилетия необычайно обогатились и данные палеоэтнографии, позволяющие углубить исследование истории ирригации, земледелия, скотоводства, жилища и других тем атласа до времени первоначального их возникновения, восходящего к эпохам неолита и энеолита. Столь же велики достижения археологии, относящиеся к более поздним историческим этапам; для средневековья, помимо археологических памятников, значительный новый материал по развитию хозяйства и культуры дает исследование востоковедами целого ряда вновь открытых восточных рукописей, собраний миниатюр. Все это свидетельствует о реальных возможностях подготовки для атласа специалистами-археологами и историками, — очерков, иллюстрированных рисунками, фотографиями находок, а по возможности и палеоэтнографическими картами.

Такие очерки свяжут археологический материал с этнографическим и помогут выявить исторические процессы генезиса и становления традиционных форм культуры, тесно связанные с этническими процессами, происходившими на территории региона со времен глубокой древности.

Опыт работы по составлению региональных атласов уже давно привел к выводу о необходимости отразить на картах значимость каждого картографируемого элемента, его количественную характеристику. При подготовке атласа «Русские» авторы его разработали прием обозначения на картах преобладающих, бытующих и единичных явлений значками разного размера. Это дает возможность проследить динамику возникновения, развития и изживания тех или иных элементов культуры, если карты составляются по двум или нескольким хронологическим периодам. Однако, при малейшей возможности целесообразнее пользоваться статистическими данными, столь же важными для достижения научной объективности при анализе этнографического материала, как его хронологическая датировка и привязка к определенной локальной группе народа. При тщательных поисках в литературе и в архивохранилищах можно найти немало статистических сведений для карт по темам земледелия, ирригации, скотоводства, ремесел и промыслов; встречаются и цифровые данные в какой-то степени обосновывающие количественную характеристику распространения разных типов поселений и жилища, транспортных средств и др. Уже дало хорошие результаты использование этнографами Казахстана статистических данных Переселенческого управления, опубликованных в многотомном издании «Материалов по киргизскому землепользованию» (1900-е гг.), детально освещающих экономику, приемы ведения хозяйства, жилище и другие стороны быта казахского и киргизского населения²³. Это обследование покрыло всю территорию бывшего Степного генерал-губернаторства и части Туркестана. Важны и материалы других обследований, предпринимавшихся правительством Российской империи или местной колониальной администрацией, например, многотомный «Отчет по ревизии Туркестанского края» сенатора К. К. Палена (1910 г.), в котором содержится обстоятельное описание сельского хозяйства Туркестана и большое число статистических таблиц²⁴. Трудно переоценить также важность использования многочисленных публикаций созданных в 70-х—80-х гг. XIX в. статистических комитетов Туркестанского края. В них уделяется много внимания хозяйственной жизни, быту и культуре народов Средней Азии²⁵.

²³ На основании этих данных, проверенных и дополненных во время полевых этнографических работ, уже составлены эскизы нескольких карт по скотоводству и земледелию в дореволюционном Казахстане.

²⁴ К. К. Пален, Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором-гофмейстером графом К. К. Паленом, т. 16 — «Орошение в Туркестане», Спб., 1910; т. 17 — «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане», ч. 1—2, Спб., 1911.

²⁵ См.: Б. В. Лукин, Из истории деятельности статистических комитетов Туркестанского края, «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 6, стр. 30—39.

Как известно, при составлении атласов большое значение имеет выбор микрорайона — основной территориальной единицы картографирования. Во всех региональных атласах СССР, в том числе и в атласе Средней Азии и Казахстана, для карт дореволюционного периода за единицу картографирования принят уезд. В пяти областях Туркестанского генерал-губернаторства и четырех областях Степного или Киргизского края было 44 уезда к началу XX века²⁶. На территории Бухарского ханства основными административными единицами были 26 бекств. В Хивинском ханстве бекств (или хакимств) было 22. Таким образом, для всего региона установлена сетка из 92 микрорайонов. В тех случаях, когда уезд сужен по этническому составу населения или по географическим условиям, авторы могут делить более детально изучаемую территорию.

Рабочие бланковки для авторов карт составлены в масштабе 1 : 2 500 000. Этот масштаб достаточно крупный для разделения территории уездов на волости или природно-хозяйственные районы. Однако нередко подготовительная работа ведется и на более крупномасштабных картах. Приходится учитывать различия уездов по площади, плотности этническому составу населения. Так, например, по данным В. И. Масанского, в Ташкентском уезде Сырдарьинской области на 25,6 тыс. кв. верст было 498,9 тыс. чел. (плотность — около 20 чел. на 1 кв. версту), тогда как в Мангышлакском уезде Закаспийской области на 193,7 тыс. кв. верст приходилось 77 тыс. чел. (плотность населения — 0,3 чел. на 1 кв. версту)²⁷. Естественно, что в уездах с большой плотностью и многонациональным составом населения необходимо вести работу по более мелким административным единицам, на картах (или врезках) крупного масштаба.

Что касается видов карт и методических приемов картографирования, то как показывает практика, они разнообразны — в зависимости от содержания и характера источников.

Карты составляются как по этнографическим (без численных показателей), так и по статистическим материалам, нередко эти данные сочетаются. Составленные по статистическим данным карты сопоставляются в атласе с этническими и комментируются в этнографическом аспекте. Например, карта распространения (и соотношения) сельскохозяйственных культур нужна не только для определения интенсивности и товарности земледелия у тех или иных этнических групп, но и для выявления их главных трудовых навыков, традиционной пищи и т. д. В этом отношении ярким примером может служить степень распространения проса: уже давно исследователи в преобладании этой культуры видят свидетельство экстенсивного земледелия, распространенного главным образом в степных, плохо обеспеченных водой районах, у кочевников и полукочевников. Это очень убедительно подтверждается, в частности, картой, составленной для атласа казахстанскими этнографами. Столь же важно для определения характера скотоводческого хозяйства соотношение разных видов скота; этим показателем, как известно, широко пользуются археологи, определяя по костным остаткам домашних животных состав стада и тип хозяйства древних обитателей раскопанных стоянок и поселений. Наличие значительной доли крупного рогатого скота — показатель полуседлого или оседлого хозяйства, а преобладание овец и лошадей — кочевого пастбищного скотоводства.

Наряду с картами, освещающими распространение тех или иных явлений и форм культуры, на определенном этапе работ будет составлено несколько более сложных синтетических карт (например, типов земледелия и скотоводства, типов хозяйства, образа жизни и др.). Один из са-

²⁶ В это число включен и так называемый Амударьинский отдел Сырдарьинской области, нынешняя правобережная часть Кара-Калпакской АССР.

²⁷ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», Под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. XIX — «Туркестанский край», Спб., 1913, стр. 606, 621.

мых сложных вопросов методики картографирования при многонациональности региона Средней Азии и Казахстана — это пока еще неразрешенный вопрос о техническом способе сопоставления карт этнографических с этническими. Нанесение всей этнографической нагрузки на карту с пестрой этнической основой вызывает много неудобств, препятствует ясности чтения карты. Между тем графическое сопоставление территориального распространения определенных элементов культуры с этническими территориями, а иногда и с границами распространения языков и диалектов бывает необходимо при анализе соотношения этнических и культурных ареалов. Очевидно, для этого придется разрабатывать особые приемы картографирования.

* * *

Круг проблем этнографии народов Средней Азии и Казахстана, с разработкой которых связано составление историко-этнографического атласа этого региона, довольно обширен; ограниченность объема статьи позволяет лишь вкратце коснуться их.

Выше уже отмечалось, как велико значение атласа для исследования проблем истории культуры. В частности, это относится к выявлению в Средней Азии и Казахстане ареалов историко-этнографических областей — конкретных территорий, на которых в результате длительного взаимного общения обитающих здесь этнически различных народов, связанных общностью исторических судеб, сложилась определенная культурная общность. Исследование с применением метода картографирования даст прочную основу для выявления черт культурной общности, присущих всему региону — крупной историко-этнографической области, а также историко-этнографическим областям второго порядка. Эти последние в условиях Средней Азии нередко совпадают с оазисами (Ташкентский, Бухарский, Хорезмский оазисы, Ферганская и Зеравшанская долины и др.), охватывая частично и прилегающие к ним районы степей и предгорий с преимущественно скотоводческим населением, издавна экономически тяготевшим к городам и земледельческим селениям этих оазисов. Известно, например, как различен облик традиционного жилища узбеков в Хорезме и Ферганской долине — разных историко-этнографических областей. В то же время в Хорезме этот областной тип жилища распространился наряду с узбеками, у оседлых туркмен, каракалпаков и у казахов, издавна оседавших в зоне границ Хорезмского оазиса с пустыней. Так же обстояло дело в Фергане — при многонациональности населения этой долины традиционный ферганский тип сельского жилища был преобладающим не только у оседлых узбеков и таджиков, но и у перешедших к оседлости групп полукочевых узбеков и у ферганских каракалпаков. Однако, для выявления ареалов многочисленных историко-этнографических областей, веками формировавшихся на территории Средней Азии и Казахстана, этнографические материалы необходимо широко сопоставлять с историческими и археологическими²⁸, в частности с ареалами археологических культур.

Выше уже отмечалась одна из особенностей структуры атласа Средней Азии и Казахстана (как и Кавказского) — большой удельный вес в нем темы хозяйства. По сравнению с уже изданными и завершаемыми атласами регионов Европейской части СССР в нем появится новый вид карт — впервые в историко-этнографическом аспекте будут картографироваться ирригация и скотоводство. Расширение агроэтнографической тематики в этом атласе объясняется природно-географической спецификой региона Средней Азии и Казахстана, отличающегося огромным разнообразием ландшафтов, резкими контрастами природных условий. Высочайшие в стране горные массивы соседствуют здесь с равнинами и

²⁸ См.: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 10—14.

глубокими впадинами, самые большие в стране пустыни — с плодородными оазисами. На небольшом участке карты, иногда на территории одного уезда или бекства подчас оказывается несколько ярко выраженных ландшафтов. Многовековая адаптация местного населения к природной среде привела к формированию столь же разнообразных форм хозяйственной деятельности. Обычно у одного и того же народа встречаются не только несколько типов хозяйства, но и разный образ жизни (например, полукочевые группы в среде оседлых земледельцев-узбеков или традиционное деление на кочевников-скотоводов — так называемых «чарва», и оседлых земледельцев — «чомур», у туркмен и др.)²⁹. В зависимости от места обитания локальных групп народа у них было различным соотношение земледелия и скотоводства, оседлости и кочевания. Между тем традиционные формы хозяйства были одним из главных факторов, влиявших на формы общественной жизни, материальной культуры, быта.

Все это заставляет при подготовке такого капитального обобщающего труда, как историко-этнографический атлас, начать эту работу с агро-этнографических карт; они должны послужить отправным этапом не только к разработке других тем атласа: жилища, одежды, пищи и пр., но и к исследованию общей проблемы хозяйственно-культурных типов региона.

В процессе подготовки атласа, как отмечалось выше, накапливается материал, с достаточной полнотой и точностью определяющий типы хозяйства, сложившиеся у разных народов и их локальных групп, и выявляются ареалы распространения этих типов³⁰. Изучением типологии сельского хозяйства Средней Азии и Казахстана много занимались в аспекте своей науки экономгеографы; эти классификации, несомненно, следует учитывать, однако в них отсутствует важнейший для этнографии элемент — этнический. Б. В. Андрианов первый сопоставил разработанную экономгеографами типологию хозяйства Средней Азии и Казахстана с этнической картой. В приложении к среднеазиатским томам серии «Народы мира» помещена составленная им карта распространения хозяйственных типов³¹.

Этот опыт чрезвычайно ценен, однако карта еще схематична; агро-этнографические карты атласа должны обеспечить ее уточнение и детализацию, отразить все многообразие вариантов хозяйственной деятельности населения в сочетании со всей сложностью его этнического состава и вместе с тем создать более солидную и прочную основу для дальнейшего исследования одной из важнейших этнографических классификаций — по хозяйственно-культурным типам. В настоящее время хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана³² изучены еще не так детально и основательно, как например, это сделано для регионов Сибири (М. Г. Левиным, Л. П. Потаповым и др.). В процессе работы по составлению атласа уточнить соотношение типов хозяйства с типами жилища, одежды и других элементов культуры, что определяет хозяйственно-культурные типы³³. Работу по их хронологической датировке (установлению времени возникновения) облегчит использование данных современной археологической науки.

Следует отметить, что весь этот цикл исследований внесет ясность и во многие другие, пока еще дискуссионные вопросы среднеазиатско-ка-

²⁹ Т. А. Жданко, Проблема полукочевия населения в истории Средней Азии и Казахстана, «Сов. этнография», 1961, № 2; е е же, Номадизм в Средней Азии и Казахстане, сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 276—278.

³⁰ См. например: Б. Х. Кармышева, Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — начало XX в.), «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 44—50 (к статье приложена карта, составленная автором).

³¹ Карта «Хозяйственные типы Средней Азии и Казахстана. XIX в.», «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 2 (серия «Народы мира, этнографические очерки»), М., 1963.

³² См. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962, стр. 32—37.

³³ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ, раб., стр. 4—10.

захстанской этнографии, в частности, касающиеся исторической роли полукочевников и кочевников-скотоводов, их общественного строя, взаимоотношений с земледельческим населением и т. д.. В процессе разработки агроэтнографической тематики атласа представится также возможность на большом материале рассмотреть (применительно к Средней Азии и Казахстану) интересный вопрос, занимающий сейчас многих исследователей аграрной этнографии: о наличии или отсутствии этнической специфики в технике и технологии сельского хозяйства. Дискуссия по этому вопросу пока еще продолжается.

Однако, нет необходимости доказывать, что основное значение историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана связано с исследованием этногенеза, с анализом сложных этнических и этно-культурных процессов, характерных для этого многонационального региона как в его историческом прошлом, так и в советский период. Изучение и сопоставление на региональных картах атласа обширного этнографического материала по истории культуры отдельных народов сулит большие открытия; несомненно, выявятся новые направления этно-культурных взаимосвязей и новые факты, способствующие изучению этнической истории народов. Благодаря историческому профилю атласа, он поможет решить некоторые проблемы истории формирования этнических общностей региона и их своеобразных культур, а также уловить изменения в культуре, возникающие в связи с этническими процессами ассимиляции и консолидации.

Так, сравнивая карты разных исторических периодов, очевидно, можно будет заметить стирание пережитков некоторой культурной специфики племенных групп в процессе национальной консолидации, постепенное исчезновение у них предметов и бытовых явлений, характеризовавших прежнюю племенную обособленность (например, некоторых элементов одежды, обрядов, обычаев), заменяющихся общенациональными формами. В то же время у ряда мелких народностей (например, у среднеазиатских арабов), уже давно теряющих самобытный облик своей культуры под влиянием этнической среды окружающего (в данном случае узбекского и таджикского) населения, наглядно выявится процесс их ассимиляции, причем представится возможность датировать его главные исторические этапы.

Больших научных результатов, способствующих изучению этнических процессов, можно ожидать и от картографирования явлений современной культуры. В условиях социализма и коммунистического строительства исторически сложившиеся взаимосвязи и черты общности народов развиваются на новой основе, определяемой практическим осуществлением партией ленинской национальной политики равенства и дружбы народов, ленинского курса на расцвет социалистических наций и народностей и их постепенное сближение. Сближение происходит в условиях внимательного учета национальных особенностей развития социалистических национальных культур.

Заключительные разделы атласа, исследующие современные формы национальных культуры и быта народов Средней Азии и Казахстана, могут стать ценным источником для изучения процессов их постепенного сближения, формирования элементов общесоветской культуры, зарождения и развития новых прогрессивных национальных традиций, знаменующих поступательное движение к коммунизму.

Атлас будет иметь, помимо научно-теоретического, и прикладное значение. Обобщив народный опыт в области хозяйственной деятельности, приемов зодчества, разнообразных видов художественного творчества, он станет ценным пособием для проектирования современных национальных форм архитектуры, одежды, предметов утвари и т. д., поможет специалистам использовать лучшие достижения многовековой культуры народов советского Востока.

**THE ATLAS OF HISTORICAL ETHNOGRAPHY FOR MIDDLE ASIA
AND KAZAKHSTAN
(PRINCIPLES AND METHODS OF COMPILATION)**

The Atlas of Historical Ethnography for Middle Asia and Kazakhstan is one of a series of regional atlases which are in course of preparation in the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences, in collaboration with bodies of ethnographers working in research institutes in the various Union republics. The article gives a description of the region, data on the ethnic composition of its population; it deals with problems of the structure of the Atlas (which is proposed to be published in several instalments by subjects), with the principles and methods of its compilation. In conclusion a survey is given of the major problems of ethnogenesis and culture history studied by the ethnography of Middle Asia and Kazakhstan. The elucidation of these problems will be facilitated by the Atlas which is to be a wide-scope ethnographic work based on cartography as a specific research method.

С. Я. Берзина

МАТЕРИАЛЫ К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ФУЛЬБЕ

Фульбе — скотоводы, живущие среди земледельческих народов Западного Судана, — одна из загадок Африки. Необычный для Судана физический облик фульбе привлек внимание еще первых путешественников-европейцев. Проблемой происхождения фульбе начали заниматься уже в XVIII в. Однако серьезное этнографическое изучение этого народа началось только в годы перед Второй мировой войной. В настоящее время накоплен значительный антропологический, этнографический и лингвистический материал, но вопрос о том, откуда пришли фульбе в Западный Судан, не выяснен до сих пор. Напечатанная в журнале «Советская этнография» статья С. Я. Козлова «Загадка происхождения фульбе»¹ отличается от всех предшествующих работ как постановкой вопроса в целом, так и деталями его разработки. Гипотеза о взаимосвязанности этногенеза многих народов Африки, живущих теперь на большом расстоянии, представляется очень интересной. Однако путь решения проблемы происхождения фульбе, намеченный С. Я. Козловым, спорен, и есть все основания вновь вернуться к этому вопросу. Кроме того, необходимо осветить и другой аспект проблемы этнической истории фульбе — появление и расселение этого народа в Западном Судане.

На наш взгляд, современный фактический материал рисует довольно четкую картину происхождения фульбе. Абсолютное большинство антропологов относят фульбе к эфиопской расовой группе². Впервые это мнение было высказано Рене Верно в конце XIX в.³ На основании широкого изучения материала из Судана и Восточной Африки французский антрополог рассматривал один из типов древнеегипетского населения, народы Эфиопии (амхара, шоа, галла, сомали, данакиль, афар), масаев из Восточной Африки и фульбе, как единую группу. Э. Шантр⁴ сближал фульбе с беджа, относя оба народа к группе нубо-эфиопов. Ж. Деникер⁵ выделил особую группу фула-санде, происшедшую, по его мнению, от смешения эфиопов и негров, куда он включил скотоводческие племена Восточной Африки (масаи, лотуко, алур, туркана, сук и др.), племена Центральной Африки (азанде, банда, нзакара и др.) и фульбе. Ж. Монтандон⁶ причислял фульбе к панэфиопской расе, состоящей из барба, данакиль, сомали, амхара, галла, масаев и бахима.

Л. Токсье⁷ включал фульбе в подгруппу эфиопской расы. Ж. Лефру⁸ отнес их к негро-хамитам. Эта группа, по его мнению, произошла от сме-

¹ С. Я. Козлов, Загадка происхождения фульбе, «Сов. этнография», 1967, № 1.

² Речь идет только о специалистах-антропологах, а не об историках и этнографах.

³ R. Verne, Les migrations des ethiopiens, «L'Anthropologie», Paris, 1899, t. X, № 6, pp. 641—662.

⁴ E. Chantre, Contribution a l'étude des races humaines du Soudan Occidental (Sénégal et Haut-Niger), Lyon, 1918, p. 27.

⁵ J. Deniker, Les races et les peuples de la terre, Paris, 1926, pp. 523, 538 suiv.

⁶ G. Montandon, L'Ologénèse humaine, Paris, 1928, pp. 248, 270.

⁷ L. Tauxier, Meurs et histoire des peuls, Paris, 1937, pp. 7, 17—27.

⁸ J. Lefrou, Le Noire d'Afrique. Anthropologie et raciologie, Paris, 1943, pp. 411—414.

шения эфиопов с неграми. Лефру включал сюда собственно нилогов (нуэры, динка, шиллук и др.), народы Дарфура, нилого-хамитов Восточной Африки (собственно масаев, нанди, карамоджо, туркана, сук и др.), народы Центральной Африки (азанде) и фульбе. Наконец, современные исследователи Ж. Оливье⁹, М. Лобсиге-Делланбаш¹⁰, Л. Паль и М. Тассен де Сэн Перёз¹¹ тоже относят фульбе к эфиопской расовой группе.

Нам известны только два антрополога, отстаивающих версию североафриканского (северохамитского) происхождения фульбе. Это Феликс фон Лушан¹² и Чарльз Зелигман¹³. Работа первого представляет собой приложение к исследованию К. Мейнхофа «Хамитские языки» и призвана служить подтверждением хамитской теории последнего. В настоящее время работа Ф. фон Лушана в научном мире никем не признается. Ч. Зелигман отнес фульбе к северным хамитам (вместе с берберами, туарегами, тиббу и гуанчами). Выводы Зелигмана не нашли подтверждения в полевых исследованиях других антропологов¹⁴.

Насколько убедительны антропологические работы, относящие фульбе к эфиопам? Исследования этого рода, безусловно, не равноценны. Первые исследователи-антропологи имели в своем распоряжении очень ограниченный материал. Кроме того, за 60 лет, прошедших после появления первых работ на эту тему, менялась и совершенствовалась сама методика антропологических измерений. Однако все ученые, работавшие над этой проблемой, применяли одну и ту же методику измерения представителей разных народов, на чем и основаны их заключения. Например, измерения Л. Палья и М. Тассен де Сэн Перёз, проведенные на массовом западносуданском материале, заставили последних прийти к тому же выводу: фульбе — это западные эфиопы.

С. Я. Козлов приводит работу Ж. Лески, данные которой якобы подтверждают точку зрения о сахарском происхождении фульбе. Сама исследовательница об этом нигде не говорит, а из приводимого материала вытекает только тот вывод, что фульбе ближе к европеоидам, чем к негроидам, что никем и не оспаривается. Этот факт, однако, никак не проясняет вопрос об отношении фульбе к берберской или эфиопской расовым группам, и в то же время опровергает гипотезу самого С. Я. Козлова о формировании фульбе и серер-волоф в близком соседстве на протяжении тысячелетий. В настоящее время принадлежность фульбе к эфиопской расовой группе сомнений у антропологов не вызывает.

Эфиопская расовая группа сложилась на востоке африканского материка. Ее формирование прослеживается здесь еще с мезолита¹⁵. Некоторые исследователи относят фульбе к западной ветви особой подгруппы эфиопской расовой группы народов. Правомочность выделения внутри эфиопской расовой группы особого антропологического типа, к которому относились бы, как фульбе, так и некоторые другие народы

⁹ G. Oliver, Contribution à l'étude anthropologique du Sud Cameroun, «Bulletin et mémoires de la Société d'anthropologie de Paris», IX ser. 1947, t. 8, pp. 69—75.

¹⁰ M. Lobsiger-Dellenbach, Contribution à l'étude anthropologique de l'Afrique occidentale française (colonie du Niger). Haoussas, bellahs, djermas, peuls, touregs, maures, «Archives suisses d'anthropologie générales», Genève, 1952, t. XVI, № 1, pp. 1—86.

¹¹ L. Pales et M. Tassin de Saint Péreuxe, Raciologie comparative des populations de l'Afrique occidentale. Slatore. Indice cormique. Indice cephalique, «Bulletin et mémoires de la Société d'anthropologie de Paris», ser. X, 1953, t. 4, fasc. 3—4, pp. 185—497.

¹² K. Meinhof, Die Sprachen der Hamiten. Nebst einer Beigabe: F. von Luschan, Hamitische Typen, Hamburg, 1912.

¹³ C. G. Seligman, Races of Africa, London, 1930.

¹⁴ J. Hieraux, La diversité humaine en Afrique sub-saharienne. Recherches biologiques. Etudes ethnologiques. Bruxelles, 1968, p. 117. Реч. на: J. Hieraux, Указ. раб., «Мир», London, 1968, vol. 3, № 4, p. 664.

¹⁵ А. Алиман, Доисторическая Африка. М., 1960, стр. 241—244, 374—376.

(бари, лотуко, карамоджо, масаи и др.), представляется несомненной¹⁶. Однако довольно частое в западной африканистике употребление термина «нилото-хамиты» при обозначении этого антропологического типа ведет к смешению антропологической и лингвистической классификаций.

Указанный антропологический тип объединяет народы, в облике которых сочетаются черты эфиопов и окружающих их негрских народов, причем нарастание эфиопских черт (в частности, светлый, красноватый цвет кожи) идет с севера на юг.

Народы, принадлежащие к этому антропологическому типу и говорящие на языках nilото-хамитской семьи, подразделяются на три группы: северные (бари, локоджа, лотуко), центральные (тесо, кумам, карамоджо) и южные (нанди, масаи)¹⁷. История этих народов может быть восстановлена по преданиям за сравнительно длительный период¹⁸. В конце I тысячелетия н. э. их предки находились на территории современной Республики Судан, в восточной Экватории и Бахр-эль-Газале. Они жили небольшими коллективами, их основными занятиями было скотоводство и рыболовство. Около 1000 г. началась первоначальная миграция этих народов, которая шла в двух направлениях: на северо-запад и юго-запад, т. е. вдоль Нила и к озерам Альберта и Виктории. В результате образовались две большие группы — северная и южная. Новый этап расселения начался в XVI в. Северная группа с середины XVI в. н. э. начала покидать свою территорию в юго-восточном Судане (с центром в Капоеста); центральная и южная в XVII в. двинулись из северо-восточной Уганды (с центром в Камалинга). Переселялось либо все племя, либо отделялась его часть, из которой со временем образовывалось самостоятельное племя. В этот период конфликты между племенами происходили, как правило, только в южном Судане, где одно племя сгоняло другое с земли. На малозаселенной же территории современной Уганды, Кении и Танзании происходило освоение незанятых земель. Обособление отдельных племен, их контакты с негрским и бушменским населением, разные условия жизни привели к созданию локальных особенностей социальной организации и материальной культуры, которые прослеживаются современными исследователями¹⁹. Таким образом, прародина народов, относящихся к этому антропологическому типу, находилась на юге Восточного Судана, в районе непосредственно прилегающем к собственно эфиопским народам²⁰.

Преимущественное занятие большинства этих народов — скотоводство. Они разводят ту же породу скота, что и фульбе, — зебу. Материальная культура народов Восточной Африки, говорящих на nilото-хамитских языках, как и у фульбе та же, что и у соседних негрских народов, ибо в значительной степени она заимствована у последних.

Не представляется возможным вообще определить тот комплекс элементов материальной культуры, который можно было бы считать исконно фульбским. Как показывают этнографические исследования,

¹⁶ Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951, стр. 314 сл. Г. Ф. Дебец, Антропологические данные о заселении Африки, стр. 404 сл.

¹⁷ Справочные работы по этим племенам выпущены Международным африканским институтом в Лондоне в 1953 г.: G. W. B. Huntingford, The northern Nilo-Hamites; P. Gulliver and P. H. Gulliver, The Central Nilo-Hamites; G. W. B. Huntingford, The Southern Nilo-Hamites.

¹⁸ См. работы, указанные в сноске 17; B. Ogot, History of the Southern Luo, vol. 1, Nairobi, 1967, p. 41; его же, The impact of the Nilotes. In: «The middle age of African history», London, 1967, p. 47, next.

¹⁹ Эти различия имеются внутри каждой племенной группы, даже у масаев-скотоводов. См., например: P. Spencer, The Samburu. A study of gerontocracy in a nomadic tribe, Berkeley—Los Angeles, 1965.

²⁰ Известно, например, что галла некогда жили в юго-западной Эфиопии, откуда они мигрировали на северо-восток только в XV в. H. S. Lewis, The origins of the Galla and Somali, «Journal of African history», London, 1966, vol. 7, № 1, pp. 27—46.

фульбе группы бороро, более других сохранившие традиционные формы хозяйства, социальной организации, верований, обходятся минимумом вещей. Они живут под открытым небом, воздвигая на стоянках загородки из веток. Только в период дождей из циновки сооружается низкая хижина. Их одежда из ткани, оружие, утварь и украшения — работы соседних народов. Ж. Габю приводит список изделий, изготавливаемых самими бороро в Азауа и Аире: амулеты, головные уборы со страусовыми перьями, церемониальный топор из дерева, подстилки из коры, два вида веревки, деревянная маслостойка и калессы с оплетенным растительным волокном горлом. К этому списку он добавляет медные браслеты, которые девушки носят на руках и ногах; их изготавливают местные ремесленники по специальному заказу бороро²¹.

Фульбе других групп, особенно знать, владеют массой вещей. Новое элементы их материальной культуры — от тех народов, с которыми они общаются. «То, что называется фульбским в Адамава — хаусанское или борнуанское, в Фута-Джаллоне — мандингское, в Масине — мандингское, сонинское или туарегское, в Сахеле — маврское»²².

Какие материалы о происхождении фульбе дает нам археология? Анри Лот выдвинул гипотезу, что самые красивые наскальные росписи Центральной Сахары (особенно в Тассили-н-Аджер) эпохи неолита («скотоводческий стиль») — дело рук прафульбе. Но эта гипотеза не находит себе подтверждения в археологическом материале, накопленном в значительном количестве за последние годы.

Итоги исследования каменного века в Центральной Сахаре подведены Анри Юго²³. Юго пришел к выводу, что на территории, где, по мнению Лота, в неолите жили негрские народы, а потом фульбе, существует только одна археологическая культура — неолит с суданской традицией, родственной неолитической культуре Хартума и Шахейнаба. К этому же выводу пришла и А. Кан-Фабре на основании сравнительного анализа инвентаря из стоянок и погребений Северной Африки и Сахары²⁴. Более того, удалось установить, что в неолитическом Тассили-н-Аджер вообще не было чисто скотоводческой культуры. Жившее здесь население сочетало земледелие с отгонным скотоводством²⁵. Как показывают палеоантропологические находки в Тассили и близлежащих районах, создателями этой археологической культуры были негроиды²⁶.

Таким образом, на сегодняшний день нет археологических данных, которые можно было бы определить как следы пребывания фульбе в неолитической Сахаре.

Исторические данные о фульбе, как традиционные, так и письменные, связаны с Западным Суданом. Фульбе впервые зафиксированы здесь в XI в., на территории древней Ганы (юг Мавритании).

Самые ранние сведения о фульбе содержатся в хрониках Вало²⁷. Государство Вало находилось в дельте р. Сенегал. Согласно местным

²¹ J. Gabus, *Au Sahara*, t. II, Neuchatel, 1955, p. 293.

²² V. Monteil, *Contribution à la sociologie des peuls* (Le «Fonds Vieillard» de l'IFAN), «Bulletin de l'Institut français d'Afrique Noire» (далее BIFAN), ser. B, Dakar, 1963, t. 25, № 3—4, p. 409.

²³ H. Hugot, *Recherches préhistoriques dans l'Ahaggar nordoccidental 1950—1957*, Paris, 1963, p. 209.

²⁴ H. Camps-Fabrer, *Matière et l'art mobilier dans la préhistoire nord-africaine et saharienne*, Paris, 1966, p. 574.

²⁵ H. Camps-Fabrer, *Les sculptures néolithiques de l'erg d'Admer. Leurs relations avec celles du Tassili n'Ajjer, «Libyca»*, Alger, 1967, t. 15, pp. 101—123.

²⁶ M.-Cl. Chamla, *Les populations anciennes du Sahara et des régions limithrophes*, Paris, 1968.

²⁷ R. Rousseau, *Le Sénégal d'autrefois, étude sur le Oualo*, cahiers de Yoro Dyao, «Bulletin du Comité d'études historique et scientifique d'A. O. F.», Paris, 1929, t. XII, № 1—2, pp. 133—211; H. Gaden, *Légendes et coutumes sénégalaises* (Cahiers de Yoro Dyao), «Revue d'ethnographie et de sociologie», Paris, 1912, vol. 3, № 3—4, pp. 119—137, № 5—8, pp. 191—202; V. Monteil, *Chronique du Walo sénégalaises (1186—1855)* par Amadou Wade (1886—1961), BIFAN, Dakar, 1964, ser. B, vol. 26, № 3—4, pp. 440—490.

традициям, некогда на этой территории жили племена рыболовов и охотников. Позднее сюда пришли эмигранты с территории Мавритании. Традиция сообщает о трех волнах переселенцев. Первыми были сосо, сереры и фульбе. Затем — волоф, которые прошли дальше на юг, увлекая за собой часть серер и сосо. И последние — мавры. Историю первых поселенцев предания излагают следующим образом. После разгрома Ганы войсками Абу Бакра ибн Омара (1076 г.) сереры и сосо под предводительством фульбе эмигрировали оттуда на запад современной Мавритании, где и остановились вблизи океана. Однажды вблизи поселения были замечены следы верблюда. Стало ясно, что беглецов выследили альморавиды. Устроили гадание, в результате которого было принято решение двигаться на юг. Так все они — фульбе, сосо и сереры, — оказались на берегах Сенегала, где позже, примерно в 1186 г. возникло государство Вало.

Устная историческая традиция серер подтверждает совместное пребывание серер и фульбе в древней Гане²⁸. Дошедшие до нас родословные свидетельствуют о постоянных брачных связях между этими племенами. Кстати, и управление государством Вало находилось также в руках представителей смешанных фульбо-серерских родов. В конце концов небольшая группа фульбе, обосновавшаяся на Сенегале, растворилась среди местного населения.

Основная масса фульбе сравнительно недолго задержалась в устье Сенегала. Отсюда фульбе со своими стадами двинулись на восток по течению реки. Космогоническая традиция фульбских племен²⁹ позволяет восстановить первоначальный маршрут их передвижения: вдоль русла Сенегала, затем по Бафингу к истоку Нигера, далее вверх по Нигеру до озер Дебо и Фагибине, в средней дельте реки. Фульбе пришли сюда в период расцвета империи Мали³⁰. Именно в связи с Мали мы имеем первое письменное упоминание о фульбе. Сообщая о посольстве императора Мали ко двору Борну, состоявшемуся в 1300 г., египетский историк ал-Макризи писал, что в составе этого посольства находились два фульбе³¹. Широкими международными связями Мали, очевидно, можно объяснить появление этнонима фульбе в работе Дульсера, картографа с Майорки, в 1339 г.³² В XIV—XV вв. начинается расселение фульбе по всему Западному Судану. Таким образом, общее направление движения фульбе в Западном Судане — запад — восток³³, по самым ранним данным, фульбе жили на крайнем западе, на территории древней Ганы.

Историческая традиция самих фульбе определенно утверждает, что они пришли с востока. Фульбе группы денянке считают, что предки современных фульбе пришли двумя волнами, первая — с территории Эфиопии, вторая — из Нубии³⁴. Согласно преданиям бороро, предки всех фульбе жили на востоке, у большой воды, где они получили свой скот. Относительно легендарного родоначальника фульбе существуют две версии. Первая называет некоего Фу, который чудесным образом стал обладателем скота. Исламизированные же фульбе считают, что их предком был посланец Мухамеда (выходец из Аравии или Египта)

²⁸ J. Richard-Molard, *Problèmes humains en Afrique Occidentale*, Paris, 1958, p. 85.

²⁹ A. Hampate Ba et G. Dieterlen, *Koumen, Texte initiatique des pasteurs peul*, Paris, 1961, p. 27 и сл.

³⁰ V. Monteil, *Contribution à la sociologie des peuls*, p. 398.

³¹ P. Bouche et R. Mauny, *Les sources écrites relatives à l'histoire des peuls et des toucouleurs*, «Notes africaines», Dakar, 1946, № 31, p. 8.

³² Там же.

³³ Схемы этого движения см. в работе: F. K. Düring. *Über den Ursprung und die Wanderungen der Fulbe*, «Mitteilungen aus den deutschen Schutzgebieten», Berlin, 1927, Bd. 34, S. 117—128.

³⁴ M. de Lavergne de Tressan, *An sujet des peuls*, BIFAN, Dakar, 1952, t. 14, № 4, p. 1556.

Укба (Окба, Юкба, Юкбату, Юкбата, Югюбата...). Причем в пространственных вариантах последней версии упоминаются оба имени, и Фу выступает уже в качестве доброго духа, от которого жена Укбы тоже рождает детей, или покровителя, который пригревает выгнанных детей Укбы. И во всех случаях получение скота связывается только с Фу³⁵.

Показательно, что именно получение скота — отправной момент во легендах фульбе о своем происхождении. Поэтому нам представляется необходимым рассмотреть вопрос о происхождении скота фульбе, вопросом которым до этого этнографы специально не занимались³⁶.

Во всех работах о фульбе указывается экзотическая для Западного Судана деталь их хозяйства — разведение зебу³⁷. В Центральном Судане зебу нет: этот вид скота в Африке разводят племена главным образом восточной половины материка, к югу от Сахары. Откуда же появились зебу у фульбе? В многочисленных исследованиях зоологов и зоотехников, опубликованных в послевоенный период, дается любопытная картина одомашнивания и распространения домашних животных на «чужбине» материке.

Принято считать, что зебу появились впервые на полуострове Индостан³⁸. Изображения зебу открыты здесь на петроглифах еще неолитического времени. При раскопках Мохенджо-Даро были найдены резные печати с изображением зебу (*Bos indicus*), которые датируются серединой III тысячелетия до н. э. В этих же слоях были найдены печати с изображением древнейшего безрогого быка (*Bos primigenius*), которых считали прародителем этого типа скота. От смешения этих двух типов произошли многочисленные породы зебу, распространившиеся еще в древности в Передней Азии. Изображение зебу было открыто в Месопотамии. Это статуэтка из обожженной глины, датируемая серединой I тысячелетия до н. э. Изображения зебу более позднего периода найдены на территории Ирана, Сирии и т. д. В настоящее время можно считать установленным, что в древности существовало по крайней мере два вида зебу: собственно индийский с короткими рогами и переднеазиатский большими горизонтально поставленными рогами.

Первоначально в Африке появились именно азиатские зебу. Они были завезены на территорию древнего Египта в период Среднего царства при XII династии (2000 — 1788 г. до н. э.)³⁹, но не получили широкого распространения. Незначительная часть зебу попала в подвластную Египту Нубию, где от скрещивания одомашненного на месте быка (*Bos africanus*) и переднеазиатских зебу произошел скот нилотов, который сейчас разводят племена шиллук, динка, нуэр⁴⁰. Очевидно, в долине Нила путем скрещивания этих зебу с обычным египетским скотом так называемым «хамитским длиннорогим» была получена порода сага, прошедшая с мигрирующими племенами через всю Центральную Африку⁴¹.

Индийский зебу распространился в Африке сравнительно недавно после арабского нашествия (VII в.). Его завозили через порты Востока

³⁵ M. Dupire, *Peuls nomades*, Paris, 1962, p. 28.

³⁶ Д. А. Ольдерогге в свое время высказал мнение, что зебу, разводимые фульбе переднеазиатского происхождения и попали в Западный Судан не ранее двух последних тысячелетий. По его мнению, фульбе могли заимствовать эти породы зебу уже в Западном Судане. См.: Д. А. Ольдерогге, *Западный Судан в XV—XIX вв.*, «Очерки истории и истории культуры», ТИЭ, т. 53, М.—Л., 1960, стр. 32.

³⁷ Следует отметить, что в Сенегале и Гвинее фульбе разводят местные породы безрогого скота, а в сахеле небольшое количество зебу имеется у туарегов и мавров.

³⁸ F. E. Zeuner, *The history of domesticated animals*, London, 1963, p. 236.

³⁹ A. Lucas, *Some Egyptian connections with Sudan agriculture*, In: «Agriculture in the Sudan», London, 1948, pp. 19—31; W. J. A. Payne, *The origin of domestic cattle in Africa*, «Empire journal of experimental agriculture», Oxford, 1964, vol. 32, № 126, p. 104.

⁴⁰ N. R. Joshi, E. A. McLaughlin and R. W. Phillips, *Types and breeds of African cattle* (FAO, «Agricultural Studies», № 37), Roma, 1957, p. 178.

⁴¹ Там же, стр. 7, 146.

ной Африки, откуда этот тип скота, то более чистой породы, как у готтентотов (современный африкандер)⁴², то получившийся в результате скрещивания с другими породами (восточноафриканский зебу), распространился очень широко⁴³. Это, собственно, и есть скот эфиопов.

Горбатый скот Западного Судана тоже произошел от индийского зебу⁴⁴. Породы зебу, которые разводят мавры и туареги, заимствованы этими племенами у арабов-кочевников, переселившихся в нило-чадский регион в XI—XIII вв. н. э.⁴⁵

Фульбе разводят пять пород зебу, которые стоят особняком не только в Западном Судане, но и во всей Африке⁴⁶. Это группа пород зебу с рогами в виде лиры: зебу фульбе Сенегала, зебу фульбе Судана (Мали), фульбские белые зебу (Северная Нигерия), зебу фульбе Нигера и зебу бороро (фульбские красные зебу).

По мнению зоологов, фульбские зебу произошли от скрещивания индийских зебу и «хамитского длинноногого» скота, распространенного в древности в Египте и на территории Сахары⁴⁷.

Мы не располагаем археологическими или письменными данными о существовании скотоводства к югу от Сенегала — Нигера в древности. Первые сведения такого рода появляются у средневековых авторов⁴⁸.

Ал-Бакри (XI в.) сообщает о разведении крупного рогатого скота в городе Силла (на Сенегале) и в стране Малал (Мали). Отдельные заметки по этому вопросу имеются у ал-Омари (первая половина XIX в.), Ибн Батуты (XIV в.) и Льва Африканского (начало XVI в.). Ал-Омари сообщает, что скот в Мали был карликовой породы. Присутствие этой породы отмечает Лев Африканский в Гобире и Канеме.

Описанный арабскими авторами вид скота — это местные безгорбые породы, отличающиеся малыми размерами и короткими рогами. Это породы ндама и западноафриканские «короткорогие». Они были выведены уже в Судане из скота, пригнанного берберами из Марокко⁴⁹. Эти породы происходят от европейского скота (*Bos taurus*)⁵⁰.

Подведем итоги нашего зоотехнического экскурса: зебу фульбе являются результатом скрещивания индийского типа зебу и «хамитского длинноногого» скота. Индийский зебу распространился в Африке не ранее конца VII в. н. э. В Западный Судан, к маврам и туарегам, скот зебу попал от переселенцев из Аравии, т. е. не ранее XII—XIII вв. н. э. «Хамитского длинноногого» скота в современной суданской зоне нет и не было. Значит, свой скот фульбе не могли получить в Западном Судане. Не могли они заимствовать его и в Сахаре, где стада «хамитского длинноногого» скота паслись в период неолита, а в VII в. н. э. уже была пустыня. Порода фульбских зебу могла сложиться только на востоке материка, куда ввозили индийских зебу и где (в Эфиопии и Восточном Судане) был распространен «хамитский длинноногий» скот⁵¹. Отсюда следует, что фульбе пришли в Западный Судан со своим скотом, который они могли получить только на востоке материка и не ранее VII в. н. э. Этот факт имеет первостепенную важность.

⁴² Там же, стр. 268.

⁴³ Там же, стр. 13, 203, и сл.

⁴⁴ Там же, стр. 6.

⁴⁵ Там же, стр. 41 и сл.

⁴⁶ Там же, стр. 7, 87 и сл.

⁴⁷ N. R. Joshi, E. A. McLaughlin and R. W. Phillips, Указ. паб., p. 102; D. Hill, The origin of West African cattle, «Ibadan», 1957, Oct., № 1, p. 16; N. T. Grunnet, Man and ox in Africa, «Folk», København, 1964, vol. 6, № 2, p. 32.

⁴⁸ T. Lewicky, Animal husbandry among medieval agricultural peoples of Western and Middle Sudan. «Acta ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», Budapest, 1965, t. XI, fasc. 1—2, pp. 165—178.

⁴⁹ N. R. Joshi, E. A. McLaughlin and R. W. Phillips, Указ. паб., стр. 118.

⁵⁰ D. Hill, Указ. паб., стр. 15.

⁵¹ M. D. Gwynne, The possible origine of the dwarf cattle of Socotra, «Geographical journal», London, 1967, vol. 133, pp. 1, 39.

Все данные, которые мы рассматривали до сих пор, связывают фуль с Восточным Суданом, а язык фульбе, по данным современной лингистики, относится к западноатлантической группе, и ближе всего от языку серер (собственно, к небольшой группе серер-син). Дж. Гринберг указывает на генетическое родство этих языков.

Это дало основание С. Я. Козлову высказать гипотезу о центральном сахарском происхождении этих двух народов. По мнению С. Я. Козлова языковая близость при численном превосходстве фульбе над серер полностью исключает возможность заимствования языка первыми у вторых⁵². Суждения самого Гринберга о возможности такого заимствования совсем не столь категоричны. «Возможно, фульбе некогда говорили на другом языке и заменили его местным языком. Так могло быть, но лингвистические данные показывают, что это могло произойти в той мере с фульбе, как с серер или другими народами этой области. Для этого нет лингвистических доказательств. Каким бы ни было это, однако, невосстановимое прошлое, в настоящее время фульбе говорят на языке западноатлантической группы»⁵³.

Таким образом, американский ученый не считает возможным с лингвистической точки зрения установить, каким был в древности язык фульбе. При сравнении численности современных фульбе и современных серер такая замена представляется маловероятной. Но С. Я. Козлов сравнивает современное население. А каким было это соотношение 400-500 лет назад? Этого пока никто не знает. Нет данных, по которым можно было бы установить численность серер и фульбе в древности. Что касается вопроса о политическом господстве небольшого земледельческого племени серер над кочевниками фульбе, который вызывает весьма скептическое отношение С. Я. Козлова, следует напомнить о существовании серерского в своей основе государства Вало (возникло в XII в. и двух серерских государств в XV в.⁵⁴, т. е. существовавших задолго до того, как фульбе начинают играть заметную роль в политической жизни Западного Судана. Такова была реальная обстановка в Сенегамбии в раннем западносуданском средневековье. В этих условиях могла произойти смена языка.

Далее, как отметил сам С. Я. Козлов, лингвисты Дж. Гринберг и А. Лабуре не находят никаких следов языка другой, кроме западноатлантической, группы в языке фульбе, а любитель-этнограф Т. Энгерм выделил в языке фульбе целый ряд корневых слов из амхарского языка, языков геиз, сомали и других семито-хамитских языков, распространенных в Северо-Восточной Африке⁵⁵. Причем семантика этих слов заставляет думать, что они не являются поздними заимствованиями. В других же языках западноатлантической группы эти слова неизвестны.

К каким выводам можно прийти на основе всех приведенных выше материалов? Антропологически фульбе можно отнести к условной так называемой «нилото-хамитской» группе народов Восточной Африки, прародина которых находилась в Восточном Судане. Предания фульбе сообщают об их приходе в Западный Судан с востока материка. Язык фульбе, который принадлежит к группе серер-волоф, содержит ряд корневых слов восточноафриканского, «семито-хамитского» происхождения.

⁵² С. Я. Козлов, Указ. раб.

⁵³ Y. H. Greenberg, *Languages of Africa*, The Hague, 1966, p. 30.

⁵⁴ M. C. Sékéne, *Civilisation wolof-sérère*, «Presence africaine», Paris, 1967, № 62, pp. 121—146.

⁵⁵ T. Engeström, *Apport à la théorie des origines du peuple et la langue peule*, Stockholm, 1954; H. G. Mukarovsky, *Fulund Hamitentum*, «Paideuma», Wiesbaden, 1967, Bd. 13, S. 130—142; его же, *Anlautwechsel nominale und verbale Formen im Ful*, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Wien, 1968, Bd. 58, S. 1—23.

не встречающихся в других языках этой группы. Этнографические данные показывают, что материальная культура фульбе в основном заимствована у их соседей-негров, но фульбе и «нилоты-хамиты», состоящие в одной антропологической подгруппе, ведут один тип хозяйства, разводят одну породу скота. Согласно заключениям зоологов, скот, с которым фульбе связывают свое происхождение, мог быть получен ими только в Восточном Судане и не ранее VII в. н. э. Археологические следы пребывания фульбе в неолитической Сахаре не прослеживаются. В истории Западного Судана они упоминаются впервые в XI в. н. э.

Единственный вывод, который, на наш взгляд, можно сделать из всего этого: фульбе пришли в Западный Судан из Восточного, откуда они вышли не ранее VII в. н. э.

Сам факт миграции из Восточного Судана в Западный — явление, известное в африканской истории⁵⁶. Причины миграции фульбе отражены в легенде, повествующей о том, что некогда фульбе обитали в цветущей стране, где всего было в изобилии и где поголовье скота ежегодно удваивалось. Самый большой город этой страны назывался Йойо. Но некоторые фульбе нарушили обычаи предков. Тогда Жено, высшее божество фульбе, разгневался и проклял их страну. Начались страшные засухи, превратившие все в пустыню. И фульбе ушли в другие места⁵⁷. Таким образом, примерно в VII—VIII вв. н. э., возможно вследствие регулярных засух, фульбе двинулись с востока материка на запад.

Действительно, уже с первых веков нашей эры началось резкое уменьшение количества осадков, выпадавших в Восточном Судане, в результате чего стала резко сокращаться площадь обрабатываемой земли и пастбищ⁵⁸.

Где проходили фульбе? В то время была возможна только одна дорога — по южной границе Сахары. Образование пустыни началось около 2700 г. до н. э.⁵⁹ и особенно прогрессировало именно в нашем тысячелетии⁶⁰. Высыхание с самого начала шло неравномерно, не только от центра к краям, но и с востока на запад⁶¹. Ливийская пустыня существовала уже во времена Геродота, а Аудагост был засыпан песком только в позднем средневековье. Расширение пустыни вызвало массовую миграцию с территории Сахары, которая в конце I тысячелетия н. э. приняла определенное, юго-западное направление. Нило-чадский регион в это время был областью, через которую шло массовое перемещение населения в Центральный и Западный Судан⁶². Очевидно, здесь и проходили фульбе. Об этом свидетельствуют данные археологии и устной традиции. Так, на севере Тибести среди петроглифов железного века, которые датируются I тысячелетием н. э., открыты изображения зебу⁶³. По преданиям

⁵⁶ C. Pairault, Boum—le Grand, village d'Iro, Paris, 1966, p. 25; E. Mohamadau, Pour une histoire du Cameroun central: les traditions historiques de voute ou «baboutes», «Abbia», Yaounde, 1967, № 16, pp. 59—127.

⁵⁷ A. Namptate Ba, Des Fulbe du Mali et de leur culture, «Abbia», Yaounde, 1966, № 14—15, p. 29 сл.

⁵⁸ И. С. Кацнельсон, Напата и Мероэ — древние царства Судана, М., 1970, стр. 249, 267.

⁵⁹ P. Quezel, De l'application de technique palynologiques à un territoire désertique, Paléoclimatologie du Quaternaire recent du Sahara, in: «Changes of Climat. Proceedings of the Rome symposium organized by UNESCO and the World meteorological organization», Paris, 1962, pp. 243—249.

⁶⁰ Y. Meriel, Les oscillations des climats de la zone aride dans le dernier million d'années, «Nature, science, progress», Paris, 1962, № 3322, pp. 69—74.

⁶¹ О. Бернар, Северная и Западная Африка, М., 1949, стр. 292.

⁶² Д. А. Ольдерогге, Происхождение народов Центрального Судана (Из древнейшей истории языков группы хауса-котоко), «Сов. этнография», М., 1952, № 2, стр. 23—38.

⁶³ P. Huard et O. Lopatinsky, Gravures réepestres de Gonoa et de Bardai (Nord Tibesti), «Bulletin de la Société préhistoire française», Paris, 1962, t. 59, fasc. 9—10, pp. 626—635.

фульбе, через этот район пролегал маршрут их предков⁶⁴. Попад на территорию Мавритании, они прошли через Валату⁶⁵ в Гану (начало XI в.). Об их пребывании в области Западный Ход свидетельствуют предания серер; в области Тагант — отдельные местные топонимы⁶⁶. Долго они здесь не задержались. Нашествие альморавидов (конец XI в.) заставило их двинуться дальше на запад. Следы их более продолжительного пребывания обнаружены в области Бракна, где очень много топонимов до исламского времени — фульбского происхождения — и многие роды все еще ходят к фульбе⁶⁷. Но уже в XII в. они уходят за Сенегал.

Все современные фульбе ведут свое происхождение от четырех кланов⁶⁸. Возможно, в Западный Судан они шли небольшой частью, севернее остальных мигрантов, ни с кем не контактируя по дороге. Об этом, как нам кажется, может свидетельствовать сохранившаяся у бороро эндемичная гонимая. Сталкивались ли они с арабами, сказать трудно. Предания о Укбе (которого отождествляют с покорителем Магриба арабским военачальником Укбой бен-Нафи) большинство ученых считает поздней исламской версией⁶⁹. Удивляет связь с именем полководца VII в.: фульбе приняли ислам не раньше X—XI вв.⁷⁰. Может быть, это отзвук каких-нибудь косвенных связей, как легенда о Баяджиде у хауса⁷¹.

Прибыв на территории Мавритании, фульбе вступили в контакт с местными племенами, стоявшими на более высокой ступени культурного развития. Во всех вариантах хроник Вало фульбе, серер и сосо выступают в тесном единстве. Возможно, этот факт следует объяснять взаимной экономической заинтересованностью друг в друге скотоводов фульбы и земледельцев серер-сосо⁷². Являясь единственными скотоводами в Западном Судане, фульбе оказались в очень благоприятных условиях: их хозяйство развивалось, их численность росла. Постепенно, под влиянием оседлых, земледельческих народов, в окружении которых они жили, менялись их нравы и обычаи. И только небольшая часть фульбе-кочевников, бороро, сохранила до наших дней традиции предков.

MATERIALS FOR THE ETHNIC HISTORY OF THE FULBE

Problems of the genesis and history of the Fulbe people are investigated by aid of ethnographical, anthropological, archaeological and linguistic data, oral and written sources. Data from the natural sciences are adduced, including materials on the origins of Fulbe cattle. The author reaches the conclusion that the Fulbe stem from Eastern Sudan and their migration to the West dates not earlier than the 7-th century A. D.

⁶⁴ M. Laver gne de Tressan, Указ. раб., p. 1556.

⁶⁵ H. Gaden, *Tarikh peul de Douentza* (1895), BIFAN, 1968, t. 30, № 2, p. 683.

⁶⁶ Ch. Toupet, *La vallée de la Tamourt en Naaj, Tagant*, BIFAN, 1958, t. 20, № 2, p. 109.

⁶⁷ O. Ba, *Sites historiques du Brakna (Mauritanie)* in: *Congres international des africanistes*, 2-me, Dakar 1967, *Sciences historiques. Rapports*, pp. 1—5, var pag.; O. Ba, *Des sites historiques au Brakna*, «Notes africaines», Dakar, 1968, № 118, pp. 60—62.

⁶⁸ A. Hampate Ba et G. Dieterlen, Указ. раб., стр. 10.

⁶⁹ M. Dupire, Указ. раб., стр. 32.

⁷⁰ Е. А. Тарвердова, *Распространение ислама в Западной Африке (XI—XVI вв.)*, М., 1967, стр. 74.

⁷¹ W. K. R. Hallam, *The Bayajada legend in Hausa folklore*, «Journal of African history», London, 1966, vol. 7, № 1, pp. 47—60.

⁷² J. Robin, *D'un royaume amphibie et fort disparate*, «African studies», Johannesburg, 1946, vol. 5, № 4, pp. 250—256.

Н. А. Сердобов

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ
ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Советская историческая наука придает очень большое значение разработке этнической истории народов Сибири, которые лишь после Великого Октября получили возможность подлинного национального развития. Важной вехой в развитии сибиреведения является выход пятитомной «Истории Сибири»¹. Это издание и другие труды² способствовали организации и координации широких комплексных научных исследований по истории народов Сибири. Видное место в исследованиях по этнической истории Южной Сибири занимают работы Л. Р. Кызласова. К сожалению, некоторые его выводы вызывают возражения. Например, феодальное государство енисейских киргизов-кочевников (названное им «древне-хакасским») и его правителей Л. Р. Кызласов наделяет несвойственными им чертами, принижая в то же время роль и значение в историческом процессе племен, обитавших на территории современной Тувы и Горного Алтая.

Эти области, как и территория северо-западной Монголии, именуются автором княжествами или улусами «древнехакасского» государства³.

Известно, что в 840 г. енисейские киргизы, разгромив уйгуров, захватили обширные районы Южной Сибири и Центральной Азии и установили здесь военно-феодальный режим. Поэтому трудно согласиться с оценкой Л. Р. Кызласовым деятельности киргизских феодальных правителей в IX в. Он приписывает им лишь оборонительные мотивы: «Хакасам,— пишет он,— важно было прежде всего освободить от уйгуров территорию Тувы и разгромить уйгурскую мощь, чтобы ликвидировать возможность нового уйгурского завоевания»⁴.

Утверждение Л. Р. Кызласова о стремлении «хакасов» обезопасить себя от уйгурской экспансии противоречит известным нам историческим фактам. Уйгуры не проникали к северу от Саян, а напротив, строили на территории Тувы сложные оборонительные сооружения, чтобы защитить себя от вторжения енисейских киргизов с севера⁵. Впрочем, это ясно и

¹ «История Сибири с древнейших времен до наших дней», тт. 1—5, Л., 1968—1969.

² С. И. Вайнштейн, Происхождение и историческая этнография тувинского народа, М., 1969; Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969 и др.; см. также «Материалы конференции „Этногенез народов Северной Азии“», вып. I, Новосибирск, 1969.

³ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, М., 1969, стр. 124.

⁴ Л. Р. Кызласов, Указ. раб., стр. 94.

⁵ С. И. Вайнштейн, Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве, «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» (далее УЗТНИИЯЛИ), вып. VII, Кызыл, 1959.

для самого автора, который несколькими страницами раньше пишет «Уйгурские городища и крепости, как и вся оборонительная линия, были предназначены для прикрытия наиболее плодородных земель центральной и западной Тувы, где находились основные пахотные земли, от вторжения северных врагов — древних хакасов»⁶. Нельзя согласиться также с утверждением автора, что военная экспансия правителей «древнехакасского государства» была связана со стремлением их к сближению с Таранской династией Китая⁷. Едва ли есть основание сомневаться в том, что внешняя экспансия «древнехакасских» правителей определялась их классовыми интересами, на что в свое время справедливо обратил внимание С. В. Киселев, который писал: «Война, как средство ослабления социальных противоречий у себя дома, определяет «внешнюю политику» не только только кыргызов»⁸. Факты говорят, следовательно, не о мирных акциях «древнехакасской» феодальной знати, а о ее военно-феодальной экспансии, причинившей многочисленные бедствия как населению, подвергавшемуся нападению, так и собственному народу.

Определенная идеализация «древнехакасского» государства сказывается также в следующих утверждениях Л. Р. Кызласова, не опирающихся на фактический материал. Он пишет, например, о широком распространении грамотности «в древнехакасском» государстве, причем «не только среди знати, но и среди простого народа», о наличии «каких-то школ и, во всяком случае, учителей» о том, что «знатные хакасы не удовлетворялись „домашним образованием“ своих детей и посылали их ...за границу в киданьское государство Ляо». Мы встречаем у Л. Р. Кызласова и утверждение, что «некоторые хакасские юноши к пятнадцати годам уже были достаточно грамотны, и наиболее способные из них посылались для продолжения образования в Северный Китай». По предположению Л. Р. Кызласова, «в древнехакасском государстве была своя литература — были рукописные книги... Должна быть и переводная литература...». Не менее сомнительно также утверждение, что для населения «древнехакасского», государства было «характерно знакомство с культурой запада и востока. Этому способствовали широкие культурные, торговые и посольские связи. Сами хакасы в ту пору ездили в Среднюю Азию, Восточный Туркестан, Тибет, Китай, киданьское государство Ляо...». «Слава о древнехакасском государстве в эпоху его расцвета была распространена очень широко»⁹.

Едва ли нужно доказывать, насколько далека от истины подобная характеристика «древнехакасского» государства кочевников. Л. Р. Кызласов сам пишет, что в состав «древнехакасского» государства входили, кроме тюркоязычного «рода» киргизов, самодийские, кетские и угорские племена или родо-племенные группы, которые в то время еще находились в процессе тюркизации. Тюркоязычная енисейская письменность, приписываемая автором «древним хакасам», конечно, не могла быть, вопреки его заявлению, «литературным языком»¹⁰. Существование енисейской рунической письменности, доступной в какой-то степени только тюркоязычным племенам, не может служить подтверждением языковой общности сложного по этническому составу населения «древнехакасского» государства.

В статье «Новая датировка памятников енисейской письменности» проводится мысль, что известная енисейская руническая письменность тюрков создана «древними хакасами». Письменные памятники, найденные в Туве (к настоящему времени обнаружено более 60 надписей), при-

⁶ Л. Р. Кызласов, Указ. раб., стр. 84.

⁷ Там же, стр. 94.

⁸ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1951, стр. 598.

⁹ Л. Р. Кызласов, Указ. раб., стр. 126—129.

¹⁰ Там же, стр. 91.

надлежат, считает Кызласов, «древним хакасам». Только две надписи он относит к местным племенам Тувы, которые, по его мнению, позаимствовали письменность не у тюрков или уйгуров, а у «древних хакасов»¹¹. Ряд тюркологов уже показали ошибочность и тенденциозность данного утверждения¹². Таким образом, Л. Р. Кызласовым рисуется далекая от объективности картина исторического прошлого современных тувинцев, хакасов, алтайцев и других народов Южной Сибири.

Стремление к односторонней оценке «древнехакасского» государства вытекает, очевидно, из концепции автора, пропагандируемой им на протяжении ряда лет. Суть ее сформулирована им в специальной статье. Автор пишет: «Кыргыз — есть древний аристократический династический род средневековых хакасов. Хакас — есть общее имя слагавшейся в VI—XII веках средневековой народности Саяно-Алтайского нагорья, процесс развития которой грубо прерван монгольским нашествием в начале XIII века. Кыргызов как особого народа на Енисее никогда не было и нет никаких данных для утверждения, что слово «кыргыз» когда-либо было самоназванием всего населения Хакасско-Минусинской котловины... Создали это государство и населяли его в VI—XII веках древние хакасы, и потому историческая справедливость обязывает нас называть его государством древних хакасов»¹³.

Как видно, Л. Р. Кызласов основывает свою концепцию на противопоставлении известных по письменным источникам двух терминов — «кыргыз» и «хягяс», выдавая их за разные названия и придавая им различные толкование. При этом термин «хягяс» он заменяет словом «хакас» и решительно заявляет следующее: «Совершенно очевидно, что записанное китайцами в VI—VII вв. чужеземное слово «хакас», вопреки мнению ряда исследователей, нельзя считать транскрипцией тюркского слова «кыргыз», эквивалентом которого является китайское «гяньгунь»¹⁴. Можно только удивляться, что Л. Р. Кызласов поправляет выводы ряда лингвистов-синологов, установивших, что термин «хягяс» является китайской записью названия «киргыз».

Недавно специально по этому вопросу выступил один из авторитетных советских синологов С. Е. Яхонтов¹⁵. Опираясь на китайские источники и на новейшие достижения в исследовании исторической фонетики китайского языка, С. Е. Яхонтов показал, что этноним киргиз «в разное время записывался по-разному: (1) гэгунь (гэкунь), (2) гяньгунь (гянькунь), (3) кигу, (4) гегу, (5) хэгусы, (6) хягясы»¹⁶. В отношении формы «хягясы» автор замечает: «Правда, существует мнение, что последняя из этих форм — (6) хягясы — обозначает другое слово (произношение которого реконструируется как хакас) и имеет иное значение, чем остальные. Однако в китайских источниках все перечисленные формы рассматриваются как название одного и того же народа или государства»¹⁷. С. Е. Яхонтов указывает, что реконструкция «хягясы» как «хакас» не

¹¹ Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, «Сов. археология», 1960, № 3, стр. 98; его же, История Тувы в средние века, стр. 116.

¹² И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя Енисейка, Фрунзе, 1962; И. А. Батманов, О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности, УЗТНИИЯЛИ, вып. X, 1963; С. И. Вайнштейн, Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары, там же.

¹³ Л. Р. Кызласов, Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI—XII веков, «Народы Азии и Африки», 1968, № 4, стр. 97; перепечатано: Л. Р. Кызласов, Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI—XII веков, «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» (далее УЗХНИИЯЛИ), вып. XIII. Абакан, 1969, стр. 19—20.

¹⁴ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 89.

¹⁵ С. Е. Яхонтов, Древнейшие упоминания названия «киргыз», «Сов. этнография», 1970, № 2.

¹⁶ Там же, стр. 110.

¹⁷ Там же.

может быть принята. Также не может быть сближена с китайским названием «хягасы» и современная форма хаас, как это предлагает Л. Р. Кызласов.

С. Е. Яхонтов делает по данному вопросу следующее заключение: «Среди перечисленных китайских названий наиболее обычными являются (2) гяньгунь, (4) гегу и (6) хягасы. Везде, где эти наименования выступают в пределах одного и того же текста, как в уже упоминавшемся разделе о хягасы в «Новой истории Тан» или в разделе о гегу в «Та хуйяо», они определенно считаются равнозначными, и это специально оговаривается. Только в текстах компилятивного характера, включающих ряд отрывочных заметок различного происхождения, эти названия могут употребляться параллельно, не будучи отождествляемыми»¹⁸.

Таким образом, термин «хягасы», интерпретируемый Л. Р. Кызласовым как особое название народа — хакас, отличное от киргызов, на самом деле отражает исходную форму названия «киргиз»¹⁹. Но возникает вопрос, чем же вызвана столь пристрастная приверженность Л. Р. Кызласова к термину «хакас», настойчивое стремление противопоставить его названию «киргиз»? Скорее всего, здесь проявляется желание связать этот термин с современным наименованием советской народности, проживающей в Хакасской автономной области. Однако нужно сразу же оговориться, что современное наименование хакасской народности, окончательно сформировавшейся только в условиях Советского государственного строя, не является ее древним самоназванием. Ближайшие исторические предки этой народности — качинцы, сагайцы, бельтиры и др. (в том числе и енисейские киргизы XVII в.) — никогда себя хакасами не называли и даже не знали этого термина²⁰.

Стремление отвести ведущую роль в истории Южной Сибири и Центральной Азии «древним хакасам», «обосновать» историческую и этногенетическую преемственность между ними и современными хакасами отчетливо выступает и в ряде других работ Л. Р. Кызласова²¹. В рамках данной статьи невозможно рассмотреть все эти вопросы.

Необходимо отметить, что ошибочные взгляды Л. Р. Кызласова нашли последователей. Более того, была предпринята попытка распространить эту концепцию и на поздний период (XVII — начало XX в.) истории Южной Сибири²², хотя данный период хорошо освещен фактическими материалами русских письменных исторических источников и в ряде исследований советских ученых²³. В статье К. Г. Копкоева, посвященной этногенезу современной хакасской народности, енисейские киргизы XVII в., также именуются хакасами²⁴, несмотря на то, что термин «хакас» не только не упоминается в каких-либо источниках, как уже говорилось

¹⁸ С. Е. Яхонтов, Указ. раб., стр. 111.

¹⁹ Вполне естественно, что и в «Сокровенном сказании» монголов и в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина на Саяно-Алтайском нагорье фигурирует народ и область киргиз, а не хакас.

²⁰ См. Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957.

²¹ См., например, Л. Р. Кызласов. Из истории племен Саяно-Алтайского нагорья в XIII—XV вв., УЗХНИИЯЛИ, вып. XI, 1965.

²² К. Г. Копкоев, Некоторые данные к вопросу о происхождении хакасской народности, УЗХНИИЯЛИ, вып. VIII, Абакан, 1960; его же, Об угоне «енисейских киргизов» в Джунгарию в начале XVIII века, УЗХНИИЯЛИ, вып. XI, Абакан, 1965; В. Г. Карцов, Хакасия в период разложения феодализма (XVIII — первая половина XIX в.), Абакан, 1970; М. И. Богояков, К вопросу о формировании общенародного хакасского языка в сб. «В братской семье народов», Абакан, 1968.

²³ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III, Избранные труды по истории Сибири XVI—XVII вв., ч. II, М., 1955; Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири XVII в., М., 1960, и др.

²⁴ К. Г. Копкоев, «Енисейские киргизы» и этногенез хакасов, УЗХНИИЯЛИ, вып. XIII, стр. 21—38.

выше, но и вообще не был известен местному населению, о чем свидетельствует большая этнографическая литература. К. Г. Копкоев считает енисейских киргизов лишь родом (сеоком) хакасов. Говоря о хакасах, он имеет в виду как феодальные улусы енисейских киргизов XVII в., так и ряд мелких родо-племенных групп, различных по языку и происхождению, представлявших собой киргизских киштымов-данников.

Единственное доказательство, которое приводит К. Г. Копкоев, это ссылка на малочисленность енисейских киргизов в XVII. При этом автор игнорирует хорошо известные документальные данные, которые противостоят его утверждениям. В исследовании Б. О. Долгих численность киргизов определена в 4000—5000 чел.²⁵, К. Г. Копкоев же пытается определить эту численность в 1000—1500 чел. Остается только поражаться, каким образом малочисленный сеок мог выдвинуть из своей среды такое количество князей и на протяжении всего XVII в. доставлять крупные неприятности местным царским властям. Неясно также, как мог этот род (сеок) почти непрерывно в течение XVII в. производить вооруженные набеги на мирное местное население и русских поселенцев, грабить, разорять жилища, уводить в плен своих же «хакасов»?²⁶

К. Г. Копкоев не только отрицает существование «знаменитых» енисейских киргизов, как народа, но еще пытается утверждать, что енисейские киргизы не имели в Минусинской котловине своей территории²⁷, так как большая часть Минусинской котловины, именовавшаяся в русских исторических документах начала XVII в. «киргисские земли» или «киргиссы»²⁸, была заселена будто бы лишь «хакасскими племенами», под которыми он имеет в виду упомянутых выше киргизских киштымов (т. е. кетоязычных аринов, коттов, ястынцев, асанов, самодийскоязычных койбалов и маторов, тюркоязычных качинцев, сагайцев, бельтиров, кызыльцев и т. д.).

Автора не смущает, что киргизы, объявленные им аристократическим «династическим» родом, не имели своей земли. Династический род без земли — теоретически малооправданная историческая реконструкция. Вполне понятно отсюда, что К. Г. Копкоев обходит вопрос о том, на какой экономической основе держалась власть сеока (рода) енисейских киргизов, разбросанного будто бы среди «хакасских племен или этнических групп»²⁹, если киргизы не были собственниками обширной территории и не имели своей земли. Здесь ясно выступает забвение автором одного из важнейших методологических принципов исследования советских историков — классового подхода к изучаемым явлениям. Разве мог состоять сеок-род, численность которого составляла (даже по Копкоеву) около 1500 чел., только из одной знати и не иметь в своем составе рядовых тружеников, угнетаемых и зависимых. Разве можно также рассматривать всех разноязычных киштымов-данников (по К. Г. Копкоеву до 10 000 чел.)³⁰ как социально однородную массу, угнетаемую только киргизским родом.

Утверждая вслед за Л. Р. Кызласовым, что енисейских киргизов как народа не существовало уже с VI в., К. Г. Копкоев приходит в то же время к выводу, что «хакасы (речь идет о современных хакасах — Н. С.) — прямые потомки древних кыргызов Енисея»³¹. Другими словами, утверждается, что современные хакасы являются прямыми потомками «рода»

²⁵ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 117.

²⁶ Большой фактический материал по этому вопросу см. в книге Л. П. Потапова «Происхождение и формирование хакасской народности», в главе «Енисейские киргизы», стр. 11—69.

²⁷ К. Г. Копкоев, «Енисейские киргизы» и этногенез хакасов, стр. 30.

²⁸ Г. Миллер, История Сибири, т. I, М.—Л., 1937; стр. 412; З. Я. Бояршина, Население Томского уезда в XVII в., «Труды Томского гос. ун-та», т. 112, Томск, 1950.

²⁹ К. Г. Копкоев, «Енисейские киргизы» и этногенез хакасов, стр. 30, 31.

³⁰ Там же, стр. 29.

³¹ Там же, стр. 38.

енисейских киргизов, главенствовавшего в «древнехакасском» государстве, потомками правителей этого государства.

Если придерживаться объективной позиции, то нет никаких оснований сомневаться в большой роли, которую играли енисейские киргизы как народ, в этнической истории населения Саяно-Алтайского нагорья с периода раннего средневековья и вплоть до начала XVIII в., когда они оказались раздробленными и в большей своей части насильственно уведенными в Джунгарию. Известно, что енисейские киргизы вошли одним из этнических компонентов не только в состав современной хакасской народности, сложившейся на основе смешанного этнического субстрата. Этот компонент устанавливается и в составе современных тувинцев, среднеазиатских киргизов, алтайцев и др.³² Нет никакой нужды умалывать эту роль и превращать енисейских киргизов в «династийный» сеок-род (неизвестно, каким образом сохранившийся в этом виде на протяжении почти полутора тысяч лет), как недопустимо превращать их и в хакасов. Современная хакасская народность, как бы поздно она ни сформировалась, внесла непосредственно и через своих многочисленных предков вклад в историю культуры народов Южной Сибири. Современные хакасы могут по праву гордиться своей историей, особенно советского периода, своими традициями, сформировавшимися в процессе революционной борьбы и социалистического строительства. История современного хакасского народа не нуждается ни в ее удревлении, ни в идеализации, ни в приукрашивании, тем более за счет искажения и умаления роли других народов.

SOME NOTES ON THE ETHNIC HISTORY OF SOUTH SIBERIAN PEOPLES

The progress of Soviet historical science in the field of Siberian studies is noted in the article. At the same time the author remarks upon what he considers as profoundly erroneous theses propounded by certain researchers in the history of South Siberian peoples (L. R. Kyzlasov, K. G. Kopkoyev). First and foremost these authors deny that the Yenisey Kirghiz are one of the earliest peoples of South Siberia and limit their role to that of a dynasty clan of the Mediaeval Khakass (a nationality nowhere mentioned in written sources). The use of the term Khakass with regard to the Mediaeval population of South Siberia is an erroneous linguistic reconstruction of a Chinese name for the Kirghiz — «Khiagasy». The author also regards as incorrect the attempt to introduce into scientific literature an «early Khakass state» in place of the well-known Mediaeval state of the Kirghiz and to attribute to it an excessively (for that period) high level of cultural development, also an «early Khakass written language» instead of the Yenisey Turkic written language, etc. The erroneousness of identifying the «Early Khakass» as direct historical ancestors of the present-day Soviet Khakass nationality is shown; this latter was formed in the XVIII—XX centuries from various Turkic-speaking, Samodian and Ket-speaking components.

³² С. И. Вайнштейн, Очерки этногенеза тувинцев, УЗТНИИЯЛИ, вып. V, Кызыл, 1957; В. П. Алексеев, Происхождение хакасского народа в свете антропологических данных, сб. «Материалы по истории, археологии и этнографии Красноярского края», вып. 1, Красноярск, 1961.

Л. Р. Кызласов

ЕЩЕ РАЗ О ТЕРМИНАХ «ХАКАС» И «КЫРГЫЗ»

При ознакомлении со статьей Н. А. Сердобова «О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири» прежде всего удивляет тон и дух ее, чуждый, с моей точки зрения, объективной научной дискуссии. В ней не содержится ссылок на конкретные источники или материалы, нет разбора фактов, приведенных авторами, которых он подвергает критике.

По моему мнению, Н. А. Сердобов по меньшей мере непоследователен. Мною написана монография «История Тувы в средние века» (Издательство Московского университета, 1969), которую в целом наш оппонент не рассматривает. Он умалчивает о том, что книга получила положительную оценку в опубликованных рецензиях¹. Он вырывает из контекста книги только одну IV главу и подвергает сомнению некоторые ее выводы и положения, ссылаясь при этом также на материалы моих подготовительных статей, которые вошли в ту же главу.

Но непоследовательность Н. А. Сердобова простирается глубже. Приписывая мне некоторые «ошибочные» взгляды, высказывая свои сомнения или даже критикуя «концепцию» Л. Р. Кызласова по ряду вопросов, Н. А. Сердобов, очевидно, стремится внушить читателям, что он при этом занимает принципиальную позицию. Дело обстоит иначе.

Ведь та же «концепция», те же взгляды, основанные на тех же материалах, высказаны Л. Р. Кызласовым в соответствующих главах и разделах (написанных им в составе авторского коллектива, возглавляемого Л. П. Потаповым) труда «История Тувы» (том I), который вышел в свет в 1964 г.² И эта книга, о которой не упоминает Н. А. Сердобов, получила положительную оценку в исторических журналах³.

Так как читатель может этого не знать, укажу, что в составе редколлегии I тома «Истории Тувы» состоял и ...Н. А. Сердобов⁴.

Как случилось, что, будучи членом редколлегии, Н. А. Сердобов дважды (при выходе в свет I тома «Истории Тувы» в 1964 г. на русском языке и в 1966 г. на тувинском языке) одобрил критикуемые им теперь взгляды Л. Р. Кызласова? Позволительно спросить: «Когда же Н. А. Сердобов был искренен и принципиален: в 1964—1966 гг., когда он признал мои взгляды, или теперь в 1971 г., когда он подверг их критике и сомнению, хотя и не привел новых фактов?».

Читатель легко может убедиться, просмотрев одобренные Н. А. Сердобовым страницы I тома «Истории Тувы» (1964 г.), что Л. Р. Кызласов и тогда писал об освобождении от уйгуров территории Тувы, о восстанов-

¹ См., например, рецензии А. П. Смирнова и С. А. Плетневой на книгу Л. Р. Кызласова «История Тувы в средние века», М., 1969, «Сов. археология», 1971, № 1, стр. 295—301.

² «История Тувы», т. I, М., 1964, стр. 117—164, 184—197.

³ См. рецензии Р. Ф. Итса, С. Г. Кляшторного в журн. «Вопросы истории», 1965, № 8; Б. Л. Борисова и Г. А. Докучаева, «Капитальный труд по истории тувинского народа», «Изв. Сибирского отделения АН СССР, серия обществ. наук», 1966, вып. I.

⁴ См. «История Тувы», т. I; то же на тувинском языке: «Тываның төөгүзү», т. I, Кызыл, 1966.

лении «государством Хагас» связей с Танской династией (стр. 141), о кровавой войне этого государства с уйгурами на протяжении почти 90 лет (750—840 гг.), о безжалостном разгроме, о разграблении и сожжении войсками «государства Хагас» уйгурской столицы Орду-балык (стр. 139—140), об «экспансии феодального государства кыргызов в конце IX в.» (стр. 142), о пополнении числа рабов за счет военнопленных (стр. 160)⁵. На каком же основании теперь Н. А. Сердобов приписывает мне утверждения о якобы «мирных акциях „древнехакасской“ феодальной знати» во время завоевательных войн?

В I томе «Истории Тувы», с привлечением большого фактического материала, говорилось также и о широкой грамотности населения «государства Хагас», о литературе (стр. 160—161), о культурных и торговых связях этого государства со Средней Азией, Восточным Туркестаном и Китаем (стр. 156—157), и, наконец, о том, что «сами кыргызы представляли собой к тому времени смешанную и, вероятно, немногочисленную группу, входившую в тюркоязычное ядро других местных племен» и что «термин „кыргыз“ выступает в тот период, вероятно, не только, как этнический, но и как политический...» (стр. 163).

И против этого в то время ни слова не возражал Н. А. Сердобов. Во всяком случае мне о его возражениях ничего не известно.

Необходимо указать, что имеется одно основное расхождение между текстами двух книг. В «Истории Тувы», по воле редколлегии и вопреки первоначальному замыслу автора, фигурирует «государство древних кыргызов» или «государство Хагас», в то время, как в «Истории Тувы в средние века» оно названо мною «государством древних хакасов». Именно это название населения государства и составляет сущность возражений Н. А. Сердобова.

Установив в 1964 г., что вопрос о терминах «кыргыз» и «хакас» является еще недостаточно проясненным в советской исторической науке и желая привлечь к нему внимание специалистов самого широкого профиля, но прежде всего исследователей по этнической истории, я написал специальную статью «Взаимоотношение терминов „хакас“ и „кыргыз“ в письменных источниках VII—XII веков», но по ряду причин она вышла в свет только в 1968 г.⁶

В этой статье были исследованы все известные мне факты по указанной проблеме и сделаны соответствующие выводы, повторять которые здесь в том же объеме не имеет смысла (статью консультировал известный синолог Н. Ц. Мункуев). Естественно, что после этого следовало ожидать делового обсуждения и плодотворной научной дискуссии. Есть основание считать, что такая дискуссия еще развернется⁷ и здесь прежде всего необходимы исследования специалистов-синологов.

Н. А. Сердобов же, например, считает, что Кызласов, якобы, «термин хягас... заменяет словом хакас», что он «поправляет выводы ряда лингвистов-синологов, установивших, что термин „хягас“ является китайской записью названия „киргиз“». Если бы все было так просто!

Термин «хакас» ввели в науку в XVIII—XIX вв. специалисты-синологи, которые взяли его непосредственно из китайских хроник, где этим термином называлось государство и этническая общность людей, прожи

⁵ Те же идеи высказаны в IV главе книги «История Тувы в средние века», М. 1969, где классовые интересы древнехакасских феодальных правителей показаны развращенно (см. стр. 118, 121—124).

⁶ Л. Р. Кызласов, Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI—XII веков, «Народы Азии и Африки», 1968, № 4, стр. 88—97.

⁷ См.: С. Е. Яхонтов, Древнейшие упоминания названия «киргиз», «Сов. этнография», 1970, № 2; Ю. А. Зуев, Киргизы-буруты, «Сов. этнография», 1970, № 4. О. Караев, К вопросу о терминах «кыргыз» и «хакас», «Народы Азии и Африки», 1970, № 4. Отметим, что замечка О. Караева отличается известной тенденциозностью. Это относится и к книге О. Караева «Арабские и персидские источники IX—XII веков о киргизах и Киргизии», Фрунзе, 1968.

вавших в бассейне верхнего течения Енисея в период династии Тан (VII—X вв.) и в более позднее время.

«Хагас есть древнее государство Гяньгуцъ», «Владение Хагас» или «Хягас» — такое прочтение термина употреблялось известным синологом Н. Я. Бичуриным в 1851 г., когда он опубликовал перевод соответствующего места из «Синь Таншу» (XI в.)⁸. Западные европейские синологи (Ю. Клапрот, К. Висделу, И. Абель Ремюза, И. Дюгальд и др.) в конце XVIII — начале XIX в. отстаивали чтение «хакас»⁹.

Именно это произношение западных сиологов употреблялось, наряду с другими, в течение XIX и в начале XX вв. учеными России. «Хакасы» или «древние хакасы», «хакаское государство», «хакасская империя» — так писали, например, географ К. Риттер и его переводчик В. В. Григорьев, этнографы Н. А. Костров и Е. К. Яковлев, тюрколог В. В. Радлов, археолог А. А. Спицин, публицист и путешественник Н. М. Ядринцев, историк В. И. Огородников, и многие другие¹⁰.

Все они, ссылаясь на китайские источники, употребляли этот термин по отношению к населению бассейна среднего течения Енисея в период династии Тан (VII—X вв.) и, конечно, понятия не имели о том, что после Октябрьской революции, в 20-е годы, возрожденный Советской властью маленький народ, обитающий в тех местах, будет называть себя хакасами.

О том, что написание «хакас» традиционно для русской науки, свидетельствует употребление его в том же значении (одиночно или рядом с термином «киргиз») в книгах советских историков, археологов и этнографов. Назовем, например, работы Н. Н. Козьмина, Р. М. Кабо, С. В. Киселева, В. П. Левашовой, Л. А. Евтюховой, С. А. Токарева, Л. П. Потапова, В. Г. Карцова и др.¹¹.

Таким образом, «стойкая приверженность Л. Р. Кызласова к термину „хакас“, удивляющая Н. А. Сердобова, вытекает из традиций русской и советской науки, во-первых, и из данных синологии, во-вторых. В моих работах нет и не могло быть прямого отождествления древних хакасов с современными хакасами, о чем говорит Н. А. Сердобов. Советской исторической школе, к которой я принадлежу, присуще понимание большой сложности исторического пути, пройденного каждым современным наро-

⁸ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 350—351; ср. 1-е издание (СПб., 1851, стр. 442—443).

⁹ I. Klaproth, Mémoires relatifs à l'Asie, Paris, 1824—1826; C. Visdelou, Histoire abrégée de la Tartarie, «Bibliothèque Orientale», 1779; I. P. Abel-Rémusat, Mémoire sur plusieurs question relatives à la géographie de l'Asie Centrale, Paris, 1825.

¹⁰ К. Риттер, Землеведение Азии, т. II, СПб., 1859, стр. 131, 304, 312; т. III, СПб., 1860, стр. 541—544; его же, Землеведение Азии, вып. I, СПб., 1869, стр. 144, 282; Н. А. Костров, Койбалы, «Зап. Сибирского отдела РГО», кн. VI, Иркутск, 1863, стр. 112; Е. К. Яковлев, Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея, Минусинск, 1900, стр. 2—3. В. В. Радлов, Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V, СПб., 1885, стр. 5; «Записки русского археологического общества», т. XI, вып. 1—2, СПб., 1893, стр. 398; Н. М. Ядринцев, Сибирские инородцы, их быт и современное положение, СПб., 1891, стр. 130, 134, 144; В. И. Огородников, Очерк истории Сибири, Иркутск, 1920, стр. 165—168; W. Radloff, Ethnographische Übersicht der Türkstämme Sibiriens und der Mongolei, Leipzig, 1883, S. 23.

¹¹ Н. Н. Козьмин, Хакасы, Иркутск, 1925; Р. М. Кабо, Очерки истории и экономики Тувы, М.—Л., 1934, стр. 51—52; С. В. Киселев, Разложение рода и феодализм на Енисее, Л., 1933, стр. 26—30; его же, Древняя история Южной Сибири, М., 1951; В. П. Левашова, Из далекого прошлого южной части Красноярского края, Красноярск, 1939, стр. 41, 45, 47—59; ее же, Ремесла в древнехакасском государстве, «Записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. I, Абакан, 1948; Л. А. Евтюхова, Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948; С. А. Токарев, Докапиталистические пережитки в Ойротии, М.—Л., 1936, стр. 78; Л. П. Потапов, Очерки по истории Шории, М.—Л., 1936, стр. 71; его же, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, стр. 97; его же, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957, стр. 127; В. Г. Карцов, О чем говорят курганы Енисея, Абакан, 1961, стр. 68, 72, 90.

дом. Мною уже предпринималась попытка раскрытия средствами современной науки, с позиций исторического материализма, сложной динамики взаимодействия тех этнических групп, которые привели к формированию современной хакасской народности, сложившейся окончательно по моему мнению, в XVII—XIX вв.¹² Таким образом, мой оппонент, видимо, не знает истории вопроса и поэтому искажает факты и доводы, изложенные мною в вышеупомянутой статье.

Общезвестно, что в смежных с историей науках (археологии, антропологии и этнографии) нередко употребляются условные термины для того, чтобы различать какие-то понятия или даже общности. Н. А. Сердобов употребляет термин «енисейские киргизы», очевидно, для того, чтобы отличать их от киргизов Тянь-Шаня. Но ведь такого термина нет ни в одном из средневековых источников — там фигурируют или просто «кыргызы» (в разных источниках это название варьируется) или «хакасы» (также с разными вариантами написания).

Многие названные выше исследователи так и пишут: «кыргызы — хакасы» или «кыргызы (хакасы)». Чтобы разобраться во взаимоотношениях этих терминов следовало рассмотреть все известные данные и договориться о границах их применения. Это и пытался сделать автор в своих работах, обобщив, как и полагается историку, все известные данные родственных наук.

При этом, непредвзятый читатель сразу убедится в том, что термин «древние хакасы» употребляется мною, прежде всего как политический термин: «Хакасы не представляли собой в этот период единого целого в этническом отношении. Они состояли из ряда родов и племен, входивших в одно государство, но различающихся между собой и по происхождению и по языку»¹³.

«Древними хакасами» мы называем их еще и потому, что их надо отличать от «центрально-азиатских киргизов», сообщения о которых появляются в источниках XIII в.¹⁴ «Центрально-азиатские киргизы», переселившиеся на Тянь-Шань в XV в., являлись, по моему мнению, предками современных киргизов. То, что «енисейские киргизы» и современные киргизы отождествляются некоторыми авторами¹⁵ только из-за совпадения названия, это никого не заботит и не шокирует, хотя, общезвестно, что нет никаких фактов или источников, безусловно устанавливающих единство происхождения тех и других¹⁶.

Источники свидетельствуют, что «енисейских киргизов», как особого большого народа никогда на Енисее не было, что «кыргызы» были лишь аристократическим родом среди древних хакасов¹⁷. Привел ли обратные доказательства Н. А. Сердобов? Нет, не привел! Так почему же называть все население Хакасско-Минусинской котловины в VI—XII вв. не по имеющемуся в источниках названию большинства трудящегося населения, а по имени небольшого династийного рода?

Как объяснить, что значительная часть «енисейских киргизов» по данным источников, говорила не на тюркских, а на самодийских диалектах? Как объяснить отсутствие этого самоназвания в енисейских надписях?

¹² Л. Р. Кызласов, К вопросу об этногенезе хакасов, «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. VII, Абакан, 1959. Концепция, изложенная в этой работе, получила подтверждение в антропологической науке, см.: В. П. Алексеев, Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии, Сб. «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края», Красноярск, 1963, стр. 162.

¹³ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 88 и ср. стр. 90, 93.

¹⁴ Там же, стр. 131, 136—137.

¹⁵ «История Киргизской ССР», т. I. Фрунзе, 1968, стр. 5, 121—132, 153—160.

¹⁶ Л. Р. Кызласов, О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня (К вопросу о происхождении киргизского народа), «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР», т. III, Фрунзе, 1959.

¹⁷ Л. Р. Кызласов, Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргызы» в письменных источниках VI—XII веков.

Почему китайские хроники вводят наименование «хакас» только после сообщения о том, что племя кыргызов «смешалось с динлинами», т. е. уже для новой этнической общности?

Почему, говоря о выводах «ряда лингвистов-синологов», Н. А. Сердобов не обращает внимания именно на данные синологов, на которые имеются ссылки в моих работах? Например, на русский язык переведены «Очерки истории Китая», где современные китайские историки и их русские переводчики — синологи, повествуя о разгроме уйгуров в IX в. употребляют термин «хакас» и не знают термина «енисейские киргизы»¹⁸.

Другой пример. Известный синолог (единственный специально занимавшийся этнической историей народов Сибири по китайским источникам) Н. В. Кюннер¹⁹ в своей статье «Восточные урянхайцы по китайским источникам», опубликованной в «Ученых записках Тувинского НИИЯЛИ» (со ссылкой на крупного сиолога П. И. Кафарова), не только применяет термин «хакас», но и приходит к весьма существенному выводу: «Хакасы и кэргизы в монгольскую эпоху XIII в. могли означать различные группы (части) одного и того же народа»²⁰.

И вот последователь сиолога Н. В. Кюннера — историк Л. Р. Кызласов цитирует этот вывод в своих работах и вслед за Н. В. Кюннером употребляет термин «хакас» для средневековой эпохи, оговорив его значение и содержание, а его критик Н. А. Сердобов теперь возмущается, что Кызласов термин «хягысы» заменяет словом «хакас» и противопоставляет термины «кыргызы» и «хакас», «выдавая их за разные названия и придавая им различное толкование».

А между тем, упомянутую статью Н. В. Кюннера опубликовал тогда в «Ученых записках» Н. А. Сердобов, будучи ответственным редактором выпуска. Таков еще один образец тенденциозного подхода Н. А. Сердобова к взглядам Л. Р. Кызласова.

Н. А. Сердобов ссылается на недавно появившуюся статью сиолога С. Е. Яхонтова²¹. Несомненно эту работу нужно рассмотреть особо. Однако и сейчас можно сказать, что такой серьезный ученый, как С. Е. Яхонтов, не занимавшийся прежде этим вопросом, вряд ли претендует на то, что им познана истина в последней инстанции. Предоставим специалистам-синологам оценить весьма трудоемкую работу по реконструкции древнего чтения китайских иероглифов, нередко требующую осторожного выбора среди многих разночтений.

К сожалению, эта статья не отвечает на многие вопросы, поставленные в упоминавшихся наших работах. В ряду других терминов игнорирована почему-то форма цзилицизисы (киликлизе), употреблявшаяся в китайских источниках XIII—XIV вв. и точнее всего передающая тюркский термин «кыргыз». Необходимо разъяснение, почему же в средневековой китайской историографии не могла употребляться в танское время эта форма, фонетически ближе всего воспроизводящая иноязычный оригинал. Хотелось бы заметить, что чисто лингвистический комментарий терминов, без исторического подхода, учитывающего условия, среду, время и место их употребления, к сожалению, может также оказаться мало значимым. В настоящее время, когда между синологами нет единства по

¹⁸ Очерки истории Китая, под редакцией Шан Юэ, М., 1959, стр. 241 и 355.

¹⁹ Л. В. Зенина, Н. В. Кюннер (1877—1955), «Народы Азии и Африки», 1965, № 6; ее же, Историко-библиографические материалы Н. В. Кюннера, Сб. «Вопросы истории стран Азии», Л., 1965.

²⁰ Н. В. Кюннер, Восточные урянхайцы по китайским источникам, «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. VI, Кызыл, 1958, стр. 203. Предположение Н. В. Кюннера о том, что «термины «хакас» и «кыргыз» в монгольскую эпоху не были синонимами», поддерживал в том же выпуске «Ученых записок» Л. П. Потапов (Л. П. Потапов, О статье Н. В. Кюннера «Восточные урянхайцы по китайским источникам», стр. 201).

²¹ С. Е. Яхонтов, Древнейшие упоминания названия «киргиз», «Сов. этнография», 1970, № 2.

рассматриваемому вопросу, неспециалисту затруднительно предпочесть разъяснение С. Е. Яхонтова чтениям П. И. Кафарова, Н. В. Кюнера, Н. Ц. Мункуева, В. П. Васильева и других.

Н. А. Сердобов утверждает далее, что «уйгуры не проникали к северу от Саян» и, якобы, только защищались от древних хакасов. А вот в источниках сказано, что уйгурский каган в 758 г. сообщал «О покорении владения Гяньгунь» и что «в 758 году хойху (уйгуры) завоевали сие государство» и «хягасский владетель получил от хойхусского хана титул». Об этом же говорится в моей книге²².

Только недостаточным знанием предмета объясняется неоднократное утверждение Н. А. Сердобова, что феодальное государство древних хакасов (или «енисейских киргизов») было государством «кочевников» и что Л. Р. Кызласов «идеализирует» это государство, изложив большой фактический материал о культуре, грамотности, торговых и посольских связях со многими странами Запада и Востока.

Всем историкам Сибири и Центральной Азии давно известно, что население этого государства в VI—XII вв. имело комплексное хозяйство, в котором преобладало оседлое земледелие, основанное на искусственном орошении, а также имелось пастушеское и полукочевое скотоводство. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и многочисленные археологические данные. Отсылаем читателя к литературе²³.

Н. А. Сердобов сомневается в том, что слава о древнехакасском государстве была довольно широко распространена. Напрасно сомневается, не веря фактам. Не только в средневековом Китае были отлично осведомлены об этом государстве, но и в Средней Азии, Иране, на Кавказе и далее на западе вплоть до Испании. Средневековые авторы, писавшие на китайском, арабском, персидском и тюркских языках, разносили сведения о хакасах (киргизах), их государстве, обычаях и культуре. Можно было бы привести большой список авторов, живших в указанных выше странах, которые в своих сочинениях удивлялись, что далеко на севере, где по их представлениям кончается земля, существовала страна со своеобразной и по-своему высокой культурой²⁴.

Упомянем, например, таких авторов, как Махмуд ал-Кашгари (XI в.) из Кашгара; Шарафа Марвази (XII в.) из Мерва; Гардизи (XI в.), Ибн Хордадбега (IX в.) и Рашид-ад-дина (XIV в.), живших в Иране; Низами Гянджеви (XII в.) из Азербайджана; ал-Идриси, жившего в Испании в г. Сеуте и написавшего свою книгу в г. Палермо на о. Сицилия. А в древнехакасских эпитафиях на Енисее, встречаются сведения о том, что конкретные люди ездили послами «к тибетскому хану» (в Тибет), к «Карахану» (очевидно, в государство «караханидов» в Восточный Туркестан), в тюркешское государство (в Семиречье), в «уйгурскую землю» (современная Монголия) или даже учиться в государство Табгач (в данном случае в государство киданей в Северном Китае)²⁵.

Так где же здесь преувеличение? Что касается идеализации древнехакасского государства, то таковая была допущена ...со стороны великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви, жившего в XII веке! В своей поэме «Искендер-намэ» он описал благословенную «страну Хир-

²² Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. I, стр. 314, 355; Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 58 и 93.

²³ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. I, стр. 351—356; Н. В. Кюнер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961, стр. 55—66; Л. А. Евтюхова, Указ. раб.; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири. М., 1951; Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, главы IV и V.

²⁴ Подробности см.: Л. Р. Кызласов, О литературе и фольклоре средневековых хакасов, «Вестник МГУ. История», 1968, № 2.

²⁵ С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952, стр. 29, 33, 58, 59, 67, 85; О последнем сообщении см.: Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 96 и 127.

хиз» в верховьях Енисея, придав ей черты утопического государства всеобщего благоденствия, равенства, братства и счастья²⁶. Хотя это утопия, и никогда на Енисее «золотого века» не было, но это ли не подлинное свидетельство славы государства в далеких западных странах?

Об енисейской рунической письменности нигде в моих работах не говорится, что она создана древними хакасами. Наоборот, говорилось сначала об орхонской письменности у тюрков-тугю в VII—VIII вв., о том, что эту письменность у них заимствовали уйгуры (VIII—IX вв.), а также об особом варианте рунического письма — «енисейской письменности», которая была распространена у древних хакасов и их союзников — тувинских чиков в VIII—IX вв., в особенности, в IX—XII вв.²⁷

И эта письменность действительно была своеобразным литературным языком для всех племен, населявших в ту пору Саяно-Алтайское нагорье, ибо никакой другой местной письменности не было.

Анахронизмом звучит утверждение Н. А. Сердобова, что «ряд тюркологов уже показали ошибочность» моей датировки памятников енисейской письменности и их этнического определения. Наоборот, ныне это общепризнано и у нас и за рубежом²⁸. Даже главный наш оппонент И. А. Батманов не только признал нашу датировку (VII—XI вв.), но и тот факт, что значительное число стел с эпитафиями из Тувы принадлежит «киргизским» воинам и устанавливалось возле их могил²⁹.

Вряд ли случайно в начале 20-х годов называли хакасами современный народ, по имени населения, жившего раньше в этом районе³⁰. При этом, очевидно, учитывались многие исторические данные. Среди них немалое значение должны были иметь собранные к этому времени сведения по родовому составу современных хакасов, а также известное заключение патриарха тюркологов академика В. В. Радлова о том, что «абаканские татары представляют собою смесь самых разнообразных и разнородных племен, но долголетним обращением между собою они слились в отношении языка и обычаев почти в одно целое» и «образуют что-то вроде национальности»³¹.

Да, хакасами себя «абаканские татары» не называли, но они называли себя хаасами (хаастар) и сагай-хаасами. И именно это самоназвание, как мне пришлось указывать, связывали с древним термином «хакас» историк С. В. Киселев и исследовавший этот вопрос тюрколог Н. Г. Доможаков³².

О том, что «этноним *кас, гас, хас* и т. д. выступает и в китайском термине хагяс, зафиксированном летописной хроникой Танской дина-

²⁶ См. М. Шагинян, «Утопия» Низами, «Известия АН СССР, Отдел литературы и языка», т. VI, № 4, М., 1947; Л. Р. Кызласов, Низами о древнехакасском государстве, «Сов. археология», 1968, № 4.

²⁷ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 43, 86, 115, 116, 126; его же, Новая датировка памятников енисейской письменности, «Сов. археология», 1960, № 3; его же, О датировке енисейской письменности, «Сов. археология», 1965, № 3.

²⁸ «Советское языкознание за 50 лет», М., 1967, стр. 252; С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, М., 1964, стр. 47—48, 50, 53; А. К. Боровков, Изучение тюркских языков в СССР, «Вопросы языкознания», 1961, № 5, стр. 21; А. М. Щербак, Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения, «Тюркологический сборник 1970», М., 1970, стр. 133; G. Clauson, Turkish and Mongolian studies, London, 1962, p. 70; его же, Turks and wolves, «Studia Orientalia», t. XXVIII, pt. II, Helsinki, 1964, p. 6, его же, The origin of the Turkish «Runic» Alphabet, «Acta Orientalia», XXXII, 1970, p. 53.

²⁹ И. А. Батманов, А. Д. Грач, Раннефеодальное государство енисейских киргизов, «История Киргизии», т. I, стр. 127, 132.

³⁰ Самоопределение хакасов обосновывал А. Шнейдер (см. «Хакасский уезд», Красноярск, 1923) и поддерживал Н. Н. Козьмин (см. «Хакасы», Иркутск, 1925).

³¹ В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. II, СПб., 1868, стр. X—XII.

³² С. В. Киселев, Из древней истории Хакасии, «Советская Хакасия», № 169 (4069) от 24 августа 1945 г.; Н. Г. Доможаков, О некоторых особенностях сагайского и хааского (качинского) диалектов, «Записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. IV, Абакан, 1956, стр. 65.

стии» — писал и Л. П. Потапов, поддержавший мнение Н. В. Кюнера, «что термины „хагяс“ и „кыргызы“ в XIII в. были наименованием различных племен или народностей»³³. Почему же теперь только взгляды Л. Р. Кызласова, искусственно изолируемого Н. А. Сердобовым от других советских исследователей, стали вдруг «ошибочными»?

О том, что в этом проявляется определенная установка Н. А. Сердобова, видно также из его отношения к работам другого исследователя — К. Г. Копкоева, специалиста по истории Хакасии периода XVII в. Хотя, вероятно, К. Г. Копкоев еще сам ответит на критику Н. А. Сердобова, не могу не указать для читателей, что концепцию К. Г. Копкоева поддержал его учитель и научный руководитель диссертации В. И. Шунков, что работы К. Г. Копкоева получили признание у специалистов по этнической лингвистике и истории и что именно этим автором доказан факт добровольного присоединения Хакасии к России³⁴.

И вот работы К. Г. Копкоева также тенденциозно изолируются Н. А. Сердобовым от трудов других советских специалистов по истории Сибири XVII в.

Исследуя источники XVII в., К. Г. Копкоев на их основе пришел к выводу о том, что «енисейские кыргызы в XVII веке не составляли самостоятельного народа, а представляли собой род (сеок) хакасов. Будучи родом, «кыргызы», естественно, не подразделялись на роды и были малочисленны»³⁵. Н. А. Сердобов же, игнорируя историю вопроса, неверно утверждает, что этот вывод К. Г. Копкоев сделал «вслед за Л. Р. Кызласовым».

Но читатели должны знать, что задолго до вступления в науку Л. Р. Кызласова и К. Г. Копкоева, крупнейший историк Сибири XVII—XVIII вв. С. В. Бахрушин пришел к выводу, что «под Киргизской землей» источники XVII в. подразумевают конгломерат различных «родов» и «землиц», среди которых собственно «киргызы» составляли лишь один «род».

Другой исследователь истории Сибири XVII в. А. Абдыкалыков также приходит к выводу, что «киргызы были лишь родом, господствовавшим над всеми родами и племенами, входившими в состав трех киргизских улусов, а князья их были правителями данных улусов»³⁶. Близко к этому выводу подошел и Л. П. Потапов, указавший, что в XVII в. «собственно енисейские киргизы представляли собой в это время, да и позднее, небольшую тюркоязычную группу, являвшуюся потомками средневековых енисейских киргизов»³⁷.

А если не енисейские киргизы, как свидетельствуют исторические факты, составляли в XVII в. большинство населения Хакаско-Минусинской котловины, то как же его именовать?

Ведь известно, что все потомки местных племен и родов XVII в. ныне составляют социалистическую народность, называющую себя хакасами.

Категорически следует протестовать против приписываемого нам Н. А. Сердобовым мнимого принижения «роли и значения в историческом процессе народов, обитавших на территории современной Тувы и Гор-

³³ Л. П. Потапов, О статье Н. В. Кюнера «Восточные урянхайцы по китайским источникам», «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. VI, Кызыл, 1958, стр. 199—201.

³⁴ К. Г. Копкоев, Присоединение Хакасии к России, Автореферат канд. дисс., М., 1965; его же, Добровольное присоединение Хакасии к России, Сб. «250 лет вместе с Великим русским народом», Абакан, 1959; ср. А. П. Дульзон, Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири, Сб. «Структура и история тюркских языков», М., 1971, стр. 202.

³⁵ К. Г. Копкоев, Присоединение Хакасии к России, стр. 5.

³⁶ С. В. Бахрушин, Енисейские киргизы в XVII в., «Научные труды», т. III, ч. 2, М., 1955, стр. 176; А. Абдыкалыков, Енисейские киргизы в XVII в., Фрунзе, 1968, стр. 10, 126, 130.

³⁷ Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957, стр. 14.

ного Алтая», «искажения и умаления роли других народов». Это искажение легко опровергнуть знакомством с работами Л. Р. Кызласова и К. Г. Копкоева.

В моей книге впервые обобщены многие археологические и письменные источники по истории тюрков-тугу, уйгуров, древних хакасов, древних монголов, местных племен Тувы (чиков, азов и других) и Горного Алтая. Анализ источников позволил нам заключить: «Триста шестьдесят лет (840—1207 гг.) все обитавшие тогда на Саяно-Алтайском нагорье народы (тюркоязычные, самодийские, угро- и кетоязычные) входили в одно феодальное государство, во главе которого стояла тюркоязычная группа древних хакасов. Высокий уровень хозяйственной жизни и расцвет культуры, падающие на этот период времени, естественно не могут связываться только с хакасами. Все это было достижением и достоянием всех этнических групп, обитавших в то время на Саяно-Алтайском нагорье. Лишь творческими усилиями всех этих групп были накоплены многие культурные ценности. Этнические группы, входившие в это государство, являются предками современных тувинцев, хакасов, алтайцев, тофаларов и шорцев» и, далее, «Хакасский период в истории Тувы важен тем, что именно тогда возникли глубокие родственные, культурные и дружественные связи между предками современных народов Саяно-Алтайского нагорья»³⁸.

Основным выводом нашего исследования было следующее заключение: «История, таким образом, наглядно показывает, как с глубокой древности возникали и укреплялись родство, братство и дружба между народами нашей многонациональной Родины, объединившимися в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в единое государство победившего социализма»³⁹.

Очевидно, что Л. Р. Кызласов выступает за дружбу между народами нашей страны, и попытка Н. А. Сердобова обвинить его в обратном несостоятельна. А статья нашего критика не способствует выяснению сложнейших проблем средневековой истории народов Южной Сибири.

ONCE AGAIN ABOUT THE TERMS «KHA Kass» AND «KIRGHIZ»

The article contains a reply to N. A. Serdobov (see above) who criticizes the author's works on the history of Tuva. N. A. Serdobov affirms that L. R. Kyzlassov's use of the term «Khakass» is incorrect, whereas in reality the latter adheres to the traditional usage of Russian science. He employs the term «Early Khakass» first and foremost in a political sense and, contrary to his opponent's opinion, nowhere identifies the early Khakass with the modern people of the same name.

To apply the name «Yenissey Kirghiz» to a whole numerous people, as does N. A. Serdobov, is incorrect since the «Yenissey Kirghiz» were merely an aristocratic clan within the Early Khakass people. Replying to N. A. Serdobov, the author adduces facts which testify that the Early Khakass state was widely known and showed a high level of economic development and a flourishing culture among the peoples of the Sayan-Altay Mountain Region in the IX—XIII centuries.

L. R. Kyzlassov also substantiates his dating of Yenissey literary monuments and his ethnic attribution of these monuments.

³⁸ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 129.

³⁹ Там же, стр. 175.

М. А. Членов

**МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ
«АВСТРАЛИЙСКУЮ КОНТРОВЕРЗУ»
РАЗРЕШЕННОЙ!**

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Ю. И. СЕМЕНОВА
«ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА
ОТ МАТЕРИНСКОГО РОДА К ОTCОВСКОМУ
(ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)»

Проблема универсальной первичности материнского рода и соответственно матрилинейности продолжает интересовать широкие круги советских специалистов по общественным дисциплинам. Развернувшаяся в последние годы дискуссия, посвященная этой проблеме, показала, на мой взгляд, что тезис об универсальном предшествовании материнского рода отцовскому и соответственно матрилинейности — патрилинейности требует более серьезной аргументации, чем та, которая выдвигалась до сих пор. Как совершенно справедливо считает Ю. И. Семенов, «...чтобы быть убедительным, обоснование положения о приоритете материнской филиации над отцовской должно включать в себя доказательство того, что отцовский род австралийцев был не первоначальным, а пришел на смену материнскому»¹.

Доказательству этого положения, по существу, и посвящена статья Ю. И. Семенова. Посредством весьма изящного и внешне убедительного построения автор стремится показать, что система австралийских брачных классов реально развилась из двух взаимобрачующихся материнских родов. За исходный тезис принимается широко известная гипотеза об изначальности дислокального брака в дуальной материнскородовой организации. На основе этого тезиса строится формальная модель, «порождающая» из определенного числа произвольно заданных элементов систему четырех брачных классов. Затем эта модель проецируется автором в реальность, т. е. отождествляется с реальной механикой возникновения брачных классов. В конце статьи Ю. И. Семенов заявляет, что построенная им модель «...в достаточной степени убедительно свидетельствует о том, что отцовский род у австралийцев не был первоначальным» (стр. 71).

Предположим, что австралийцы некогда действительно жили двумя тесно связанными материнскородовыми локалями. В этом случае схема, нарисованная Ю. И. Семеновым, могла осуществиться только при одном очень важном условии, о котором в статье говорится лишь вскользь (стр. 68). Условие это заключается в том, что форма брака, последовавшая вслед за разложением дислокального брака, должна была стать патрилокальной, а не матрилокальной, так как в последнем случае формальная модель не приводит к образованию брачных классов. Хотя та-

¹ Ю. И. Семенов, Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа), «Сов. этнография», 1970, № 5, стр. 58 (дальнейшие ссылки на эту статью даются в тексте).

кой переход в условиях группового брака, неясного отцовства и т. д. выглядит крайне странным, теоретически исключать возможность его нельзя. Но, очевидно, следует привести какие-либо доказательства или аргументы в пользу такой трансформации. В статье мы их не находим.

Установив необходимое условие патрилокальности брака при материнской филиации, обратимся к рассмотрению самой модели. Теоретическая ценность этой модели, по мнению автора, заключается именно в ее способности «порождать» брачные классы из материнского рода. Попробуем, однако, применить эту модель к противоположной посылке. Представим, что некогда австралийцы жили двумя отцовскородовыми локалями, отношения между которыми характеризовались дислокальной или какой-либо другой формой брака. Допустим, что в процессе развития возобладала патрилокальная форма брака. В этом случае, как легко убедиться, возникновение четырех брачных классов остается необъяснимым и, очевидно, вызывается какими-то иными причинами. Если же утвердился матрилокальный (вернее, уксорилокальный) брак при сохранении патрилинейности, то тогда можно представить себе локалы Ю. И. Семенова в следующем виде².

В локаль 1 входят следующие группы: женщины из рода А, родившиеся и оставшиеся в своем локале (1Аж), их мужья из другого локала из рода В (2Бм), их дети 1Бм, которые по достижении брачного возраста уйдут в локаль 2, и 1Бж, которые останутся в своем локале до конца жизни. Таким образом, в одном локале объединились женщины из двух разных отцовских родов. Иначе говоря, женская группа локала стала состоять из двух подгрупп: 1Аж и 1Бж. Одну подгруппу составляли матери, другую — дочери. Соответственно и женская группа локала 2 стала включать подгруппы 2Бж и 2Аж. Любые две подгруппы из четырех образовавшихся имели между собой сходство и различие. Подгруппы 1Аж и 1Бж принадлежали к одному локалю, но к разным отцовским родам. Так же обстояло дело и с подгруппами 2Аж и 2Бж. Противоположные же пары принадлежали к одному отцовскому роду, но к разным локалям. Все это привело и к изменению состава мужских групп обоих локалей. Если женщины подгруппы 1Аж могли вступать в брак с мужчинами группы Бм, то женщины из подгруппы 1Бж этого делать не могли в силу принадлежности к одному с ними роду — Б. Они могли вступать в брак только с мужчинами группы Ам. Оставление женщин внутри локала (в условиях матрилокального брака) должно было иметь своим неизбежным следствием переход мужчин из одного локала в другой при вступлении в брак. Естественно, что делать это могли лишь мужчины, еще не состоявшие в браке, т. е. не отцы женщин подгрупп 1Бж и 2Аж, а лишь их братья. Так было в первом поколении. Во втором поколении картина менялась. Девочки, родившиеся от браков женщин подгруппы 1Аж с мужчинами 2Бм, принадлежали к роду отца, но к локалю матери. Иначе говоря, они принадлежали к той же самой подгруппе, что и матери матерей. Мальчики, родившиеся в этом локале, тоже принадлежали к роду отца, но в отличие от отцов, родившихся в локале 2, они от рождения принадлежали к локалю 1. В результате группа Бм также расслоилась на две подгруппы — 1Бм и 2Бм. Так, наряду с четырьмя женскими подгруппами — 1Аж, 1Бж, 2Аж, 2Бж, оформились и четыре мужские подгруппы — 1Ам, 1Бм, 2Ам, 2Бм. Совершенно отчетливо видно, что принадлежность к каждой из четырех образовавшихся групп 1А, 2А, 1Б и 2Б является синтезом принадлежности к определенному отцовскому роду и определенному материнскому локалю.

Я полагаю, что нет необходимости и дальше излагать это построение слово в слово за текстом статьи Ю. И. Семенова. Исходя из совершенно

² Под отцовским родом я понимаю, так же как и Ю. И. Семенов, социальный организм, характеризующийся экзогамией и патрилинейностью.

противоположной посылки оказалось возможным посредством тех же самых рассуждений «породить» австралийскую систему четырех брачных классов.

Своим примером я, разумеется, не берусь доказывать, что система брачных классов обязательно возникла в результате эволюции отцовско-родовой организации. Важно показать, что она **могла** развиваться подобным образом так же, как и путем, намеченным Ю. И. Семеновым и, возможно, еще очень многими другими способами. Мне представляется очевидным, что перенесение логической модели в реальность становится правомерным только в том случае, если доказано, что данная модель является теоретически единственно возможной. В данном случае это, безусловно, не так. Более того, выясняется, что в модели Ю. И. Семенова признак материнской или отцовской филиации сам по себе вообще не является релевантным. Существенным для нее являются только противоположные формы линейности и локальности брака.

Можно, разумеется, привести некоторые возражения по поводу моего утверждения, что система брачных классов могла развиваться из отцовского рода. Так, общеизвестно, что у австралийцев в настоящее время преобладает патрилокальная, а не матрилокальная форма брака. Этот факт, однако, легко может быть объясним позднейшим развитием (ведь распад дислокального брака, согласно Ю. И. Семенову, относится к весьма отдаленным временам), подобно тому, как автор объясняет происхождение патрилинейных фратрий у аранда, вадуман и мудбурра (стр. 69). Кроме этого, известно, что некоторые австралийские племена знают и ускорилокальные формы наряду с патрилокальными. К ним относятся, например, тиви³.

В качестве другого возражения можно привести указание на то, что случаи сочетаемости патрилинейности с матрилокальным (или ускорилокальным) браком крайне редки. Это действительно так. Ускорилокальная форма брака является основной при патрилинейной организации общества, насколько мне известно, только у мундуруку, каража, чиригуано и тукуна в Южной Америке и у некоторых других племен индейцев бассейна Амазонки⁴. В качестве же альтернативной формы брака, наряду с патрилокальной или вирилокальной, ускорилокальность известна в целом ряде обществ: у шона, мальгашей, байон, бена, диго, фон, кпелле, нуэров — в Африке; у ва, атаялов, батаков, алорцев, кейцев — в Юго-Восточной Азии; у энга, моту, кимам — на Новой Гвинее; у фиджийцев — в Океании; у оджибве, толова, дэгуэно, группы мивок, каухильо, каупэно, юма — в Северной Америке; у паликуров и кубео — в Южной Америке⁵.

Таким образом, сама по себе возможность сочетания в одном обществе патрилинейного наследования и матрилокального (или ускорилокального) брака не вызывает сомнений. Что же касается частоты встречаемости того или иного явления в социальной организации, то едва ли ее стоит принимать в расчет при оценке степени достоверности модели, реконструирующей или порождающей какую-то форму социального устройства. Для того чтобы модель была принята в качестве одной из альтернатив, вполне достаточно доказательства того, что исходные посылки теоретически возможны. Взаимосвязь между статистическим аспектом и достоверностью модели, если она и существует, представляется мне недостаточно исследованной.

Все вышесказанное, на мой взгляд, говорит о том, что вопрос о первоначальной форме социальной организации у австралийцев требует еще дополнительного исследования.

³ G. P. Murdock, *Ethnographic Atlas*, «Ethnology», vol. VI, 2, 1967, p. 202.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 226; «Handbook of South American Indians», vol. 3, Washington 1948, p. 186, 478, 480, 717, 721.

Видимо, основным вопросом, который должен быть изучен в этой связи, является необходимость сочетания противоположных форм линейности и локальности брака, т. е. фактически той самой двойной филиации, о которой пишет Ю. И. Семенов (стр. 70). Причины, вызвавшие существование патрилинейности при матрилокальном браке или матрилинейности при патрилокальном браке, пока остаются не вполне ясными. Вопрос же о характере гипотетического первоначального рода у австралийцев, как я стремился показать в этой небольшой заметке, построениями Ю. И. Семенова не проясняется.

«Австралийская контроверза» остается, на мой взгляд, неразрешенной.

CAN THE «AUSTRALIAN CONTROVERSY» BE REGARDED AS SETTLED?

The problem of the social organization of the Australian Aborigines is of particular importance for proving that the matrilineal descent preceded the patrilineal. The Soviet researcher Yu. I. Semenov attempts to substantiate this proposition by aid of a formal model where the Australian marriage classes are derived from the matrilineal sib (see «Sovetskaya Etnografia», 1970, № 5).

In the present article Yu. I. Semenov's model is critically analyzed. It is affirmed that the model in question leads to the same results in the case of a contrary premise — that of the precedence of the patrilineal sib. The model's functioning is preconditioned not by the form of the original sib but by the combination of opposite forms of descent and of marriage locality. Thus the «Australian Controversy» cannot be regarded as settled.

З. Шифельбейн-Соколевич

О ПРИМЕНИМОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТРУКТУРНОГО МЕТОДА В ТОЛКОВАНИИ ИЗМЕНЕНИЙ КУЛЬТУРЫ¹

В 1922 г. Бронислав Малиновский и Альфред Реджинальд Рэдклиф-Браун, создатели так называемой функциональной школы в социальной антропологии, выпустили в свет две книги, написанные по материалам их многолетних экспедиционных исследований². Эти работы ввели новые функциональные методы в социальную антропологию.

Представители функционализма стремились в своих исследованиях опираться на факты, проверенные эмпирически. Но, исследуя прежде всего функции, для выполнения которых возникли разного рода социальные институты, они фактически отказались от поисков их генезиса³.

В отличие от диффузионистов функционалисты ввели вместо формальных функциональные критерии идентификации факта и перенесли свое внимание с предметов культуры на определенные системы человеческой деятельности и общественных отношений. От нового направления ожидали эмпирически обоснованной теории развития человечества и культуры.

Изменения, которые внесли Малиновский и Рэдклиф-Браун в науку, зачастую определяют как революцию в социальной антропологии. Утверждение, что каждый предмет, каждый обычай, каждое культурное явление выполняют какую-нибудь функцию, сыграло в свое время существенную роль в организации исследований.

В то же время появились и другие оценки функционализма, например в 1964 г. вышла в свет работа Я. Джарви «Революция в антропологии»⁴, автор которой сомневается в прогрессивности сформулированных функционалистами методологических положений и, анализируя культы карго, доказывает, что теории, созданные на основе функционально-структурного подхода, не дают возможности объяснить социальные

¹ Печатаемая статья польского коллеги, редакция журнала «Советская этнография» приглашает своих читателей высказаться по затронутым в ней дискуссионным вопросам о научной значимости функционально-структурного метода. Отношение советских ученых к этому методу наиболее полно рассмотрено в работе Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина «Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма» (сб. «Англо-американская этнография на службе империализма», М., 1951); многочисленные замечания о функционализме имеются в сб. «Социология в СССР», т. II, М., 1966. Статья на эту же тему опубликована автором в журнале «Etnografia Polska», t. XIV, cz. I, 1969.

² B. M. Malinowski, *Argonauts of the Western Pacific*, London, 1922; A. R. Radcliffe-Brown, *The Andaman Islanders*, Cambridge, 1922.

³ A. R. Radcliffe-Brown, *Explanation in social science*, London, 1963; P. Sztołpka, «Wyjaśnienia funkcjonalne» w socjologii i antropologii społecznej, «Studia Socjologiczne», 1968, № 3—4, s. 217—242 (в этой работе впервые на польском языке проводится логический анализ функционального метода); Г. М. Андреева, Е. П. Никитин, *Метод объяснения в социологии*, «Социология в СССР», т. I, М., 1966.

⁴ I. C. Jarvie, *The Revolution in anthropology*, London, 1964.

нения⁵. Джарви несомненно, справедливо подчеркивает слабые стороны функционализма-структурализма. Но, впадая в крайность, он не выявляет исследовательские возможности предложенных представителями этой школы методов. Утверждение Джарви, что функционализм-структурализм не объясняет культурных изменений, представляется недостаточно аргументированным.

В данной статье я попытаюсь проанализировать некоторые положения этого научного направления и показать его исследовательские возможности. Под функционализмом-структурализмом я понимаю, как это принято в британской социальной антропологии, совокупность методологических основ исследования и теорий, сформулированных Б. Малиновским (классический «чистый» функционализм), А. Р. Рэдклиф-Брауном (структурализм) и их учениками. Это направление и по целям и по методам коренным образом отличается от современного структурализма, представленного в этнологии К. Леви-Строссом. Думается, что эти два научных направления объединяет только название. Я имею в виду главным образом работы современных функционалистов — Р. Фёрта, Глюкмана, Э. Лича, М. Фортеса, Л. Мэр, Е. Ф. Эвенс-Причарда, Ричардс — классиков современного функционализма-структурализма, а также труды их последователей. Известны различия во взглядах на ученых. Но отношение к теории познания у них во многом сходно. представляется особенно важным.

В трудах функционалистов-структуралистов весьма часто встречается термин «изменение», однако мы не находим у них точного определения этого понятия. А. Р. Рэдклиф-Браун подчеркивал, что социальный антрополог исследует действующий, а следовательно, изменяющийся процесс общественной жизни, причем изменение и продолжение, по его мнению, — это две стороны одной медали⁶. По словам Б. Малиновского, «временные функционалисты-структуралисты к понятию «изменение» добавляют прилагательное «социальное»: «Культурное изменение является процессом, благодаря которому существующий общественный тип, т. е. его социальная, духовная и материальная культура, преобразуется в иной тип»⁷. Этот разноречивый объясняется тем, что некоторые социальные антропологи по-разному определяют такие исходные понятия, как культура и социальная структура⁸.

В учебнике социологии Р. М. Мак-Айвера и С. Х. Пейдж приводится ряд терминов, определяющих разного рода социальные изменения: 1) длительные изменения, которые нельзя определить как процесс или изменение и т. п.; 2) непрерывные направленные изменения, в том числе: количественные, с учетом таких величин, как рост, накопление (аккумуляция) и т. п.; б) качественные, в смысле структурных или функциональных различий, определяемые, как эволюция, развитие; в) изменения, качественные, рассматриваемые в их отношении к господствующей в обществе системе ценностей — прогресс, упадок, разложение, рождение; г) изменения, определяемые по отношению к другой системе, — приспособление, адаптация, аккомодация, ассимиляция и т. п.⁹ Все из приведенных типов изменений исследуются функционалистами-структуралистами. Они занимались и занимаются главным образом изменениями в границах системы, которые не приводят к преобразова-

⁵ Здесь не рассматриваются отдельные стороны культуры карго. Компетентное мнение об этом могут высказать специалисты — религиоведы и океанисты.

⁶ A. R. Radcliffe-Brown, *Structure and function in primitive Society*, London, 1952.

⁷ B. M. Malinowski, *The dynamics of culture change*, New Haven, 1945, p. 16.

⁸ Малиновский и Рэдклиф-Браун дают этим понятиям разные определения. В работе Малиновского культуре придается значение орудия. См. «B. M. Malinowski, *Anthropological theory of culture*, New York, 1960, pp. 150, 162. Иных взглядов придерживается Рэдклиф-Браун. Он обосновывает их, например, в работе «*Structure and function in primitive society*».

⁹ R. M. Mac-Iver, C. H. Page, *Society*, London, 1961, p. 523.

нию этой системы в целом. Их прежде всего интересуют изменения, вызванные вмешательством извне. Такое вмешательство нередко приводит к целому ряду последовательных изменений внутри системы и порою заканчивается существенным преобразованием самой системы. Именно этот тип изменений был в центре внимания Малиновского. Он называл его культурным контактом.

В упомянутой выше работе Джарви справедливо ставит вопрос о том, каких же результатов достигают социальные антропологи функционально-структурного направления в толковании культурного изменения. Но прежде чем ответить на него, следует установить, как относились к изменениям представители других, главным образом предшествовавших интересующей нас школы, направлений. Необходимо выяснить, составляет ли интерес к изменениям и принятые способы его изучения специфику функционализма-структурализма.

Историко-философские течения, непосредственно предшествовавшие научной этнографии, а позднее также и различные направления этой науки были в основном теориями изменений в сфере культуры, а зачастую и в более широкой области. В XVIII в. господствующее положение заняла теория прогресса. Она помогла преодолеть широко распространенный раньше взгляд о статичности общества и стала исходным пунктом для создания теории эволюции культуры, связанной с первым научным направлением — эволюционизмом. Одна из целей эволюционистов — объяснение различий между одновременно существующими культурами мира. Ввиду широты философских основ теории эволюционизма воспользоваться ею мог каждый ученый, занимался ли он проблемами семьи, мифами и религией или же систематизацией материальной культуры¹⁰. Представители этой школы не выработали теории конкретного изменения, они не выделяли проблемы изменения, как такового. Предметом исследования этнолога-эволюциониста была изменяющаяся культура, причем изменение считалось самой сущностью культуры. Теория эволюции указывала на направленность изменений, как на их основную сущность, т. е. утверждала, что предпосылки каждой последующей стадии содержались в предыдущей. Следовательно, изменение рассматривалось одновременно и как продолжение, и как преодоление существующего положения. Большинство эволюционистов опиралось в своих обобщениях главным образом на наблюдения других исследователей. Исключением был лишь Л. Г. Морган, сам занимавшийся непосредственным изучением индейцев Северной Америки¹¹. Тэйлор говорил о необходимости изучения информатора, чтобы установить насколько правдоподобны получаемые от него сведения. Он настаивал также на необходимости подтверждения данного факта аналогичными примерами.

Предметом культурно-исторического направления, одного из главных направлений диффузионизма, также являются изменения культуры. Наиболее популярные теории культурно-исторической школы — теории культурных кругов (впрочем, отброшенная ранее других) и теория контакта, — рассматривают изменения в обществе, возникающие в результате заимствования явлений культуры путем непосредственных контактов. Диффузионистов, как и эволюционистов, интересует изменение в его исторической перспективе. Как и эволюционисты, они объясняют современное различие культур их прошлым. Вместе с тем изменение, по их мнению, происходит не путем эволюции, а путем диффузии.

Представители диффузионизма стремились к обстоятельной проверке эмпирического материала, собранного в поле. С этим, несомненно, связано дальнейшее развитие методологических основ и способов этнологических исследований. Устанавливался минимум данных, необходимых

¹⁰ L. H. Morgan, *Ancient society*, New York, 1877; E. B. Tylor, *Primitive culture*, London, 1870.

¹¹ L. H. Morgan, *The Indian Journals*, 1859—62, Ann Arbor, 1959.

для описания культурного явления с тем, чтобы в дальнейшем исследовании его можно было бы проверить. Исследовательский процесс начинался еще в поле. Следовательно, сами источники в понятии как эволюционистов, так и представителей культурно-исторической школы были одни и те же. Это по-прежнему — полевые материалы.

Характерно, что и Малиновский и Рэдклиф-Браун в своих трудах не раз возвращались к эволюционизму¹². Они в принципе не отрицали теорию эволюции, а оспаривали только культурную непрерывность и не признавали фактов, установленных эволюционистами теоретически. Они требовали, чтобы основой были только факты, проверенные эмпирическим путем. Эволюционизм был особенно близок Малиновскому¹³. Он, безусловно, ценил перспективность исследований эволюционистов. Однако его усилия были направлены на создание эмпирической этнографической науки, которая пользовалась бы индуктивным методом как основой исследования. В противоположность эволюционистам Б. М. Малиновский и особенно Рэдклиф-Браун, много внимания уделяли явлениям, которые можно непосредственно наблюдать. Истинной, объективной реальностью, по Малиновскому, являются человеческие поступки. Записанные в форме наблюдений исследователей, они могут стать основой дальнейших индуктивных умозаключений.

Функционалисты-структуралисты, как и диффузионисты, утверждали, что человеческая культура едина. Разнородность культур Малиновский, например, объяснял разнообразием способов удовлетворения общечеловеческих потребностей с помощью такого инструментального аппарата, как культура. Рэдклиф-Браун шел еще дальше в понимании предмета познания. Он утверждал, что конкретная действительность, с которой имеет дело социальный антрополог при наблюдениях, описании, сравнении и классификации, является процессом общественной жизни. Единицей исследования выступает общественная жизнь людей определенного района мира в определенный отрезок времени¹⁴. При таком подходе понятия «культура» и «культурная традиция» могли быть использованы для выделения отдельных аспектов процесса общественной жизни, но не всего процесса в целом. Рэдклиф-Браун считал, что культура и культурные традиции — это именно то, чем общественная жизнь человека отличается от общественной жизни других животных видов¹⁵. Однако, по мнению ученого, мы можем наблюдать не культуру, а отношения, возникающие между людьми. О развитии культуры мы можем судить только косвенно, благодаря исследованию общественных отношений.

Деление на культуру и социальную структуру (названную формой общественной жизни) отражало не мнимый спор о терминах, — это была дискуссия, вторгавшаяся в область теории познания, которой, однако, в трудах Рэдклифа-Брауна уделялось несколько меньшее внимание, чем у Малиновского. По-разному относились эти ученые к проблеме культурного изменения. Единицей исследования у Малиновского, как и у Рэдклифа-Брауна является социальный институт, который понимается как организованная форма человеческой деятельности. Но Малиновский считал, что институты данного общества, возникшие для удовлетворения его потребностей, образуют систему. По Рэдклифу-Брауну такую систему создает сеть общественных отношений в границах данной группы. Институты тесно взаимосвязаны, изменение в системе потребностей вызы-

¹² A. R. Radcliffe-Brown, *Method in social anthropology*, Chicago, 1958, p. 178; B. M. Malinowski, *A scientific theory of culture*, p. 212.

¹³ На это указывают, в частности, его рассуждения в книге «A scientific theory of culture». Методологически более глубоко освещен этот вопрос в статье: Leo A. Despres, *Anthropological theory, cultural pluralism and the study of complex societies*, «Current Anthropology», vol. 1, 1965, pp. 3—27.

¹⁴ A. R. Radcliffe-Brown, *Structure and function in primitive society*, p. 4.

¹⁵ Там же, стр. 5.

вает изменение в каждом из них и во всей системе. Следовательно, если институты удовлетворяют потребности (для чего они и были созданы), то вся система находится в состоянии равновесия. Проверкой соответствия потребностей и институтов, и одновременно ценности всей системы служит длительность ее существования.

Вывод Малиновского о том, что культура — инструментальный аппарат для удовлетворения человеческих потребностей, привел его к заключению, что каждое явление имеет функцию, существенную для сохранения системы. Каждый из элементов культуры выполняет функцию в системе удовлетворения потребностей. Сам факт существования культуры говорит о возникшей ранее необходимости в системе потребностей.

Ход этих рассуждений приводит к следующему заключению: если система существует, то она удовлетворяет потребности, а если удовлетворяет потребности, то значит она хороша, и всякое изменение ведет к ее ухудшению. Из этого утверждения вытекали и соответствующие политические выводы: Малиновский считал, что системы традиционных культур Африки и Океании не следует менять (наиболее целесообразно осуществлять дистанционное управление этими странами, не нарушая их структуры¹⁶). Теоретические взгляды Малиновского оправдывали косвенное управление, которое было разновидностью колониального управления, навязанного европейскими колонизаторами народам Африки и Океании.

Рэдклиф-Браун в большей степени допускал возможность временного изменения внутри системы. Ученики как Малиновского, так и Рэдклиф-Брауна, еще сильнее подчеркивали эту идею.

У Малиновского нет столь характерной для его учеников концепции внутренней динамики системы (без качественных изменений). Его интересовала теория культурного контакта¹⁷, которая должна была объяснять изменения в доиндустриальных обществах в тот период, когда они пришли в соприкосновение с западной индустриальной цивилизацией.

Изменения, несомненно, возникали в результате контакта, но одного понятия контакта недостаточно для их объяснения. Думается также, что в этих случаях эмпирическое описание весьма затруднительно. Вся система в условиях изменений не стабильна, не всегда возможно определить и направление изменений. Если даже, следуя предположению Фортеса, мы будем исследовать не возникшие обычаи как независимые явления, а поведение людей, изменения в общественных отношениях, то и тогда будет трудно установить, что в поведении людей ведет к стабилизации и создает таким образом зародыш новой системы, а это является только переходной случайной формой.

При изучении культурного изменения встают новые проблемы теории познания по сравнению с теми, которые возникают при описании стабилизированной системы. Эти проблемы стремился решить Рэдклиф-Браун, предлагая объединить диахронное и синхронное описание¹⁸. Попыткой решения этой проблемы было предложение повторного описания данного общества через некоторое время, так называемого описания «двадцать лет спустя»¹⁹.

Наиболее интересно и полно трактовали культурное изменение Годфрей и Моника Вильсоны²⁰. Концепция этих ученых заключается в следующем: общественные силы всегда стремятся к равновесию. Нарушения этого равновесия в тропических странах неизбежны — таким путем

¹⁶ L. Mair, *An introduction to social anthropology*, Oxford, 1965, p. 23.

¹⁷ B. M. Malinowski, *The dynamics of culture change*, p. 154.

¹⁸ A. R. Radcliffe-Brown, *Structure and functions in primitive society*, p. 4.

¹⁹ R. Firth, *We the Tikopia*, London, 1936; *еро же*, *Social change in Tikopia*, London, 1959.

²⁰ M. Hunter (Wilson), *Reaction to conquest*, London, 1936; M. Wilson, *Good company, a study of Nyakyusa age-villages*, London, 1951; G. and M. Wilson, *The analysis of social change, on observations in Central Africa*, Cambridge, 1954.

происходит их индустриализация. По мнению Г. Вильсона, социальное изменение заключается в изменении масштаба действия общественных отношений, что в первую очередь зависит от существующих и доступных в изучаемый период средств связей между людьми. По их мнению, «общая степень» зависимости одних людей от других одинакова во всех обществах, но может иметь меньший или больший радиус действия. «Интенсивность отношений в более узких кругах уменьшается по мере того, как увеличивается их интенсивность в более широких кругах»²¹.

Вопрос о типе и радиусе действия общественных отношений всегда находится в центре внимания каждого исследователя социальных изменений. В то же время пути общественной связи и типы получения информации практически не изучаются. Социологами исследованы массовые средства передачи и связи. Однако нет монографий, которые рассматривали бы эту проблему по отношению к традиционной системе, являющейся объектом изменения.

Вильсоны исходят из предпосылки, что в каждом обществе и в каждом типе отношений в обществе выступают элементы материальные, религиозные, а также структурные формы, причем материальные и религиозные элементы общества относительно автономны. Исследователи считают, что существующее в настоящее время нарушение равновесия в Центральной Африке вызывается ускоренным развитием материальных элементов общества²².

Мысль Вильсонов о расширении сферы общественных отношений имеет сходство с теоретическими воззрениями Редфилда, считавшего, что прогресс в мировой истории основан на расширении сферы общественных отношений. Применяя деление общества на крестьянское и городское, Редфилд пытался показать основное изменение сферы отношений между этими двумя подразделениями. При этом главную роль после аграрной революции Редфилд приписывает урбанистической революции²³.

Вероятнее всего, вторжение индустриальной цивилизации в доиндустриальные племенные общества привело к тому, что в социальной антропологии проблематика изменения стала конкретной темой научного исследования системы. При этом был отвергнут статичный подход к явлениям. В соответствии со своей теорией познания, Малиновский и Редклиф-Браун определяли изменение как отклонение от стабильной системы. Это явное сужение проблемы показывает, по нашему мнению, ограниченность научных основ и методов социальной антропологии, предложенных функционалистами-структуралистами.

В современной буржуазной социологии и этнографии сформулировано много разных теорий изменений и классифицированы формы изменений. Критику некоторых из этих теорий мы находим в советской литературе²⁴. Сторонники теории контакта нередко забывают о том, что племенные общества изменяются и изменялись бы и независимо от вторжения западной цивилизации. Внутри этих обществ, несомненно, и ранее действовали силы, вызывавшие внутренние конфликты. Процесс изменения нельзя свести только к влиянию западной культуры.

Радикальное преобразование системы или возникновение в ее пределах совершенно нового института естественно отличается от тех изменений, которые вызваны временным нарушением системы или появлением внутренних противоречий, которые бывают нередко условием существования системы. Под влиянием индустриального общества, когда возникает государственная организация, экономика страны втягивается в

²¹ G. and M. Wilson, Указ. раб., стр. 40.

²² G. and M. Wilson, Указ. раб.

²³ R. Redfield, *The folk culture of Yucatan*, Chicago, 1941; его же, *Village that chose progress*, Chicago, 1930.

²⁴ См., например, Ю. Н. Семенов, *Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии*, М., 1965, стр. 182 сл.

систему мирового рынка, происходят радикальные изменения, изменение значения, чем упомянутые выше. Те перемены, которые ведут к временному нарушению равновесия и возникают в результате временного изменения отношений между отдельными элементами системы, — это как бы внутреннее дело самой системы. Перемены другого рода (приводящие к изменению системы в целом) представляют собой введение совершенно новых элементов. Так, анализ В. Турнером конфликта между матрилинейным наследованием и вирилокальным поселением у ндембу и О. Ричардс у бемба показал, что в этом конфликте играют роль лишь составные элементы самой системы, и следовательно, силы, действовавшие изнутри. Подобные же временные нарушения равновесия социальной системы качинов, описанные Э. Личем, можно объяснить или при помощи анализа механизма функционирования системы, или же путем анализа конфликта двух соседних, известных нам систем примитивных обществ. При этом для поддержания установившегося между ними контакта не требуется создания дополнительных институтов.

Приведенные выше примеры временного изменения в рамках данной системы можно, как правило, четко и ясно объяснить с помощью функционального анализа. Следует разобраться, подходит ли этот метод для исследования радикальных изменений, когда после великих географических открытий большинство племенных обществ оказалось под колониальным игом.

Социальные антропологи считают исторический факт соприкосновения племенных культур с индустриальными исключительно важным. Были созданы понятия для обозначения исходных пунктов, с которых начинается процесс радикального изменения племенной культуры при столкновении ее с западной цивилизацией: понятия нулевой точки и исходной линии (base line). Предполагалось, что система данных обществ находится в нулевой точке или в состоянии равновесия. Считали, что состояние равновесия начало колебаться только с момента контакта с европейцами. После этого система проходила последующие стадии изменения: адаптации, аккультурации, исчезновения некоторых институтов и возникновения новых. Эти изменения нельзя было объяснить функционированием присущих ей элементов. При анализе нужно было учитывать процессы столкновения с другой системой. Но такое исследование давало немного, закрывая перед ученым историческую перспективу.

При анализе систем, подвергающихся радикальному изменению, возникали новые вопросы: что должно стать точкой отсчета, по отношению к которой можно определять изменение. Нужно ли анализировать обе взаимодействующие системы, как целостности или только отдельные институты, а может быть только сферу потребностей. На эти вопросы пытался ответить Малиновский²⁵. Однако высказанные им взгляды представляются недостаточно убедительными. Малиновский выдвинул относительно новую идею, которая уже намечалась в биологических науках, — идею института гибридного типа. Но, если мы примем концепцию гибридизации института, это по существу будет обозначать, что мы отбрасываем поиски причин и основываем свое толкование явлений на элементах случайности.

В современных исследованиях групп, находящихся в ситуации изменения, весьма трудно установить, что в поведении людей нужно рассматривать как реакцию, соответствующую нормам традиционной системы, а что является результатом воздействия норм новой стабилизирующейся системы, и что следует считать действиями, зависящими от обстоятельств, существование которых возможно в той и другой системе.

Л. Мэр с сожалением пишет, что социальный антрополог, исследующий изменяющиеся группы, ввиду отсутствия удовлетворительных кри-

²⁵ B. M. Malinowski, Dynamics of culture change, p. 52.

териев не в состоянии определить, какие из изменений носят длительный характер, а значит, стабилизируют новую систему²⁶. Ученым мешает также неисторический подход к исследованию культурного изменения.

Совершенно очевидно, что концепция ситуационной реакции, выдвинутая М. Глюкманом²⁷, также не помогает выяснить, носят ли постоянный характер изменения, исследуемые в данный момент.

Метод Глюкмана может применяться для исследования микроструктуры. Предложение Т. Парсонса об использовании метода М. Глюкмана для исследования макроструктуры трудно принять потому, что при этом не учитывается способ объединения результатов изучения микроструктуры и макроструктуры²⁸.

Работы этнографов, занимающихся сложными структурами, в частности — исследования регионального типа в Польше, ряд исследований из области культурной и социальной антропологии и экономической истории, в которых рассматриваются макроструктуры в их более широком понимании, чем у представителей классического функционализма, выявляют весьма существенный аспект изучения культурного изменения. Так, например, по мнению В. Кула, даже самый тщательный анализ натурально-крестьянского хозяйства не поможет выяснить его характер и причины его изменений, если мы не соотнесем эту систему с более широкой системой и не учтем совокупность причинных зависимостей, соединяющих обе эти системы²⁹. Но вместе с тем, необходимо иметь в виду, что микроструктуры составляют лишь часть макроструктуры. Применение учеными функционально-структурного метода затрудняется тем, что он не дает возможности выявить взаимосвязь между макроструктурой и микроструктурой. Все еще остается неизвестной основа соединения макроструктуры с микроструктурой. Кроме того, число переменных, входящих в этом случае в круг исследования, потребовало бы применения математических машин.

Примером теории изменения, основанной на исторических исследованиях макроструктуры, являются некоторые работы Л. Крживицкого³⁰.

Функциональный метод — это один из методов, какими оперируют функционалисты-структуралисты. Пользуются этим методом при исследованиях изменений в культуре. Многие теории, созданные в результате этих исследований, оказались ошибочными. Неудачи в объяснении культурного изменения в известной мере объясняются и тем, что познавательное значение функционального метода сводится к выявлению автоматических механизмов системы (о чем говорилось выше), что уже само по себе исключает возможность подобного анализа при исследовании радикального изменения.

²⁶ L. Maier, Указ. раб., стр. 247—249.

²⁷ M. Gluckman, Custom and conflict in Africa, Oxford, 1955, p. 290.

²⁸ T. Parsons, Structure and process in modern societies, Glencoe, 1960, p. 250.

²⁹ W. Kula, Teoria ekonomiczna ustroju feudalnego, proba modelu, Warszawa, 1962, s. 14, 15.

³⁰ L. Krzywicki, Idea a zycie, «Studia socjologiczne», 1951, pp. 41—149.

Ю. А. Евстигнеев

НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫЕ БРАКИ В МАХАЧКАЛЕ

Дагестан — один из самых многонациональных районов СССР. По данным переписи 1926 г., в этой небольшой по территории республике насчитывалось около 30 коренных народностей. Перепись 1959 г. зарегистрировала только 10 коренных народностей¹, что отражает происходящий в Дагестане процесс национальной консолидации.

Наряду с процессом слияния мелких этнических общностей с более крупными, в Дагестане наблюдается сближение всех населяющих его народов, объединяемых общей политической, экономической и культурной жизнью в рамках единой автономной республики².

Нам кажется, что большой интерес представляет не только вопрос о консолидации коренных для Дагестанской ССР национальностей, но и их отношение к другим народам. Чтобы исследовать эту проблему, мы условно объединяем коренные дагестанские народности под общим названием «дагестанцы».

Видную роль в этнических процессах играют смешанные браки. Летом 1968 и зимой 1969 гг. в отделе загса города Махачкалы нами были собраны статистические сведения о браках за 1940, 1950 и 1958 гг., за период 1959—1968 гг. включительно, данные о разводах за 1958, 1967 и 1968 гг. Кроме того, были использованы данные бланков на получение паспорта (так называемая форма 1) в паспортном столе 2-го отделения милиции, а также личные наблюдения.

В рассмотренных бланках регистрации браков и разводов содержатся разнообразные сведения о лицах, заполнивших бланки: полное имя, возраст, национальность, место рождения и т. д. В анкетах паспортного стола указывается, кроме того национальность родителей человека, получающего паспорт. К сожалению, с конца 1958 г. в бланки не вносятся данные о социальном положении (должность и место работы) брачующихся. Отменен также вопрос о причине развода.

Материал собран лишь в городе Махачкале, столице Дагестанской АССР — политическом, экономическом и культурном центре республики. Естественно, что в ее населении имеются представители всех народностей Дагестана и многих других национальностей нашей страны.

Согласно переписи 1926 года около 30% населения Махачкалы составляли представители коренных для Дагестана национальностей, русские — 52%, евреи — 6,5%, азербайджанцы — 6,5%. Перепись 1959 г.

¹ По переписи 1959 г. в графу «народности Дагестана» включено 10 народов (8 народов кавказской языковой семьи и 2 — кумыки и ногайцы — тюркской группы алтайской семьи языков). Таты и татоязычные горские евреи не были включены в состав народностей Дагестана. В данной работе автор придерживается классификации, приведенной в переписи. См. «Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года РСФСР», М. 1963, стр. 300, 324.

² В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 4, стр. 18.

дала следующую картину: коренных народностей Дагестанской ССР — 32%, русских — 51%, азербайджанцев — 1,8%.

Если в 1940 г. смешанные браки с участием дагестанцев составляли 25%, в 1950—30%, то с 1963 г. их уже более 50% от общего числа смешанных браков. Активность дагестанцев в смешанных браках еще более заметна, если принять во внимание удельный вес людей этих национальностей в составе жителей Махачкалы.

Еще в предвоенные годы национально-смешанные браки в Махачкале были довольно широко распространены. Их удельный вес в общем числе заключенных браков мало изменялся на всем протяжении изучавшегося периода. Однако доля смешанных браков с участием дагестанцев значительно увеличилась (см. табл. 1).

Таблица 1

Число смешанных браков с участием дагестанцев*

Год	Всего браков	В том числе смешанных			
		всего		с участием дагестанцев	
		число	% ко всем бракам	число	% к смешанным бракам
1940	646	150	23,2	38	25,3
1950	1327	311	23,4	93	30,0
1959	1640	363	22,1	156	43,0
1960	1700	438	25,8	193	44,0
1961	1609	410	25,5	175	42,7
1962	1581	461	29,1	220	47,7
1963	1524	437	28,7	228	52,2
1964	1373	406	29,6	200	49,3
1965	1415	373	26,4	208	55,7
1966	1497	452	30,2	237	52,4
1967	1762	515	29,2	261	50,7
1968	1553	389	25,0	200	51,4

* Источник: материалы отдела загса г. Махачкала Дагестанской АССР.

Из числа дагестанцев в смешанные браки чаще вступают мужчины. В наших материалах зафиксировано 1337 смешанных браков с участием представителей дагестанских народностей. Причем браков с участием мужчин-дагестанцев в 6,8 раза больше, чем браков с участием женщин. Мы объясняем это преобладанием мужчин среди дагестанского населения Махачкалы, а также большей подверженностью женщин национальным и религиозным предрассудкам³, меньшей подвижностью и большей зависимостью в семье. По мере изживания религиозных и национальных предрассудков число дагестанок, вступающих в смешанные браки с представителями других народов, постепенно растет: в 1940 г. не зарегистрировано ни одного брака с участием дагестанок, в 1950 г. таких браков зарегистрировано уже два, в 1960 г.— 15, в 1968 г.— 23.

Смешанные браки среди дагестанцев становятся обычным явлением в Махачкале: за 10 последних лет зарегистрирован 741 такой брак (в среднем 74 брака в год).

За период 1959—1968 гг. было заключено 37 браков между дагестанцами и евреями (в том числе 5 браков евреев с дагестанками). В прошлом такие браки были исключительно редким явлением: в 1940 г. их вообще не было, в 1950 г. было заключено 2 брака. Рост браков между дагестанцами и евреями — свидетельство изживания религиозных пережитков.

³ С. Ш. Гаджиева, Семья и семейный быт народов Дагестана, Махачкала, 1967. стр. 85.

Сравнительно часты браки между горскими евреями и татами, причём число их значительно возросло в последние годы, о чём свидетельствуют следующие цифры: 1940 г. — 0, 1950 г. — 4, 1960 г. — 21, 1967 г. — 17; за последних лет было заключено 175 таких браков. Интересно, что среди татов очень велик процент вступивших в смешанный брак: 71,2% татов (47,7% зарегистрировали браки с еврейками) и 63,8% таток (зарегистрировали браки с евреями 49,4%).

Наши данные говорят о том, что процент смешанных браков мужчин — аварцев и дагинцев с женщинами других дагестанских народов выше, чем процент браков с русскими женщинами. В то же время лакцы, кумыки и особенно лезгины чаще вступают в браки с русскими женщинами, чем с дагестанками. В целом процент браков дагестанских мужчин с русскими женщинами несколько выше, чем процент браков русских мужчин с дагестанскими женщинами (соответственно 14,2 и 12,6% от числа всех браков). Дагестанские женщины чаще вступают в браки с дагестанскими мужчинами.

В смешанных браках мужчин — украинцев, армян, осетин, азербайджанцев, татар и евреев преобладают браки с русскими женщинами, русских — с украинками, у татов — с еврейками.

Таблица 2

Распределение браков по национальностям (1959—1968 гг.)

Женщины \ Мужчины								
	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Прочие дагестанцы	Русские	Еврейские
Аварки	817	24	36	19	9	3	10	1
Даргинки	49	597	51	15	6	4	6	—
Кумычки	145	57	1391	32	32	4	30	2
Лачки	53	40	23	843	40	4	14	—
Лезгинки	12	15	14	24	294	13	9	2
Прочие дагестанки	2	3	6	3	4	12	1	—
Русские	193	103	200	111	151	18	6431	95
Еврейки	5	7	8	5	3	4	44	512
Украинки	18	6	17	11	7	1	357	9
Татарки	22	5	27	5	15	3	35	1
Азербайджанки	14	12	21	5	14	—	16	2
Армянки	9	2	2	5	3	—	38	2
Татки	—	1	2	—	1	—	7	79
Осетинки	10	10	9	7	6	1	9	1
Прочие	25	12	22	18	10	1	167	—
Всего	1375	894	1829	1102	595	68	7174	706

Женщины \ Мужчины								
	Украинцы	Татары	Азербайджанцы	Армяне	Таты	Осетинцы	Прочие	Всего
Аварки	1	—	4	1	1	1	5	93
Даргинки	—	—	6	3	—	—	2	73
Кумычки	1	4	12	3	—	3	15	173
Лачки	4	—	8	2	—	—	5	103
Лезгинки	1	3	4	1	1	1	3	39
Прочие дагестанки	—	1	—	—	—	—	—	3
Русские	423	60	88	118	41	22	207	826
Еврейки	4	2	4	3	96	3	9	70
Украинки	75	6	5	7	2	1	15	53
Татарки	3	177	10	3	—	—	11	317
Азербайджанки	1	4	74	2	1	1	18	183
Армянки	2	—	2	59	—	—	6	130
Татки	2	1	3	1	58	—	5	160
Осетинки	—	—	7	4	—	15	3	82
Прочие	28	5	31	8	1	2	78	408
Всего	545	263	258	215	201	48	382	1565

Украинские и армянские женщины состоят в смешанных браках преимущественно с русскими мужчинами, осетинки, татарки, русские—с дагестанцами, еврейки — с татами.

Этническое самосознание лиц, происходящих от родителей разных национальностей, выявлялось по данным паспортного стола отделения милиции. В феврале 1969 г. было обследовано 205 бланков (форма 1), заполненных подростками, впервые получающими паспорта.

Большинство (147, или около 72% из 205 обследованных) назвало своей национальностью национальность отца. Большой частью дети от смешанных браков по традиции причисляют себя к национальности отца. Однако нельзя не обратить внимание на относительно большой процент лиц, избравших национальность матери (28%).

В табл. 3 имеются данные об определении своей национальности людьми в смешанных семьях.

Приведенные цифры показывают: 1) среди дагестанских народностей национальность детей в преобладающем числе случаев определяется национальностью отца; 2) в смешанных русско-дагестанских семьях эта традиция уже значительно поколеблена: 15% детей в таких семьях выбрали национальность матери; 3) дети от смешанных браков русских женщин с украинцами, белорусами, евреями, мордвой и некоторыми другими народами, от большинства браков евреев с татками, армянками, как правило, определяют свою национальность по матери; 4) если отец русский или принадлежит другим кавказским народностям (армянам, грузинам и т. д.), огромное большинство детей также определяют свою национальность по отцу.

Попробуем объяснить полученные данные. Дагестан — один из районов Кавказа; этническая территория многих кавказских народов находится непосредственно здесь (дагестанские народности) или рядом (осетины, чеченцы и другие северокавказские народы, азербайджанцы, армяне, грузины). Большую часть населения Махачкалы составляют русские и дагестанцы. Отдельные группы украинцев, белорусов, татар, иранцев, мордвы, чувашей и некоторых других народов в Махачкале немногочисленны. Украинцы, белорусы, мордва, татары подверглись значительной языковой ассимиляции со стороны русских, а иранцы — со стороны азербайджанцев.

Таблица 3

Этническое самоопределение лиц в национально-смешанных семьях

Национальность отца	Национальность матери	Число обследованных	В том числе предпочли		Примечание к графе «... предпочли национальность матери»
			национальность отца	национальность матери	
Дагестанцы ¹	Дагестанки ¹	25	23 (—92%)	2 (—8%)	Матери—кумычки
Дагестанцы ¹	Недагестанки ²	55	50 (—91%)	5 (—9%)	Матери—русские
Недагестанцы ²	Дагестанки ¹	8	1 (12,5%)	7 (—87,5%)	Матери—ногайки —4 (отцы—русский, иранец, узбек)
Русские	Прочие ³	36	36 (—100%)	—	
Прочие ³	Русские	63	23 (36,5%)	40 (63,5%)	Отцы—украинцы, белорусы—23, татары, евреи, иранцы—9
Прочие ³	Прочие ³	18	14 (—77,8%)	4 (22,2%)	Матери: татки—2, армянка; украинка; отцы: евреи—3, чуваш

¹ Кумыки, аварцы и т. д., состоящие в смешанных браках.

² Русские, украинцы, осетины и т. д.

³ Украинцы, осетины, белорусы и т. д., кроме русских и дагестанцев.

Возможно, что эти обстоятельства помогут в какой-то мере объяснить причины большой устойчивости традиции определения национальности по отцу у кавказских народов и у русских, тем более, что мужчины этих национальностей чаще вступают в смешанные браки, чем женщины.

Таким образом, приведенные выше данные отчетливо показывают наличие процессов этнической ассимиляции. В Махачкале русские чаще всего ассимилируют украинцев, белорусов, мордву, евреев.

Мы интересовались также именами лиц, заполнивших анкеты. Оказалось, что из 47 человек, имеющих отцами дагестанцев, а матерями русских, украинок, белорусок, осетинок и финок, 22 носят дагестанские (мусульманские) имена, а 25 (около 53%) — христианские (обычно называемые русскими именами).

Таблица 4

Динамика браков и разводов

Классификация браков и разводов	1958 г.		1967 г.		1968 г.	
	браки	разводы	браки	разводы	браки	разводы
Общее число браков, разводов	1511	259	1762	741	1553	684
В том числе этнически смешанные пары	381	72	515	221	389	195
Смешанные браки и разводы (смешанных браков) между дагестанцами	25,2%	27,9%	29,2%	29,8%	25,0%	28,5%
Браки и разводы (браков) между дагестанцами и русскими	56	7	90	26	68	30
Браки и разводы (браков) между русскими, прочими и дагестанками	14,7%	9,9%	17,5%	11,8%	17,5%	15,4%
Браки и разводы (браков) между русскими, прочими и дагестанками	51	17	99	54	74	61
Браки и разводы (браков) между русскими, прочими и дагестанками	13,4%	23,5%	19,2%	24,4%	19,0%	31,3%
Браки и разводы (браков) между русскими, прочими и дагестанками	48	5	52	22	35	16
Браки и разводы (браков) между русскими, прочими и дагестанками	12,6%	6,9%	10,0%	10,0%	9,0%	8,2%
Браки и разводы (браков) между русскими, прочими и дагестанками	10	3	20	10	23	9
Браки и разводы (браков) между русскими, прочими и дагестанками	2,6%	4,1%	3,9%	4,5%	5,9%	4,6%
Всего смешанных браков и разводов (смешанных браков) с участием дагестанцев	165	32	261	112	200	116
Всего смешанных браков и разводов (смешанных браков) с участием дагестанцев	43,3%	44,4%	50,6%	50,7%	51,4%	59,5%

Кроме того, в исследование включено 205 актов о регистрации рождения детей из национально-смешанных семей. В их числе 105 детей от смешанных браков дагестанцев с русскими и 100 от смешанных браков между дагестанскими народами. Пять детей от браков русских с дагестанками названы русскими именами; из 100 детей от браков дагестанцев с русскими 59 были названы русскими, остальные 41 — дагестанскими именами; из 100 детей от смешанных браков между дагестанцами 100 были названы русскими именами, 78 — дагестанскими.

Интересные выводы можно сделать также на основании исследования динамики разводов в Дагестанской АССР.

Очевидно, что процент разводов в смешанных семьях (особенно с участием дагестанцев) несколько выше процента зарегистрированных смешанных браков.

К сожалению, использованные данные только фиксируют рост разводов вообще, но явно недостаточны для объяснения роста разводов. Мы обращаем внимание на лицо, возбуждившее дело о разводе. Это обычно тот из супругов, кто подписывается на бланке. В тех случаях, когда на бланке имелись обе подписи, мы считали, что в разводе одновременно заинтересованы оба супруга. Установлено, что инициаторами большинства количества разводов являются жены. Например, в 1967 г. из 1 разводов смешанных браков с участием дагестанцев 55 (т. е. около пол-

вины) рассматривались по ходатайству жен, в том числе дагестанок (24). Довольно значительный процент разводов, возбуждаемых дагестанскими женщинами, характеризует их возрастающую активность. Однако недостаток материала не позволил нам выявить все причины разводов⁴.

Анализ имеющихся данных позволяет сказать следующее.

1) Смешанные браки широко распространены в Махачкале. Однако их несколько меньше, чем, скажем, в некоторых городах Прибалтики⁵ (например, в 1963 г. смешанные браки в Вильнюсе составляли 37,6% от всего числа браков, в Риге — 35,5%, в Махачкале же — 28,7%).

2) В смешанные браки чаще вступают мужчины дагестанских и некоторых других кавказских народов и женщины русской, еврейской, осетинской и других национальностей, главным образом народов-переселенцев из Поволжья и других районов Европейской части СССР. Мужчины чаще вступают в смешанные браки и в других районах Кавказа⁶, тогда как, скажем, в Прибалтике, мы можем наблюдать совершенно иную картину⁷. Число смешанных браков с участием дагестанских женщин постепенно возрастает. Интересно заметить, что большая часть дагестанок, вышедших замуж за русских, носит русские имена. Возможно, что эти дагестанки (или по крайней мере часть из них) смешанного происхождения, так как обычно среди дагестанок русские имена мало распространены.

3) Дагестанские мужчины чаще вступают в браки с русскими и дагестанками, затем с татарками, осетинками, азербайджанками.

Языком общения в большинстве смешанных семей является русский язык. Дети от смешанных браков с участием дагестанцев выбирают, как правило, национальность отца (т. е. аварца, кумыка и т. д.)⁸. Дагестанцами они обычно называют себя только вне Дагестана.

4) В смешанных семьях с участием русских наблюдается большое влияние русской культуры, проявляющееся в именах детей, разговорном языке семьи, быту и т. д.

5) Этническое слияние татов с горскими евреями четко прослеживается на примере смешанных браков. Кстати, в этнографической литературе весьма часто горских евреев и татов называют общим именем «таты». Часто горские евреи называют себя татами.

6) Смешанные браки особенно характерны для относительно немногочисленных народов, оторвавшихся от своей этнической территории.

7) Рост интернациональных связей, изживание национальных, религиозных предрассудков способствуют распространению смешанных браков.

⁴ Из многочисленных бесед с дагестанцами выяснилось, что бездетность — одна из причин развода.

⁵ О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева, Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике, «Сов. этнография», 1965, № 5, стр. 15, 16.

⁶ Я. С. Смирнова, Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 140.

⁷ О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева, Указ. раб., стр. 16.

⁸ Было отмечено два случая, когда в графе «национальность» бланков регистрации брака было записано «дагестанец».

Г. А. Сергеева, Я. С. Смирнов

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ

(ПО ДАННЫМ ПАСПОРТНЫХ СТОЛОВ
ОТДЕЛЕНИЙ МИЛИЦИИ ГОРОДОВ
МАХАЧКАЛЫ, ОРДЖОНИКИДЗЕ,
ЧЕРКЕССКА)¹

Вопросы, связанные с изучением этнических процессов, привлекли внимание советских этнографов-кавказоведов на протяжении уже многих лет. Еще с конца 40-х годов комплексная экспедиция Института этнографии Академии наук СССР в течение ряда лет исследовала национальные процессы в Дагестане. В последующие годы этнографы-кавказоведы изучали взаимовлияние национальных культур на примере тех или иных элементов материальной и духовной культуры.

Особенно усилился интерес к проблемам сближения и взаимовлияния народов в 60-х годах. В этот период было начато исследование этнических процессов одновременно в Азербайджане, Дагестане, Прибалтике, Средней Азии, что связано было с подготовкой обобщающего коллективного труда «Современные этнические процессы в СССР». При этом ученые сочетали традиционные этнографические методы с социологическими и статистическими. Таким путем ведется изучение и национально-смешанных семей, которые, как известно, являются одним из существенных индикаторов этнических взаимовлияний².

Важнейшим источником для изучения динамики национально-смешанных браков служат материалы загсов. На Кавказе этот источник впервые был использован А. Г. Трофимовой, собравшей соответствующие данные в одном из районов Баку³. В настоящее время подобные материалы широко применяются этнографами, изучающими современный семейный быт народов Северного Кавказа⁴. Однако наряду с показом динамики смешанных браков при этнографическом исследовании смешанных семей значительный интерес представляют и другие этностастические данные, в частности сведения о предпочтительном выборе национальности представителями второго поколения этих семей.

¹ Основные положения этой статьи были доложены на сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1968 г. (Ленинград, апрель 1969 г.).

² О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева, Исследование семьи в аспекте этнических процессов, М., 1970 (доклад на VII Международном социологическом конгрессе в Варне).

³ А. Г. Трофимова, Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник (по данным района 26 комиссаров г. Баку), «Сов. этнография», 1965, № 1.

⁴ Я. С. Смирнова, Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии, «Сов. этнография», 1967, № 4; ее же, Семья и семейный быт, в кн.: «Культура и быт народов Северного Кавказа», М., 1968; С. Ш. Гаджиева, Семья и семейный быт народов Дагестана, Махачкала, 1967.

Получение паспортов и избрание национальности подростками (%)

Виды семей	Махачкала			Орджоникидз			Черкесск		
	оба пола	юноши	девушки	оба пола	юноши	девушки	оба пола	юноши	девушки
Получение паспортов									
все виды семей	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе семьи коренных национальностей	52,1	56,0	49,4	47,5	48,8	46,1	11,0	11,3	10,7
смешанные семьи	89,3	90,1	88,4	85,2	85,4	84,5	91,6	91,1	91,9
в том числе семьи коренных национальностей	53,5	56,2	49,1	48,7	50,4	47,1	94,8	10,0	9,0
смешанные семьи	10,7	9,9	11,6	14,8	14,6	15,5	8,4	8,9	8,1
в том числе семьи коренных национальностей	47,6	50,0	45,6	40,3	39,7	40,8	27,5	24,4	30,1
Избрание национальности									
Национальность отца									
Смешанные семьи	72,8	76,6	69,0	72,2	73,7	70,8	55,6	56,9	54,6
Смешанные семьи коренных национальностей	83,3	87,0	79,5	85,8	88,1	83,7	76,3	76,3	75,9
Национальность матери									
Смешанные семьи	27,2	23,4	31,0	27,8	26,0	29,2	44,4	43,1	45,4
Смешанные семьи коренных национальностей	16,7	13,0	20,5	14,2	11,9	16,3	23,7	23,7	24,1

Такие материалы можно получить как путем анкетного опроса, так и посредством анализа паспортной документации в учреждениях Министерства внутренних дел. Органы милиции при выдаче паспортов руководствуются сведениями, записанными в форме № 1, куда включены вопросы о фамилии, имени и отчестве, поле, социальном положении, месте рождения, а также о национальной принадлежности. Лица, впервые получающие паспорт, сообщают о национальности своих родителей и своей национальности. Таким образом, исследователь имеет возможность проследить тенденции избрания национальности вторым поколением национально-смешанных семей.

Впервые внимание этнографов к данным паспортных столов как к одному из источников изучения межнациональных процессов привлекла Л. Н. Терентьева. На основе материалов, собранных в ряде прибалтийских городов, ею был разработан и впервые применен метод исследования статистических материалов о выборе национальности молодежью из национально-смешанных семей⁵. На Кавказе подобное исследование проводилось в сложных по национальному составу городах: Махачкале, Орджоникидзе и Черкесске. В них преобладает русско-украинское население, однако весьма широко представлены и коренные народы Северного Кавказа, а также народы Закавказья, греки, поляки, татары и др. Коренное население составляет в Махачкале 38,5, в Орджоникидзе 24,3, в Черкесске 6,7% общего числа жителей.

⁵ Л. Н. Терентьева, Об определении национальной принадлежности молодежи (подростками) из национально-смешанных семей, «Тезисы докладов на сессии отделения истории АН СССР, посвященной 50-летию Ленинского декрета о создании РАИМК — Института археологии АН СССР и итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1968 г.», Л., 1969; ее же, Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях, «Сов. этнография», 1969, № 3; ее же, Исследование семьи народов Поволжья и Приуралья в аспекте этнических процессов, «Тезисы докладов и сообщений на научной сессии „Торжество ленинской национальной политики“», Чебоксары, 1970.

Комбинации межнациональных семей

(% к общему числу случаев)

Махачкала		Орджоникидзе		Черкесск	
Даргино-кумыкские	2,8	Осетино-русские	19,7	Черкесо-абазинские	5,1
Кумыко-даргинские	1,0	Русско-осетинские	3,1	Абазино-черкесские	3,9
Аваро-кумыкские	2,7	Осетино-украинские	2,7	Абазино-русские	3,7
Кумыко-аварские	0,9	Украинско-осетинские	0,7	Русско-абазинские	2,7
Кумыко-татарские	1,3	Грузино-осетинские	2,7	Черкесо-русские	2,7
Татаро-кумыкские	0,2	Осетино-грузинские	2,0	Карачаево-русские	2,3
Лакско-кумыкские	0,8	Армяно-осетинские	1,5	Ногайско-русские	1,0
Кумыко-лакские	0,2	Осетино-армянские	0,3	Русские — коренные	0,8
Лезгино-русские	4,3	Ингушко-осетинские	0,7		
Русско-лезгинские	—	Осетино-ингушские	—	Коренные — коренные	
Кумыко-русские	4,1	Осетино-северокавказские	0,8	(кроме абазино-черкесских)	1,6
Русско-кумыкские	0,2	Северокавказско-осетинские	0,6	Коренные — прочие	
Аваро-русские	3,5	Осетино-еврейские	0,7	северокавказские	1,2
Русско-аварские	—	Еврейско-осетинские	—	Прочие северокавказские	0,6
Лакско-русские	2,9	Осетины — прочие	1,5	кавказские — коренные	0,6
Русско-лакские	0,2			Прочие — коренные	1,6
Даргино-русские	1,8				
Русско-даргинские	0,1	Прочие — осетины	0,7	Коренные — прочие	0,6
Горскоеврейско-русские	0,8	Северокавказско-русские	0,8		
Русско-горскоеврейские	0,5	Русско-северокавказские	0,5	Северокавказско-русские	1,1
Украинско-русские	13,6	Армяно-грузинские	1,7	Русско-северокавказские	0,1
Русско-украинские	7,2	Грузино-армянские	0,6	Украинско-русские	30,1
Азербайджано-русские	2,8	Армяно-русские	6,8	Русско-украинские	13,6
Русско-азербайджанские	0,1	Русско-армянские	2,0	Белорусско-русские	3,1
Еврейско-русские	2,8	Грузино-русские	3,5	Русско-белорусские	4,0
Русско-еврейские	1,3	Русско-грузинские	1,8	Польско-русские	2,0
Армяно-русские	2,3	Азербайджано-русские	1,7	Еврейско-русские	1,0
Русско-армянские	0,8	Русско-азербайджанские	—	Армяно-русские	3,0
Татаро-русские	2,0	Украинско-русские	14,2	Русско-армянские	0,8
Русско-татарские	0,9	Русско-украинские	8,7	Русско-грузинские	0,8
Белорусско-русские	1,7	Греко-русские	2,5	Грузино-русские	0,6
Русско-белорусские	1,7	Русско-греческие	0,5	Русско-татарские	0,8
Грузино-русские	0,7	Еврейско-русские	2,0	Татаро-русские	0,8
Русско-грузинские	0,3	Русско-еврейские	1,8	Русские — прочие	2,7
Прочие	32,5	Белорусско-русские	1,5		
		Русско-белорусские	0,7	Прочие — русские	2,3
		Татаро-русские	0,7		
		Русско-татарские	0,7	Прочие с участием	
		Прочие с участием кавказских народов	5,4	кавказских народов	2,3
		Прочие	4,2	Прочие	2,0

Проводилось как сплошное обследование (Черкесск), так и выборочное (Махачкала — 90%, Орджоникидзе — 30%). В выборку попали лица, впервые получившие паспорт в период с 1960 по 1968 г.

Суммарное представление о материале, которым мы располагаем, дает табл. 1. Как и следовало ожидать, она показывает, что в процентном отношении среди впервые получающих паспорта преобладают молодые люди из однопациональных семей (в среднем по всем трем городам — 88,6%). Остальные — это юноши и девушки из национально-смешанных семей: в Махачкале они составляют 10,7%, в Орджоникидзе 14,8%, в Черкесске 8,4%. Молодежь из смешанных семей мы разделили на две основные группы: первая происходит из таких семей, в которых

один или оба родителя принадлежат к коренным народам Северного Кавказа, во второй родители представляют любые другие национальности. Естественно, что нас больше интересовала первая группа, составляющая от общего числа смешанных семей в Махачкале 47,6%, в Орджоникидзе 40,3%, в Черкесске 27,5%.

В табл. 2 представлены различные варианты межнациональных комбинаций для обеих групп. Если для второй группы (во всех трех городах) характерны различные сочетания с участием русской национальности, то для первой межнациональных сочетания в каждом из обследованных городов имеют свои особенности, что, очевидно, объясняется спецификой национальных процессов. Как видим, в Орджоникидзе чаще всего встречаются осетино-русские браки, на втором месте стоят осетино-украинские и т. д. В Махачкале у одних народов (аварцы, лезгины, кумыки, лакцы) больше браков с русскими, у других (например, даргинцы) — с кумыками. В Черкесске преобладают браки между абазинами и черкесами, а затем браки этих народов с русскими; для карачаевцев и ногайцев характерны в первую очередь браки с русскими.

В целом во всех трех городах наблюдается многообразие сочетаний межнациональных браков. Так, в Махачкале их более 40, в Черкесске 45, в Орджоникидзе около 60. Несомненно, что число вариаций национально-смешанных семей зависит от национального состава городов. Но есть и другая причина: среди юношей и девушек, получающих паспорта, много приехавших на учебу из различных городов и селений Северного Кавказа, так как в Орджоникидзе и Махачкала являются крупными учебными центрами.

Мы проследили, как определяют свою национальность представители второго поколения из наиболее характерных национально-смешанных семей. Результаты исследования отражены в табл. 3.

Анализ этой таблицы позволяет, как нам представляется, проследить существующие в настоящее время тенденции.

1. В тех случаях, когда один из родителей принадлежит к представителям коренного населения данной автономной республики или области, юноша или девушка большей частью избирают эту коренную национальность. Так, например, в Махачкале в подобных случаях коренную национальность избрало 82,6%, а русскую 17,4%, в Черкесске соответственно — 62,5 и 37,5%.

Вместе с тем следует отметить, что доля юношей и девушек из семей этого типа, которые приняли другую национальность, все же довольно велика. Так, 17% юношей и девушек из осетино-русских семей избрали русскую национальность, 25% из осетино-украинских — украинскую, из кумыко-русских, даргино-русских и лакско-русских — русскую от 15 до 20%, из черкесско-русских, абазино-русских и карачаево-русских — русскую от 33 до 40%.

2. В тех случаях, когда родители являются представителями различных, но близких по языку или культуре северокавказских национальностей, доля юношей или девушек, выбравших национальность отца и национальность матери, приблизительно одинакова. Так, если при аваро-кумыкских и даргино-кумыкских межнациональных браках преобладает тенденция избрания вторым поколением семьи аварской (66%) и даргинской (71%) национальности, то при аваро-даргинских или черкесо-абазинских сочетаниях эти тенденции практически равновелики.

3. В тех случаях, когда один из родителей принадлежит к коренной для Северного Кавказа в целом, но не для данной автономной республики или области национальности, а другой — русский или русская, преобладает тенденция избрания русской национальности. Так, в Орджоникидзе в таких случаях русскую национальность избрало 75% юношей и девушек, в Черкесске — 66,6%. Эта тенденция еще более заметна при сочетании русских с представителями других национальностей. Во всех

Таблица 3

Определение национальности подростками в национально-смешанных семьях
(% к общему числу подростков в каждом из выделенных сочетаний)

Махачкала				Орджоникидзе				Чеченск			
сочетание национальностей		I	II	сочетание национальностей		I	II	сочетание национальностей		I	II
I	II			I	II			I	II		
аварцы	кумыки	66,0	34,0	осетины	ингуши	40,0	60,0	абазины	черкесы	47,7	52,3
даргинцы	кумыки	71,1	28,9	осетины	армяне	54,5	45,6	абазины	русские	64,3	35,7
лакцы	кумыки	57,1	42,9	осетины	грузины	42,9	57,1	черкесы	русские	60,0	40,0
аварцы	даргинцы	55,5	44,5	осетины	северокавказские	66,6	33,4	карачаевцы	русские	66,7	33,3
кумыки	русские	79,3	20,7	осетины	прочие	65,0	35,0	коренные народы	русские	62,5	37,5
лакцы	русские	83,3	16,7	армяне	грузины	54,5	45,5	армяне	русские	42,1	57,9
даргинцы	русские	85,1	14,9	осетины	русские	83,2	16,8	грузины	русские	14,3	85,7
дагестанцы(в целом)	русские	82,6	17,4	осетины	украинцы	75,0	25,0	русские	украинцы	87,9	12,1
русские	украинцы	76,1	23,9	осетины	евреи	100	—	русские	белорусы	94,3	5,7
русские	белорусы	94,0	6,0	северокавказские (кроме осетин)	русские	25,0	75,0	русские	евреи	100	—
русские	евреи	85,8	14,2	армяне	русские	60,8	39,2	русские	татары	75,0	25,0
русские	татары	74,4	25,6	грузины	русские	71,4	28,6				
				русские	украинцы	81,0	19,0				
				русские	белорусы	60,0	40,0				
				русские	евреи	100	—				
				русские	татары	50,0	50,0				

трех обследованных городах представители второго поколения из русско-украинских семей избирают преимущественно русскую национальность (в Махачкале 76 %, в Орджоникидзе 81 %, в Черкесске 88 %). Приблизительно такое же соотношение наблюдается при русско-белорусских, русско-польских и русско-еврейских сочетаниях.

Таким образом, можно сделать вывод о сравнительной этнической стойкости северо-кавказских народов в рамках своих национальных автономий. В то же время результаты наших исследований подтверждают уже выявленный по данным переписи 1959 г. процесс постепенной естественной ассимиляции оторвавшихся от ареала своего компактного расселения различных национальных групп соседним русским населением.

Использованный нами источник отражает еще одно важное обстоятельство. Хорошо известно, что, хотя за последнее время смешанные браки женщин северо-кавказских национальностей заметно участились, как правило, их еще значительно меньше, чем смешанных браков мужчин этих же национальностей. Так, по данным отделов загс в 1963 г. адыгейки вступали в смешанные браки вдвое реже, чем адыгейцы, карачаевки в 1,9 раза реже, чем карачаевцы, осетинки в 1,8 раза реже, чем осетины. Таким образом, у народов Северного Кавказа смешанные браки — это все же преимущественно браки мужчин коренных национальностей с женщинами других национальностей. По данным паспортных столов, в смешанных семьях этого типа юноша или девушка чаще всего выбирает национальность отца. Суммарное представление об этом дает табл. 1. При конкретном сопоставлении национальности детей с национальностью отцов выяснилось, что, например, в Орджоникидзе в семьях, основанных на браках мужчин-осетин с женщинами-ингушками, осетинскую национальность выбрали 100 %, при браках с армянками — 100 %, при браках с грузинками — 83,3 %, при браках с русскими — 90,7 %, при браках с украинками — 93,8 % и т. д. В Махачкале в семьях, основанных на браках мужчин-кумыков с русскими женщинами, кумыками записались 80 % юношей или девушек, при браках лакцев с русскими женщинами — лакцами 89,4 %, при браках даргинцев с русскими женщинами — даргинцами 92 % и т. д. Мы видим, что у народов Северного Кавказа сохраняется традиционное предпочтение национальности отца, как и отмеченная ранее тенденция предпочтительного избрания коренной для данной автономной республики или области национальности. Это также подтверждает, что большинство народов Северного Кавказа сохраняет свою национальную устойчивость.

Отмечается и ряд случаев избрания представителями второго поколения из смешанных семей такого типа не отцовской, а материнской национальности, что было невозможно у народов Северного Кавказа в прошлом. Эти факты свидетельствуют о том, что нарушение вековых традиций мало-помалу учащается и этническое самосознание становится менее жестким.

Само собой понятно, что рассматриваемые нами статистические данные требуют сопоставления с собственно этнографическими данными. Статистика показывает направление процессов, однако данные такого рода не могут объяснить, почему они идут именно так. Для понимания механизма этих процессов необходимы конкретные социологические и этнографические исследования культурных и этнических контактов, условий формирования национального самосознания и социалистического интернационализма. Эти исследования необходимо проводить дифференцированно в городе и в селе, учитывать социальную и культурную принадлежность различных слоев населения. Важное значение имеют такие факторы формирования национального самосознания, как характер расселения, степень двуязычия, этническая инерция, политика коренизации и т. д. Нельзя забывать также и о субъективных факторах.

Данные паспортных столов, как и данные отделов загс (свидетельства о рождении), могут также служить источником количественной информации о выборе имен в одноплеменных и смешанных семьях. Этот вопрос в известной степени связан с рассматривавшимися раньше проблемами об определении национальной принадлежности.

Известно, что у мусульманских народов Северного Кавказа собственно национальные имена почти вытеснены широко распространившимися мусульманскими именами. Однако еще в XIX в. в связи с массовым расселением на Северном Кавказе русских и украинцев здесь началось постепенно довольно широкое распространение у северокавказских народов христианских имен, которые мы далее будем условно называть европейскими. Как правило, такое имя было прежде лишь вторым именем, и лишь в советское время, особенно в последние годы, детей нередко называют только европейскими именами. Значительно чаще такое явление наблюдается в национально-смешанных семьях. Так, например, по данным паспортных столов, в смешанных семьях в Махачкале европейские имена встречаются почти втрое, в Карачаевске вдвое чаще, чем в одноплеменных. Как правило, один из родителей в этих семьях принадлежит к какой-либо северокавказской национальности, а другой — к русской, украинской и т. д. В Махачкале в подобных семьях почти 28% детей, в Карачаевске более 80% имеют европейские имена.

Интересно, что среди детей от смешанных браков девочкам дают европейские имена значительно чаще, чем мальчикам (например, в Карачаевске — 62,7%). В большинстве случаев (в Махачкале в 93 случаях из 100 учтенных) такое имя получает девочка, у которой мать русская. Полевые материалы подтверждают эти выводы. Они говорят также о том, что девочки, нареченные при рождении традиционными именами, гораздо чаще, чем мальчики, получают в быту второе европейское имя. Такое распределение имен очень любопытно, но дать ему исчерпывающее объяснение мы пока не можем. Весьма вероятно, что здесь играет роль традиционное представление о мужчине — продолжателе рода и основном носителе этноса.

Мы полагаем, что сопоставление полученного при рождении имени и выбранной при получении паспорта национальности позволяет в какой-то мере проследить изменение национального самосознания во втором поколении представителей национально-смешанных семей. Судя по имени, национальность, избираемая юношей и девушкой, не всегда совпадает с национальностью, которую хотели бы дать им родители при их рождении. В самом деле, если ребенок от брака, например, между аварцем и русской был назван Магомедом, а при получении паспорта указал свою национальность как русскую, можно предположить, что его национальное самосознание вступило в противоречие с доминантой национального самосознания той семьи, в которой он 16 лет назад родился. Но за 16 лет могла измениться и доминанта национального самосознания этой семьи. Таким образом, здесь мы снова встречаемся со случаем, когда сколько-нибудь уверенные выводы могут быть сделаны только при сопоставлении статистического материала с данными полевых исследований, с непосредственной этнографической работой среди населения.

Т. Б. Долгих

**ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ
ЛЕСНЫХ НЕНЦЕВ
БАССЕЙНА РЕКИ ПУР**

Лесные ненцы (или пян-хасово — название, принятое в литературе) представляют собой этнографическую группу, входящую в состав ненецкого народа (большую по численности часть этого народа образуют тундровые ненцы Европейского и Азиатского Севера нашей страны). Лесные ненцы населяют бассейн реки Пур, верховья и низовья Надыма и притоки средней Оби. Территория их расселения входит в состав Ямало-Ненецкого национального округа. Численность лесных ненцев невелика — около 2 000 человек. Ненецкий язык принадлежит к самодийской языковой семье, но лесные и тундровые ненцы говорят на столь различных диалектах, что с трудом понимают друг друга. Хозяйство лесных ненцев слагалось из таких типичных для многих народов Севера занятий, как оленеводство, охота и рыбная ловля. Этим традиционным отраслям хозяйства сопутствовал кочевой образ жизни. В настоящее время большинство семей живет оседло, но некоторые элементы сложившейся веками традиционной культуры сохраняются и до сих пор.

В этнографическом отношении лесные ненцы изучены недостаточно. Ими занимались Р. П. Митусова, а позже Г. Д. Вербов. К сожалению, эти исследователи опубликовали лишь незначительную часть собранных ими материалов¹. Некоторые сведения о лесных ненцах есть в работе Л. В. Хомич².

Летом 1968 г. состоялась этнографическая экспедиция в Пуровский район Ямало-Ненецкого национального округа. Ее возглавлял В. И. Васильев. В состав экспедиции входили художник М. М. Мечев и автор настоящей статьи. Целью поездки было изучение хозяйства, культуры и быта коренного населения этого района — лесных ненцев. Во время работы экспедиции перед автором стояла задача собрать материалы по традиционному жилищу лесных ненцев³.

Будучи важнейшим элементом материальной культуры, жилище в известной степени отражает направление развития хозяйства, социальные отношения и взаимоотношения в семье, с ним связаны и некоторые религиозные представления. Кроме того, изучение конструкций традиционных жилищ народов, соотнесение друг с другом сходных деталей и

¹ Об экспедиции Р. П. Митусовой см.: «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг.», Л., 1926, стр. 79—81; Р. П. Митусова, Материалы по бюджетам крестьянских, самоедских и оятских хозяйств, «Статистика Урала», серия V, т. 1, Свердловск, 1925, стр. 104—137. Коллекция, собранная Р. П. Митусовой, хранится в Государственном музее этнографии народов СССР за № 1330.

Г. Д. Вербов посвятил интересующему нас народу статью «Лесные ненцы», «Сов. этнография», 1936, № 2; см. также Г. Д. Вербов, О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в., «Изв. ВГО», т. LXXV, вып. 5, 1943; его же, Пережитки родового строя у ненцев, «Сов. этнография», 1939, № 2.

² Л. В. Хомич, Ненцы, М.—Л., 1966, стр. 101—114.

³ Эти материалы были дополнены во время экспедиционной поездки летом 1969 г.

некоторых конструктивных особенностей, сопоставление этнографических данных с археологическими материалами по жилищу может дать ответы на целый ряд важных вопросов: каковы были пути и время распространения того или иного типа жилища, его эволюция в разных природных условиях и у различных этнографических групп; поможет осветить некоторые периоды этнической истории многих народов Северной Азии.

Пожалуй, самым распространенным жилищем у народов Севера был чум. Он известен у энцев, ненцев, нганасан, хантов, манси, кетов, долган, эвенков, северных якутов, юкагиров, негидальцев, ороков и орочей.

Именно широким распространением и своеобразием чума можно объяснить давнее и пристальное внимание к нему со стороны исследователей и путешественников по Северной Сибири. Интерес к жилищу народов Севера, и в частности самодийцев, возрастал по мере его изучения и накопления этнографического материала. Менялись и методы исследования. Вот как кратко, лишь в общих чертах описывает чум А. Степанов. «Бродячие народы... не имеют юрт, но чумы конической фигуры, более удобные к складке и перевозке. Чум состоит из 60 сошек, соединенных вверху так, что остается отверстие для дыма, и распушенных к основанию, имеющему от 5 до 6 аршин поперечника. Сошки обтягиваются снаружи выделанными кожами. Высота чума по середине — 4 аршина»⁴. В работах Вл. Иславина⁵ и П. Третьякова⁶ данные о самодийском чуме занимают значительно больше места. Оба автора дают местные названия некоторых частей чума (например, очага, покрышек, шестов и т. д.). Вл. Иславин подметил даже, что женщина не смеет пройти между очагом и задней стеной чума (он приводит и название этого запретного места — *синикуй*). Автор делает попытку объяснить причины существования такого типа жилища: «Народ, самую природою обреченный скитаться по диким пустыням Севера, по необходимости должен был избрать себе и род жилища, соответствующий бродячей жизни и соединяющий в себе два главных условия: предохранять от стужи и непогод и быть удобопереносимым»⁷. Однако общей ошибкой дореволюционных авторов было отношение к чуму как к жилищу чрезвычайно простому, поэтому они не рассматривали его детально и у каждого народа отдельно.

Совершенно иной, всесторонний подход характерен для работ советских авторов. В частности, особое внимание в них уделяется именно деталям чума и его сооружения, на первый взгляд кажущимся даже незначительными (порядок установки и уборки шестов, распределение мест в чуме и т. д.). В работах Б. О. Долгих, А. А. Попова, Л. В. Хомич, В. Н. Чернецова⁸, использованных в настоящей статье, дается подробное описание традиционного жилища народов Севера.

Чум существовал и у лесных ненцев. В настоящее время этот тип жилища можно встретить у пастухов-оленьеводов. В данной статье мы рассмотрим чум лесных ненцев и сравним его с чумами ненцев тундровых, энцев и нганасан. Селькупов мы касаться не будем, потому что они хотя и принадлежат к самодийской группе, но по своей культуре резко отличаются от входящих в нее народов. В основу статьи положены полевые материалы автора. Конечно, их нельзя считать исчерпывающими, но они все же позволяют составить представление о деталях конструкции чума лесных ненцев и сделать некоторые предварительные выводы.

⁴ А. Степанов, Енисейская губерния, СПб., 1835, стр. 62.

⁵ Вл. Иславин, Самоеды в домашнем и общественном быту, СПб., 1847.

⁶ П. Третьяков, Туруханский край, СПб., 1869, стр. 366—367.

⁷ Вл. Иславин, Указ. раб., стр. 23.

⁸ Б. О. Долгих, Колхоз им. Кирова Таймырского национального округа, «Сов. этнография», 1949, № 4, стр. 86—87; А. А. Попов, Нганасаны, М.—Л., 1948, стр. 79—93; Л. В. Хомич, Указ. раб., стр. 101—114; В. Н. Чернецов, Чум, «Сов. этнография», 1937, № 6, стр. 140—142.

Гис. 1. Ненецкий чум в тундре (фото М. М. Мечева)

Ненцы называют чум *мя*. Зимний чум лесных ненцев носит название *детя мя* («покрышечный») и *хыщль мя* («зимний»). Летний также имеет два наименования: *четы мя* («берестяной») и *танги мя* («летний»).

Сооружением чума занимались женщины. На них же лежала и выделка шкур, и пошив из них покрышек и постелей. Мужчины изготовляли деревянные части чума (шесты, доски для пола, деревянные части очага), но очень редко участвовали в его сооружении. Место для чума тоже выбирала женщина. Летом чум старались поставить около воды, а зимой — в местах, хотя бы немного защищенных от ветра (например, за деревьями или у подножия небольшого возвышения). В обоих случаях учитывалось, насколько это место богато кормом для оленей. Чум избегали возводить на месте старого чумовища, считая это место грязным. Если семья жила на одном месте продолжительное время, то чум несколько раз переносился на новое место. При выборе нового чистого места старались, чтобы оно было как можно ровнее, без пней и кочек. Перед тем как ставить чум, площадку разравнивали специальными лопатками. Зимой на выбранном месте тщательно утаптывали снег, и чум ставили на утрамбованную площадку.

До того как начинали устанавливать шесты, размечали места в чуме для постелей, досок пола, для очага, который устраивался точно в центре. Если очаг хотя бы немного был сдвинут в сторону, чум из-за неправильной тяги наполнялся дымом.

Доски пола (*лата*) укладывались по обе боковые стороны от очага, в три (реже четыре) ряда с каждой стороны. Всего таких досок в чуме было шесть (восемь). Длина их 2—2,5 м, а ширина около 25—30 см каждая.

Площадь жилища делилась на спальные места (*ваав*), помещавшиеся между досками (*лата*) и боковыми стенами чума; место за очагом (*си*), которое всегда оставляли пустым; пространство между входом и очагом (*нюнкаквай*); места слева и справа от входа и по обе стороны от *си* (*седжанги*).

Шесты чума, а их количество доходило до 50, ставились в строго определенной последовательности и имели свое твердо установленное ме-

сто. Хотя все шесты перевозились вместе и внешне были очень похожи (длина до 5,6 м, диаметр около 5 см, нижний конец заострен), при возведении чума их никогда не путали и не подменяли один другим.

Общее название всех шестов *нгу*. Они делились на несколько категорий, каждая из которых имела свое наименование. Основные шесты назывались *хащльва*⁹ (их было два); шесты справа и слева от входа *седа*

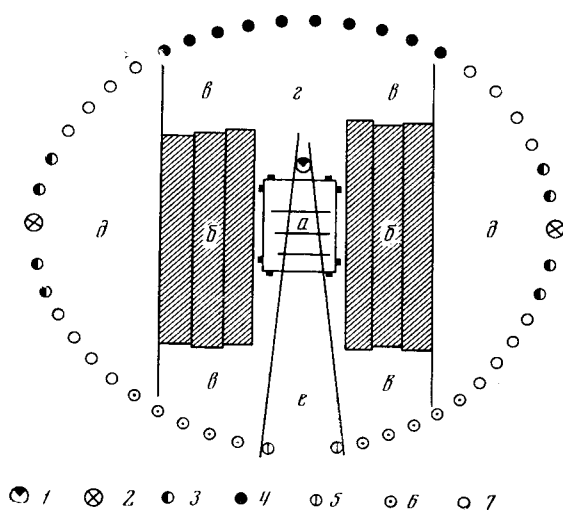

Рис. 2. План чума (а — очаг; б — лата; в — седя-нангц; г — си; д — ваав; е — нюнкавчай; 1 — симса; 2 — хащльва; 3 — пуцльта; 4 — си; 5 — нё; 6 — седя; 7 — кунн

нгу (десять); шесты *си нгу* образовывали заднюю стену чума (десять); 16 шестов *куни* и восемь или 16 шестов *пуцльта* ставились за постелями поровну с каждой стороны: шесты *пуцльта* ставили между шестами *куни* по обе стороны от *хащльва*; два шеста, образующие вход, назывались *нё нгу*.

Первыми ставили шесты *хащльва*. Их вершины связывали веревкой, место скрещения должно было находиться точно над очагом, а основания шестов — на равном расстоянии от входа и от середины задней стены. При их установке две (или одна) женщины держали шесты *хащльва*, а третья (или вторая) вставляла на место очага и смотрела

вверх. Когда место скрещения предварительно связанных шестов окazyвалось над ее головой, шесты закреплялись.

Затем ставили шесты *куни*, а за ними шест *симса* (*шинты* — по Л. В. Хомич), который прислоняли к уже поставленным шестам. Далее поднимали шесты *пуцльта*, за ними *си нгу* и *седа нгу*. В последнюю очередь ставили *нё нгу*. У основания шестов *пуцльта* и *куни* внутри чума складывали старые шкуры и одежду, чтобы не дуло.

При разборке чума шесты снимали в следующем порядке: сначала *си нгу* и *седа нгу*, затем *куни*, за ними *симса*, далее *хащльва* и *пуцльта* (две последние категории шестов убирали вместе). Такой порядок подъема и уборки шестов был традиционным, но объяснения причин его мы не получили.

Существуют противоречивые сведения, связанные с шестом *симса*. По свидетельству одних информаторов, его ставили между очагом и задней стеной чума; другие утверждали, что место этого шеста — в общем ряду с другими напротив входа и что поднимался он в самую последнюю очередь. Может быть, причина этого несовпадения данных заключается в тех изменениях в конструкции чума, которые наложало время: раньше *симса* ставился между очагом и задней стеной чума (это место, видимо, было традиционным), а в последнее время его ставят в общем ряду с прочими шестами или не ставят вообще. Летом шест *симса* ставили еще реже, чем зимой, и он обычно оставался лежать на санках. Внешне *симса* резко отличается от всех шестов: длина его такая же — 5,6 м, на высоте 80 см начиналось расширение (до 25 см). На высоте 1,6 м шест сужается и принимает первоначальную толщину (около 7 см). В верхней части

⁹ У Л. В. Хомич, мяде хасавые («чумовые мужчины»), Указ. раб., стр. 102.

этого утолщения обычно имелось два отверстия¹⁰. Хотя в чуме обычно жили две семьи (одна семья жила крайне редко), ставился один шест *симса*, скорее всего старшей хозяйки. Когда она умирала, то его заменял *симса* другой хозяйки.

Новые шесты делали в двух случаях: если ломались старые или если умирала женщина, поскольку часть шестов оставляли на ее могиле.

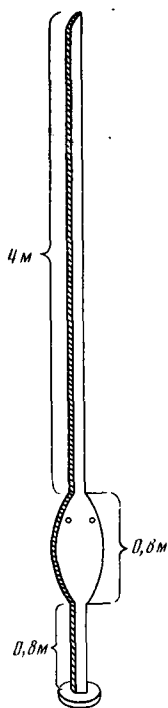

Рис. 3. Шест «симса»

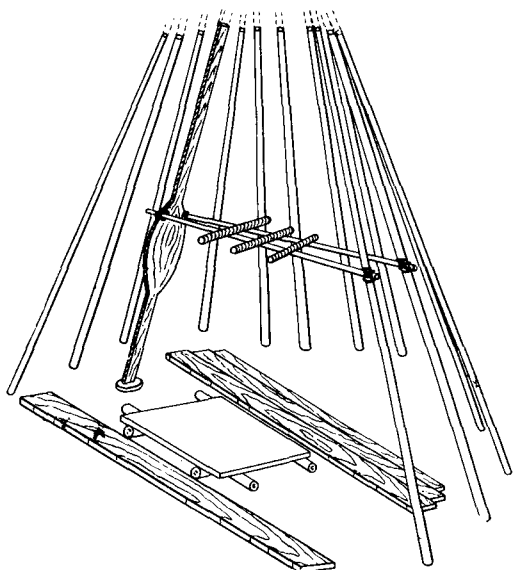

Рис. 4. Надочажное устройство

У нас имеются сведения о шесте, не входившем в обычный комплект. В одной ненецкой семье нам рассказали, что после смерти их первого ребенка (сына) за тем местом в чуме, где обычно сидел отец, был поставлен шест с прикрепленным к нему чуть выше головы сидящего человека кру́гом из сплетенных проволочек. Этот шест простоял в одном ряду с другими шестами девять лет. Его убрали, когда второму ребенку (тоже мальчику) исполнилось семь лет.

После установки шестов сооружался очаг. Он состоял из двух частей: непосредственно костра и надочажного устройства. Собственно говоря, строительство чума и начиналось с того, что на утрамбованный снег укладывался железный лист, а около него на снег клали четыре бревнышка: два длинных, направленных от входа к задней стене чума, и поперек их два коротких. Когда лист после разведения огня нагревался, его поднимали, сдвигали бревнышки и лист клали на них, а в яму, образовавшуюся под горячим листом железа, стекала талая вода. Чтобы бревнышки

¹⁰ Ю. Б. Симченко, побывавший в Пуровском районе зимой, видел в одном из чумов *симса*, стоявший за очагом, ближе к задней стене чума, а сразу за очагом стоял пест, отмеченный им еще в первую поездку в Ямало-Ненецкий национальный округ. По сведениям исследователя, этот зимний шест, не ставящийся летом, носит название *гецльпонт* (*нгуцльпонт*). Он стоял вертикально почти в центре чума.

не сдвигались, в двух местах около каждого из них втыкали в снег палочки. Бревнышки чаще всего оставляли на месте стоянки, а на новомовище вырубали другие.

Надочажную часть делали уже после установки шестов. От дверных шестов на высоте примерно 1,5 м протягивали две горизонтальные жерди (или грядки, ненецкое название — *чи*) к *самса*, где они закреплялись. Как уже было сказано выше, в *самсе* было два отверстия, в которые, к димо, продевались ремни, а в петли из них вставлялись надкостровые грядки. На них накладывались поперечные палки, на которые надевался крюк для подвешивания котла, чайника. Второй вариант этого устройства, о котором нам рассказали, таков: от дверных шестов грядки протягивались не к *самсе*, а к шестам *си нгу*, примерно ко вторым слева и справа от середины задней стенки чума. На них также накладывали поперечные палки. Описанное сооружение напоминало сушило для мяса. Возможно, что именно для этого и применялся второй вариант надочажного устройства. Вряд ли во втором случае грядки могли выдержать вес наполненного котла: ведь расстояние от двери до задней стены чума бывает иногда больше 6 м, в первом же варианте оно достигает примерно 3,5 м и грядки выдерживали вес котла.

После подготовки остова чум начинали покрывать *нюками* — покрышками из оленьих шкур. На их изготовление шли шкуры только домашних оленей. (Вообще надо сказать, что из шкуры дикого оленя мы видели лишь одну детскую *ягушку* (верхняя одежда) да вставку на спине женской одежды. Возможно, это объясняется тем, что на дикого оленя лесные ненцы охотятся очень мало.) Шкуру с убитого оленя снимали, разрезая от горла посредине живота, затем по ногам, вокруг морды оленя, по ушам и затем стягивали. Перед шитьем *нюков* шкуры тщательно обрабатывались. Сначала их сушили, затем смачивали внутреннюю сторону водой или чайной заваркой и выделывали скребком, после чего смывали оленьей печенюй и опять выделывали. Выделанные шкуры клали в сухое место, но не на солнце. Когда они просыхали, их расстилали полозьях перевернутых санок и подрезали на них шерсть.

Чум покрывался четырьмя *нюками* в два слоя: внутренний — два *люка мюсю*, наружный — два *детю*. *Мюсю* — это старые потертые покрышки, *детю* — новые; первые покрывали остов чума шерстью внутрь, а вторые — наружу. Женщины подносили нюк к остову чума, поддерживая коленом, расправляли, затем просовывали в ушки в уголках *нюков* специальные шесты (*детсянг* — они короче и толще обычных) и поднимали их. Сначала поднимали оба *мюсю*, затем — *детю*. Покрышки имели в плане форму трапеции, нижнее основание которой значительно больше верхнего. К верхним углам прикреплялись длинные веревки, ими нюки закреплялись на каркасе. Веревки (или сплетенные жилы оленей) обматывались вокруг вершины чума и привязывались у его основания. Таким же образом крепились и *детю*, только, как правило, они привязывались не к каркасу чума, а к тяжело нагруженным санкам или близстоящему дереву, чтобы обеспечить чуму устойчивость под напором сильных ветров. *Мюсю* помимо этого привязывали кое-где внутри чума к шестам, а *детю* — к дверным шестам. Когда нюк надежно закреплялся на остове чума, шесты из ушек вынимались.

У зимнего чума правые нюки заходили своими краями на левые, так как край левых покрышек служит дверью. Специального нюка для входа не было. В том месте, где сходились края *нюков* (на задней стене чума), снаружи накладывался шест. Внизу края *нюков* заваливали снегом, так, чтобы закрыть часть полотнища. В снегу под задней стеной чума проделывали отверстия, чтобы обеспечить тягу. Может быть, по этой причине, чтобы не нарушать тягу, место за очагом оставалось пустым. На дымовое отверстие в вершине чума накидывали старую *ягушку*, которую передвигали в зависимости от направления ветра. Специального нюка для

этой цели не было. Дымовое отверстие в вершине чума носило название *хащльванг си*.

Летний чум по своей конструкции и распределению мест внутри мало чем отличался от зимнего. Для сооружения летних чумов использовали старые шесты, да и количество их было меньше, чем в зимнем. Вообще летние чумы делались менее тщательно, чем зимние. Часть шестов, нюков и вещей оставляли на месте одной из стоянок, чтобы меньше возить с собой груза. Порядок установки шестов сохранялся тот же, что и в зимнем чуме. Нам не удалось, правда, ни разу увидеть в летнем чуме *симса*, тогда как в зимнем чуме этот шест обычно был. Реже в летнем чуме лежали *лата*, их обычно тоже оставляли с зимними вещами. Перед входом в летний чум ставили плошку с тлеющей тряпкой, древесиной или мхом для отпугивания комаров и мошек.

Чум лесных пенцев летом чаще всего покрывался берестяными покрывками (отсюда его название), реже старыми нюками. Но в чумах, покрытых нюками, было очень сыро, потому что олени шкуры, а тем более старые, пропускают воду. Береста для летних чумов добывалась так: весной надрезали кору березы ножом сверху вниз, затем вокруг ствола и, подсунув под кору нож, снимали ее. Полученные свернутые трубочки, предварительно очищенные от старой коры, опускали в рыбный отвар, после варки сушили и сшивали. Берестяные покрывки назывались *чет*. Они, как и зимние, имели форму трапеции. Всего их было восемь, и каждая имела свое название и определенное место на остова чума. Порядок покрытия ими остова также был всегда одинаков. Существовал верхний и нижний ряд *чет*. Нижний состоял из шести *чет*, а верхний — из двух. *Чет* делились на четыре группы: две *чет*—*седяйчи*, две — *пуцльтайчи*, две — *сийчи* и две — *хащльванчи*. Первые три группы — это *чет* нижнего ряда, последняя — верхнего. Сначала на остов поднимали *седяйчи* справа от входа, далее по кругу — *пуцльтайчи*, *сийчи*, опять *сийчи*, вторую *пуцльтайчи* и левую *седяйчи*. *Чет пуцльтайчи* делались выше остальных *чет*, так как они находились за постелями, и, когда накладывали верхний слой покрывок — *хащльванчи*, над постелями оказывался двойной слой бересты, совершенно не пропускавший воду. *Пуцльтайчи* находили своими краями на две соседние *чет*, а на задней стене чума вторая *сийчи* находила на первую. Закреплялись *чет* на остова веревочками, пришитыми к внутренней стороне покрывок. У входа края покрывок загибали за шесты и привязывали их к шестам с внутренней стороны чума. Остальные *чет* привязывали к шестам в нескольких местах внутри чума. У верхних *чет* веревки, пришитые к верхним углам, были длинными. Они обматывались вокруг вершины чума и закреплялись у его основания. Веревки нижних углов тоже были длинными, обматывались вокруг остова чума и закреплялись у основания, так же как у зимних чумов.

Дверь у берестяного чума была отдельная, трапециевидной формы. Снаружи она имела вид сшитых вместе небольших полос бересты, а изнутри к ней прикреплялись жилами оленей горизонтальные палочки, чтобы придать двери вес и форму. К середине верхнего края привязывалась веревка, а к ней горизонтальная рейка, которую закидывали за торчащие из вершины чума концы шестов, и дверь свободно повисала на этой веревке. Чтобы войти в чум, ее просто отодвигали в сторону, а потом она сама опускалась на место. Часто одна из *сийчи*, а иногда и обе снимались, чум оказывался открытым с двух сторон, и возникавший сквозняк выгонял из него комаров.

Как уже говорилось выше, в чуме обычно жили две семьи. Родство при этом не учитывалось. Как нам сказали: «Живешь с кем хочешь. Можно с Айваседами, Вэллами, Пяками». Если в чуме жила одна семья, то она располагалась на одной половине чума, другая же оставалась пустой. Эта пустовавшая сторона называлась *нелачи*. Там ставили домашнюю утварь и кое-какие вещи, но спали только на одной половине

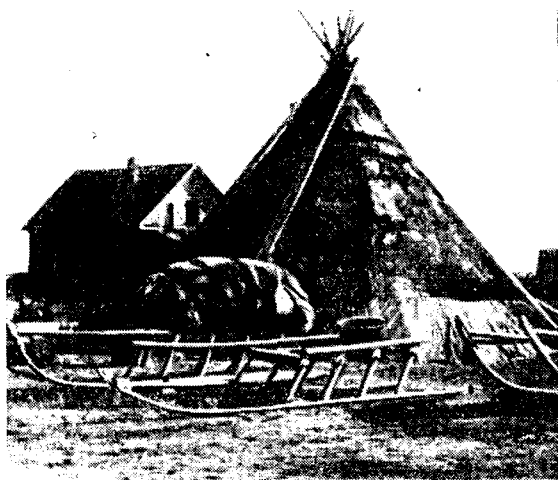

Рис. 5. Чум в поселке рядом с современной постройкой (фото М. М. Мечева)

чума. Чум, в котором жила одна семья, носил название *нгунгядицль*, что означало — «один живет».

Если в чуме жили две семьи, то каждая занимала свою половину чума. После каждой перекочевки семьи менялись местами. Это могло быть связано с тем, что самый сильный ветер юго-западный и в наветренной стороне чума было холоднее, поэтому семьи при переездах чередовались. Питались семьи отдельно, каждая имела свой столик (*писан*).

Члены семьи располагались в чуме в следующем порядке: ближе всех к входу — хозяйка чума и ее муж, далее их сыновья, потом, если в чуме были

гости, помещались они; за ними родители хозяев чума. Далее, если один из сыновей был женат, располагались он и его жена; за ними — дочь главы семьи. Если у какой-то пары был маленький ребенок, то его колыбель висела рядом с ними.

Для перевозки шестов, покрышек, постелей существовали специальные санки. Постели перевозились на санках *щипу*, шесты и покрышки — на *нгу*. Для перевозки прочих грузов использовались санки *челхранг*. Нередко часть шестов перевозилась на женских санках — *ней*. Общее название всех санок — *кан*. Железный лист для очага перевозился либо вместе с постелями, либо с шестами, чаще с первыми.

Во время установки чума зимой детей сажали в женские санки под покрытие из шкур, называвшееся *пи*. Впереди сидели самые маленькие дети, сзади постарше.

С чумом у лесных ненцев, как и у других северных народов, было связано много различных традиций. Место за очагом *си* считалось священным. Женщина не имела права ступить на него, т. е. пройти за *симса*, или перешагнуть через него. Она не могла также обойти чум вокруг, т. е. священное место как бы продолжалось вне чума. Женщина не могла перешагнуть через лежавший на земле шест, особенно *симса*, или наступить на него. Нам говорили, что *симса* оставался вместе с несколькими другими шестами на могиле женщины. У всех этих шестов обязательно отламывали вершины. Муж и жена не имели права меняться в чуме местами, каждый сидел и спал только на своем месте.

Если добывали лося или медведя, а они считались священными животными (*вульши*), то их не вносили в чум через обычный вход, а откидывали край нюка со стороны *си* и через образовавшееся отверстие мужчина с улицы подавал мясо, а мужчина в чуме принимал его. Этот обычай особенно тщательно выполнялся в отношении голов животных.

Длинные палки, образующие очаг, нельзя было резать ножом. Считалось, что, если их будешь строгать, падет олень.

В настоящее время в связи с переходом населения к оседлому образу жизни, чум вытесняется современными домами. По-прежнему он бытует

среди пастухов-оленоводов, поскольку неоднократные попытки сконструировать более комфортабельное переносное жилище, применимое в суровых условиях Севера, не привели к желаемому результату. Чум удобен тем, что его довольно быстро можно собрать и разобрать, он легок в перевозке, а строительный материал — лес (конечно, в тундре с ним сложнее) и оленьи шкуры — всегда под рукой.

Современные летние чумы лесных ненцев покрываются чаще всего брезентовыми полотнищами. На одном из таких чумов была берестяная дверь, у всех остальных просто откидывался угол брезента. У чумов стояли санки с завернутыми в бересту и брезент зимними юками и одеждой. Вместо костра теперь используются железные печки. Летом их обычно выносят на улицу.

Приведем данные о конкретном летнем чуме лесных ненцев. В 1969 г. в нем жили две семьи: Пяк и Айваседа. Каркас чума состоял из 40 шестов. Основные шесты стояли за постелями, вершины их были связаны веревкой.

По обе стороны от двери располагались жилые места, в центре печь с трубой, выходящей наружу через вершину чума. Между печкой и постелями лежали по четыре *лата*. Симса не было, но нам показали, где он обычно стоял, а также отметили высоту, на которой находились грядки над огнем. За печкой стоял большой стол, на нем посуда. На полу, около стола, — ведро с водой. Здесь же рядом, немного сбоку, справа помещался маленький столик. Над постелями висели пологи. Приводим данные измерения этого чума:

расстояние от входа до задней стенки чума	—5 м,
между боковыми стенками	—6 м,
от двери до печки	—2,5 м,
от боковой стены до печки	—2,7 м,
от входа до <i>симсы</i>	—3 м,
обычная высота грядок над огнем	—1,5 м,
расстояние от входа до задней стенки чума на высоте 1,5 м	—2,5 м,
ширина входа внизу	—0,8 м,
высота входа по шесту <i>нэ</i>	—2,2 м,
ширина <i>лата</i> на одной стороне	—1,2 м.

Перейдем к сравнительному анализу традиционного жилища этой группы ненцев. Размещение мест в чуме лесных ненцев традиционно для самодийских народов, так как жилые места располагались по обе стороны от очага, а место за очагом оставалось пустым¹¹. Но даже чумы, принадлежащие к одному типу, различаются в некоторых конструктивных деталях.

Чумы народов самодийской группы отличаются способом скрепления основных шестов: тундровые ненцы делают это с помощью петли, энцы и нганасаны один шест вставляют в отверстие в вершине другого шеста, лесные же ненцы просто связывают вершины шестов.

У лесных и тундровых ненцев основные шесты стоят за постелями, а у энцев и нганасан — один за очагом, другой — у двери. У двух последних народов основными считаются даже три шеста, но третий шест, тоже ставящийся у двери, практически не имеет конструктивного значения. Основные шесты носят у самодийских народов следующие названия: у тундровых — *макода*, у лесных — *хащльва*, энцев — *чиа*, у нганасан — *симка*. К этим основным шестам причисляют еще и священный шест: у

¹¹ Помимо самодийского типа чумы подразделяются на эвенкийский и «остяцкий». В эвенкийском чуме жилой была вся площадь чума вокруг очага и место за очагом считалось наиболее почетным. «Остяцкий» чум занимает промежуточное положение между самодийским и эвенкийским типом: место за очагом обычно занимал или гость, или кто-то из стариков, но нередко оно и пустовало (см. Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 86—87).

тундровых ненцев — *сымзы*, у лесных — *симса*, у энцев — *чаа*, у нганасан — *симка* (всего шестов с таким названием у нганасан три). Этот шест помимо конструктивного имеет еще и ритуальное значение, а иногда только последнее (например, у ненцев этот шест не является несущей конструкцией чума). У энцев и нганасан священный шест в соединении с другим шестом представляет собой опору для остальных; помимо этого, так же как у ненцев, к нему прикрепляются и надкостровые жерди.

Порядок установки шестов различных категорий у энцев и нганасан отличается от ненецкого. Названия отдельных шестов, мест в чуме и т. д. звучат неодинаково не только на ненецком, энецком и нганасанском языках, но и на диалекте тундровых и лесных ненцев. Однако некоторые названия имеют сходное звучание: наименование самого чума, священного шеста, досок для пола, грядок, очага, т. е. наиболее существенных деталей чума.

У ненцев, энцев и нганасан существует разная система покрытия нюками. Если у ненцев всего четыре нюка, каждый из которых покрывает половину всей поверхности чума, то у энцев и нганасан их восемь, каждый покрывает четверть поверхности.

У нганасан и энцев в отличие от ненцев есть специальный маленький нюк, накидывающийся на отверстие в вершине чума.

Энцы и нганасаны для установки чума расчищают снег до самой земли, т. е. фактически выкапывают яму и в ней ставят чум. Чтобы вход не заваливало снегом, перед ним устраивают порог. Ненцы ставят чум прямо на утрамбованный снег и порога не делают.

У ненцев нет определенной ориентации входа. Энцы устраивали вход с восточной стороны, нганасаны — с юго-восточной. Иногда энцы и нганасаны ставили два дополнительных шеста у входа для грядок, у ненцев они прикреплялись только к дверным шестам.

У энцев и нганасан существует специальная подпорка для защиты от ветровых нагрузок, которая ставится внутри чума. Она состоит из двух перпендикулярных друг другу палок, прямой и дугообразной. Конец прямой палки упирается в основания шестов на одной стороне чума, а дугообразная палка — в середину шестов с наветренной стороны чума и таким образом предохраняет их от поломки под сильным напором ветра. У ненцев такой подпорки нет. В ветреную погоду они просто прислоняют к шестам снаружи поставленные вертикально санки.

У энцев берестяные чумы крайне редкое явление. У нганасан их нет вообще. Чаще всего они покрывают чум старыми нюками. У ненцев же берестяные чумы распространены довольно широко.

Все сказанное дает нам право сделать следующие выводы: хотя чумы лесных ненцев, тундровых ненцев, энцев и нганасан и принадлежат к одному самодийскому типу, но чумы лесных и тундровых ненцев имеют гораздо больше сходных элементов между собой, чем с чумами энцев и нганасан. Таким образом, можно выделить два подразделения в самодийском типе чума: ненецкий и энецко-нганасанский.

Энецко-нганасанский тип чума, видимо, более древний. Об этом свидетельствует сохранение в нем таких архаичных черт, как наличие специальных женских шестов, изображений лиц на очажных бревнышках и специального шеста, к которому привязывается домашний идол. Такие традиционные черты, как определенная ориентация входа, наличие порога, установка чума в яме, также свидетельствуют в пользу этого предположения.

При сравнении ненецкого и энецко-нганасанского вариантов чума первый производит впечатление жилища, сооруженного на очень короткий срок, а наличие уже указанных выше черт в энецко-нганасанском чуме придает ему куда более капитальный вид. Причина этого кроется скорее всего в характере хозяйственной деятельности этих народов в прошлом. Если раньше энцы и нганасаны были больше охотниками на

диких оленей и подолгу жили в местах, где обычно проходили стада «диких», а оленеводство играло второстепенную роль, то ненцы рано стали преимущественно оленеводами и вынуждены были кочевать с огромными стадами оленей в поисках пастбищ. Поэтому, обобщая, мы можем сказать, что если чум энцев и нганасан — это жилище охотников на диких оленей, то чум ненцев — это уже жилище оленеводов.

Но все-таки, несмотря на значительные различия в конструкции чума, прототип его у этих народов был, по всей вероятности, один, о чем свидетельствуют и сходные детали в их конструкции и одинаковое звучание наименований основных элементов чума.

Аргументом в пользу единого прототипа может считаться и сходное название самого чума на разных самодийских языках: энецкое *мэ*, нганасанское *ма*, ненецкое *мя*. Принятый же в научной литературе термин для этого жилища — чум — происходит, вероятно, от коми-зырянского названия конического жилища *чом* ¹².

Генезис чума, пути его распространения, его классификация — все это еще открытые вопросы, ответы на которые даст дальнейшее изучение этого традиционного жилища целого ряда народов Сибири.

¹² В. Н. Белицер, Очерки по этнографии народов коми, М., 1958, стр. 216—220.

Н. А. Баскаков

ЖИЛИЩА ПРИИЛИЙСКИХ КАЗАХОВ

В 1928 г. во время поездки по Казахстану и Киргизии автор собрал довольно значительный этнографический, фольклорный и диалектологический материал. Большой интерес представляют сведения о жилище приилийских казахов, сохранившем специфические особенности, характерные для кочевого и полукочевого хозяйственного уклада. По сведениям казахских этнографов типы жилищ того времени у приилийских казахов изучены весьма слабо. Поэтому мы надеемся, что опубликованные материалы будут полезным как в связи с усилившимся в последнее время интересом к предметам материальной культуры, так и ввиду подготовки историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана.

На обширной территории по среднему течению р. Или от западных предгорий Джунгарского Алатау — Аркарлы и Малай-Сары до вершин Заилийского хребта, разнообразной по своим рельефу, климату и растительности, кочевали одни и те же родственные группы казахов, имевшие постоянные зимовки (*қыстау*) по берегам р. Или, а летовки (*жайлау*) — на склонах Заилийского Алатау, за которыми жили киргизы.

Казахи в этом районе занимались скотоводством, и лишь незначительное количество хозяйств, расположенных около поселков и городов, населенных русскими — земледелием. Характер скотоводческого хозяйства (полuosедлого, а иногда и оседлого) в данном районе определялся привязанностью определенных родовых групп казахов к постоянной территории их кочевания и временного зимнего оседания.

Таким образом, кочевые и полукочевые казахи, еще в 20-х годах нашего века принадлежавшие к одним и тем же родовым группам, занимали определенную территорию, в которую входили и земли (главным образом по берегам рек), занятые постоянными поселками (*қыстау*), участки, являющиеся летом прекрасными выгонами для скота (*жайлау* или *көк-тау*) и, наконец, земли (*жатак*) чаще всего смежные с первыми, которые были заняты и зимой и летом обедневшими и поэтому перешедшими на оседлость родовыми группами.

Почти все население этого района, как выяснилось из опроса, относилось к племени *Жалайыр*¹, состоявшему из целого ряда родовых групп (*арыс*), из которых наиболее многочисленными были: *Андас*, *Орақлы* и *Балғалы*. Арысы в свою очередь делились на более мелкие подразделения — *ұру*, в которые входило по несколько семей. В последних, главным образом, и производились наши наблюдения по жилищу, так как неразделимыми единицами при перекочевках были только семьи. При летних перекочевках наиболее бедные семьи оставались на прежних местах

¹ В состав племени *Жалайыр* в исследованном районе входили арысы: *Кішік, Мырза, Андас* (с подразделениями: *Кара-көз, Ала-көз, Анда-бай, Байсы, Көтек*), *Қайшылы, Қалп, Сыйыртты, Шубатай, Балғалы* (с подразделениями: *Жанымбет, Алдыберген, Жарым, Шаңғылы-айак, Тоқал*), *Орақты* (с подразделениями: *Көйтен, Ай-жін*), *Қара-Шапан* и *Шек-Мойын*.

или кочевали на незначительные расстояния, поблизости от своих зимних стоянок, в то время как богатые, имевшие большие стада, уходили на дальние пастбища на все лето и возвращались на зимовку только поздней осенью.

Для изучения всех форм жилища, имевшихся в этом обширном районе, были обследованы: горные кочевые аулы родов *Балғалы* и *Байымбет*, вышедших из долин р. Или на *жайлау*; зимние стоянки кочевавших на незначительные расстояния родов *Орақты* и *Аңдас* (*Қара-көз*) и, наконец, стационарные аулы: *Қара-еспе* (в 60 км от Илийска) и *Жол-Аман* (в 40 км от Илийска).

По своему образу жизни казахи того времени были полuosедлы, поэтому и жилище их в общих чертах было приспособлено, с одной стороны, к летнему кочеванию, с другой — к зимним продолжительным стоянкам. Но в зависимости от пользования пастбищными землями, от состоятельности отдельной семьи и характера хозяйства каждый вид жилища имел свои отличительные черты.

По своему экономическому положению казахи этого края делились на две группы. Первая, куда входили более богатые семьи, кочевавшие летом со своими, иногда довольно крупными, стадами на дальних пастбищах, а зимой возвращавшиеся назад к своим зимовкам, имела два основных вида жилищ: 1) переносные или, по нашему определению, подвижные, к которым относилось несколько видов примитивных временных шалашей и обычная, подвижная, юрта и 2) постоянные, или неподвижные, жилища на зимовках (*қыстау*), построенные на определенном месте.

Вторая группа казахов, более слабая в экономическом отношении, оставаясь и зимою и летом на одном месте или передвигаясь на весьма незначительные расстояния, имела общий для всей группы полуподвижный вид жилья — юрту, вкопанную в землю и окруженную небольшим валом из дерна. Перед входом в юрту сооружался навес, служивший «крыльцом».

Таким образом, все жилища приилийских казахов 20-х годов можно условно разделить на две группы. I. Подвижные и полуподвижные (примитивные шалашы; подвижные юрты; полуподвижные юрты с навесом (*өре*) и валом). II. Постоянные или неподвижные жилища на зимовках, различные по своему расположению, конструкции и материалу.

Подвижные и полуподвижные жилища

К этому виду относились различные шалашы (*қос* или *жапа-у́й* и *тарқа* или *курке*), в которых отдыхали во время весьма коротких стоянок, например при перегоне скота на дальние базары, и ночевали при дальних, продолжительных перекочевках. Сюда же относится обычная юрта (*у́й* или *ағаш-у́й*), чаще тюркского типа, т. е. имевшая более округлую форму купола, чем монгольская, и, наконец, полуподвижная юрта, также называвшаяся *ағаш-у́й*, но имевшая в отличие от первой крыльцообразный навес над входом (*өре*).

Шалашы и юрты подвижные и полуподвижные чаще всего ставили поодиночке. В том случае, когда кочевали большие семьи или несколько семей совместно, при кратких остановках (3—4 дня) жилища располагали по кругу, в центр которого ставили особые деревянные стойки с перекладинами для привязи животных и собирали весь хозяйственный инвентарь. Кроме того, в постоянных аулах около полуподвижных юрт устраивались помещения для скота, сложенные обычно из камыша или из прутьев, обмазанных глиной.

Различные типы шалашей как временные жилища были распространены и у богатых и у бедных; обычные юрты — у более состоятельных семей, полуподвижные — у семей бедняков, оседавших из-за потери части или всего скота.

1. Шалаш (*қос* или *жапа-уй*), изученный нами в 22 км от Алма-Аты около входа в так называемую «Проходную щель» Заилийского Алатау, был расположен на склоне небольшого холма и принадлежал семье, направлявшейся на *жайлау*, но остановившейся ввиду снежных заносов на перевале.

Каркас шалаша, образованный четырьмя жердями, широко расставленными попарно и связанными сверху веревкой (*арқан*), с трех сторон покрывался двумя кошмами; четвертая, служившая входом, на ночь закрывалась отдельной кошмой. Размеры шалаша были 2,5×2,1 м при высоте 1,6 м; служил он почти исключительно местом для сна и укрытием от дождя. Внутри размещались утварь, кошмы, одеяла и подушки. В нескольких шагах от шалаша находился очаг с треножником и котлом — *қазан*, который на ночь прятался в шалаш.

Қос (в транскрипции *қош*) описывается П. Маковецким², хотя его описание не вполне совпадает с конструкцией, виденной нами. В казахско-русском словаре под ред. Каменгерова³ слово переводится как: 1. 'балаган'; 2. 'пара, парный'; 3. 'артель'. В Киргизско-русском словаре термин⁴ *қос* трактуется как 'маленькая походная кибитка'. Второе название этого же жилища — *жапа-уй* встречалось значительно реже. Термин *жапа* в обоих словарях переводится как: 1. 'полевой помет, кизяк' и 2. 'обида, унижение'. Можно предполагать, что название *жапа-уй* имело ироническое значение и было введено женщинами, собиравшими при перекочевках кизяк. Возможно также, что название это происходит от второго значения слова и обозначает «жилище обиженных».

2. Две юрты (*ит-арқа* или *курке*) мы обнаружили на высоком берегу Большого Алма-Атинского озера. Обе принадлежали сравнительно богатому скотоводу, были устроены одинаково: каждая состояла из двух *қанат* — частей (букв. крыльев) обычной юрты. *Қереге* — остов юрты имел обычно от 4 до 8 *қанат*, которые вместе и образовывали ребристую решетку юрты. В *ит-арқа* два крыла (*қанат*) решетки юрты ставились наклонно друг к другу так, что, соединяясь верхними своими ребрами, они образовывали как бы двускатную крышу, а нижними раздвинутыми краями — основание. В задней стороне этого несложного сооружения между раздвинутыми *қанат* развешивали кошму, привязывая ее к *қанат*. Точно так же прикреплялась кошма и ко входному отверстию, но здесь один конец кошмы обычно забрасывался наверх, оставляя вход полуоткрытым. После прикрепления этих двух покрышек все жилище закрывалось третьей кошмой. Площадь *ит-арқа* — 2,2×1,6 м, высота 1,6 м.

Очаг так же, как и в *қос-е*, выносился из помещения и находился в нескольких шагах от входа.

Название *ит-арқа* в обоих указанных выше словарях соответствует слову «балаганчик», по Ильминскому: «род шалаша из двух полотен кереге», «крыша в два ската». Название это, по-видимому, состоит из двух слов: *ит* — «собака» и *арқа* — «спина» и, возможно, произошло от сходства формы двускатного шалаша с формой спинного хребта собаки⁵.

Этот вид жилища, так же как и *қос*, был временным и служил главным образом при перекочевках семей, имевших юрту.

Обзором этих двух видов завершается описание простейших (и главным образом временных) жилищ в Приилийском крае.

² «Записки Западно-Сибирского Огд. Имп. Русск. Геогр. об-ва», кн. XV, вып. III, Омск, 1899.

³ «Казахско-русский словарь под ред. Каменгерова», М., 1926.

⁴ «Киргизско-русский словарь по материалам Н. И. Ильминского», Оренбург, 1897.

⁵ Другое название этого шалаша — *курке* — в словаре Ильминского переводится как «шалашик». «Шалашик делается на скорую руку при перекочевке: расстилается кошма на оглоблях телеги или шестах». В словаре Каменгерова слово *курке* дано в значении «балаганчик».

3. Юрта (*ағаш-уй* или *уй*) была широко распространена на территории края. Жилище этого типа, по принятой Н. Харузиным⁶ классификации, относится к тюркскому или киргизскому типу, так как имеет полусферическую форму купола в отличие от монгольской или калмыцкой с конусообразным куполом.

Описываемая нами *ағаш-уй* состояла из деревянного каркаса, войлочного покрытия, материала для связывания (различного рода тесьмы и веревки: шерстяные, кендыревые или конопляные) и вспомогательных частей (кольев для укрепления юрты и установки купола, палок для исправления верхней кошмы, покрывавшей дымовое отверстие, и проч.). Деревянный каркас собирали из тонких планок, выточенных специальным мастером (*уй-уста*).

Все деревянные детали можно условно разделить на три группы. В первую входили планки, образующие основание (*кереге*) с дверью; во вторую — те, что составляли грани купола (*оқ*), в третью — те, из которых собирали вершину (*шаңарақ*).

Нижняя часть юрты — *кереге* сооружалась из пяти частей или «полотен» — *қанат*. Каждая такая часть в сложенном виде состояла из двух рядов наложенных друг на друга плоских, с закругленными краями планок, скрепленных между собой через одинаковые промежутки кусочками кожи (*көк*). Диаметр *кереге* — 5,6 м, высота — 1,8 м. Для придания этой части юрты круглой формы каждая деталь должна была иметь некоторую кривизну, величина которой зависела от количества полотен. Двери юрты (*есік*) привешивались к стойкам-косякам (*тағаныш*), к верхней части которых крепились перекладина (*майлыша*), а к нижней — порог (*тауалдырық*). Створки двери вращались на круглых стерженьках, входивших в выдолбленные для них отверстия в верхней перекладине и в пороге. Все эти части, соединенные между собой, привязывались к деревянному основанию юрты (*кереге*) обыкновенными конопляными веревками (*арқан*). Высота двери была равна высоте *кереге*, ширина — 0,8 м.

Как было сказано, из планок второй группы собирали купол юрты (*оқ*). Тонкие, слегка изогнутые палки (длиною 2,35 м, шириной 3,5 см) прикреплялись нижними, более изогнутыми концами к верхним зубцам *кереге*, а верхними, более прямыми и заостренными (*кәлем*), втыкались в отверстия третьей деревянной части каркаса юрты — *шаңарақ*.

Шаңарақ — круг 1,9 м в диаметре, по окружности которого просверлены отверстия для *кәлем*, т. е. заостренных концов *оқ*. Поверх этого круга крестообразно прикреплялись изогнутые тонкие планки (*кулдеруиш*). *Шаңарақ* скреплял все *оқ* и придавал им устойчивость.

О вспомогательных деревянных частях юрты будет сказано ниже.

Войлочные части юрты были четырех типов: 1) четыре прямоугольных войлока (3,28×2,5 м), покрывавшие основание юрты (*туурлық*); 2) два войлока в форме трапеции (2,9×2,1 м), покрывавшие *оқ* или грани купола юрты (*үзік*); 3) треугольная кошма (*түндік*) с веревками — *арқан* — на каждом углу. Размеры этой детали — 2,3 м в основании треугольника и 2,0 м каждой стороны. И, наконец, кошма, также прямоугольная — *есік* (1,75×1,35 м), привязывалась на длинных шнурах к верхнему кругу и одновременно прикреплялась к верхнему косяку двери тонкой деревянной планкой, образуя внешний занавес двери юрты.

Все части юрты связывались между собой веревками, шнурами и тесемками, которые стягивали юрту и придавали ей устойчивость. Основными поясами крепления были:

1) *таңыш* — красная шерстяная тесьма (шириною 4,2 см), скрепляла между собой полотна основания юрты;

⁶ Н. Харузин, История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских племен России, М., 1896.

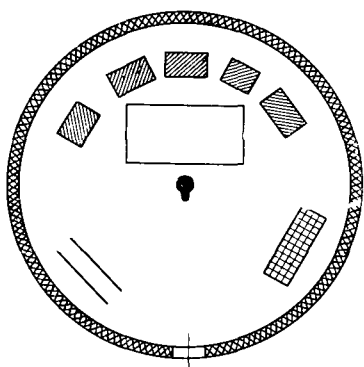
2) *оқ-бау* — тесьма того же типа, при помощи ее связывали деревянные планки купола юрты с основанием;

3) *туурлық-бау* — белые и черные шерстяные, крученые с конским волосом веревки, привязанные к двум верхним углам кошом *туурлық*, проходили по противоположной стороне купола юрты, связывались между собой и держали кошмы, покрывающие *кереге*;

4) *белдеу* — веревки того же типа, что описаны в предыдущем пункте, стягивали все подвешенные кошмы *туурлық* между собой с внешней стороны юрты, образуя «пояса» юрты;

5) *үзік-бауы* — широкие (8,2 см) шерстяные тесьмы, связывали верхние кошмы *үзік* и прикреплялись к веревке *белдеу*, опоясывавшей извне основание юрты;

6) *басқур* — широкая ковровая лента (0,28×12,0 м) с характерным казахским орнаментом, являлась необходимой конструктивной частью юрты и украшением. Качество *басқур*'а, красочность и богатство рисунка служили показателем зажиточности хозяина юрты⁷.

■ 1 □ 2 ▤ 3 ○ 4 — 5

Рис. 1. Расположение вещей в юрте: 1 — сундуки и шкафы; 2 — паласы и ковры; 3 — кровать; 4 — очаг; 5 — привязь для баранов

Наконец, кроме описанных шести видов креплений в юрте имелись еще так называемые *апақ-бау* — неширокие (4,2 см) шерстяные тесьмы с огромными, вычурно оформленными кистями (*айақ*). Этими тесьмами внутри юрты переплетались и скреплялись между собой *оқ*. Огромные кисти служили украшением, свешиваясь с купола юрты над кошмами, разложенными на утрамбованном земляном полу.

Завершая описание конструктивных частей юрты, необходимо упомянуть о вспомогательных деталях, к которым относились:

1. *бақан* — тонкая жердь (высотой около 2 м) для регулирования верхнего покрывающего *шаңарақ* войлока — *түндік*;

2) *сайрық* — длинный толстый шест (высотой 3,2 м, равный высоте юрты), которым во время ветра подпирали *шаңарақ*;

3) *қазық* — кол, вбиваемый в землю около юрты во время сильного ветра, к которому веревками (*жіл бау*) прикреплялось жилище.

Все вспомогательные принадлежности — *бақан*, *сайрық* и *қазық* хранились внутри юрты или около нее.

Внутренняя площадь юрты (5,6 м в диаметре) распределялась следующим образом (рис. 1). В центре был глиняный очаг, приспособленный для установки чугунного котла (*қазан*). Около очага против двери помещалось устланное коврами и кошмами почетное место (*төр*), на которое обычно приглашались старшие в роде и семье или почетные гости. Место слева от *төр*, также около очага, считалось не столь почетным, здесь сидели менее важные и уважаемые люди, а также женщины. Сзади *төр*, около *кереге*, полукругом размещались сундуки (*сандық*) с имуществом хозяина. Сверху на *сандық* клали одеяла, кошмы и подушки. Налево от *төр* помещалась постель хозяина, около которой находился низкий шкаф или подставка с полками (*жук айақ*) и сундук казахской работы (*кебеже*). Слева от двери на *кереге* юрты висели седла и сбруя для лошадей, а

⁷ В описываемой юрте с левой стороны от входа между *кереге* и *туурлық* была вставлена циновка, прошитая шерстяными нитками. Циновка или *ши*, как ее называют, служила исключительно украшением, но не конструктивной частью юрты (*ший* — степное растение, имеющее тонкие длинные стебли, напоминающие камыш).

вверху над дверьми были подвешены к потолку бараньи пузыри (*қойның қарыны*) или бурдюки (*мис*) для айрана, кумыса и воды. Направо от очага стояла высокая деревянная кадушка (*кубе*) для сбивания молока; рядом с нею — кожаный сосуд (*саба*) для хранения и приготовления айрана. Здесь же размещался прочий хозяйственный инвентарь, утварь и посуда: мешалка (*піскек*), деревянные тарелки для мяса (*лстау*), ложки (*касык*).

Стоимость описываемой юрты, которую хозяин получил в наследство от старшего брата в еще довольно хорошем состоянии, была приравнена к стоимости одной лошади и одной коровы.

Все юрты этого района по своей конструкции, способу установки, внутреннему устройству и внешнему виду были одинаковы. Разницу составляли лишь размеры, которые определялись количеством звеньев в *кереге* и *оқ* и некоторыми украшениями, не имевшими конструктивного значения.

То же можно сказать и про полуподвижную юрту, которая, правда, имела в отличие от подвижной особые пристройки: *Оре* и *ырабат*. *Оре* — небольшой навес, непосредственно прикрепленный к верхней перекладине двери и опирающийся на две пары колодок — жердей. Верх навеса был сделан из камыша или древесных прутьев и немного загнут спереди. *Ырабат*, помещавшийся обычно справа от входа в юрту или же напротив входа, представлял собой простую загородку из камыша или прутьев, обмазанную глиной. Иногда полуподвижная юрта окапывалась небольшим ровом, для того чтобы скот не приближался к ее стенкам и не портил их. В остальном юрта этого типа не отличалась от обычной переносной.

Зимние постоянные (неподвижные) жилища

Зимовки (*қыстау*) строились у казахов специалистами-мастерами (*тамышы*) чаще всего по берегам рек, на высоких склонах, защищающих жилище от резких ветров и снежных заносов (рис. 2). Характерно, что зимовки обычно ставились вытянутой линией по высокому берегу реки на одной приблизительно высоте.

Зимний аул редко насчитывал более трех — четырех зимовок, сгруппированных вместе, хотя общее количество зимовок одного аула, разбросанных небольшими группами по две — три, а чаще всего поодиночке, иногда доходило до двадцати — тридцати.

Зимовки в одном ауле при кишлаке строились из самых различных материалов: камыша, глины, нетесаного камня, дерева и сырцового кирпича. Все эти материалы употреблялись в различных сочетаниях для построек одного и того же хозяйства. Наиболее распространенными считались: 1) зимовки с камышово-деревянным каркасом, обмазанные глиной без *шошала* (рис. 3); 2) то же с *шошала* (рис. 4); 3) зимовка, построенная из различных материалов (путьев, камыша и др.) с *шошала* (рис. 5);

4) зимовка с каменным фундаментом и стенами, сделанными частично из камыша и глины, а частично из нетесаных камней (рис. 6); 6) зимовка с деревянными бревенчатыми срубами на каменном фундаменте с *шошала* из сырцовых кирпичей, также на каменном фундаменте (рис. 7).

Около каждой зимовки устраивался загон для скота — небольшой участок земли, огороженный камышом, камнем или невысоким земляным валом с навесами и без навесов и помещения для сена. Загоны первого типа назывались *кұр*, второго — *азбар*.

Иногда *кұр*-ы и *азбар*-ы нескольких зимовок соприкасались между собой, в результате чего создавалась длинная цепь клеток, разгороженная стенками, отделявшими одно хозяйство от другого.

Большинство зимовок в летнее время пустовало. С уходом их обитателей как жилище, так и все хозяйственные пристройки принимали вид по-

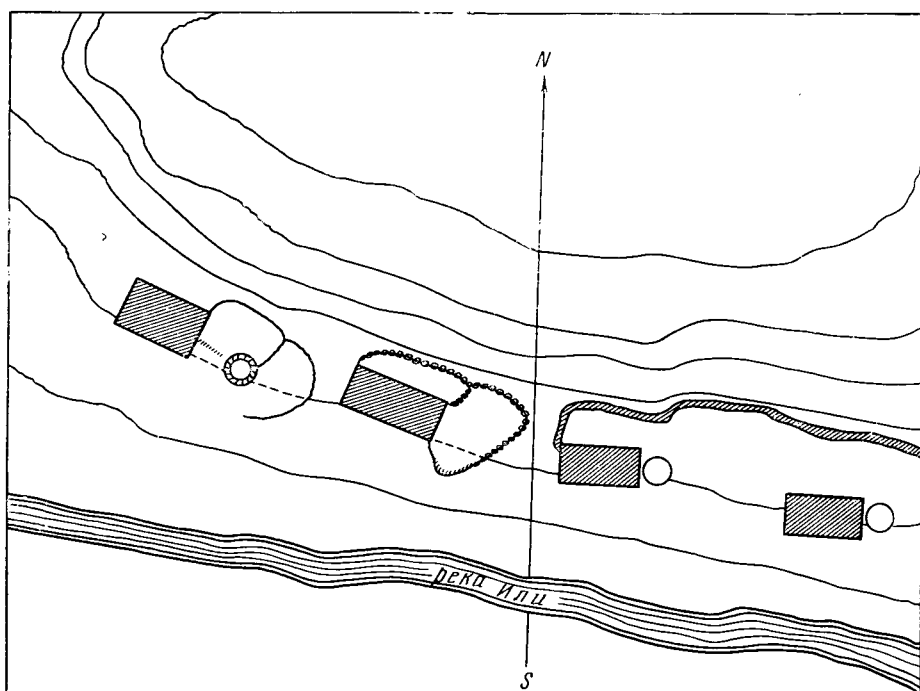

Рис. 2. Расположение зимовок в районе с. Илийск

луразвалин. Все деревянные части: двери, рамы, ставни и т. п. хозяева прятали или забирали с собой на *жайлау*. Оставались только остовы зданий, развалившиеся плетни, ограды и невысокие насыпи.

В летнее время, по поверьям местных казахов, в заброшенные зимовки поселялись злые духи (*жин*), и ни один из казахов не согласился бы переночевать даже одну ночь в пустой зимовке.

С приходом же хозяев покинутые *қыстау* быстро преображались: укреплялись стены, вставлялись рамы, настилались новые крыши, загон заполнялся скотом.

Зимовка с камышово-деревянным каркасом, обмазанным глиной

Представленная на рис. 3 зимовка (*қыстау* или *там*), подобно всякой недолговечной камышовой постройке, была без фундамента. Каркас дома состоял из вкопанных в землю вертикальных деревянных стоек диаметром 6 см и высотой, равной высоте здания — 2,8 м. Между стойками устанавливались пучки камыша, связанные между собой ветвями деревьев. Каркас здания, имевший форму прямоугольника с двумя внутренними перегородками, обмазывался с внешней и внутренней сторон смесью глины с резаной соломой (*саман*). Внешние стены и внутренние перегородки имели одну и ту же толщину — 0,25 м. После просушки каркас сверху покрывался жердями, которые клали на расстоянии 0,5 м друг от друга таким образом, что концы их опирались, с одной стороны, на внешние стены, а с другой — на внутренние перегородки. Жерди эти служили основанием крыши, поверх которого раскладывались пучки камыша. Крыша обмазывалась глиной только с внешней стороны. Для большей прочности крыши, покрывавшей большие площади, жерди потолка подпирались возведенными перпендикулярными полу столбами, поставленными на некотором расстоянии от стен. Глиняный пол зимовки (*жер*) был плотно утрамбован и замазан смесью глины и соломы. Отверстия для дверей и

скольких метров с той и другой стороны были расположены владения других хозяев. К задней стене зимовки примыкал небольшой двор с навесом (*азбар*), окруженный стеной из нетесаного камня. Навес служил загонem для скота и на зимнее время тщательно закрывался со всех сторон пучками камыша. К внешней, восточной стороне, был пристроен небольшой загон — *құр*, также огороженный невысокой (1,2 м) каменной оградой — насыпью, но без верхнего навеса. Куром пользовались только в теплую погоду. Иногда там складывалось сено, запасенное на зиму.

Зимовка камышово-глиняная с шешала

Второй тип зимовки отличался от первого лишь тем, что крышу поддерживали средние внутренние стойки, в то время как у зимовок первого типа они были боковыми, и тем, что у зимовок второго типа была особая пристройка *ағыз* (круглый, сделанный из древесных прутьев шалаш *шошала*) — деформированная, приспособленная к оседлости юрта, хотя по своему внешнему виду мало напоминает последнюю. Остов *шошала* был сделан из толстых пучков древесных прутьев, связанных между собой жгутами этих же прутьев и покрытых с внешней стороны толстым (0,1 м) слоем глины. Внутренняя сторона остова не покрывалась ничем. Высота *шошала* составляла в среднем 1,8 м, но наибольшая высота благодаря конусообразному перекрытию крыши в центре достигала 2,4 м. Крышу, состоящую из обвязанных жгутами камышовых пучков, поддерживали три стойки — жерди, скрепленные между собой. Пучки камыша прикреплялись к верхнему деревянному кругу, поддерживаемому этими стойками. В центре круга оставлялось отверстие для выхода дыма. Концы пучков, прикрепленные к стойкам, свободно лежали на круглом остове юрты, свисая немного над остовом в виде навеса, который предохранял шалаш от дождя.

Шошала сообщался с *ағыз уй* входом, обычно закрываемым куском кошмы (*есік*). Назначение *ағыз уй* было различно: она могла служить кладовой или стойлом для животных, но чаще всего использовалась как кухня.

Зимовка имела также открытый загон для скота (*құр*) и примыкавший к *шошала* крытый загон (*азбар*) для крупных животных на зимнее время.

Зимовка из разных строительных материалов с шошала

Этот вид зимовки интересен во многих отношениях. Прежде всего, остов ее сооружался не из камыша, а из древесных прутьев; кроме того, у второго помещения — *ағыз уй* — одной стеной была часть примыкающей *шошалы*. В этой стене оставляли проход в скотный двор — *азбар*, который в свою очередь сообщался с *құр*-ом.

Таким образом, владельцу было очень удобно обозревать все помещения в своем хозяйстве. Кроме того, фасадная стена зимовки, соединявшаяся с *шошала*, в отличие от других стен была построена из грубого нетесаного камня. Возможно, что эта стена выросла из камней ограды *азбар*-а и только в недавнее время слилась с остовом зимовки.

Шошала была по своему устройству тождественна описанной выше, за исключением того, что крышу поддерживали не три стойки, а четыре.

Помещение отапливалось плитой, выложенной из сырцового кирпича с топкой для дров под круглым отверстием для *қазан* и прямым дымоотводом, увенчанным на крыше прямой низкой (0,6 м) трубой.

Зимой, так же как и летом, для нужд хозяйства пользовались *азбар*-ом и *құр*-ом. Первый из них был врыт в береговой склон, который предохранялся от осыпания плетнем из прутьев. Боковые стены были сделаны из простых пучков камыша, а лицевая примыкала к стене зимовки.

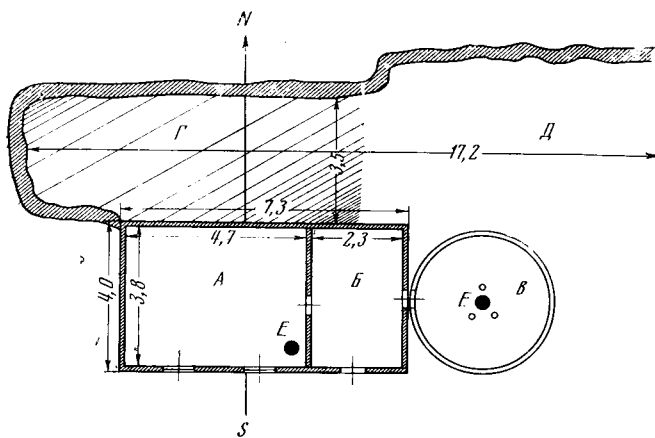

Рис. 4. Зимовка камышово-глиняная с шошала: А — *тере-зе* — жилое помещение; Б — *ағыз уй* — сени и кухня; В — *шошала* — неподвижная юрта; Г — *азбар* — крытое помещение для скота; Д — *құр* — открытый загон для скота; Е — *ошақ* — очаг

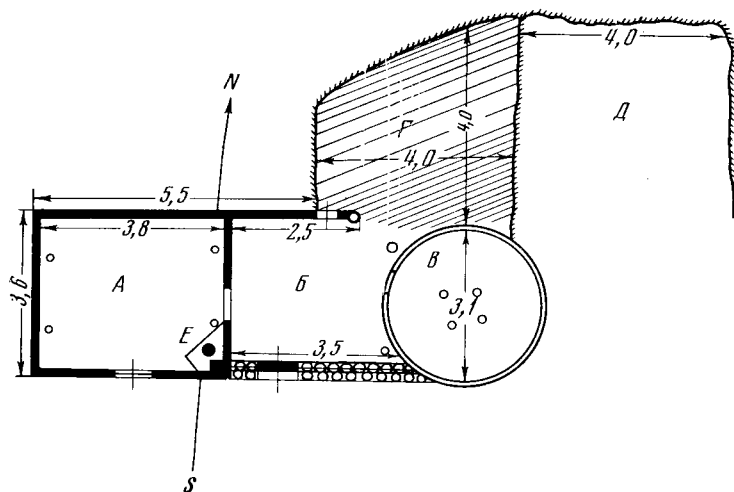

Рис. 5. Зимовка из разных строительных материалов: А — *тере-зе* или *түкпір уй* — жилое помещение; Б — *ағыз уй* — сени и кухня; В — *шошала* — неподвижная юрта; Г — *азбар* — крытое помещение для скота; Д — *құр* — открытый загон для скота; Е — *ошақ* — очаг

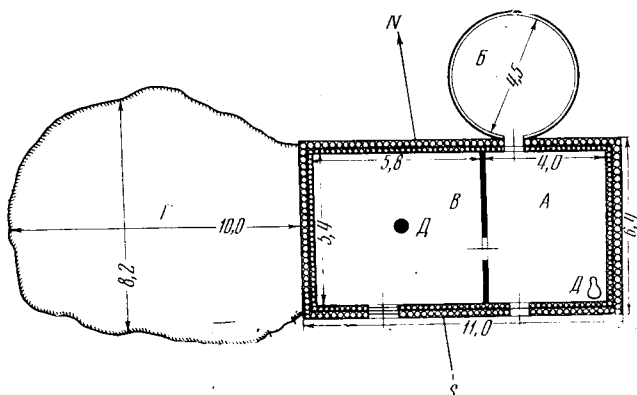

Рис. 6. Каменная зимовка: А — *ақыз уй* — сени, кухня; Б — *шошала* — неподвижная юрта; В — *түкпір уй* — комната для приема гостей; Г — *құр* — открытый загон для скота; Д — *ошақ* — очаг

Основным материалом для построек этого типа жилищ был нетесаный камень, в изобилии встречающийся по берегам среднего течения р. Или. Цементирующим же составом для него служила обычная глина. Показанная на рис. 6 зимовка была изучена в районе сел. Илийск и в ауле Кара-Испе, находившимися от Илийска в 60 км.

Стены зимовок этого типа толщиной в 1 м были сложены из камня и врыты в землю на 0,5 м. Зимовки покрывались обычными для данного района камышовыми крышами. Служившее кухней входное помещение (*агыз-уй*) каждой из зимовок соединялось с примыкающей к стене *шошала*, построенной таким же образом, как и описанные выше. *Шошала* присоединялись не к боковым стенам зимовки, а к задней стене, причем у зимовки из *агыз-уй* к дверям *шошала* вел небольшой каменный проход, являвшийся продолжением капитальных стен зимовки.

Илийская каменная зимовка имела, кроме *шошала*, два помещения, а другая, более крупных размеров, пять: *агыз-уй*, две *терезе* и две комнаты, называемые *аты*, предназначенные для старших членов семьи; помещения, называемые *тукпируй*, совершенно отсутствовали.

Деревянная срубовая зимовка с каменным фундаментом и каменной шошала

Деревянные зимовки в данном районе встречались очень редко. Описываемая нами зимовка была построена на берегу Или в четырех верстах от Илийска. Остов, сложенный из нетолстых (диаметр 0,18 м) бревен, был поставлен на солидном фундаменте из крупного нетесаного кам-

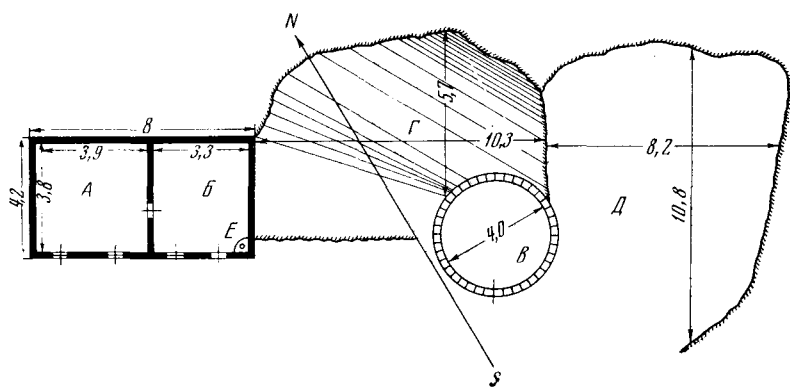

Рис. 7. Деревянная срубовая зимовка с каменным фундаментом и каменная шошала: А — *терезе* — жилое помещение; Б — *агыз уй* — сени и кухня; В — *шошала* — неподвижная каменная юрта; Г — *азбар* — крытое помещение для скота; Д — *кур* — открытый загон; Е — *дирк* — очаг

ня, сцементированного глиной. Верх деревянного венцового сруба завершался плоской тесовой крышей, опиравшейся на продольные бревенчатые балки. Таким образом, доски, образующие потолок, клались поперек помещений. Сверху эти доски покрывались пучками камыша и замазывались *саманом* (смесь соломы с глиной).

По такому же принципу был устроен и дощатый пол зимовки, с той лишь разницей, что доски крепились вдоль стен сруба с таким расчетом, чтобы концы их опирались на выступающий широкий фундамент.

Очаг с прямым дымоотводом помещался в *агыз-уй*, но пищу готовили в *шошала*. Это было оригинальное круглое здание на круглом фундаменте

(высотой 1,2 м), две трети которого были врыты в землю. Шошала находилась на некотором расстоянии от зимовки. Остов *шошала*, выложенный из сырцового кирпича, имел 1,6 м высоты и 0,24 м толщины. Крыша ее также имела своеобразное устройство. Верхний, обычный для *шошала* круг — *шаңарақ* был укреплен на тонких жердях, опиравшихся на бсковые стены, причем концы этих жердей закладывались сверху кирпичами, которые придавали крыше большую устойчивость, а жерди покрывали лучками камыша, плотно прилегающими друг к другу.

Шошала служила в данном хозяйстве кухней. Поэтому в середине ее был устроен из глины и кирпича большой очаг, напоминавший круглую, полую внутри жаровню. *Құр* и *азбар* зимовки этого типа по своему устройству не отличались от описанных выше. Основным материалом построек служил камыш, обмазанный глиной.

Итак, в жизненном укладе или, вернее, в экономическом состоянии населения того времени можно было отметить разделение последнего на три довольно обособленные друг от друга слоя: 1) богатых скотоводов, кочевавших на большие расстояния и имевших целую систему различного вида жилищ: *ит-арқа*, *ағыз-уй* и прочную каменную или деревянную зимовку — *там*, с достаточно сохранившимся патриархально-родовым укладом взаимоотношений; 2) середняков, утративших уже в некоторой степени родовые традиции первых и боровшихся за существование отдельной малой семьи с характерным для данной группы жилищем — полуподвижной юртой — с навесом *ёре* и 3) бедняков, имевших жилище полуподвижного типа и шалаши: *курке*, *жапа-уй* и *ийт-арқа* и совершенно утративших родовые отношения и обычаи своих классовых антиподов.

Из многих вопросов, касающихся некоторых типов жилища прилиньских казахов, необходимо выделить следующий: являлась ли *шошала* подражанием юрте или же ее прототипом — шалашом? Природные условия края не допускали развития здесь частичного кочевого хозяйства. Богатые пастбищами горы и довольно суровый климат были причинами развития полуоседлого скотоводческого хозяйства. Учитывая все это при перекочевках казахи, старались сделать свое летнее кочевое жилище более теплым, закрывали прутьями деревьев, утепляли землей и т. д. Постепенно к круглому кочевому жилищу — юрте или шалашу пристраивались навесы и загородки для скота, а затем и стены зимовок. Таким образом, постепенно юрта превращалась в шошалу — первое оседлое жилище бывшего кочевника.

Г. А. Меновщиков

**ЭСКИМОССКИЙ СУБСТРАТ
В ТОПОНИМИКЕ
ЧУКОТСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ**

Старинные эскимосские географические названия на Чукотском побережье засвидетельствованы не только вблизи современных мест расселения азиатских эскимосов, но и далеко за их пределами. Там, где в исторически обозримое время эскимосы уже не проживали, ныне обнаруживаются топонимы, восходящие к эскимосской языковой основе. Заимствованные чукчами древние эскимосские топонимы адаптировались по фономорфологическим законам чукотского языка. Эскимосский субстрат в береговой чукотской топонимике прослеживается как по южному (берингоморскому), так и по северному (Чукотское море) побережью от Берингова пролива до Анадырского лимана и от того же пролива до Чаунской губы¹.

За последние 100—150 лет малочисленные азиатские эскимосы жили лишь в нескольких поселках по берингоморскому побережью Чукотки от мыса Дежнева до залива Креста, тогда как эскимосские топонимы в чукотской адаптации продолжали сохраняться далеко за пределами эскимосских поселений. При этом было обнаружено, что чукотские топонимы субстратного эскимосского происхождения восходят к различным, в том числе и исчезнувшим, диалектным подразделениям эскимосского языка². К эскимосским по происхождению и чукотским по фономорфологической модели относится значительное число топонимов в ареале от 60 до 70° с. ш.

Чукотские топонимы охватывают всю территорию полуострова. В глубинной его части изредка встречаются топонимы, восходящие к основам родственного чукотскому корякского языка, а также к основам юкагирского и эвенского (ламутского) языков. Что же касается топонимов эскимосского происхождения, то они обнаруживаются только в прибрежной полосе. Оседание части чукотского народа на освоенных ранее эскимосами приморских землях повлекло за собою как заимствование и адаптирование уже длительно существовавших эскимосских топонимов, так и создание новых чукотских. Как представляется, условием восприятия чукчами эскимосских топонимов были непосредственные и длительные контакты этих двух разноразличных народов.

¹ В. Г. Богораз, Чукчи, ч. I, Л., 1934; его же, Материалы по языку азиатских эскимосов, Л., 1949, стр. 32—34; И. С. Вдовин, Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков, «Сибирский этнографический сборник», III, М.—Л., 1961; Г. А. Меновщиков, Палеоэскимосские топонимы северо-восточной Сибири, «Вопросы языкознания», 1963, № 6; его же, Топонимический словарь Чукотского побережья, рукопись, 1968.

² В составленном нами «Топонимическом словаре Чукотского побережья» представлено несколько сотен эскимосских топонимов, принадлежащих по происхождению различным диалектным группам, в том числе и не сохранившимся в районе Берингоморья.

При анализе чукотской топонимики выявляются три основных вида адаптации эскимосского субстрата.

Первый вид адаптации — фономорфологический, при котором заимствуемый топоним подвергается лишь звуковому уподоблению и оформлению по законам заимствующего (в конкретном случае — чукотского) языка.

Второй вид адаптации — фоносемантический, при котором заимствуемому иноязычному топониму (в конкретном случае — эскимосскому) противопоставляется сходный по созвучию, но отличный по семантике свой (здесь — чукотский) топоним, т. е. происходит своеобразная смысловая замена иноязычного топонима на основе фономорфологических и лексических средств родного языка.

Третий вид адаптации — образование составных двуязычных топонимов, корневым элементом которых служит эскимосский субстратный компонент.

Фономорфологическая адаптация эскимосских топонимов чукотским языком конкретно характеризуется тем, что эскимосский вокализм (*a*, *y*, *u*, *u*) подвергается влиянию гармонии гласных чукотского языка, а ряд эскимосских согласных звуков и их сочетаний, отсутствующих в чукотском языке, чередуется с близкими по образованию чукотскими согласными и их сочетаниями³. Присущий эскимосским именам (в том числе и многим топонимам) конечный увулярный *q* в процессе чукотской адаптации эскимосских топонимов заменяется согласным *n*, являющимся обязательным конечным компонентом односоставных чукотских топонимов. Приведем несколько иллюстраций. Название чукотского поселка *Туңитлен* (русс. *Тунитлин*) восходит к эскимосскому топониму *Туңилеқ* — «ближний», «соседний» (здесь — по отношению к древнему эскимосскому становищу *Аглун*); древнее эскимосское становище *Ныңлувак* — «большая землянка» было заселено чукчами и в чукотской адаптации стало называться *Нэңдэқвэн*; эскимосское название мыса *Сиңеқ* — «лямка» в чукотской адаптации — *Чиңин*; старинное эскимосское название местности и поселка *Сахтуқ* — «выпрямившийся» (ср. *сахтақа* — «выпрямляет», «развертывает») в чукотской адаптации — *Чегтун* (русс. *Чегитун*); эскимосское название поселка *Насқақ* (возможно от *насқуқ* — «голова») в чукотской адаптации *Нэсқэн* (русс. *Нэшкан*) и т. д. Характерно, что в течение исторически обозримого периода перечисленные пункты были заселены чукчами, но современные азиатские эскимосы, живущие вдали от этих мест, до сего времени называют их чисто эскимосскими именами, что, наряду с сохранившимися памятниками материальной эскимосской культуры, свидетельствует о древности и первичности на этой территории эскимосских поселений. Доескимосских следов топонимики на Чукотском побережье не обнаруживается, хотя там и можно предположить существование какой-либо доэскимосской культуры.

Фоносемантическая адаптация эскимосских топонимов чукотским языком заключается в замене первоначального эскимосского названия сходным по звучанию, но отличным по семантике чукотским словом. В данном случае эскимосский субстрат удается установить лишь по наличию двух разноязычных, но созвучных (или почти созвучных) топонимов, дошедших до нас и обозначающих один и тот же населенный пункт. Так, исторически засвидетельствовано, что современный крупный чукотский поселок *Уэлен*, расположенный между морем и большой лагуной на песчаной отмели, был некогда эскимосским поселением и назывался по-эскимосски *Улық* — «разлив», «заливаемое место». В течение последних 100—150 лет поселок этот постепенно заселялся чукчами, а эскимосское

³ П. Я. Скорик, Грамматика чукотского языка, ч. 1, М.—Л., 1961; его же, Чукотский язык, сб. «Языки народов СССР», т. V, Л., 1968, стр. 248 сл.; Г. А. Меновицкий, Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. 1, М.—Л., 1962; его же, Эскимосский язык, сб. «Языки народов СССР», т. V, Л., 1968, стр. 366 сл.

население его частично ассимилировалось, частично переехало в другие населенные пункты. Чукчи стали называть этот поселок близким эскимосскому *улык* по звучанию, но отличающемуся от него по семантике чукотским словом *Увэлен* — «черная земля» (от *ув* — «черный» и *-эле/-аля* — «земля»). При этом следует заметить, что логически оправданными остаются и эскимосская и чукотская этимологии. Эскимосское название *Улык* — «разлив», «заливаемое место» оправдывается тем, что поселок находился на узкой отмели между морем и большой уэленской лагуной, которая разливалась во время больших штормов или морских приливов. Чукотское же название *Увэлен* — «черная земля» основывается на том, что зимние жилища этого поселка устанавливались на склоне прилегающей к лагуне сопки, почва которой в отличие от песчаной отмели была черной. Возможно также, что во время зимних ветров на этом месте сметало снег и образовывались голяки. Так или иначе, оба названия Уэлена — чукотское и эскимосское — сосуществуют и поныне, и этот своеобразный способ образования топонимов следует учитывать.

Близким по созвучию, но разноразличным и разнородным по семантике является топоним *Уңазиқ, Уңиин*. *Уңазиқ* по-эскимосски «усач», «уса-тый» (от *уңақ* — «ус», «борода» и суф. орудийного значения *-сиқ*). *Уңиин* по-чукотски — «место дров», «место растопки» (от *ууңии-юоңээ* — «дрова», «растопка») ⁴. Эскимосское название этого пункта — первичное и более древнее, потому что здесь (мыс *Чаплин*, бывший поселок *Чапдино*) с незапамятных времен и до наших дней находится крупный эскимосский поселок, вокруг которого объединялась южная группа азиатских эскимосов. *Уңазиқ (Чапдино)* был центром культуры чаплинских эскимосов. Поселок находился на выдающейся в море песчаной отмели, по форме напоминающей длинный ус, отсюда и его название. Чукчи были постоянными посетителями этого пункта, поскольку они вели с эскимосами обмен продуктов оленеводства на продукты морского промысла. С другой стороны, и чукотское название этой местности *Уңиин* — «место дров», «место растопки» также обосновано, поскольку приморские чукчи ближних и дальних поселков могли приезжать сюда за плавником для растопки (так предполагает В. В. Леонтьев). Оба топонима существовали параллельно — один на эскимосском, другой на чукотском языке.

Такой же семантической трансформации подвергся эскимосский топоним *Ықыт* — «щеки» (наукаанск, диалект), который в чукотской адаптации стал обозначаться словом *Ықынин* — «холодное» (от *ыкы* — «сту-жа»). В русской адаптации — *Аккани*.

Эскимосский топоним *Пиһтуқ* — «метельное» (от *пиһту* — «метель», «пурга»), которым названо устье речки и древнее становище, в чукотской адаптации стал обозначаться словом *пыутэн* — «сажа» (русс. *Потен*).

Большой современный чукотский поселок *Лъурэн* — «видимое» (от *лъу* — «видеть» и *-рэн* — «жилье») возник на месте древнего эскимосского поселка *Лъуграқ* — «большая праща» (от *лъуқ* — «праща» и увелич. суф. *-рақ*). Как нетрудно заметить, здесь также имеет место факт семантического переосмысления заимствованного топонима. Весьма примечательно, что в русской адаптации этот топоним принял типическую форму русских топонимов с конечным формантом *-но*: *Лорино*. В данном случае топоним пережил свое третье рождение, чему способствовала фоносемантическая адаптация (эск. > чук. > русск.).

Третий вид адаптации — образование составных двуязычных топонимов, корневым элементом которых служит эскимосский субстрат. В этом случае необходимо отметить, что эскимосскому языку чуждо образование составных имен, в том числе и топонимов. Любой эскимосский топо-

⁴ Так чукотский топоним *Уңиин* интерпретирует специалист по чукотскому языку и этнографии В. В. Леонтьев.

ним имеет лишь одно лексическое ядро. Инкорпорирующий же чукотский язык образует как двухсоставные, так и многосоставные имена, в том числе и топонимы. Так, посредством номенклатурных лексических компонентов *рэн/-ран* — «жилище», *-вээм/-ваам* — «река», *-ңэй/-ңай* — «гора», *-гытгы* — «озеро» и др. образуются соответственно названия поселков, рек, гор, озер и пр. Ср. топонимы: *Энмыран* — «жилище у скалы» (*энм* — «скала», *-ран* — «жилище»), *Пэлгыран* — «жилище у горловины» (*пэлг* — «горловина» «устье», *-ран* — «жилище»); оронимы: *Рынныңай* — «роговая гора» (*рынны* — «рог», «зуб», *-ңай* — «гора»), *Вэллыңэй* — «крутая гора» (*вэллы* — «крутой», *-ңэй* — «гора»); гидронимы: *гырбонвээм* (*гырбон* — «место отела оленей», *вээм* — «река»), *Галгагытгын* — «птичье озеро»). Посредством установившейся в чукотском языке системы номенклатурных компонентов адаптируются также и иноязычные топонимы.

Составные двуязычные топонимы, первой основой которых является эскимосская, второй — чукотская, встречаются в разных районах Чукотского побережья. Например, от эскимосского названия реки *Иқалтугрук* — «рыбная» образовалось чукотское название этой реки *Иқалтунвээм* — «Рыбная река», где к эскимосской основе присоединилась чукотская *-вээм* — «река», являющаяся обязательным структурным компонентом при образовании чукотских названий рек. Из двух структурных разноязычных компонентов состоит также топоним *Нуналыгран*, в составе которого эскимосская основа *нуналык* — «имеющий землю» и чукотская основа *-рэн/-ран* — «жилище», что в совокупности означает «Земля с жилищами» (современный чукотский поселок в бухте Преображения). От эскимосского топонима *Сингақ* — «новый берег» (от *синь/синақ* — «берег») с присоединением чукотского номенклатурного компонента *-вээм* — «река» образовался субстратный чукотский топоним *Чинивээм*. В основе чукотского топонима *Султпакаыргын* лежит эскимосское слово *султпук* — «место, где дует», «труба» в его метатезной форме от слова *султпук* (глагол. основа *суп* — «дуть» — науканск. диалект) и чукотский лексический компонент — *каыргын* — «проход», «отверстие». Урочище *Султпакаыргын* отличается тем, что в этом месте, расположенном между двух высоких гор, постоянно дуют ветры. В данном случае чукотская часть этого сложного топонима является своеобразной калькой его эскимосской основы.

Наличие таких двуязычных топонимов, где корневым компонентом является эскимосское слово, а также топонимов первого и второго вида адаптации (особенно в районах, где эскимосы давно уже не живут) служит свидетельством первичности в этом ареале эскимосской топонимики, а следовательно, и относительной древности эскимосских береговых поселений на чукотском побережье.

Обширный материал по топонимике, собранный во время последних лингвистических экспедиций в местах обитания азиатских эскимосов (чаплинцев, науканцев и сиреникцев), показывает, что сохранившиеся топонимы по происхождению принадлежат различным диалектным подразделениям, до периода интенсивного территориального дробления единого этнического палеоэскимосского массива входившим в две большие диалектные группы эскимосов *йугит* (ед. *йук*) и *инуит* (ед. *инук*). Часть таких диалектных подразделений сохранилась на азиатском побережье. К ним относятся диалекты — чаплинский (*уңазигмит*), науканский (*нывуқагмит*), а также исчезающие ныне сиреникский (*сигыныгмит*) и имакликский (*имақлзигмит*). Большинство же диалектных подразделений эскимосского языка-основы сейчас можно обнаружить на Аляске, на побережье и островах арктической зоны Канады и в Гренландии.

На диалектах *йугит* говорят азиатские эскимосы, эскимосы о. св. Лаврентия, дельты рек Кускоквим и Юкона, Земли Принца Вильямса,

побережья Бристольского залива, о. Нунива и некоторых других пунктов на Аляске.

На диалектах *инуит* говорят эскимосы островов Берингова пролива (о. Крузенштерна — Иналик, о-ва Короля и Стюарт, до 1948 г. — жители советского о. Ратманова — Имаклик), эскимосы мыса Принца Уэльского на Аляске, мыса Барроу, дельты реки Маккензи и пролива Коронации в Канаде, Лабрадора и Гренландии.

В результате территориального дробления, периодических миграций отдельных групп эскимосов и длительной изоляции многих из них на замкнутых территориях происходило постепенное образование диалектов, число которых достигло к концу XIX в. двадцати пяти⁵.

Территориальная раздробленность и изоляция отдельных диалектных подразделений азиатских эскимосов, а также многовековое соседство с более многочисленными иноязычными палеоазиатами — чукчами вело к постепенной ассимиляции этих групп и исчезновению их диалектов. Этот процесс на азиатском побережье начался с момента появления чукчей и длится вплоть до нашего времени. Например, за последние 60—70 лет на о. Ратманова исчез имаковский диалект. Такой же участи подвергся язык сиреникских эскимосов, почти окончательно ассимилированный языком чаплинских эскимосов и частично — чукотским⁶.

Не исключена также возможность того, что какие-то группы эскимосов, говоривших на своих диалектах и населявших 150—200 лет назад побережье от Уэлена до Чауна и далее, покинули эти земли, оставив после себя топонимическое наследие и памятники материальной культуры. Об этом свидетельствует адаптированная чукчами эскимосская топонимика, встречающаяся вперемежку с чукотской в данном ареале и поныне. Само собой разумеется, что чукчи могли заимствовать эскимосскую топонимику лишь при условии длительных и весьма тесных языковых контактов с эскимосами.

Результаты археологических, историко-этнографических и лингвистических изысканий на древних и современных местах расселения эскимосов свидетельствуют о том, что эскимосы Азии, Аляски, Канады и Гренландии до территориального дробления (которое по М. Свадешу произошло от 1500 до 2000 лет назад)⁷ составляли единый этнический массив; средством общения в нем был общий язык-основа, объединявший несколько близкородственных диалектов, среди которых ведущее место занимали диалекты *йупигит* и *инуит*. Носители этих диалектов — палеоэскимосы жили, по-видимому, по обе стороны Берингова пролива.

⁵ K. Rasmussen, H. Ostermann, Alaskan Eskimo words, «Report of the Thule Expedition 1921—1924», vol. 3, № 4, Copenhagen, 1941; D. Jennes, Comparative vocabulary of the Western Eskimo dialects, vol. XV, part A, «Report of the Canadian Arctic Expedition 1913—1918», Ottawa, 1928; M. Swadesh, Unalut and Peuto Eskimo, IJAL, vol. A, № 2, 1951; Г. А. Меновщиков, Об устойчивости грамматического строя эскимосского языка, сб. «Вопросы теории и истории языка», М., 1952, стр. 431—460; его же, Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. I; его же, Язык эскимосов Берингова пролива, сб. «Языки и фольклор народов сибирского Севера», М.—Л., 1966, стр. 69—72; его же, Эскимосско-алеутская группа языков, «Языки народов СССР», т. 5, Л., 1968, стр. 352—365.

⁶ Г. А. Меновщиков, Язык сиреникских эскимосов, М.—Л., 1964, стр. 4—10.

⁷ W. Swadesh, Указ. раб., стр. 67.

Э. П. Стужина

**ВОСТОЧНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ
ИРКУТСКОГО И КЯХТИНСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ**

Восточная коллекция Иркутского краеведческого музея — одна из самых богатых среди восточных фондов периферийных музеев. Она состоит из китайского, маньчжурского, тибетского, корейского и японского отделов.

Опись коллекции свидетельствует о том, что комплектование восточных фондов музея происходило в конце XIX в. — первой четверти XX в. Первые приобретения связаны с деятельностью СОРГО — Сибирского отделения Русского географического общества.

В 1886 году Г. Н. Потанин, вернувшийся из двухлетней экспедиции, передал музею значительную часть предметов, собранных за время путешествий по Монголии и Китаю. Отличительной особенностью Г. Н. Потанина как собирателя было то, что он вез в Россию не экзотику, и не только предметы высоких художественных достоинств, а материал массовый, повседневный, вещи с «высоким коэффициентом представительности». Эти принципы и в дальнейшем стали основой собирательской работы Иркутского музея. Экспедиция Г. Н. Потанина привезла различные свидетельства торговой и бюрократической жизни, счета и квитанции, запреты и разрешения местных ямыней, бумажные деньги и почтовые принадлежности. Приблизительно по такому же принципу комплектовались и другие этнографические собрания.

В дальнейшем фонд непрерывно пополнялся вплоть до 1928 г. за счет подарков граждан, приобретений музея, случайных находок.

Интересную запись сделал хранитель фондов в 1903 г.:

«Дар Ореловича. Меч палача, железный, рукоятка деревянная, обмотанная синим шнуром. К рукоятке приделано кольцо железное, обтянутое тем же шнуром. Употребляется для казни преступников. Длина меча — 106 см. Длина лезвия — 75 см. Ширина лезвия в середине — 6,5 см. Рукоятка меча отделана железной пластинкой». Поскольку с коллекцией никто не работал, довольно трудно выяснить сейчас, кто этот Орелович, и какими путями попало к нему столь наглядное свидетельство жестокости цинской государственной машины.

Маньчжурское знамя с изображением дракона, подаренное В. Л. Святополк-Мирским, пороховница и костюм китайского офицера, переданные музею в 1916 г. жителем Иркутска Куликовым, трубки для курения опиума, конфискованные в 1924 г. у тайных курильщиков опиума работниками уголовного розыска, паспорт, выданный Г. Н. Потанину Цзунли-ямынем в 1884 г. — вот некоторые фрагменты описи этой интереснейшей коллекции.

В 1920 годы поступления были почти непрерывными. Коллекция не обрабатывалась, но ее тщательно описывал «консерватор» (хранитель

фондов) Соколов. В иркутской коллекции преобладают предметы конц XVIII в. и в особенности XIX в. и начала XX в.

В это время ни в Китае, ни в Монголии такого рода коллекции почти не комплектовались. Объектами собирательства в Китае были древняя бронза, ранний фарфор, статуэтки из погребений. Предметы же повседневного быта, народный лубок, карикатура-однодневка никого не интересовали. Именно поэтому в экспозициях музеев КНР, где столь богат были представлены древность и средневековые, разделы новой истории оставались почти пустыми. Особенно это относится к периоду XIX в., который представлен главным образом схемами, диаграммами и европейскими гравюрами.

Иркутская же коллекция весьма разнообразна по содержанию. Преобладающее количество предметов — этнографические собрания, характеризующие быт, религию и культуру китайцев, корейцев, монголов.

В китайском фонде, например, представлены разные типы городской и сельской одежды, обувь, украшения, продукты питания, лекарства, свадебные и похоронные принадлежности, детские игрушки, меры веса и объема, курительные принадлежности, музыкальные инструменты.

Одна из самых интересных и выразительных — военная коллекция музея, состоящая из первоклассных и разнообразных вещей. Здесь мы встречаем доспехи (шлем, кольчуга, мечи) и костюмы самураев; мечи, шлемы, луки со стрелами, кремневые ружья, примитивные пушки — весь незатейливый военный арсенал маньчжурской армии; полное облачение монгольского конника и т. п.

Выставленные в экспозиции, эти предметы могли бы дать зрительное представление о походах Хидеёси, о войнах китайцев с английскими, французскими и японскими колонизаторами, об агрессивной политике маньчжурской династии на северных и западных границах страны.

Подлинные произведения искусства составляют буддийскую коллекцию восточного фонда. Это не ремесленнические изображения Будды и его спутников, а в большинстве своем работы большой выразительности, высокого мастерства. Собрание буддийских икон музея невелико, но по достоинствам своим может соперничать с лучшими эрмитажными образцами. Тонкий графический рисунок Будды Шакьямуни выполнен коричневой краской на белом шелке. Оформление иконы — сочно-зеленый растительный орнамент с плавными, текучими линиями. Одна из икон по композиционному решению и цветовой гамме близка к эрмитажной «Зеленой Таре». В составе коллекции — разнообразная утварь китайских, монгольских и тибетских монастырей.

Богат и нумизматический фонд музея. Однако он почти не изучен. По-видимому, большую часть собрания составляют монеты различных цинских императоров, начиная с Шуньчжи. Есть в музее и довольно редкие монеты: две монеты первых минских императоров; монета тайпинского государства с надписью «Тайпин тяньго»; несколько монет, отличных в период правления Ван Мана и др.

К сожалению, в настоящее время из-за недостатка помещения все экспонаты находятся в запасниках.

В инвентарной книге Восточной коллекции мое внимание привлекла надпись «№ 710. Картины китайские, 14 штук, изображающие сцены из франко-китайской войны, переданы Г. Н. Потаниным в 1886 г.» А далее полустертая надпись карандашом: «1924 г. — переданы художественному музею».

В Иркутской картинной галерее мы с А. А. Новохатько, хранителем художественного музея, перебирали гравюры и старые китайские лубки, современную продукцию ханчжоуской шелкоткацкой фабрики и картины гохуа. И вот, наконец, долгожданные отгиски: 13 черно-белых и одна раскрашенная гравюра на плотной желтоватой бумаге, форматом 35×48 и 36×58.

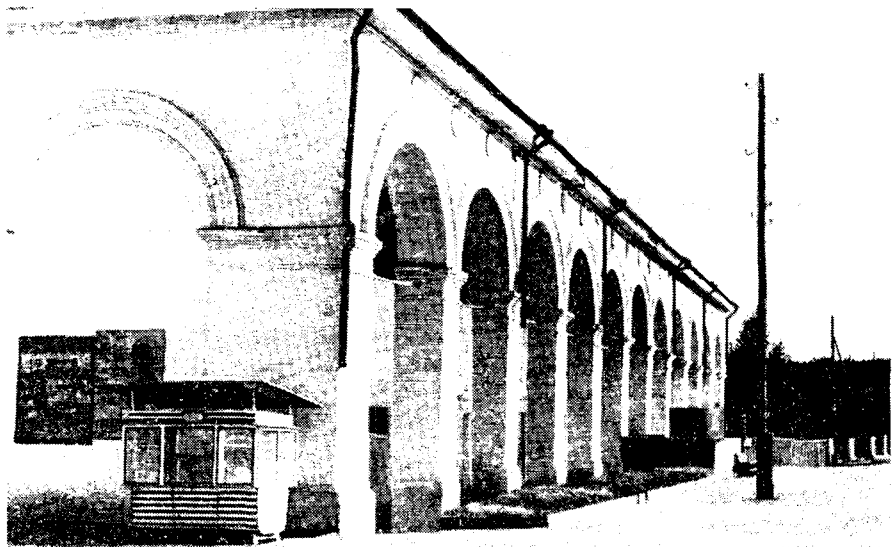

Рис. 1. Торговые ряды в Кяхте

Эти гравюры, по всей вероятности, выпускались как агитационный материал в период франко-китайской войны 1884—1885 гг.

На них изображено нападение китайских войск на позиции французов, столкновение флотилий, взятие Бакниня.

Десять из тринадцати гравюр, по-видимому, представляют собой карикатуры на французскую армию и европейские методы ведения войны. Это собрание дает весьма ценный материал как для этнографа, так и для историка: на гравюрах можно увидеть и крепостные сооружения китайских городов конца XIX в., и разные типы китайской одежды, военной и гражданской, и корабли, и вооружение знаменитых войск.

Вряд ли эти гравюры сохранились в Китае — мне они не попадались ни в китайских музеях, ни в европейских публикациях (лишь несколько гравюр описано в книге Н. Черновой «Китайская гравюра»).

* * *

Кяхта — последний русский город, за которым тянутся бескрайние монгольские степи. Город расположен на высоте 720 м, в узкой долине, окруженной темным кружевом сосен на песчаных сопках. В 4 км от города — слобода Кяхта. Там на протяжении двух с лишним веков происходил торг («расторжка») русских купцов с китайскими и монгольскими.

Город встретил меня палящим зноем. На фоне раскаленного бурого песка и неестественно голубого для жителя средней полосы неба ослепительной белизной поражали вновь построенные многоэтажные дома и памятники старого купеческого города: соборы и шатровые церкви, колоннада гостиного двора, бывшее здание таможни. Старый город одноэтажный: добротные дома с сибирскими обширными наличниками и длинными, почти до земли глухими ставнями.

На протяжении всего XIX в. город был отправным пунктом путешествий и научных экспедиций в Китай, Монголию, Центральную Азию. Отсюда уходили и сюда возвращались экспедиции Г. Н. Потанина, П. К. Козлова, В. А. Обручева; отправлялись на долгую и трудную службу в Китай и Монголию Палладий Кафаров, Н. Я. Бичурин. В наш век, когда по степям движутся вездеходы, когда даже бичурские старoverы

Рис. 2. Собор в Кяхтинской слободе

в своих кашемировых сарафанах и шалях XIX в. летают в Улан-Удэ на самолетах и вертолетах, усилия этих людей кажутся почти нечеловеческими.

Город бережно хранит воспоминания о них: мемориальная доска сообщает, что в зеленом двухэтажном доме на окраине города жил перед уходом каравана в экспедицию П. К. Козлов; краеведческий музей носит имя академика В. А. Обручева; по дороге в слободу, в нескольких шагах от монумента героям Халхин-Гола, на возвышении, открытом взору путника, могила и памятник А. В. Потаниной — «первой русской женщине, путешественнице по Китаю». В музее — книги с автографами Пржевальского, Обручева, Потанина; акварельный портрет Иакинфа Бичурина, выполненный Н. А. Бестужевым; китайская грамматика, написанная рукой Н. Я. Бичурина, преподавателя китайского языка в Кяхте; крохотная записочка в пакетике с монетой: «определил профессор

Петербургского университета Рудаков»; многочисленные коллекции, оставленные здесь Потаниным, Козловым, Обручевым, — все это сдвигало время, приближая к научным событиям тех лет.

Коллекции и бесценные реликвии востоковедения хранятся в Кяхтинском краеведческом музее Бурятской АССР, который по праву носит имя В. А. Обручева. Здесь работали и работают энтузиасты музейного дела. Они исследовали долины рек Селенги, Чикоя и Хилки, бичурские старообрядческие деревни и Северную Монголию. Они принимали участие в экспедициях В. В. Обручева и А. П. Окладникова. Музей издает свои труды и непрерывно пополняет свои коллекции с постоянной ориентацией на расширение научной работы, на будущую экспозицию.

И хотя подача музейных коллекций далека от современных экспозиционных эталонов (какой художник-оформитель поедет сюда надолго?), интересные экспонаты и уникальные фотографии дают весьма отчетливое представление о прошлом этого удивительного города, где причудливо переплетались интересы предприимчивого кяхтинского купечества и демократические традиции, привнесенные туда ссылными декабристами, шестидесятниками, народовольцами; города, через который вместе с партиями китайского чая расходились по России запретные книжки герценовского «Колокола», тайно ввозимого через кяхтинскую таможню.

В музее хранится коллекция уникальных фотоснимков, сделанных в конце XIX в. ссылкой народовольцем Чарушиным на территории Монголии и Китая. Все фотографии прекрасной сохранности. Ни гравюра, ни народный лубок не донесли до нас тех подробностей повседневной жизни, которая запечатлена на photographиях Чарушина. Большая их часть сделана в Монголии: народные празднества, конные скачки, монастыри и субурганы, обряд массового чаепития у стен монастыря, монгольские политические деятели в национальных костюмах.

Рис. 3. Воскресенский собор в Кяхтинской слободе

Фотографии эти — великолепный материал для историка Монголии, этнографа.

Другая часть фотографий воспроизводит памятник, уже не существующий, — китайский торговый город Маймачэн, находившийся там, где ныне расположен монгольский город Алтан-Булак. От города не осталось ничего: ни следов планировки, ни единого здания, ни даже руин. А фотографии Чарушина с множеством подробностей воспроизводят это творение шэньсийских торговых компаний, город, построенный в XVIII в. специально для торговли с Россией через Кяхту. На основании этих материалов исследователь может воспроизвести внешний облик города, изучить типы построек и их архитектурные особенности. На фотографиях — внутренний и внешний вид лавок, торговля, богослужение в местном храме, судопроизводство в маймачэнском ямыне и публичное наказание осужденных. Портреты китайцев разных социальных слоев, в парадной и будничной, зимней и летней одежде. Снимки, сделанные в Кяхте, дают представление о русско-китайском торге: привоз чая летом на верблюдах и зимним путем на лошадях; упаковка чая в кожаные тюки — цыбики, развеска, торговля на внутреннем дворе таможни, артель ширинщиков — рабочих, занятых упаковкой чая, и совсшников — встречавших караваны и принимавших чай.

Часть музейных коллекций связана с русско-китайским торгом. Очень интересны коллекции образцов тканей. В одну из них (выставленную в экспозиции) входят 62 образца китайских шелковых тканей (XVIII и XIX вв.), ввозившихся в Россию из Китая. Коллекция позволяет изучить вопрос о том, какие центры шелкоткачества поставляли продукцию на русский рынок.

Другая коллекция тканей точно датирована. Она была собрана в 1915 г. В. В. Обручевым, а в 1965 г. передана им музею. Работая над темой «Причины вытеснения русской мануфактуры с монгольского рынка», В. В. Обручев собрал образцы тканей, проходивших через таможню в Урге. Ценность коллекции в том, что в нее вошли не случайные ткани, а образцы, представлявшие целые партии, проходившие через таможню. Всего в коллекции 32 образца тканей: русских, китайских, монгольских, немецких, английских, американских, польских. Каждый образец снабжен обстоятельным паспортом, в котором приводятся названия ткани (рус-

ское, китайское и монгольское), указаны фабрики, производившие ткань, ее себестоимость и цена, место окраски, средние показатели сбыта, назначение ткани у населения. Несмотря на то, что коллекция невелика, строго научная ее обработка дает важные сведения при изучении русско-китайского и русско-монгольского торго в начале XX в.

Предмет подлинной гордости Кяхтинского музея — собрание различных сортов чая, проходивших в XVIII и XIX вв. через кяхтинскую таможню. В экспозиции представлены 25 сортов чая — черного и зеленого, порошкового и прессованного, привозимого в Кяхту из различных провинций Китая. Выставлены шары кирпичного чая из Юньнани, плиты черного, кирпичного, русской выделки из Ханькоу и др.; представлены также китайские печати для чая и разнообразная утварь, применявшаяся в чайной торговле.

В нумизматической коллекции музея значительную часть составляют китайские монеты. Почти все они определены, описаны, классифицированы. Наиболее полно представлены монеты сунской династии (почти все сунские императоры и монетные дворы, включая провинциальные) и цинской. Значительное число древних монет относится ко времени Ван Мана. Работа с нумизматической коллекцией связана с именами крупнейших русских востоковедов, посещавших Кяхту в XIX в. и начале XX в.

Большой интерес и для историка и для этнографа представляет также местная пресса — газеты, выходившие в Кяхте в XIX в. («Кяхтинский листок», «Байкал»).

А. Яндаров

**ПЕРВЫЙ ИНГУШСКИЙ ЭТНОГРАФ
ЧАХ АХРИЕВ**

(К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Имя ингушского ученого и этнографа Чаха Ахриева неизвестно широкому кругу читателей. А между тем ни один историк или этнограф, исследующий прошлое Чечено-Ингушетии, не может обойти многочисленные работы ученого, посвященные самым различным вопросам жизни чечено-ингушских горцев. И не только потому, что Ахриев был первым этнографом-ингушом, давшим глубокий анализ многих сторон жизни горцев, но и потому еще, что его работы написаны с передовых для того времени научных позиций и признаны классическими в кавказоведении.

Чах Эльмурзаевич Ахриев родился в 1850 г. в ингушском селе Фуртуг близ Владикавказа (ныне Орджоникидзе). С семи лет он жил в этом городе (куда был перевезен в качестве заложника) и обучался основам русского языка и грамматики. Когда мальчику исполнилось 12 лет, он поступил в Ставропольскую гимназию, из стен которой вышли многие общественные деятели и революционеры, такие, например, как Коста Хетагуров, Г. Лопатин, М. Фроленко. По воспоминаниям последнего, в гимназию проникали передовые идеи того времени, а гимназисты читали запрещенные произведения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова.

После окончания гимназии Ахриев вернулся в Ингушетию и некоторое время работал чиновником. Желание разобраться в сложной действительности навело его на мысль продолжить образование, и в 1870 г. он поступил в Нежинский лицей, где в то время преподавали педагоги, помогавшие учащимся выработать прогрессивные общественные взгляды. Особенно широко в лицее были распространены идеи французского просветительства, их влияние чувствуется в большинстве работ Ахриева.

Бывая во время каникул на родине, Ахриев тщательно собирал этнографический материал, который частично публиковал в «Сборнике сведений о кавказских горцах»¹. Ахриев-этнограф не ограничивался равнодушным, беспристрастным, изложением фактов, и каждый из них оценивал с точки зрения передового общественного деятеля.

Закончив учебу, он, полный горячего желания помочь горцам приобщиться к культуре, просит места на родине, в Чечено-Ингушетии. Но этим надеждам, к сожалению, не суждено было осуществиться: царские власти, осведомленные о демократических взглядах ученого, не позволили ему остаться на Северном Кавказе, и он долгие годы провел

¹ «Похороны и поминки у горцев», приложение к статье Н. Ф. Грабовского «Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа», «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 3, отд. 1, Тифлис, 1870; «Несколько слов о героях в ингушских сказаниях», там же, вып. 4, отд. 2, Тифлис, 1870; «Из чеченских сказаний», там же, вып. 5, отд. 2, Тифлис, 1871; «Ингушские праздники», там же, отд. 3.

вдали от родины. Но и после возвращения на родину, будучи уже тяжело больным человеком, Ахриев не прекращал просветительской деятельности и был одним из учредителей и деятельных членов «Общества по распространению грамотности среди горцев Терской области».

Умер ученый в 1914 г., оставив после себя довольно богатое научное наследие. Многие его работы посвящены нравам, обычаям, религиозным верованиям горцев, истории и экономике края.

Однако в настоящем сообщении мы коснемся лишь некоторых из его многогранных научных интересов: исследования религии чечено-ингушей, характеристики народных обычаев, а также высказываний по вопросам устного народного творчества.

Во всех своих трудах он анализирует религиозные верования с материалистической точки зрения: религия возникла из страха людей перед стихией, их беспомощности в борьбе с грозными явлениями природы, из-за отсутствия у людей, «детей природы», по его словам, научных знаний о природе².

Ахриев собрал и описал множество религиозных поверий, источником которых послужили различные явления природы и психической деятельности человека и пытался дать им научное объяснение.

Разоблачая, например, так называемых гадалщиков, которые перед демонстрацией пророчества впадали в транс, он писал: «Припадки эти (речь идет о трансе.— А. Я.) бывают, как мне кажется, вследствие серных паров, выходящих из гор, а некоторые личности просто притворяются»³. Верующие же, приписывающие эти припадки «влиянию святых»⁴, глубоко заблуждаются.

Тщательно исследуя религиозные верования, «характеризующие мировоззрение ингушей», Чах Ахриев первым в этнографической литературе о горцах высказал мысль о том, что «индифферентный характер религиозного настроения ингушей» объясняется тем, что верования эти являлись сложным образованием, состоящим из наслоений различных религий: язычества, христианства и мусульманства, которое было принято сравнительно поздно. Это утверждение было направлено против тех официальных царских историков, которые беспримерный героизм и мужество, проявленные горцами в борьбе за независимость, объясняли исключительно их религиозным фанатизмом. Возражая против этой лжи, Ахриев не только способствовал восстановлению исторической правды, но и укреплял взаимопонимание между ингушами и русскими.

На многочисленных примерах Ахриев показывал, как глубоко влияют религиозные суеверия на все стороны общественной жизни горцев и на их материальное благополучие. Критика религиозных верований была для Ахриева составной частью его борьбы за социальное и культурное возрождение чечено-ингушей. И хотя он остановился на чисто просветительском подходе к борьбе с суевериями, полагая, что для их преодоления достаточно распространения знаний, все же в конкретных исторических условиях Чечено-Ингушетии антиклерикальная и антирелигиозная борьба ученого была безусловно прогрессивной.

Ахриев был первым из чечено-ингушских ученых и общественных деятелей, поднявшим свой голос против бесправного положения женщины. Исследуя предрассудки, обрекавшие женщину на бесправие, приносящие ее человеческое достоинство, он пришел к мысли, что женское бесправие — явление сравнительно новое в Чечено-Ингушетии. Даже во время, описываемое ученым, когда женщина была сильно ущемлена в своих правах, когда ее бесправие освящалось предрассуд-

² «Терские ведомости», Владикавказ, 1872, № 42.

³ «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 5, Тифлис, 1871, стр. 16.

⁴ Там же.

ками о ее неполноценности, женщина играла определенную роль в обществе. «Многочисленные примеры показывают, что никакая угнетенность женщины не может никогда вполне уничтожить ее влияния прямого или косвенного на окружающую жизнь»⁵.

Угнетение женщины, по мнению просветителя, безнравственно и достойно всяческого порицания. Степень эмансипации женщины — показатель культурного уровня общества, показатель «развития в нем нравственного элемента». И в этом вопросе Ахриев уповал на образование, на науку и полагал, что только распространение среди горцев научных знаний может оградить ингушскую женщину от беспаравия и деспотизма⁶.

Ахриев был исследователем ингушских адатов. Заметим здесь, что, как и все просветители, он не различал строго нравственные и правовые нормы, хотя и разграничивал все обычаи на имеющие юридическое значение, т. е. адаты, и на «обычаи частной жизни». Как и все просветители, он считал, что образ жизни народа, исторические традиции общественной жизни являются нормообразующими факторами нравственности.

Нравственные нормы, как и юридические обычаи, не вечны, а будучи обусловлены общественной средой, изменяются вместе с последней. Причем юридические обычаи, т. е. адаты, подвижны и изменяются быстрее. Обычаи, таким образом, объясняются условиями жизни общества, а не выводятся из так называемой «абстрактной идеи».

Критикуя отдельные реакционные обычаи, обусловленные исторической отсталостью горцев, такие, например, как некоторые нормы адата, Ахриев вместе с тем предостерегал против нигилистического отношения к тем обычаям народа, «которые не противоречат духу времени». Он писал о том, что всякие общественные реформы необходимо вводить с учетом «нравственного опыта народа», зафиксированного в его обычаях и нормах нравственности⁷.

Вместе с тем Ахриев полемизировал с теми просветителями, которые идеализировали так называемое «естественное состояние» и восторгались «простотой нравов» людей. По его мнению, так называемая «простота нравов» идет рука об руку с дикостью, невежеством, предрассудками. «Если под „простотой нравов“ считать обычай есть руками, когда нужна вилка, носить грязные лохмотья, когда нужна чистая и крепкая рубаша, то этакой простоты нравов много между горными ингушами. Очевидно, это не имеет отношения к той идиллической картине, которую каждый из нас рисует себе при слове „простота нравов“». Очевидно, это не результат простоты нравов, которые суровы между ингушами, а результат бедности, которой нечего есть, простота невежества... Подобная простота возбуждает в здравомыслящем человеке не идиллическую сентиментальность, а чувство горького сожаления и грусти»⁸.

Нравственный же прогресс как отдельного человека, так и общества в целом лежит на путях всестороннего просвещения людей, приобщения их к научным знаниям.

Ахриев считал, что нравственность, возникнув из потребности общества в определенную эпоху, в свою очередь накладывает сильный отпечаток на общественную жизнь эпохи, поэтому по сохраняющимся народным обычаям можно судить об эпохе, в которую они возникли, и об обществе этой эпохи.

Это же относится и к устному народному творчеству.

⁵ «Об ингушских женщинах», «Терские ведомости», Владикавказ, 1871, № 31.

⁶ Там же.

⁷ «Юридическое значение присяги у ингушей», «Терские ведомости», Владикавказ, 1871, № 21.

⁸ Серия статей «Этнографический очерк ингушского народа с приложением сказок и преданий». «Терские ведомости», Владикавказ, 1872, № 28—42 (с перерывами),

«О характере прошлой ингушской жизни можно отчасти судить по тем сказкам и преданиям, которые сохраняются в ингушском народе и по сохранившимся народным юридическим обычаям», — пишет Ахриев⁹.

Поэтический, необыкновенно богатый формами и жанрами фольклор горцев, аккумулировавший в себе духовный опыт народа, не имевшего своей письменности, еще в юности увлек Ахриева. Безусловно, раннее знакомство с фольклором повлияло в какой-то мере на выработку им демократических воззрений, зародило любовь к своему народу, создавшему такие поэтические сокровища. Ахриев был первым высокоталантливым и добросовестным собирателем и исследователем чечено-ингушского фольклора. И при работе над фольклором главным принципом ученого было чуткое, бережное отношение к материалу, желание не допустить искажения его в угоду собственному вкусу и представлениям. Ахриев считал, что творческая обработка материала допустима, если при этом не нарушается художественная целостность произведения, основная идея, заложенная в нем. Записывая и публикуя фольклорные произведения, он акцентировал смысловое ударение как раз на тех сюжетных линиях, которые наиболее полно выражали дорогие ему мысли и убеждения. Для примера сошлемся на его запись чеченской народной сказки «Черкес Иса и чеченец Иса», в которой углублен и талантливо развит мотив дружбы людей разных народов.

Заканчивая наше краткое сообщение о первом чечено-ингушском этнографе, следует сказать, что во всем, что он писал о своих соотечественниках, чувствуется глубокое сочувствие к ним, искренняя заинтересованность в их многострадальной судьбе¹⁰. Это был ученый, этнограф и общественный деятель, активно вторгавшийся в жизнь, стремившийся всеми силами облегчить участь своего обездоленного народа, приобщить его к образованию, культуре, помочь ему преодолеть экономическую и культурную отсталость.

⁹ «Терские ведомости», Владикавказ, 1872, № 37.

¹⁰ См. «Ингуши», Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 8, Тифлис, 1875.

М. М. Герасимова

**К ВОПРОСУ
ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ
НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО ТАНАИСА**

(III в. до н. э.—IV в. н. э.)

Об этническом составе населения Танаиса в ранний период существования города можно судить только на основании археологических данных. Об одновременном проживании в Танаисе различных этнических групп свидетельствуют устройство погребальных сооружений, особенности обряда и инвентарь погребений. В большинстве случаев не представляется возможным говорить о точном определении этнической принадлежности погребенного, что, «очевидно, является отражением значительной этнической смешанности населения Танаиса»¹. Изучение Танаисского некрополя показывает, что признаки, восходящие к греческим погребальным обычаям, ярче проявляются в погребениях первых веков существования города. Постепенно они уступают место другим, связанным с влиянием сарматской этнической среды. С момента возникновения, т. е. с III в. до н. э., Танаисский некрополь резко отличается от некрополей большинства античных центров Северного Причерноморья, обнаруживая параллели с могильниками негреческого туземного населения северочерноморских степей; из них в первую очередь стоит вспомнить меотские могильники Прикубанья². Трудно пока понять, результат ли это торговых и культурных влияний или наличия каких-то групп меотского населения в районе Танаиса. Последний возник на месте поселений, существовавших здесь еще до начала греческой колонизации Северного Причерноморья³. Негреческие погребальные традиции прослеживаются в некоторых особенностях сооружения могил, устройстве кольцевых и продольных каменных оградок, в обилии различных украшений и бус, в отсутствии в погребальном инвентаре предметов, связанных с палестрическим культом⁴.

Что касается этнического состава населения Танаиса первых веков нашей эры, то о нем кроме археологического материала многое могут сказать нумизматические и эпиграфические данные. Анализ последних позволил Т. Н. Книпович в свое время сделать вывод о тесном переплетении греческих и варварских, сарматских, элементов: «...срастание греков с местными жителями достигает такой степени, что... становится затруднительным определение этнического происхождения кого-либо из

¹ Д. Б. Шелов, Некрополь Танаиса, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), 1961, № 98, стр. 94.

² Д. Б. Шелов, Указ. раб.; И. С. Каменецкий, Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э., Автореф. дис., М., 1965.

³ А. А. Миллер, Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г., «Изв. Рос. Академии истории материальной культуры», т. IV, Л., 1925.

⁴ Д. Б. Шелов, Указ. раб., стр. 83 и сл.

обитателей Танаиса»⁵. Выделяя варварские, негреческие элементы культуры населения Танаиса, она склонна считать их местными, невольно ставя знак равенства между сарматской, пришлой для этой территории культурой, и местной: «В Танаисе ярко выражена местная „сарматская“ культура, на которую наслаивается культура античная, в результате взаимодействия обоих слагаемых... Танаис приобретает совершенно особый, не встречающий аналогий облик греко-сарматского города»⁶.

В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина, высказывавшие аналогичную мысль, также не проводят четкой границы между элементами варварских культур, называя их или местными, или сарматскими, негреческими: «Некрополи боспорских городов представляют... исторический источник, помогающий раскрыть развитие Боспора с VI в. до н. э. при неуклонно возрастающей роли местного населения в жизни и формировании культуры его городов... Вторичный экономический и культурный расцвет Боспора... протекал под знаком все более усиливавшейся активности местных элементов во всех областях жизни...»⁷. В приведенных цитатах речь идет о все возрастающей роли сарматской этнической среды.

Рассматривая имена обитателей Танаиса, Т. Н. Книпович приходит к выводу, что «преобладание имен греческих в группе эллинов и местных в группе танаитов» свидетельствует о том, что «первоначально здесь речь шла именно о двух этнических группах»⁸.

Эллинами в Танаисе назывались, видимо, боспорские колонисты и их потомки, испытавшие на себе влияние местной этнической среды. Под именем танаитов подразумевались все жители варварского происхождения, неоднородные в этническом плане.

Подавляющее большинство негреческих имен Танаиса иранского происхождения, т. е. может быть связано с сарматскими этническими группами⁹, и лишь незначительная их часть — с языками адыго-черкесской группы. Анализируя языки и данные топонимики северо-западного Кавказа, приходим к выводу о принадлежности древнего меотского населения именно к кругу адыго-черкесских языков¹⁰. Оценка этнического состава населения по соотношению имен требует большой осторожности. Культурное влияние, предшествующее тесному этническому смешению, безусловно сопровождалось заимствованием «чужих» имен. В процессе эллинизации местного населения широкое распространение получили греческие имена. В дальнейшем в связи с усиливающейся сарматизацией Боспора часть эллинизированного населения могла использовать наряду с греческими и сарматские имена. Между соотношением имен и соотношением этнических элементов нет прямой зависимости, и малая доля «адыгейских» имен отнюдь не свидетельствует о малой доли меотских элементов в населении Танаиса. Здесь необходимо учитывать, что большинство эпиграфических памятников относится к первым векам нашей эры; содержание их касается, естественно, зажиточной части горожан — как правило, сармат по своему происхождению.

С первых веков нашей эры в Танаисе со все большей отчетливостью прослеживаются сарматские черты в обряде и инвентаре погребений, в

⁵ Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 100.

⁶ Там же, стр. 126.

⁷ В. Ф. Гайдукевич, С. И. Капошина, К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья, «Сов. археология», XV, 1951, стр. 163, 181.

⁸ Т. Н. Книпович, Указ. раб., стр. 99.

⁹ Л. Згуста, Личные имена Северного Причерноморья, серия «Зарубежное востоковедение. Сообщения чехословацких ориенталистов», М., 1960, вып. 1.

¹⁰ Л. Лопатинский, Заметки о народе адыге и кабардинцах в частности, «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис, 1891, т. XII; И. А. Джавахишвили, Основные историко-этнографические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, «Вестник древней истории», М.—Л., 1939, № 4.

Таблица 1

Средние значения некоторых размеров черепов из некрополя Танаиса

Признаки	М ♂ N	М ♀ N
1. Продольный диаметр	182,9 (33)	175,0 (16)
8. Поперечный диаметр	141,2 (33)	136,0 (16)
17. Высота базион—брегма	134,5 (22)	128,2 (12)
20. Высота порион—брегма	116,5 (30)	109,8 (14)
5. Длина основания черепа	101,4 (21)	98,2 (12)
9. Наименьшая ширина лба	98,3 (32)	91,3 (16)
10. Наибольшая ширина лба	118,1 (33)	110,7 (14)
11. Ушная ширина	124,2 (31)	115,1 (15)
12. Ширина затылка	112,6 (32)	104,1 (15)
8:1 Черепной указатель	77,62 (33)	76,2 (15)
40. Длина основания лица	94,8 (18)	95,2 (11)
45. Скуловой диаметр	133,4 (29)	123,4 (14)
48. Верхняя высота лица	71,9 (30)	64,2 (14)
43. Верхняя ширина лица	105,9 (30)	100,5 (14)
46. Средняя ширина лица	95,7 (28)	92,4 (13)
40:5. Указатель выступания лица	92,2 (18)	95,8 (9)
60. Длина альвеолярной дуги	50,5 (21)	49,7 (8)
61. Ширина альвеолярной дуги	62,0 (24)	59,6 (9)
62. Длина нёба	42,3 (16)	41,1 (6)
63. Ширина нёба	42,1 (24)	38,8 (10)
55. Высота носа	51,8 (30)	48,4 (14)
54. Ширина носа	24,7 (29)	24,0 (14)
54:55. Носовой указатель	48,3 (29)	49,2 (12)
51. Ширина орбиты от <i>mf</i>	43,1 (29)	40,6 (12)
52. Высота орбиты	34,4 (28)	31,9 (12)
52:51. Орбитный указатель	80,1 (28)	78,9 (12)
32. Угол лба	81,4 (28)	84,3 (9)
72. Общий угол лица	86,5 (26)	84,4 (10)
75(1) Угол носовых костей	28,8 (18)	23,7 (8)
Глубина (в мм) Fossae canina	4,9 (25)	4,78 (10)
Надбровье (по Мартину 1—6)	2,41 (33)	1,07 (13)
Нижний край грушевидного отверстия (% антропических форм)	64%	70%
Передне-носовая ось (по Брока 1—5)	2,6 (21)	1,9 (9)

устройстве могильных ям с заплечиками, подбойных могил, употреблении гробов, колод и т. д.

Все сказанное свидетельствует о том, что основной проблемой этногенеза древнего Танаиса является проблема взаимодействия пришлого и местного населения. В свете этой проблемы и дается характеристика антропологического типа носителей местной культуры, а также предпринята попытка связать антропологические комплексы с этнонимами, приводимыми древними авторами.

Исследованный краниологический материал получен в результате работ Нижне-Донской археологической экспедиции (1955—1968 гг). За время раскопок было вскрыто около 250 грунтовых могил и несколько курганов, которые в большинстве оказались разграбленными. К сожалению, несмотря на большие масштабы раскопок, краниологические сборы незначительны. В результате большой реставрационной работы удалось получить 56 черепов, пригодных для измерений, из них 33 мужских¹¹.

Исходя из средних арифметических, серия характеризуется мезокранностью и европеоидным строением лицевого скелета: средней величины углами горизонтальной профилировки, ортогнатностью, средним выступанием носовых костей (табл. 1). Мезокранность, общая грацильность, средняя высота лица при малой или средней ширине его, прямой

¹¹ Часть материала была опубликована. См. М. М. Герасимова, Антропологическая характеристика черепов из грунтовых погребений Танаиса, МИА, № 127, 1965.

лоб, слабое надбровье — эти признаки дают основание связать серию (по классификации В. В. Бунака) со средиземноморской расой, ее понтийским вариантом. Материал обрабатывался суммарно. Хронологическая разбивка его не представлялась целесообразной, так как значительное количество погребений датировалось не точно. Коэффициент корреляции между продольным и поперечным диаметрами дает отрицательную величину — 0,378, что свидетельствует о смешанности группы и возможности выделения внутри нее компонентов с разной величиной черепного указателя. Этим подтверждается первоначальный вывод о смешении европеоидного длинноголового типа с узким лицом и короткоголового типа с более широким, несколько уплощенным лицом.

Выделенный короткоголовый европеоидный компонент имеет свою этногеографическую реальность вне данного некрополя в лице сарматов¹². О наличии в составе населения значительной сарматской прослойки свидетельствуют многочисленные факты, в частности, определенные особенности в обряде погребения¹³: 1) обе руки погребенного на животе или бедрах (№ 40, 42, 44, 48, 71, 80, 91, 98, 103, 106, 122); 2) кусочки ретальгара в погребениях (№ 85, 100); 3) северная ориентировка погребенных, связанная со II—III вв. н. э. (№ 32, 42, 44, 98, 106); 4) искусственно деформированный череп (№ 32, 39, 42, 44).

В некоторых погребениях встречаются несколько признаков, в других — одна или две особенности, характерные для сарматского обряда. Мы уже писали о том, что археологи констатируют столь сильное смешение обрядовых норм, что не представляется возможным говорить об индивидуальной этнической принадлежности. Встает вопрос: а существует ли здесь какая-либо связь между обрядом погребения и антропологическими особенностями погребенного? Поскольку только для 19 черепов, находящихся в нашем распоряжении, есть сведения об обряде погребения, мы не стали их разграничивать по полу.

Для характеристики антропологического типа сарматов нами были выбраны два морфологически не связанных друг с другом признака — брахикrania и горизонтальная уплощенность верхнего отдела лица. Для характеристики этнической принадлежности учитывалось отсутствие или наличие в обряде погребения перечисленных сарматских черт. Наличие сарматских черт в обряде погребения и брахикранная форма черепа как будто сопутствуют друг другу. Но встречается ли совпадение этих признаков чаще, чем это может быть по случайным причинам? Коэффициент корреляции между этими признаками, вычисленный по фор-

муле для альтернативной изменчивости, $r = \frac{ad - bc}{\sqrt{(a+b)(c+d)(a+c)(b+d)}}$ равен 0,54 (достоверен при 5%-ном уровне значимости). Связь между наличием сарматских черт в обряде захоронения и уплощенностью лица (назомолярный угол) выступает еще более отчетливо, коэффициент равен 0,618 и достоверен при 1%-ном уровне значимости.

Таким образом, краниологический материал обнаруживает ослабленную картину смешения по сравнению с той, которую можно наблюдать на эпиграфическом материале. Видимо, браки между пришлым сарматским и эллинизированным местным населением носили случайный характер. Археологические раскопки Надвиговского городища показали, что варварские элементы гораздо ярче проявляются в западной части городка. Этот факт позволяет сделать вывод, что в Танаисе в III—I вв. до н. э. бок о бок существовали две общины и различие «между эллинами и танаитами» проводилось не по культурному, а кровно-родственному

¹² Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, М., 1948; Т. С. Кондукторова, Материалы по палеоантропологии Украины, «Антропологический сборник», I, ТИЭ, т. 33, М., 1956.

¹³ Д. Б. Шелов, Указ. раб., стр. 19 и сл.

принципу»¹⁴. Взаимное культурное влияние предшествовало процессу метисации.

Как уже говорилось, из общей серии был выделен и отдельно обработывался краниологический материал из курганного могильника, раскопанного С. Братченко в 1961—1963 гг. (табл. 2). В кургане было вскрыто 15 разновременных погребений (от бронзы до римского времени). Наибольший интерес представляет погребение № 8, датируемое эллинистическим временем. В результате реставрации для измерений пригодны 8 мужских и 4 женских черепа. Все они европеоидного облика, характеризуются долихокранностью, большими размерами продольного и малыми поперечного диаметров мозговой коробки, малыми или средними величинами размерами скулового диаметра, относительной узконосостью, невысоким лицом, общей грацильностью. Черепа из курганного некрополя обнаруживают большое сходство с длинноголовым европеоидным типом с узким и невысоким лицом, выделенным на материале из грунтового некрополя. Наличие двух погребений со скорченным труположением (№ 21 и 30) в этой группе наталкивает на мысль о том, что здесь погребены не боспорские греки, а аборигены Нижнего Подонья.

Фрагментарность антропологических данных по могильникам Прикубанья и Северного Кавказа интересующего нас периода, отсутствие достаточно представительной заведомо меотской серии черепов затрудняют анализ материала из Танаиса. Мы располагаем единичными черепами скифо-сарматского времени, происходящими с обширной территории равнинной и горной частей Северного Кавказа. Сводка по этим черепам опубликована Г. Ф. Дебецем и В. В. Бунаком¹⁵. В литературе имеется характеристика так называемой краснодарской серии из раскопок Н. В. Анфимова, в настоящий момент утраченной. Эти черепа «близко сходны» с черепами предшествующего им кобанского периода¹⁶.

В дополнение к уже опубликованному материалу скифо-сарматского периода нами были реставрированы восемь черепов из раскопанного Н. В. Анфимовым в 1937 г. Усть-Лабинского могильника. Г. Ф. Дебецем было отмечено, что для черепов собственно сарматского времени из Усть-Лабинска характерна брахикранная примесь. Однако черепа из этого могильника, датируемые VI—V вв. до н. э. (№ 17, 25, 1937 г.), имеют мезокранную форму. Брахикранность в данном случае не связана с сарматизацией населения. В табл. 3 приводится характеристика меотских черепов из Усть-Лабинска. Серия характеризуется мезокранностью, узколицестью, средней высотой лица, узким и высоким носом.

Не только черепа из Усть-Лабинского могильника, но и вообще черепа скифо-сарматского времени менее однородны, чем черепа кобанской культуры. Сравнение черепов меотов и кобанцев представляется нам естественным, поскольку древнемеотская культура уходит своими корнями в эпоху бронзы¹⁷. В табл. 4 приводятся сравнительные данные по сериям эпохи бронзы (кобанская культура) и скифо-сарматского времени с территории распространения меотских племен.

Оценка разницы между средними по критерию t для большинства признаков не удовлетворяет требуемому ($p=0,05$) уровню значимости, и у нас нет оснований говорить о различии населения эпохи бронзы и скифо-сарматского населения. Большая брахикефализация может быть объяснена как эпохальной изменчивостью, так и примесью короткоголового сарматского компонента. Древний краниологический тип, связанный с ко-

¹⁴ Д. Б. Шелов, Танаис и Нижний Дон, Автореф. дис., М., 1968, стр. 30.

¹⁵ Г. Ф. Дебец, Указ. раб., стр. 171—175; В. В. Бунак, Черепа из склепов горного Кавказа, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XIV, 1953.

¹⁶ В. В. Бунак, Указ. раб., стр. 357.

¹⁷ Н. В. Анфимов, Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья, «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии», М., 1966, стр. 41.

Признаки	Мужские черепа										Женские черепа						
	погребение № 8										M	погребение № 8				погребение № 9	M
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 5	№ 7	№ 12	№ 13	яма II		погребение № 6		№ 4	№ 8	№ 14	яма I		
								№ 13	яма II								
1 Продольный диаметр	192	187	194	183	180	177	194	187	178	185,2	184	175	180	179	176	178,8	
8 Поперечный диаметр	141	142	145	133	133	139	133	135	134	137,2	132	135	135	137	137	135,2	
17 Высотный диаметр	130	140	—	143	134	125	137	135	—	134,8	127	132	130	119	129	127,4	
8:1 Черепной указатель	73,4	75,9	74,7	72,7	73,9	78,5	58,6	71,4	75,3	74,7	77,1	77,1	75,0	76,5	77,8	75,6	
17:1 Высотно-продольный указатель	67,7	74,9	—	74,0	74,5	70,6	70,0	—	—	71,9	69,0	75,4	72,2	66,5	73,3	71,3	
17:8 Высотно-поперечный указатель	92,2	98,6	—	107,5	100,7	89,9	107,0	—	—	96,7	96,2	97,8	96,3	86,9	94,2	94,3	
17:— ¹ / ₂ Смешанный высотный указатель	78,8	80,2	—	90,5	85,6	79,1	83,8	82,3	—	82,3	75,6	85,2	82,5	75,3	82,4	80,2	
5 Длина основания черепа	95	108	—	100	102	101	106	—	—	102,0	99	99	93	94	102	97,4	
20 Высота порион—брегма	126	128	122	128	114	109	124	121	120	121,3	115	112	114	108	108	111,2	
9 Наименьшая ширина лба	103	108	104	103	97	100	100	97	94	100,8	89	93	91	95	96	92,8	
40 Наибольшая ширина лба	122	120	120	120	115	110	121	117	110	117,2	—	111	115	113	112	112,7	
11 Ушиная ширина	135	132	129	108	117	127	114	120	112	121,3	—	110	116	113	117	115,7	
42 Ширина затылка	115	121	124	105	111	110	110	106	111	121,5	—	110	105	103	102	105,0	
45 Скуловой диаметр	—	141	135	131	122	—	124	—	—	130,2	128	124	125	120	122	123,8	
40 Длина основания лица	92	97	—	93	96	—	101	—	—	95,8	89	97	91	95	100	94,4	
48 Верхняя высота лица	71	72	64	62	65	—	65	74	—	67,6	69	69	63	65	59	65,0	
1+8 Горизонтальный черепнолицевой указатель	—	80,8	79,6	82,3	78,0	—	75,9	—	—	79,3	76,2	80,0	79,4	75,9	77,9	77,8	
45:— ¹ / ₂ Вертикальный черепнолицевой указатель	54,62	50,71	—	43,4	48,5	—	47,5	—	—	48,9	54,3	51,1	46,7	47,5	45,7	49,1	
40:5 Указатель выступания лица	96,9	89,8	—	93,0	94,1	—	95,3	—	—	93,8	89,9	98,0	97,8	100,1	100,0	97,2	
48:45 Лицевой указатель	—	51,0	47,7	47,3	53,3	—	48,5	—	—	48,6	53,9	55,6	50,4	64,2	48,4	52,6	
43 Верхняя ширина лица	108	114	116	110	108	112	103	106	102	108,8	104	110	101	102	100	103,4	
46 Средняя ширина лица	98	100	110	95	98	—	96	—	92	98,4	95	90	96	100	84	93,0	
60 Длина альвеолярной дуги	—	54	51	52	—	—	64	50	—	54,2	—	51	49	—	56	52,0	
61 Ширина альвеолярной дуги	65	63	69	65	60	—	50	55	—	60,1	—	62	63	62	60	61,7	
63 Ширина нёба	41	42	43	45	—	—	40	33	—	40,6	—	38	—	—	44	41,0	
62 Длина нёба	—	—	46	39	—	—	—	40	—	41,7	—	39	—	—	37	38,0	
55 Высота носа	50	50	50	49	47	—	49	52	—	49,6	53,0	49,0	46,0	49,0	45,0	48,4	
54 Ширина носа	22,0	26,8	25,9	24,5	25,0	—	24,5	26,2	—	24,0	23,0	22,0	23,5	24,5	24,0	23,4	
54:55 Носовой указатель	44,0	53,6	51,8	50,0	53,2	—	50,0	50,0	—	50,4	54,3	51,1	50,0	50,0	45,7	50,2	

51 Ширина орбиты от <i>mf</i>	40,9	42,7	44,2	45,5	44,0	43,0	—	43,5	42,0	42,8	42,3	39,7	39,0	42,5	37,0	40,1
52 Высота орбиты	—	33,5	31,1	31,9	33,3	34,0	35,0	36,0	—	33,5	30,0	32,1	30,1	35,0	29,0	31,2
Билалярная хорда <i>fmo—fmo</i>	—	105,5	108,9	103,6	100,0	102,5	96,0	100,0	—	102,4	98,5	91,5	—	96,8	92,0	94,7
Высота лба над б/м хордой	—	22,0	17,8	15,5	19,3	17,4	17,1	19,4	—	18,4	19,9	16,5	—	21,5	21,0	19,7
Зиго-максиллярная хорда <i>zm₁—zm₁</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Высота subspinale над з/м хордой	—	97,2	108,0	86,1	97,1	—	—	—	82?	94,1	96,5	87,0	—	94,9	84,0	90,6
DD Дакриальная хорда	—	21,8	23,8	19,5	23,0	—	—	—	24?	22,4	21,6	22,3	—	28,4	25?	24,3
DS Дакриальная высота	—	20?	—	—	23?	—	—	25,5	—	22,8	22?	18,0	—	—	—	20,0
CS Силомическая хорда	—	13?	—	—	—	—	—	19,0	—	16,0	15?	10,4	—	—	—	12,7
CS Силомическая высота	—	14,2	—	—	12,8	—	12,5	13,1	—	12,4	7,0	11,8	—	—	—	9,4
CS Силомическая высота	—	5,5	—	—	—	—	7,0	7,5	—	6,6	3,1	5,8	—	—	—	4,4
Назальный угол	—	135	144	146	137	—	141	137	—	140,0	136	140	—	134	130,5	135,1
Зигомаксиллярный угол	—	132	134	130	129	—	—	—	—	131,2	132	125	—	119	118	123,5
Дакриальный указатель	—	65,0	—	—	—	—	—	74,5	—	69,7	68,2	57,7	—	—	—	62,9
Силомический указатель	—	49,1	—	—	—	—	56,0	57,2	—	54,1	44,3	49,1	—	—	—	46,7
32 Угол лба <i>nas—met</i>	—	79	88	90	85	74	88	84	—	84,0	—	82	—	82	88	84,0
72 Общий угол лица	—	89	85	89	84	—	87	92	—	87,6	95	82	—	85	86	87,0
75(4) Угол носовых костей	—	34	—	—	—	—	30	32	—	32,0	30	17?	—	—	23°	23,3
Надбровье (1—6)	1	3	4	2	3	2	3	2	3	2,55	2	1	1	1	1	1,2
Fossae canina (в мм)	8,0	4,1	—	3,5	3,5	2	4,1	—	2,0	4,2	5,1	2,1	—	4,0	3	3,6
Нижний край грушевидного отверстия	Ant	F. pr.	F. pr.	Ant	Ant	Ant	Ant	Ant	Ant	—	Ant	F. pr.	Ant	Ant	Ant	—
Передне-носовая ось (1—5)	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	3	1	2	1	—	1,75
Наружный затылоч. бугор (0—5)	1	4	1	1	1	2	1	1	2	1,55	1	1	—	0	0	0,5

банской культурой, характеризуется долихо-кранностью, грацильностью, средней высотой лица при малой или средней ширине его, прямым лбом, слабым надбровьем. Подобный комплекс признаков имел широкое распространение и за пределами Северного Кавказа¹⁸. Сходство черепов из Прикубанья очевидно (табл. 5). Общее сходство с черепами кобанской культуры достаточно определенно говорит о принадлежности местного населения Танаиса к меотам. Широкое распространение понтийского антропологического типа за пределами Северного Кавказа, следы адыгейских языков в древней топонимике Крыма и Южной Украины делают не бесспорным утверждение о переселении меотов из Прикубанья. Можно допустить их автохтонность на берегах Меотиды и дельты Дона.

Суммируем:

1. Антропологический материал из Танаиса свидетельствует о существовании в этом городе различных антропологических типов.
2. Короткоголовый европеоидный тип с широким, высоким и несколько уплощенным лицом имеет «этногеографическую реальность» в лице сарматов. Широкое проникновение сарматов в Танаис блестяще подтверждается археологическими данными.
3. Этническая принадлежность длинноголового европеоидного типа также

¹⁸ В. В. Бунак, Указ. сб., стр. 360.

Признаки	Мужские черепа									
	Моздок							Усть-Лабинский могильник		
	Г. Ф. Дебеч			В. В. Бунак				Г. Ф. Дебеч		
				№ 5654						
	случайные находки			VII в. до н. э.— II в. до н. э.			II в. до н. э.— II в. н. э.			
				№ 13	№ 14	№ 15		№ 6	№ 7	№ 10
1. Продольный диаметр	181	182	187	186	180	175	188	181	180	182
8. Поперечный диаметр	141	143	146	146	142	141	137	139	146	147
17. Высотный диаметр	137	140	134	132	139	124	136	—	—	—
5. Длина основания черепа	102	105	100	—	—	—	—	—	—	—
9. Наименьшая ширина лба	97	92	98	—	—	—	—	96	93	99
40. Длина основания лица	102	—	96	—	—	—	—	—	—	—
45. Скуловой диаметр	134	135	138	138	132	130	133	—	—	133
48. Верхняя высота лица	74	69	70	71	69	72	66	—	—	77
55. Высота носа	50	48	49	—	—	—	—	—	—	51
54. Ширина носа	23	25	26	—	—	—	—	—	—	20
51. Ширина орбиты	39*	39*	41*	—	—	—	—	—	—	39*
52. Высота орбиты	31	30	33	—	—	—	—	—	—	35
32. Угол лба nas—met	82	—	81	—	—	—	—	—	—	80
72. Угол лица	88	—	87	—	—	—	—	—	—	88
75(1). Угол носа	38	38	30	33	Малый	—	27	—	—	26
Надбровье (1—6)	3	4	4	2	2	3—4	4—5	4	3	3
Fossae canina (в мм)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нижний край грушевидного отверстия	F. pr	Ant.	F. pr	—	—	—	—	—	—	Ant.
Подносовой шип (1—5)	5	4	2	—	—	—	—	—	—	2
8:1. Черепной указатель	77,9	78,5	78,1	78,5	78,9	80,6	72,9	76,8	81,1	80,7
48:45. Лицевой указатель	55,2	51,1	50,7	51,4	52,3	55,4	49,6	—	—	57,89
52:51. Орбитный указатель	79,5**	76,9**	80,5**	—	—	—	—	—	—	89,74
54:55. Носовой указатель	46,0	54,3	55,1	—	—	—	—	—	—	39,21

* Измерения орбиты от d (51 а).

** Указатели 52:51 (а).

представляется ясной. Как археологические, так и антропологические данные свидетельствуют о том, что это скорее всего меоты или эллинизированные меоты. Автохтонность их по берегам Меотиды и дельты Дона вполне допустима.

4. Мы не можем исключить роль греческого населения в формировании антропологического типа жителей Тананса. Но роль эта была незначи-

времени Северного Кавказа

Мужские черепа									
Усть-Лабинский могильник								Кисло- водск	Елиза- ветин- ский могиль- ник
В. В. Бунак	М. М. Герасимоза						№5984— —5	Г. Ф. Дебц	Г. Ф. Дебц
II в. до н. э.— II в. н. э.	№ 6580						II в. до н. э.— II в. н. э.		
	VI в. до н. э. — III в. н. э.								
№ 2	№ 3	№ 15	№ 17	№ 21	№ 25	№ 43	№ 35		
183	191	188	183	200	179	192	184	182	183
143	139	139	145	—	138	150	143	142	154
135	—	—	—	—	—	—	136	—	—
—	—	—	—	—	—	—	98	—	—
—	96	96	103	91	96	106	95	103	104
—	—	—	—	—	—	—	86	—	—
128?	—	133?	—	—	132?	137	135?	—	—
75?	68	70	—	65	62	72	72	—	—
—	50	51	—	52	47	56	—	—	—
—	24	27,5	—	—	20,5	28	22?	—	—
—	41,5	39,0	—	41,0	45,1	40	41	—	—
—	34,5	32,1	—	33,5	35,1	35	35	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	36	—	—
—	2	2	—	3	4	3	3	2	3
—	4	—	—	1	1	3	3	—	—
—	F. pr.	Ant	—	F. pr.	Ant.	F. pr.	Ant.	—	—
3	2	1	—	1	5	1	3	—	—
78,14	72,77	73,93	79,23	—	77,09	78,12	77,71	78,0	84,1
58,59	—	52,63	—	—	46,97	52,55	53,33	—	—
—	83,13	82,30	—	81,70	77,82	87,5	85,36	—	—
—	48,0	52,94	—	—	42,55	50,0	—	—	—

тельна, так как основателями города были не греки, выходцы из бассейна Эгейского моря, а боспорские греки, сами испытывавшие влияние местной этнической среды. При существующих материалах и методах дифференциации длинноголовых европеоидных типов особенности, привнесенные греками-переселенцами, не могут быть отделены от особенностей антропологического типа местных племен.

Сопоставление мужских черепов скифо-сарматского времени и черепов кобанской культуры с территории распространения меотских племен

Признаки	Кобанская культура*	Скифо-сарматы**	t	t табл. при P=0,05
1. Продольный диаметр	189,1 (13)	184,45 (20)	2,02	2,04
8. Поперечный диаметр	140,4 (14)	143,21 (19)	1,80	1,96
17. Высотный диаметр	134,6 (8)	134,78 (9)	0,08	2,13
45. Скуловой диаметр	125,9 (8)	133,70 (13)	3,93	2,09
48. Высота лица	70,8 (6)	70,13 (15)	0,29	2,08
55. Высота носа	50,3 (6)	50,2 (9)	0,06	2,16
54. Ширина носа	23,7 (6)	23,89 (9)	0,15	2,16
51а. Ширина орбиты	40,5 (7)	41,88 (10)	1,24	2,13
52. Высота орбиты	33,4 (7)	33,30 (10)	0,08	2,13
8:1. Черепной указатель	74,43 (13)	78,05 (19)	3,04	2,04
54:55. Носовой указатель	46,3 (8)	48,51 (8)	0,98	2,15

* В средние входят данные по 5 черепам из Кобани (по Шантру и Дебецу), 5 черепам из Верхней Рутки (по Дебецу), 2 черепам с Мелыча (по Гинзбургу), 2 черепам из Моздока (по Бунаку).

** В средние входят данные по черепам из Моздока, Усть-Лабинского и Елизаветинского могильников (данные Дебеца, Бунака и автора наст. статьи).

Таблица 5

Признаки	Усть-Лабинский могильник	Танаис		Гермонасса (Т. С. Кондуктова)
		суммарно	Курганный могильник	
1. Продольный диаметр	185,7 (11)	182,9 (33)	185,2 (9)	186,5 (6)
8. Поперечный диаметр	142,9 (10)	141,2 (33)	137,2 (9)	139,7 (7)
17. Высотный диаметр	135,5 (2)	134,5 (22)	134,8 (6)	133,0 (1)
5. Длина основания черепа	98,0 (1)	101,4 (21)	102,0 (6)	102,0 (1)
9. Наименьшая ширина лба	97,1 (10)	98,3 (32)	100,8 (9)	96,8 (6)
40. Длина основания лица	—	94,8 (18)	95,8 (5)	—
45. Скуловой диаметр	133,0 (6)	133,4 (29)	130,2 (5)	134,0 (5)
48. Высота лица	70,1 (8)	71,9 (30)	67,6 (7)	68,7 (7)
55. Высота носа	51,1 (6)	51,8 (30)	49,6 (7)	51,0 (7)
54. Ширина носа	23,6 (6)	24,7 (29)	24,7 (8)	24,5 (6)
51. Ширина орбиты от d	41,1 (6)	43,1 (29)	42,8 (8)	42,6 (6)
52. Высота орбиты	34,1 (7)	34,4 (28)	33,5 (7)	32,8 (6)
32. Угол лба <i>nas—met</i>	—	81,4 (28)	84,0 (7)	86,7 (4)
72. Угол лица	—	86,5 (26)	87,6 (6)	87,5 (4)
75(1). Угол носа	—	28,8 (18)	32,0 (3)	35,0 (5)
1:8. Черепной указатель	77,5 (10)	77,62 (33)	74,7 (9)	72,2 (6)

5. Краниологический материал дает ослабленную картину смешения различных этнических элементов по сравнению с той, которую можно наблюдать на археологических и эпиграфических материалах. Резкое нарушение морфофизиологических корреляций говорит скорее о механическом смешении, чем о биологическом. Иначе говоря, браки между пришлым сарматским и местным эллинизированным меотским населением носили случайный характер, и мы имеем дело с самым началом процесса метисации. Взаимное культурное влияние, видимо, предшествовало этому процессу.

Л. Ю. Янkelович

ГЕРДЕР О НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ ПРИБАЛТИКИ

Идеология европейского Просвещения XVIII в. отличалась ярко выраженной демократической направленностью.

Просветители XVIII в. сочувственно относились к неимущим слоям общества, стремились улучшить их положение, сделать просвещение доступным для всех. Вместе с тем большинство из них не верило в силы народных масс, в их самостоятельную роль в истории. Так, например, Лессинг возлагал свои надежды на образованные слои бюргерства¹. Иначе понимал демократизм немецкий мыслитель и писатель Иоганн Готфрид Гердер (1744—1833).

Гердер получил образование в Кенигсберге. С 1764 по 1769 гг. он жил в Риге. В своих критических работах Гердер высказал принципиально новое для своего времени положение о том, что поэзия обусловлена естественной средой, эпохой, национальным характером каждого народа. Отсюда интерес Гердера к фольклору и народной песне. На этом основывалась и его эстетика. Он верил в самобытную силу народа, в его творческие способности, которые, в частности, проявляются в народной песне. Народная песня, связывавшая воедино народную поэзию с народной музыкой, в глазах Гердера намного превосходит любое искусство «образованных людей». Народное искусство, по мнению Гердера, не только выражает мысли и чувства трудового народа, способно поднять искусство в целом на более высокую ступень, сделать его таким же свежим, естественным полным чувства, как народная песня.

Идеологи классицизма считали народное творчество грубым и недостойным внимания. В Лифляндии в адрес народной песни высказывалось лишь осуждение². Курляндский суперинтендент Пауль Эйххорн писал, что латыши на своих свадьбах после трапезы «...поют на своем языке такие скабрзные, развратные и легкомысленные песни, что сам черт не смог бы придумать и спеть их скабрнее и бесстыднее»³. Хронист Кристиан Кельх считал латышские народные песни пережитками древнего варварства⁴. Ганноверский резидент Петра I Фридрих Кристиан Вебер также весьма сожалел о том, что эстонских и латышских крестьян нельзя заставить забыть «неприятный галдеж и крики» (он считал, что это языческие песни)⁵. Гораздо снисходительнее относился к латышским народным песням другой исследователь Г. Ф. Стендер, который видел в них

¹ Г. М. Фридлендер, «Лаокоон» Лессинга. Предисловие к кн.: Г. Э. Лессинг, Лаокоон, или о границах живописи и поэзии, М., 1954, стр. 12.

² J. Gutsclaff, Kurtzer Bericht und Unterricht von den falschheilig genannten Bäche in Liefland Wöhhand, Dorpt, 1644; J. W. Boecler, Der einfaltigen Ehsten abergläubische Gebräuche, Weisen u. Gewohnheiten, Reval, 1684.

³ P. Einhorn, Historia Lettica, Dorpt, 1649; его же, Ueber die religiösen Vorstellungen der alten Völker in Liv und Ehistland, Drei Schriften, Riga, 1857, S. 8.

⁴ Chr. Kelch, Liefländische Historia oder Kurtze Beschreibung der denkwürdigsten Kriegs- u. Friedens — Geschichte Lief- und Lettlands, Reval, 1695, S. 28.

⁵ (F. Chr. Weber). Das veränderte Russland, T. 1, Frankfurt — Leipzig, 1744, S. 70.

начало латышской поэзии; некоторые песни он даже находил приятными⁶. Их немногословность, по его мнению, объясняется отсутствием культуры, что было обусловлено крепостным правом. Тем не менее и Стендер называл латышские народные песни «грубыми, бессмысленными». В целях их вытеснения он сочинял свои песни. Народную песню недооценивал также видный публицист Август Гупель (1737—1819). Не отрицая природной способности некоторых крестьян к песнопению, он называл девичьи песни крикливыми⁷, выражал недовольство тем, что в них осмеиваются немцы⁸.

С середины XVIII в. интерес к фольклору возрастает. Появляются публикации Бодмера и Брейтингера: «Образцы древней швабской поэзии» (1748 г.), песни «Нибелунгов», «Плач Кримгильды» (1757 г.), «Собрание песен миннезингеров» (1758—1759 гг.)⁹.

Отношение к народному творчеству в Германии, а также в Прибалтике изменилось в значительной степени под влиянием литературы и науки Англии и Франции. Мировую известность получил сборник Т. Перси «Памятники старинной английской поэзии...», где автор литературно обработал найденный им рукописный сборник песен середины XVIII в. «Когда десять с лишним лет тому назад „Reliques of ancient Poetry“ попали в мои руки,— писал Гердер в 1779 г.,— некоторые из них так меня обрадовали, что я попробовал их переводить...»¹⁰.

Поэт и литератор Джеймс Макферсон — основоположник так называемого оссианизма, в 1760 г. опубликовал свой сборник старинных песен, которые он якобы записал в горной Шотландии, под заглавием «Отрывки старинных поэм, собранных в горных местностях Шотландии и переведенных с гэльского языка». Затем появились «Фингал» (1761 г.), поэмы, сложенные Оссианом, сыном Фингала, и «Темора» (1763 г.). Эти поэмы Макферсон объединил в сборник под названием «Сочинения Оссиана, сына Фингала» (1765 г.).

«Оссианом» восхищался и Гердер¹¹. Как свидетельствует жена Гердера Каролина, его знакомство с Оссианом развило в нем приверженность и любовь к естественному и трогательному языку народных песен¹². Гердер очень часто писал об Оссиане в своих трудах и письмах; он восхищался песнями первого сборника Макферсона за их правдивость, простоту и величественность, эмоциональность выражения мысли и содержание¹³.

Гердер интересовался всем, что было написано об Оссиане, сам рецензировал в 1769 г. перевод на немецкий язык «этого ценного реликта старины»¹⁴.

Позднее (в 1771 г.) Гердер так объяснял причины своего пристрастия к «песням дикарей, и в особенности к Оссиану»: «Знайте же, что я и сам имел возможность наблюдать живые остатки этих древних, диких песен, ритмов, плясок у живых народов, которых нравы наши не окончательно лишили их языка, песен и обычаев, либо заменив их чем-то весьма уродливым, либо не заменив ничем»¹⁵. Под «живыми народами» Гердер под-

⁶ G. F. Stender, Neue vollständige Lettische Grammatik nebst einem hinlänglichen Lexico, wie auch einigen Gedichten, Braunschweig, 1761, S. 152—154.

⁷ A. W. Hupel, Topographische Nachrichten von Lief- und Ehtland, Bd. II, Riga, 1777, S. 133.

⁸ Там же, стр. 158.

⁹ См. В. П. Неустроев, Немецкая литература эпохи Просвещения, М., 1958, стр. 39.

¹⁰ «Herder's Volkslieder», Leipzig, 1779, S. 27.

¹¹ Авторство Макферсона стало известным только в 1829 г.

¹² M. C. v. Herder, Erinnerungen aus dem Leben Joh. Gottfried v. Herders, Tübingen, 1820, S. 64.

¹³ (J. G. Herder), Kritische Wälder oder Betrachtungen, die Wissenschaft und Kunst des Schönen betreffend, nach Maassgabe neuer Schriften, Wäld. I, Riga, 1767, S. 39.

¹⁴ «Herders Briefe an Joh. Georg Hamann», Berlin, 1889, S. 39.

¹⁵ И. Г. Гердер, Избр. соч., М.—Л., 1959, стр. 32.

разумевал латышских крестьян, чьи песни он слышал в окрестностях Риги.

Из французских писателей на Гердера наибольшее влияние оказал Ж. Ж. Руссо. Как справедливо отметил эстонский ученый Э. Лаугасте, Гердер перенес девиз Руссо «Обратно к природе» на поэзию: настоящая поэзия должна быть народной, естественной, эмоциональной¹⁶.

В 1765 г. появился немецкий перевод «Введения в историю Дании» Поля Малле. Гердер приветствовал публикацию в этом издании отрывков из скандинавской мифологии (Эдда). Он считал Эдду, с одной стороны, памятником мифологии и религии, а с другой — образцом древней поэзии¹⁷. Эта поэма, по его мнению, могла дать толчок к развитию более естественной для немцев поэзии, чем мифология римлян. «Может быть, в наше время начнется новый поэтический период, — писал Гердер, — так как Эдда, Фингал и арабская хрестоматия господина проф. Михаэлиса открывают к этому путь»¹⁸.

Уже в работе «О новейшей немецкой литературе» (1767 г.) Гердер пришел к убеждению, что поэзия рождалась «не у алтарей», а была проявлением естественного, радостного восприятия мира¹⁹. Народные поэты воспевали битвы и победы; в песнях содержались поучительные истории и нравоучения, мифологические сюжеты. Вся мифология, указывает Гердер в «Критических лесах» (1769 г.), является вместилищем поэтических идей²⁰, поэтому изучать ее следует лишь как поэзию, как искусство, как образец национального мышления, как феномен человеческого духа. Молодой Гердер подчеркивал, что мифология существует не только у древних греков, но характерна и для всех народов²¹. Одному народу — мужественным северянам — ближе песни о подвигах, другому — кельтам — о подвигах и любви; в песнях восточных народов нашли отражение их обычаи и мировоззрение, они проникнуты мудростью и духом традиций²². Библия, по Гердеру, тоже только песня, напоенная древней, красочной и возвышенной поэзией. В своих работах, написанных в Риге, Гердер впервые сформулировал идею о близости духовного творчества разных народов на одинаковой ступени развития. Эта мысль определила своеобразное построение изданного им впоследствии сборника народных песен. Современные Гердеру поэты копировали древних греков, заимствовали сюжеты из восточной поэзии. Он советовал им обратиться к творчеству народа своей страны, отражающему его историю, дух, образ жизни и окружающую природу. Древние национальные песни (*alte Nationallieder*)²³, по его мнению, позволили глубже постичь поэтическое мышление предков и обнаружить стихи, которые, подобно обеим латышским дайнам, приведенным в «Литературных письмах» Лессинга²⁴, не уступали бы превосходным балладам британцев, шансонам трубадуров, романсам испанцев и даже торжественным сагам древних скальдов.

В Риге Гердер начинает записывать некоторые народные песни. В своих произведениях он цитирует песни эскимосов, датчан, скандинавские, гренландские и шотландские песни.

Сам термин «народная песня» принадлежит Гердеру. Впервые он его употребил в статье «Извлечения из переписки об Оссиане и о песнях

¹⁶ E. Laugaste, Eesti rahvaluuleteaduse ajalugu, Tallinn, 1963, lk. 317.

¹⁷ Herder. Sämtliche Werke, Berlin, 1877, Bd. I, S. 74.

¹⁸ Там же.

¹⁹ J. G. Herder, Ueber die neuere Deutsche Litteratur. Fragmente, Bd. I, S. 310.

²⁰ (J. G. Herder), Kritische Wälder oder Betrachtungen, die Wissenschaft und Kunst des Schönen betreffend, nach Maassgabe neuer Schriften, Wäld. 4. Riga, 1767, S. 39.

²¹ J. G. Herder, Ueber die neuere Deutsche Litteratur. Fragmente, Bd. I, S. 154.

²² J. G. Herder, Fragmente zu einer «Arhäologie des Morgenlandes», 1769, SW, Bd. VI, S. 61.

²³ Термин «народная песня» Гердер в Риге еще не употребляет.

²⁴ Гердер считал тогда приведенные Лессингом в «Литературных письмах» литовские народные песни латышскими.

древних народов», написанной в 1771 г. и напечатанной в 1773 г. в сборнике «О немецком характере и искусстве» («Von deutscher Art und Kunst»), ставшем манифестом движения «Буря и натиск». «Стихи Оссиана — это песни, песни народа (Lieder des Volks), необразованного народа...» — писал Гердер в начале статьи, а несколькими страницами ниже впервые встречается термин «народная песня» (Volkslied)²⁵. В дальнейшем Гердер постоянно употреблял его в своих трудах и письмах. Впоследствии термин «народная песня» получил распространение в кругу литераторов — знакомых Гердера (Бюргер, Гете), а затем и по всей Германии и за ее пределами.

Некоторые авторы указывали на неопределенность понятия «народная песня» в произведениях Гердера²⁶. Нам представляется, что он распространил этот термин на поэзию, в которой отражен дух народа, его непосредственность, простота, эмоциональность и реальное мышление. Причем, это не только песни предков, но и песни современных Гердеру простых людей. Гердер горячо призывал своих соотечественников собирать народные песни и обращал их внимание именно на «крестьянские», «уличные» песни. Доказывая, что и в Германии существует народная поэзия, он подчеркивает: «Более чем в одной провинции мне известны народные песни, провинциальные песни, **крестьянские песни** (подчеркнуто мной.— Л. Я.), которые не уступают многим из них (шотландским.— Л. Я.) по живости и ритму, наивности и силе языка...»²⁷.

Далее Гердер утверждает, что каждый собиратель у себя в провинции мог бы составить сборник превосходных народных песен. Песни примитивных народов, скальдов, романсы и областные песни могли бы внести большие изменения в немецкую поэзию, если научиться у них чему-нибудь большему, чем только форме, внешним приемам, языку²⁸, говорил Гердер. Живя в Страсбурге, Бюккебурге и Веймаре, он одновременно занимался теоретическими исследованиями и собирал народные песни. К 1773 г. было подготовлено к печати собрание народных песен, так и не увидевшее, однако, света в связи с резкими нападками литературных противников Гердера. Среди них были известный историк Шлецер, литературный критик К. Ф. Николаи и др. В своих письмах Гердер осуждал их стремление принизить фольклор, представить его грубым порождением простонародья, отражением его низменных инстинктов²⁹.

В названной выше неизданной антологии представлена единственная латышская песня, заимствованная Гердером, очевидно, из книги Вебера³⁰.

Я. Мисинь и Т. Зейферт отрицают принадлежность этого стихотворения к числу народных песен³¹. Л. Берзинь указывает, что песня не представляет ценности, записана в искаженном виде. В изданном Гердером в 1778—1779 гг. собрании народных песен она отсутствует. Гердер включил также в свою первую антологию две литовские *дайны*, взятые из «Литературных писем» Лессинга. Лессинг тепло отзывался об этих песнях простых девушек.

В 1778 г. вышел в свет первый том «Народных песен» Гердера в 1779 г. — второй том. В этих изданиях Гердер говорит о народных песнях уже более сдержанно, чем раньше. Тем не менее, он снова подчеркивает, что «...**поэзия**, в особенности песня, вначале была совершенно на-

²⁵ «Herders Werke», Bd. II, Berlin, S. 1, 20.

²⁶ P. Levy, Geschichte des Begriffes Volkslied, «Acta Germanica. Organ für deutsche Philologie», Berlin, 1911, Bd. III, S. 337.

²⁷ «Herders Werke», Bd. II, S. 33.

²⁸ «Herders Werke», Bd. II, S. 33.

²⁹ «Herders Briefe an Joh. Georg Hamann», S. 126; В. П. Неустроев, Указ. раб., стр. 411.

³⁰ (F. Chr. Weber), Указ. раб., стр. 70.

³¹ A. Wegner, Herder und das lettische Volkslied, «Friedrich Mann's Pädagogisches Magazin (Langensalza)», 1928, H. 178, S. 44; T. Zeiferts, Latviesu rakstniecības vesture, I, Riga, 1927, 62. lpp.

родной (volksartig)»³². В антологию вошли латышские, эстонские и литовские песни. В это издание включена также поэзия, близкая по своему духу к народной, например, произведения Шекспира. Именно это позволило некоторым авторам утверждать, будто сам Гердер не мог четко дифференцировать народную песню. Однако в предисловии к собранию народных песен автор указывает, что он просто стремился удовлетворить читателей, ибо он хорошо понимал, как жалко выглядит «полевой цветок, пересаженный на клумбу из белой бумаги, на которой его будет рассматривать, рвать и расчленять приличная публика, не имеющая иного понятия о песне и о чтении... никто не помышляет о простых потребностях и нуждах»³³.

Народные песни латышей, эстонцев и литовцев Гердер начал систематически собирать в 1777—1779 гг. Он обратился к известному публицисту пастору Августу Вильгельму Гупелю³⁴, высказавшему в своих «Топографических известиях» ряд интересных мыслей об эстонских песнях³⁵. Гупель заинтересовался замыслом Гердера. 17 октября 1777 г. он обратился к рижскому бухгалтеру Я. Б. Фишеру: «Теперь огромная просьба, извините меня за смелость. Благодаря широкому кругу знакомств вы имеете возможность ее быстро выполнить. Достаньте мне несколько **народных песен** латышей, какие вы найдете... с дословным переводом, хотя бы одну с мелодией в дисканте и одну или две с обозначением размера слога в первых строках. Только четко записанные»³⁶. В этом письме Гупель высказал предположение, что у «прилежного пробста» Баумана или у Бергмана могли быть собрания латышских песен. В конце письма говорилось: «Если некоторые пасторы считают грехом посылать подобные песни, найдите других, склонных к этому. Чем смешнее песня, тем лучше. Ведь большинство из них глуповаты»³⁷. В тот же день Гупель обратился с такой же просьбой к другу и издателю Гердера Гарткноху.

Фишер, очевидно, сразу написал Бауману, так как уже 31 октября 1777 г. последний выслал ему несколько латышских песен. «Поверьте мне, дорогой друг,— писал Бауман,— что о подобной поэзии я никогда ничего не слышал. Когда я... рассказал своим слугам что-то о полученных песнях, все они пришли в такой восторг, что я с трудом мог его умерить. То, что я прилагаю,— начало, в дальнейшем последует больше. Вы обнаружите здесь много такого, что от латышей едва ли можно было ожидать»³⁸. В ноябре Бауман несколько раз посылал Фишеру народные песни.

Переписка Гупеля с корреспондентами, доставлявшими ему народные песни, велась до марта 1778 г.

Гердер в «Народных песнях» указал, что эстонские и латышские песни он получил от издателя «Топографических известий», т. е. от Гупеля. Из рукописей Гердера следует, что Гупель послал ему не менее 79 латышских песен. Различные почерки, которыми написаны песни, а также разница в диалектах позволяют предположить, что они присланы не только Бауманом. Возможно, что некоторые из них были получены от Бергмана, Несслера и других.

Из большого числа собранных латышских народных песен Гердер выбрал лирическую песню «Весенняя песня» («Frühlingslied»)³⁹ и несколь-

³² J. G. Herder, Volkslieder, Leipzig, 1823, Bd. II, S. 3.

³³ Там же, стр. 40.

³⁴ А. В. Гупель работал с 1757 года домашним учителем в Риге. С 1759 года был пастором, в 1804 году вышел в отставку.

³⁵ A. W. Hupel, Указ. раб., т. II, стр. 133, 157—158.

³⁶ Центральный государственный исторический архив (далее ЦГИА) Латв. ССР, ф. 4038, оп. 2, д. 262, л. 80.

³⁷ Там же.

³⁸ ЦГИА Латв. ССР, ф. 4038, оп. 2, д. 196, л. 41.

³⁹ J. G. Herder, Volkslieder, Bd. II, S. 182—183.

ко фрагментов из других песен («Liebe—Sonne, wie so säumig», «Scheinst du denn nur, liebe Sonne?...», «Was fehlt eines Herren Knechte?...», «Meines Sohnes Tochter wollt ich...», «Auf stieg ich den Hügel, schaute...»). Кроме того, в предисловии к сборнику Гердер привел латышскую посылку «Мак» из работы И. Гердера «Исследования о богослужениях, науках, ремеслах, видах правления и обычаях древних латышей, из их языка». В рукописи сборника, подготовленной к печати, содержалось больше латышских песен, изъятых позднее по каким-то соображениям самим составителем или издателем.

Гердеру удалось прекрасно передать общее настроение и дух песен, хотя иногда вследствие незнания языка он несколько отступал от оригинала.

Гупель послал Гердеру также восемь эстонских песен. Впоследствии они были напечатаны в периодическом издании Эстонского ученого общества⁴⁰. Гупель свидетельствует, что и они были записаны разными людьми. «Тот, кто записал первые четыре эстонские песни,— сообщал он,— писал многие имена существительные с прописной буквы: в печати это можно упразднить, тем более, что не все они написаны так»⁴¹. Доказательством того, что песни получены из разных источников, может служить их запись на нескольких диалектах, в частности на тартусском и таллинском.

Гупель снабдил все песни дословным переводом. Он привел также две мелодии эстонских народных песен, характерных для Пыльтсамаа и Вильянди, показал некоторые общие для них черты. Однако несмотря на то, что Гупель усердно собирал песни для Гердера, сам он относился к ним пренебрежительно.

Из присланных Гупелем восьми эстонских народных песен Гердер поместил в своей антологии пять: несколько свадебных и песню, названную в этом издании «Жалобой крепостных на тиранов» («Klage über die Tugannen der Leibeigenen»). «В сокращенном виде эта песня была бы красивее,— указывал Гердер,— но ее нельзя сокращать.— Подлинный крик души в ситуации не выдуманной, а реально прочувствованной стесненным народом, должен звучать так, как он есть»⁴². Тот факт, что эта песня включена в сборник полностью, свидетельствует о сочувствии составителя выраженному в ней протесту против феодалов.

В предисловии к сборнику приведена еще одна эстонская песня («Jõrgu! Jõrgu! darf ich kommen?» — «Jõrgu! Jõrgu! jooks Ma Tullen...?»), которую Гердер выписал из хроники Кельха⁴³.

Большой интерес представляет также публикация девяти эстонских пословиц, «Их, поговорки,— подчеркивал составитель— заимствованы из самой жизни»⁴⁴.

Литовские песни Гердер получил через посредство И. Г. Гамана от И. Г. Крейцфельда (с 1776 г.— профессора Кенигсбергского университета). Имя Крейцфельда упоминается в письме Гамана Гердеру в июне 1775 года: «Здесь я нашел искусного и остроумного человека... по имени Крейцфельд, который является ревностным читателем Вашего документа...»⁴⁵. В середине июня Гердер писал: «Передайте от меня привет Крейцфельду, чьи четыре прекрасные литовские песни я читал в Прусском собрании: они обязательно должны войти в мои „Народные песни“».

⁴⁰ «Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpt», Dorpt, Bd. 16, 1896, S. 239—267.

⁴¹ Там же, стр. 260.

⁴² J. G. Herder, Volkslieder, Bd. II, S. 165, 424.

⁴³ Chr. Kelch, Указ. раб.; эта песня приведена также в статье: «Beitrag zu unbekannten anakreontischen Gesängen noch roher Völker», «Königsbergische Gelehrten und Politischen Zeitungen», N 37, den 8. Juni 1764, S. 110.

⁴⁴ J. G. Herder, Volkslieder, Bd. II, S. 150.

⁴⁵ L. Arbusow, Herder und die Begründung der Volksliedforschung, In: «Im Geiste Herders», Kitzingen, a/M., 1953, S. 1950.

Ах, если бы у меня их было больше!»⁴⁶, а 25 августа 1775 года писал: «Передайте привет Крейцфельду и искренно поблагодарите его за три народные песни. Так как я еще не отказался от плана собирать народные песни, он меня очень радует каждым вкладом»⁴⁷. Почти через год Гердер снова упомянул Крейцфельда: «Мне жаль, что я забыл Крейцфельда из-за „Документа“: при возможности я это наверстаю»⁴⁸. На это Гаман отвечал 29 июля 1776 года: «Крейцфельд обещал мне еще несколько народных песен...»⁴⁹.

В первый том «Народных песен» вошли семь литовских песен, во второй — одна — «Песня молодого всадника» («Lied des jungen Reiters»), посвященная тяжелой судьбе новобранца.

Для Гердера все народы — «дикие» и «цивилизованные», «великие» и «малые», — равны. Именно этим объясняется тематический подбор песен в сборниках, вне зависимости от их национальной принадлежности. Рядом с фрагментами латышских песен опубликованы отрывки из греческих песен, рядом с латышской весенней песней — английская песенка, эстонская помещена по соседству с немецкой военной песней. Впоследствии И. Мюллер, — издатель собрания сочинений Гердера, расположил народные песни по языкам и назвал сборник «Голоса народов в песнях»⁵⁰.

Значение теоретических работ Гердера о народном творчестве и изданной им антологии народных песен трудно переоценить. Гердера можно считать одним из основоположников новой науки — фольклористики, поскольку он сформулировал важнейшие ее проблемы. Целая плеяда замечательных писателей воспитывалась на произведениях Гердера.

Лессинг под влиянием работ Гердера решил издать сборник древнегерманской народной поэзии⁵¹. В своем письме Лессинг просил Гердера оценить подлинное значение собираемых им песен.

Благодаря Гердеру, как справедливо подчеркнул Пауль Рейман, источником жизненной силы деятелей «Бури и натиска» стал неистощимый родник народного творчества⁵² «...Самым значительным событием, — писал Гете, вспоминая 1770 год в Страсбурге, — которое имело для меня важнейшие последствия, явилось знакомство и последовавшие за ним более тесные отношения с Гердером... И не было дня, который бы не был плодотворным и поучительным для меня. Я узнал поэзию с новой стороны, в совсем ином понимании, чем до сих пор...»⁵³.

Влияние Гердера чувствуется в лирике Гете, которая стала простой, естественной. Пропагандируя творчество Шекспира, Гердер подчеркивал народность его произведений. Этим он содействовал развитию новой драмы, первым образцом которой стал «Гетц фон Берлихинген» Гете.

Гердер оказал также влияние и на творчество Фосса и Бюргера. Старинная песенка легла в основу «Леноры» Бюргера, имевшей большой успех. По словам писателя, она более или менее соответствовала учению Гердера⁵⁴.

Первым последователем Гердера в Латвии оказался Густав Бергман. Он собрал большое количество (490) латышских народных песен⁵⁵, что-бы «они — по его выражению, — окончательно не вымерли или потеря-

⁴⁶ «Herders Briefe an Joh. Georg Hamann», S. 103.

⁴⁷ Там же, стр. 109.

⁴⁸ Там же, стр. 114.

⁴⁹ L. Arbusow, Указ. раб., стр. 165.

⁵⁰ J. G. Herder, Sämtliche Werke. Zur schönen Literatur und Kunst. Achter Teil, Tübingen, 1807.

⁵¹ «Herders Briefe an Jch. Hamann», S. 143.

⁵² П. Рейман, Основные течения в немецкой литературе, 1750—1848, М., 1959, стр. 94; Гете сообщил Гердеру, что он нашел для него 12 народных легенд в Эльзасе в августе — сентябре 1771 года.

⁵³ См.: J. G. Herder, Ein Lesebuch für unsers Zeit, Weimar, 1962, S. 377—379.

⁵⁴ E. Castle, In Goethes Geist, Verträge und Aufsätze, Wien — Leipzig, 1926, S. 63.

⁵⁵ (G. Bergmann), Erste Sammlung Lettischer Sinngedichte, Rujen, 1807; «Zweite Sammlung Lettischer Sinn—oder Stegreifs Gedichte», Rujen, 1808.

лись». «Языковеды найдут (в них) верное отражение природы,— пишет Бергман,— мудрость совершенно отличную от нашей чопорной книжной, которую мы этому народу навязали». Крупнейшим собирателем народных песен был также К. К. Ульман. Затем собирание латышских народных песен перешло в руки латышских исследователей. В итоге было составлено отличное многотомное собрание Кришьяна Барона («Latvju Dainas», 1894—1915), включавшее 218 000 песен, в том числе все когда-либо записанные или напечатанные⁵⁶.

Гердер оказал определенное влияние на развитие эстонской литературы⁵⁷. Последователями Гердера в Эстонии вначале также были немцы. Так, К. И. Шлегель (1755—1842), работавший в Эстонии с 1780 г. домашним учителем, а затем почтовым служащим и много разъезжавший, под влиянием работ Гердера начал интересоваться эстонским народным творчеством⁵⁸. В 1787 г. появилась его первая статья об эстонской народной песне, в которой помещено 13 песен. В 1788 г. вышла в свет еще одна его статья, а в 1819—1834 гг.— чрезвычайно интересные десяти томные путевые заметки (Chr. H. J. Schlegel. Reisen in mehreren russischen Gouvernements). В них Шлегель приводит 150 народных песен (главным образом на немецком языке), много пословиц, загадок и т. п.

Влияние Гердера особенно чувствуется в публикациях журнала «Beiträge zur genauern Kenntniss der estnischen Sprache», который в 1813 г. стал издавать пярнуский пастор И. Розенплентер. Здесь постоянно печатались эстонские народные песни, поговорки и загадки. В VI номере, возражая автору статьи, который отрицательно отзывался об эстонской народной песне, якобы лишенной строгости построения, красоты и благозвучия. Розенплентер цитировал в примечании высказывания Гердера о народной песне⁵⁹.

Ю. Альтман, который издал собрание эстонских поговорок, пословиц и загадок указывает в первой книге этого издания, что интерес к своеобразному духу этого мало известного в Германии народа в нем пробудил Гердер, опубликовавший в свое время несколько сентенций и пословиц эстонцев.

Собирание народных песен стало в Эстонии к концу XIX в. общенародным делом. Эстонские ученые проследили непосредственное влияние Гердера и на исследователей эстонского народного творчества в более поздний период.

Итак, широкий демократизм Гердера, а также историзм, с которыми он подходил к явлениям природы и общества, позволили ему понять плодотворное значение народного поэтического творчества для развития национальных литератур. Именно критикотеоретические работы Гердера, особенно его антология «Народные песни», возбудили интерес к народному творчеству, в частности к народному творчеству так называемых «малых народов», до тех пор презираемому и непризнанному. Тем самым труды Гердера содействовали пробуждению национального сознания этих народов.

⁵⁶ См.: T. Zeiferts, Указ. паб., S. 66 lpp.

⁵⁷ W. Schlüter, Ansprache des Präsidenten Dr. W. Schlüter zur Begrüssung der zur Jahresfeier an 18. Januar 1904 versammelten Mitglieder und Geste (6. m., 6. r.), S. 3.

⁵⁸ «Eesti rahvaluule ülevaade, toim. R. Viidalepp», Tallinn, 1959.

⁵⁹ «Beiträge zu genauer Kenntniss der esthnischen Sprache», H. 6, Dorpt, 1813, S. 15—16.

ОБ ОБЩНОСТИ ИНСТИТУТА ПОБРАТИМСТВА И ТЕРМИНА *ЈАД* У КИДАНЕЙ И МОНГОЛОВ

В изучении истории кочевых народов, когда-то заселявших степи Центральной Азии, — гуннов, тоба, сяньби, жоужуаней, киданей и др., сделано пока еще мало. Этногенетические и культурные связи между ними по существу не изучены. Поэтому выяснение даже частных вопросов, касающихся этого круга проблем, для отдельных кочевых народов региона, например, монголов и киданей, представляет большой интерес.

Нами сделана попытка установить общность обычая побратимства у киданей и монголов, а также термина «*jad*», связанного с этим институтом.

На этапе разложения родовых отношений побратимство у монголов означало союз между двумя лицами. Такой союз заключался обязательно с лицом из чужого рода (человек из своего рода и так должен быть другом), сопровождался совершением определенных обрядов и обязательным обменом подарками. У древних монголов побратимы назывались «анда». В комментарии к тексту «Юань ши» («История [династии] Юань») указывается, что под словом «анда» имеются в виду друзья, обменявшиеся вещами¹. Акад. Б. Я. Владимирцов по этому поводу писал: «Два лица, обычно принадлежащие к разным родам, хотя бы и близким, заключают между собой союз дружбы и непременно обмениваются подарками, после этого они становятся *anda* — „названными братьями“ — таков древний монгольский обычай»².

Согласно «Тайной истории монголов», Джамуха и Тэмуджин впервые обменялись подарками (детскими игрушками) и поклялись быть андами еще тогда, когда Тэмуджину было только одиннадцать лет. Через некоторое время они снова обмениваются стрелами и опять клянутся в верности как анды. Те же Тэмуджин и Джамуха после победы над меркитами вспомнили старую дружбу и решили подтвердить свое побратимство. «Темучжин опоясал Чжамуху золотым поясом, захваченным у Меркитского Тохтоа, и посадил его на Тохтоаеву кобылу, по прозвищу Эсхельхалиун (Выдра). А Чжамуха опоясал анду Темучжина золотым поясом, добытым у Меркитского Даир-Усуна, и посадил Темучжина на Даир-Усунова же коня Эберту-унгун (Рогатый жеребчик)»³.

Побратимство у монголов налагало на побратимов серьезные обязательства. Из «Тайной истории монголов» известно много случаев, когда анда выступает в поход или должен был выступить в поход, чтобы поддержать своего побратима. Б. Я. Владимирцов так характеризовал обязанности анды: «В действительности от двух *anda* не требовалось обязательно жить вместе, *anda* должны были только поддерживать друг друга

¹ Юань ши — «История [династии] Юань», изд. Бо-на, гл. 1, стр. 6а. Пояснения в скобках наши.

² Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934, стр. 60—61.

³ «Тайная история монголов», § 117; см. русский перевод: С. А. Козин, Сокращенное сказание, Юань чао би ши, М.—Л., 1941, стр. 105—106.

и помогать друг другу, точно члены одного и того же *obox'a* — рода»⁴. Необходимо отметить, что анда должен был относиться к сыну своего побратима, как к собственному сыну, и поддерживать его в трудные минуты; сын же анды должен был почитать побратима отца, как своего родного отца, и имел определенные обязательства по отношению к нему. Именно этим определялись отношения между Ван-ханом кэрэйтским и Чингис-ханом, отец которого Есугэй был андой Ван-хана.

Существовавший среди монголов институт побратимства Б. Я. Владимирцов относил к области межродовых отношений⁵.

Подобный институт мы находим и у киданей. Например, в «Ляо ши» («История [династии] Ляо») в биографии Елюй Хэ-лу говорится: «Когда Тай-цзу (храмовый титул основателя государства киданей Абаоцзи) вырос, они (т. е. Тай-цзу и Елюй Хэ-лу) обменялись в знак дружбы шубами и конями»⁶. В 983 г. киданьский император Шэн-цзун обменялся с военачальником Сечжэнем луками и стрелами, седлами и лошадьми. Шэн-цзун и Сечжэнь объявили себя братьями⁷. Необходимо отметить, что Абаоцзи и Елюй Хэ-лу относились к разным родам одного большого родоплеменного коллектива елюев, который Отаги Мацуо считает фратрией⁸.

Это дает основание полагать что побратимство у киданей, как и у монголов, было, по-видимому, формой межродовых отношений. Однако побратимство у киданей распространялось также на область международных отношений. Это подтверждается примером из истории взаимоотношений между киданями и ханьцами (китайцами).

Когда к началу X в. кидани усилились и начали совершать набеги на китайские земли, правители китайских пограничных областей, боровшиеся между собой за власть, не только не давали киданям должного отпора, а, наоборот, старались привлечь их на свою сторону для успешной борьбы со своими политическими соперниками. В частности, в 905 г. «Ли Кэ-юн — правитель танского района Хэдун прислал к Тай-цзу толмача Кан Лин-дэ с предложением заключить союз. Зимой, в десятой луне, Тай-цзу во главе семидесяти тысяч всадников встретился с Ли Кэ-юном в Юньчжоу, где было устроено пиршество. Ли Кэ-юн просил об оказании военной помощи для того, чтобы отомстить Лю Жэнь-гуну за битву при р. Мугуацзян, на что Тай-цзу дал согласие. Они обменялись халатами и лошадьми и условились быть братьями»⁹.

После смерти Ли Кэ-юна его сын Ли Цунь-сюй в 923 г. основал новую династию Поздняя Тан, но через три года был убит во время мятежа. В 926 г. на престол вступил приемный сын Ли Кэ-юна Ли Сы-юань. В том же году он отправил придворного сановника Яо Куня к императору киданей, чтобы сообщить о смерти Ли Цунь-сюя. Как указывается в источнике «Цидань го чжи» («История государства киданей»), услышав о смерти Ли Цунь-сюя, Тай-цзу, прослезившись, сказал: «О, сын моего *чжао-дина*! (о термине «чжао-дин» см. ниже — В. Т. и Н. М.). Я как раз хотел помочь ему, но поскольку государство Бохай не было покорено, я не посмел выступить [на помощь], в результате чего моего сына постигла такая судьба»¹⁰. То же сообщение, но в несколько другой редакции, есть в «Новой истории пяти династий»: «Подняв голову к небу, Абасцзи, громко рыдая, сказал: Цзинь-ван (титул Ли Кэ-юна. — В. Т. и Н. М.) и я условились быть братьями, а поэтому император к югу от реки (Хуанхэ — В. Т. и Н. М.) являлся и моим сыном. Некоторое время

⁴ Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 61.

⁵ Там же.

⁶ Ляо ши — «История [династии] Ляо», изд. Бо-на, гл. 73, стр. 1а.

⁷ Там же, гл. 10, стр. 5а.

⁸ Отаги Мацуо, Кэйтан кодайси но кэнкю — «Изучение древней истории киданей», Киото, 1959, стр. 11 сл.

⁹ Ляо ши, гл. 1, стр. 2а.

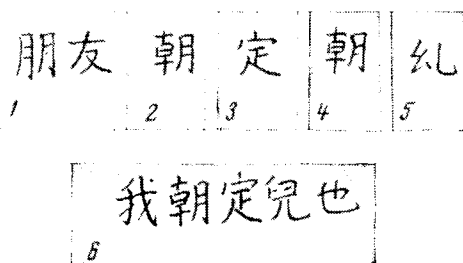
¹⁰ Цидань го чжи — «История государства киданей», гл. 1, стр. 5а.

тому назад я услышал о смуте в Срединном государстве и хотел выступить на помощь моему сыну во главе пятидесяти тысяч всадников, но государство Бохай не было еще уничтожено, а поэтому не смог выполнить своего желания»¹¹.

Эти отрывки дают основание полагать, что у киданей даже политические союзы с китайцами оформлялись как побратимство.

В первом отрывке из «Цидань го чжи» мы встречаемся со словом *чжао-дин*. Нам представляется, что под этим словом подразумевается существовавший у кочевых народов институт *jad*. Так, у древних монголов члены каждого рода называли своих сородичей *urug'*ами, тогда как члены других родов назывались *jad'*ами. «Для каждого члена древнего монгольского рода,— писал Б. Я. Владимирцов,— сородич был *urux ~ urug* «потомок, отпрыск данного рода», следовательно «родственник, родной, сородич»; между тем, как всякое чужеродное либо было *jad* «чужой, иностранец»; все, значит, делилось на *urux'*ов и *jad'*ов»¹². Термин *jad* встречается в «Тайной истории монголов». Согласно этому памятнику предок Чингисхана Бодончар (*Bodončar*), захватив беременную женщину рода *jarči'ut*, женился на ней, и когда она родила сына, назвал последнего *jadaradai*, так как он был от чужого (*jad*) племени¹³. Точно так же Ли Кэ-юн, побратим Тай-цзу, являлся для последнего представителем не своего, а чужого рода, т. е. *jad*. Отсюда можно сделать вывод, что термин *чжао-дин* состоит из двух частей слова *jad* — чужой, иностранец и окончания род. п. *yin*, которое в большинстве монгольских диалектов произносится с носовым *ng* как *ying*.

Из приведенных отрывков видно, что слово «чжао-дин» относится к Ли Кэ-юню, с которым побратался Тай-цзу в 905 г. в Юньчжоу, а под словом «сын» имеется в виду убитый сын Ли Кэ-юня — Ли Цунь-суй, которого Тай-цзу по закону побратимства считает своим сыном.

Разговор между Тай-цзу и Яо Кунем велся на киданьском языке, скорее всего через переводчика. С одной стороны, это подтверждается наличием в тексте киданьского слова, а с другой стороны, в китайских летописях сохранилось ценное для данного случая указание: «Я умею разговаривать по-китайски,— сказал Тай-цзу в беседе с Яо Кунем,— но не говорю об этом соотечественникам, так как боюсь, что они будут подражать китайцам и станут трусливыми и слабыми»¹⁴. Очевидно, что если бы разговор происходил на китайском языке, то Тай-цзу не надо было сообщать Яо Куню о своем умении говорить по-китайски.

Обращает на себя внимание то, что если в тексте «Цидань го чжи» слово «сын» переведено на китайский язык, то слово *чжао-дин* оставле-

¹¹ Синь у дай ши — «Новая история пяти династий», изд. Бо-на, 1931, гл. 72, стр. 66.

¹² Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 59 (в транскрипции автора).

¹³ «Тайная история монголов», § 38, 40; русский перевод см.: С. А. Козин, Указ. раб., стр. 82; см. также Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 52, прим. 4.

¹⁴ Синь у дай ши, гл. 72, стр. 7а.

но без перевода и дано в китайской транскрипции. Очевидно, киданьский термин, обозначавший институт, существовавший у киданей, был мало знаком китайцам, а поэтому был оставлен без перевода из-за отсутствия эквивалента на китайском языке. Об этом, в частности, свидетельствует вставка в тексте, поясняющая, что *чжао-дин* схоже с китайским словом пень-ю (1) — «друг, приятель» (см. таблицу). Надо отметить, что китайское толкование слова основано, по-видимому, только на конкретной обстановке (дружественная атмосфера) и исходит от человека, не знавшего киданьский язык.

Китайский посол Яо Кунь, по-видимому, не говоривший или плохо понимавший киданьский язык, воспринял это словосочетание — самостоятельную лексическую единицу и грамматическое окончание, как единое слово, и транскрибировал его двумя китайскими иероглифами чжао (2) и дин (3), в результате чего конечный согласный *d* знаменательного слова оказался в составе второго транскрипционного знака. Однако следует оговорить, что такая транскрипция была неизбежной, даже если бы Яо Кунь хорошо знал киданьский язык и его грамматику, так как в китайском языке в X в. уже не существовало закрытых слогов типа *jad*, а поэтому транскрипция слова одним иероглифом являлась просто невозможной. Кроме того, нужно иметь в виду, что окончания типа *yin* являются энклитиками, образуя с предшествующим словом единое фонетическое целое. В данном случае сочетание *jad-yin* для Яо Куня звучало как одно слово, и он, не задумываясь над связью между компонентами сочетания, протранскрибировал его двумя иероглифами. Это было совершенно естественно для китайца Яо Куня, родной язык которого, являясь языком аморфным, не знает падежей и падежных окончаний, характерных для флективных и агглютинативных языков. Транскрибирование слога *ja*, входящего в слово *jad*, посредством китайского иероглифа *чжао* (4), также не вызывает удивления, так как в монгольских и тюркских языках того времени, как и в современных, отсутствовало сильное экспираторное ударение, и для представителя другого языкового мира, каковым являлся Яо Кунь, безусловно, было трудно уловить фонетическое различие между *jao* и *ja*, в результате чего он дал транскрипцию *jao-ding*, что, как было указано выше, соответствует *jad-yin*. В связи с этим следует отметить, что иероглиф *чжао* (соврем. пекинский диалект) в то время, возможно, звучал как *jaui*. Этот иероглиф читается именно так в «Тайной истории монголов» и двужычных сино-монгольских памятниках XIV в. Вопрос об этом слоге, встречающемся в составе монгольского топонима у Рашид-ад-дина¹⁵, представляет особый интерес, равно как и его соотношение с киданьским термином *цзю* (5) (кит. транскрипция).

Окончание род. п. *yin*, наряду с другим окончанием того же падежа *in*, всюду встречается в «Тайной истории монголов» — самом раннем (1240 г.) памятнике старо-монгольского языка. Так, в нем мы встречаем выражения: *Qarču-yin kō'ün* — сын Харчу; *Sali-Qača'u-yin kō'ün* — сын Сали Хаचाу; *Tamača-yin kō'ün* — сын Тамачи и т. д.¹⁶

Поэтому фраза «О, сын моего чжао-дина» (6) должна быть переведена: «О, сын моего *jad'a!*», т. е. «О, мой чужеродный сын».

Такой предлагаемый нами перевод полностью оправдывается отношениями, существовавшими между Тай-цзю, Ли Кэ-юном и Ли Цунь-сюем.

Таким образом, у киданей, как и у монголов, существовал обычай по-братимства, а киданьский термин *jad* — «чужеродный» и даже, возможно, окончание род. п. *yin* были общими с монгольскими.

¹⁵ Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, перевод О. И. Смирновой, М.—Л., 1952, стр. 163.

¹⁶ «Тайная история монголов», § 2, 3; русский перевод см.: С. А. Козин, Указ. раб., стр. 203.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Г. П. Снесарев

ПО СЛЕДАМ АНАХИТЫ

С очень давних пор среди населения Хорезма живет одна любопытная легенда. Люди рассказывают, что второй халиф Омар, сподвижник пророка Мухаммеда, во время своего победоносного похода на восток, подчинял своей воле все встречавшиеся на его пути реки, ударяя их своей плетью. Но, подъехав к Амударье, Омар будто бы остановился в нерешительности. Свирепая река Джейхун, т. е. кипящая, как называли ее арабы, так грозно ощерилась на него своим мутно-желтым бурливым потоком, что халиф не осмелился ударить ее плетью, и Амударья так и осталась до наших дней необузданной и своенравной.

Коварный характер Амударьи мне пришлось впервые испытать в те далекие времена, когда в начале 30-х годов наш маленький экспедиционный отряд, следовавший из Чарджоу в Хорезм, доверил себя этой величественной и внешне вполне благоразумной реке. То были годы, когда железной дороги, идущей в южное Приаралье, не было и в помине, когда первые автомашины сутками продирались через пески вдоль берега, а первые самолеты только намечали свои будущие трассы.

Мы плыли тогда вниз по течению, и путь от Чарджоу до Ургенча занял у нас шестеро суток. Транспортные средства наши были весьма колоритны. Мы обосновались на старом пароходе с непонятным именем «Земкараван», абсолютно бездыханном; его тащил на буксире также далеко не юный, но бойкий еще катер «Амударынец». Оба судна были до отказа набиты пассажирами, особенно «Земкараван», внутрь которого пробиться было невозможно; оттуда неслся истошный рев ребятишек. Зацепившись за свои два квадратных метра палубы, наш отряд утонул в разноязычной гуще людей, жаждущих добраться до Хорезма.

Менее громоздкий «Амударынец» тоже был увешан гроздьями людей; они сидели всюду, где только можно было примоститься; даже на кожухе, прикрывавшем колесо, восседала костлявая невозмутимая тетя в обнимку с огромным узлом.

Техническая база нашего путешествия была явно несовершенна, однако ее меньше всего приходилось винить за столь длительное плавание. Здесь свое слово сказала сама Амударья. Дело в том, что регулярно каждый вечер река сажала нас на мель. Как возникали эти совершенно неожиданные мели? На этот вопрос не могли бы ответить даже опытные водители судов. Старые капитаны (обычно из уральских казаков, давно уже освоившие Амударью) утверждали, что у этой реки нет постоянного фарватера. Там, где сегодня весело идут суда, завтра рябит воду от наметенной косы. Разобраться в причудах, которые река творит со своим руслом, невозможно.

На мель мы садились или довольно спокойно и чинно, или, как это было раза два, с шумом и грохотом, со столкновением двух судов, когда ведущий, не успев отцепиться от ведомого, застрявшего на мели, налетал на него, и в воду летели какие-то бревна и доски, крепившие наших инвалидов. Один толчок особенно запомнился. Казалось, ничего не предвещало неприятности. «Амударынец» мирно пофыркивал, таща нашу колымагу. Люди отужинали. Жара спадала. На «Амударынце» капитан грыз огурец, его супруга чистила кастрюлю; над рулевым колесом клевал носом дочерна загоревший матрос. Когда «Земкараван» сел на мель и суда столкнулись, толчок оказался необычайной силы; я был в полной уверенности, что люди, облепившие суда, посыплются в воду как зрелые яблоки с дерева. К счастью, этого не произошло, и даже тетя над колесом «Амударынца» все так же невозмутимо обнимала свой узел.

На мель садились всегда под вечер. Темнело, а матросы и болье-щики долго еще бродили по пояс в воде около пароходов и галдели о случившемся. Часто «Амударынца», более легкого, после происшествия куда-то сносило течением, и «Земкараван» ночевал в одиночестве. Все затихало. Первыми засыпали дети. Луна заливала все голубоватым светом, и вода начинала поблескивать. Кто-то забрасывал удочки, и было слышно в тишине, как тяжело билась о палубу пойманная рыба. Со стороны камышей тучами налетали комары, но мы все же засыпали.

А утром начиналось азартное состязание с рекой. Откуда-то снизу появлялся «Амударынец». Вдоль правого берега он пробирался к нам, героически борясь с течением. Его сносило назад, но он снова и снова кидался в бой. «Подойдет? Не подойдет?», — гадали земкараванцы. Наконец катерок на последнем дыхании вырывался вперед, делал по воде полукруг и вскоре, гордый и довольный, урчал совсем рядом с нами. Рейс продолжался. Так тянулось почти неделю.

Иногда река проносила нас около правого берега, как будто специально для того, чтобы показать, на что она способна. Здесь в воду ручьями стекал кызылкумский песок, большие участки берега покрывались трещинами и, рухнув в Амударью, взметали в воздух туман лесовой пыли. Правый берег река съедала уже в течение многих столетий.

Турткуль, центр Каракалпакии, лежавший на правом берегу Амударьи, тогда был нашей первой остановкой. От пристани до города, старинного Петроалександровска, окруженного крепостной стеной, с тенистыми улицами и зданиями, многие из которых были сооружены еще в прошлом веке, мы добирались довольно долго. Всего через несколько лет после нашего посещения от Турткуля не осталось и следа: река уничтожила его, и новая столица Каракалпакии — Нукус — возникла намного ниже по течению.

Со времени первого плавания по Амударье прошло много лет, но возникшее тогда неприязненное отношение к этой неугомонной реке, неизменно вступающей в конфликт с человеком, осталось надолго. И только много позднее, уже в 50-х годах, во время многолетних странствий по Хорезму наступил момент, когда мне пришлось коренным образом пересмотреть свое отношение к Амударье.

Начало было положено в 1956 г. незначительным на первый взгляд, но любопытным эпизодом в наших этнографических изысканиях. Это случилось, когда берега Амударьи в районе Нукуса еще не были связаны понтонным мостом, как сейчас, а действовала обычная паромная переправа. Уже задолго до подъезда к ней машины и люди готовились к совершению раз и навсегда установленного ритуала. Надо было ускорить ход, обогнать возможно больше машин, следующих к реке, выскочить на ее берег и попытаться нюхом определить, где может находиться переправа. Так как сделать это обычно не удавалось, машина начинала ме-

таться по берегу, километр вверх, километр вниз по течению, пока перед глазами не открывалась огромная живая очередь всякого рода транспорта: покрытых пылью грузовых работяг, тракторов, тягачей, легковых, уборочных машин и, конечно же, безропотных унылых ишаков. Постоянное места переправа не имела. Амударья играла ею чуть не каждый день, там наметая косу, там углубляя дно и подмывая берег. Заняв очередь, следовало терпеливо ждать и время от времени ругаться с теми водителями, которые норовили проскочить вперед, нарушая все правила.

В тот день, о котором пойдет речь, все происходило именно так. Из машины, водрузившейся на паром, из всех щелей между спальными мешками, койками и выючными ящиками на палубу высыпали члены отряда, слегка одуревшие от дальнего пути. Из кабины вышла Г. С., постоянная участница этнографических работ нашего отряда, и устроилась у борта парома. Она тотчас попала в окружение пассажиров парома. Здесь была и бабка с рыжей козой, и нарядная робеющая молодуха, руководимая толстой свекровью, и несколько девчонок в новеньких тюбетейках. Через 10 минут все это общество бурно решало какие-то страшно важные женские проблемы, а карандаш Г. С. уже строчил в дневнике очередную полевую запись.

Когда паром оказался на середине реки, женщины заволновались. «Соль! Давай скорее соль!» — торопила свекровь. Молодуха кинулась к хозяйственной сумке. Она вытащила узелок, видимо приготовленный заранее. Чувствуя на себе взоры пассажиров, и от этого еще более пунцовая, однако стараясь придать своей походке как можно больше грации, молодуха подошла к борту и высыпала соль в бурно несущуюся воду.

Позднее я прочитал в полевом дневнике Г. С.: «Чтобы вымолить себе ребенка, бездетные женщины бросают в воду реки соль».

Итак, это было все, что осталось от древнего обычая жертвоприношения Амударье, рожденного некогда уже не чувством страха перед сокрушительными силами реки, а почитанием ее в качестве источника жизни. Это другое и, пожалуй, основное свойство великой реки я понимал всегда, но как-то не оценивал все его значение. Чтобы наглядно убедиться в том, какую огромную роль играла Амударья в жизни оазиса, зажатого между громадами пустынь Каракум и Кызылкум, надо было изездить этот край вдоль и поперек. Десятки раз во время своих странствий мы пересекали древние высохшие протоки Амударьи, старые и новые магистральные каналы и их отводы; углубляясь в мертвую зону песков, мы находили следы некогда существовавших здесь оросительных систем и полей. И пожалуй, именно в песках, на землях древнего орошения, особенно «весомо и зримо» понималось, что означала вода для жизни человека: гибла, вследствие тех или иных причин, ирригационная сеть, и замирала жизнь, только торчащие из барханов остатки крепостных стен да обширные россыпи керамики напоминали о прошлой кипучей деятельности человека в этих местах.

Все каналы, и в глубине оазиса, и на его окраинах, питались и питаются из одного источника — Амударьи. Не удивительно, что уже в глубокой древности великая река в представлениях человека выступала в величественном образе божества плодородия.

Адависура Анахита... Прекрасная богиня воды и плодородия. Трудно сказать, когда на великих просторах Средней и Передней Азии родился этот поэтический образ. Можно лишь не сомневаться в том, что из всех божеств зороастрийской религии, распространенной в среднеазиатских оазисах вплоть до прихода в эти места ислама, Анахита была особенно популярна в народе. Авеста, сборник священных книг зороастрийцев, рисует ее то в образе прекрасной девушки, то в виде богини-матери, покровительницы плодородия, деторождения. Но во всех случаях Анахита — это прежде всего олицетворение водной стихии. Мало того, в

основе этого образа лежит совершенно конкретный водный поток, который, по словам Авесты, священного писания зороастрийцев, зарождается в горах Хукариа и впадает в море Вурукаша. Анахита — мощная река, «широко разливающаяся, целебноносная... выращивающая семена мужей, подготавливающая материнское лоно жен, делающая легкими роды всех жен» (Авеста). Не случаен и эпитет «тысячерукая Анахита»: руки богини — это бесчисленные каналы, по которым благодетельные воды достигают самых отдаленных уголков края, орошая их. Ей, Анахите, приносили жертвы мифические герои, и она дарила им свое покровительство.

Ученые давно уже отождествляют водный поток, олицетворенный в образе Анахиты, с Амударьей. Не случайно в бассейне Амударьи — в Хорезме, по среднему течению ее на территории древней Бактрии, в долине реки Зеравшан, бывшей некогда ее притоком, археологи находят в таком изобилии изображения Анахиты в виде терракотовых статуэток.

Культ древней богини плодородия угас после того, как в VIII в. н. э. в Средней Азии воцарилась новая религия — ислам, принесенный сюда извне. Но исчез ли он совершенно? Не приобрел ли иные формы, приспособившись к новой религии? Неужели горстка соли, бросаема в воды реки, — это все, что осталось от такого мощного жертвенного культа?

Очень хотелось попытаться ответить на эти вопросы. Но откуда прежде всего следовало начинать такого рода поиск?

Меня неудержимо потянуло на берега реки к людям, которые уже в силу своей профессии имели непосредственный контакт с Амударьей. Я решил отыскать старых речников, совершавших некогда рейсы по Амударье на судах местного кустарного производства. Я знал, что многие из них, люди уже почтенного возраста, жили тогда в кишлаках, расположенных недалеко от реки, преимущественно там, где от нее отходят головные участки каналов.

Это удалось осуществить в том же 1956 г., когда эпизод на паромной переправе пробудил мой интерес к культу реки. К речникам, жившим на берегу Амударьи, я в районе Ханки ехал не вслепую: у меня были рекомендации ханкинских друзей к одному из бывших дарга, шкиперов речных судов, уже давно жившему на покое.

По мере приближения к Амударье ландшафт становился все более унылым; места эти не отличаются живописностью; ровный голый берег с болотистыми низинками, заросшими камышом, всегда служил выгодным для скота. Маленький кишлак, где жил капитан, расположился на бугре довольно далеко от реки. Но она была видна отсюда, только ближний ее берег закрывала полоска тугайного леса.

Домик капитана был битком набит его детьми и внуками всех возрастов. Старика я застал в момент, когда он зычным голосом распределял дневные задания этой ораве домочадцев. Он выкрикивал команды, и все его потомство разбегалось по усадьбе. Можно было ясно представить себе, как дарга в былые годы управлял своими матросами.

Я вручил дарге «верительные грамоты». По его виду трудно было судить, как относится он к моему вторжению. Это был очень подвижный, ни минуты не оставшийся в покое, небольшой жилистый старик с бородкой какого-то испанского фасона. Одет он был в старый военный китель и бриджи, на тибетейке был намотан поясной платок. Убедившись, что двор опустел и работы начались, старик повел меня между грядками на дальний край своего участка, где под деревом была небольшая суфа — глинобитное возвышение. За нами семенила девчушка с небольшим паласом и лепешками, завернутыми в дастархан — скатерть. Когда мы уселись, я понял, почему суфа была так далеко от дома: именно отсюда хорошо была видна Амударья; должно быть, в свое время капитан нелегко расставался с рекой. Вслед за лепешками прибыли чайники, и наша беседа после некоторой разминки завязалась.

Капитан кричал отрывистыми фразами. Я было подумал, что он глуховат, но оказалось, что такова его манера разговаривать. Причем все это звучало сердито: то ли в нем жила давняя обида на невольную отставку, то ли, наоборот, его бывшая профессия оставила не слишком уж сладкие воспоминания. Обрывки фраз сердитого капитана, соединенные вместе, как я убедился при обработке записей, слагались, однако, в обстоятельный и стройный рассказ о прошлом амударьинского судостроения.

Речной флот времен Хивинского ханства, просуществовавшего до 1920 г., был крайне примитивен. Большие плоскодонные суда — кема, типа баркаса, ходившие на веслах и с парусом, предназначенные для грузовых перевозок, сооружали местные кустари весьма несложным инструментом. Команда таких судов, несколько напоминавших старорусские ладьи, обычно состояла из дарга — капитана, ярым-дарга — рулевого, он же помощник капитана, повара и 15 матросов.

Судно не было собственностью ни капитана, ни команды в целом, которая представляла собой артель, нанимавшую кема на срок у хозяев судна. Владелец бывал кто-нибудь из богачей; чаще три-четыре местных воротилы составляли нечто вроде акционерной компании. Артель судоводителей арендовала кема на 12 месяцев за 100—200 тилла (тилла — золотая хивинская монета); договор, скреплявшийся печатью казия (ханского судейского чиновника) подписывал капитан; хозяевам вносили небольшой заклад. В свою очередь команда заключала договор с купцами на перевозку грузов. Закончив рейс и получив с торговцев деньги, судоводители часть их вносили в уплату долга хозяевам кема, другая часть денег распределялась между членами команды.

Перевозили зерно, муку, хлопок, коконы, сухофрукты, мануфактуру. Вниз по реке ходили до Аральского моря, вверх — до Термеза. Путь от Ханки до Термеза, вверх по течению, занимал один месяц. Во время длительных рейсов люди мокли под дождем, сгорали на солнце, их обжигали пронизывающие осенние ветры. Но не это было самым трудным. Неимоверно сложна была каждодневная борьба с Амударьей, с неожиданно возникавшими отмелями, со свирепыми течениями, стремительно несущими баркас к береговым откосам; нередко были кораблекрушения. Но пожалуй, более всего изматывали силы людей те участки пути, когда не помогали ни весла, ни парус и почти вся команда впрягалась в лямки и, двигаясь по берегу, бечевой тащила тяжелогруженное судно против течения. Отсюда и местное название матроса амударьинского судна — солдовчи, т. е. лямочник, бурлак.

Амударьинские бурлаки! Стоило капитану упомянуть о них, как в памяти возникла картина из далекого прошлого. Да, я их видел, этих бурлаков. Было это в 1932 г., во время того первого плавания по Амударье, о котором я вспоминал в начале моего рассказа. Бурлаки несколько раз встретились нам тогда. Но особенно запомнились они на одном из труднейших участков пути. Раздвигая тростник в два человеческих роста, покрывавший низкий берег реки, полураздетые, облепленные грязью и по колено в грязи, они медленно шли цепочкой, согнувшись почти пополам; от них к баркасу, ползущему по воде, тянулась бечева. На баркасе оставался только один человек, поминутно проверявший шестом глубину воды. Сейчас, когда и этот примитивный транспорт, и тяжкий труд стали достоянием истории, с трудом веришь себе самому, что ты видел живых бурлаков.

А капитан продолжал свой рассказ. Каждый новичок, прежде чем стать полноправным матросом, проходил сложную систему обучения. И здесь, как в ремесленных цехах, существовало ученичество, во время которого новичок в течение ряда лет овладевал навыками матроса. Конечно, прежде всего надо было изучить капризный характер Амударьи. И работа на веслах, и обращение с парусом требовали сноровки и уме-

ния. Но и труд бурлака, для которого, казалось бы, нужна была только неимоверная физическая выносливость, был не столь прост. Каждая мелочь имела значение: как укрепить лямку, как держать корпус, руки, как ставить ногу; неверный шаг мог сбить с хода всю цепочку бурлаков и задержать рейс.

Обучением молодых матросов занимался помощник капитана. Когда срок обучения кончался и ученик признавался годным для самостоятельной работы, совершался обряд посвящения: потия (фотиха — арабск.) — благословение новому матросу давал капитан.

Жили матросы в кишлаках, разбросанных по берегам. Профессия их передавалась по наследству. Некоторые члены семейств занимались сельским хозяйством, но не оно было главным. Браки по традиции заключались внутри этой своеобразной корпорации. В наши дни, по словам сердитого капитана, когда старинное судоходство почти исчезло, люди в основном оторвались от реки и работают в полеводстве. Но и сейчас довольно значительный процент молодежи из этих семей занят на речном флоте — на пароходах, катерах и баржах. Любопытно, что до наших дней, по словам капитана, жива старая традиция: молодые речники, овладев специальностью, получают потия (благословение), от старых опытных дарга, живущих на покое или еще работающих сторожами на амударьинских пристанях. Оно давно утратило свой религиозный смысл и стало просто напутствием молодому человеку, начинающему самостоятельную жизнь.

Немало интересного записал я у капитана. А как же Анахита, — спросит читатель, неужели надежды не оправдались, и никаких следов почитания божества водной стихии, никаких обрядов, связанных с ней, не обнаружилось во время беседы? К сожалению, это так. Все, видимо, зависело от индивидуальности собеседника, а этнографы не всегда в должной степени ее учитывают. Им кажется, что все люди одного возраста и одной примерно среды должны быть в равной степени осведомлены в тех вопросах, которые их, этнографов, интересуют. Это далеко не так. Примером может служить мой сердитый капитан. Отличный дарга, хороший организатор, он, несомненно, был всегда человеком практического склада, весьма реалистически смотрящим на окружающий мир. Область религиозных верований ему могла быть чужда и в молодые годы. Конечно, и он проходил через обряды, связанные с профессией, и многое слышал от стариков. Но для него, человека дела, все это было где-то на заднем плане, а со временем стиралось из памяти.

И я не был назойлив. Опыт подсказывал, что, если собеседник не ухватится сразу за интересную для вас тему, если по крупинкам придется вытягивать нужные сведения, они никогда не будут ни полны, ни точны. Я был уверен, что рано или поздно встречу среди речников того, кто мне нужен. Тем более, что у меня был в запасе еще один старый капитан. К нему через несколько дней и отвез меня его приятель — ханкийский мулла Садулла.

Ходжи-бобо, так все называли этого капитана, жил в глубине района, далеко от реки. Это был человек совсем иного склада, нежели первый дарга.

Мы сидели в большой полупустой комнате для приема гостей, михмонхоне, на чудесном текинском ковре. Высокий потолок тонул во мраке; только из окна проникал в комнату сноп солнечных лучей, высвечивая пестрые узоры на ковре; в снопе играли пылинки. Я невольно любовался нашим хозяином. Ему было уже около восьмидесяти лет, но он был прям как стрела. Высокий, худощавый, в голубом халате Ходжи-бобо сидел, поджав ноги, на ковре и был очень похож на персонаж восточной миниатюры. На темном от времени лице, строгом и спокойном, выделялась своей белизной густая борода, шелковистыми прядями спавшая на грудь. Движения его были скупы и изящны. Мне даже почув-

дилось, что старик немного позирует. Во всяком случае он знал, что производит впечатление.

Было тихо. Большой дом казался необитаемым. Но по легким шорохам, доносившимся иногда из-за открытой двери во внутренние покои, можно было догадаться, что кто-то внимательно следит за главой семьи, понимая без слов его желания. И время от времени бесшумно появлялся подросток то с разожженным чилимом, то добавлял что-нибудь на дастархан или менял чайники, и так же бесшумно исчезал. Здесь царили дедовские патриархальные традиции, строго соблюдался старинный этикет гостеприимства.

Со слов муллы Садуллы я знал, что старый капитан в давние годы совершил хаджж, — паломничество в Мекку, посетил священные для мусульманина места Аравии; отсюда и его звание ходжи. Но я считал неудобным расспрашивать его об этом путешествии, а сам он не проявлял в этом отношении инициативы. Зато об Амударье он говорил много и интересно. В начале были, конечно, неизбежные повторения того, что я уже слышал от сердитого капитана. Но и они были полезны. Ходжа-бобо рядом деталей дополнил эти сведения.

Наконец наша беседа приняла то самое направление, которого я так ждал. От реального перешли к ирреальному, Амударья постепенно теряла свой утилитарный характер, превращалась в некий живой организм, наделенный сверхъестественными силами. Такой видели ее когда-то люди, целиком зависевшие от нее.

Самое интересное, что удалось узнать, связано с арангьярами.

Арангьяры — особые враждебные человеку духи, живущие якобы в глубине вод Амударьи и управляющие ее течениями. По злой прихоти арангьяров река образует отмели, подмывает берега, разбивает в щелы суда, затопляет поля и кишлаки. Арангьяры бесплотны, невидимы и никогда не выступают в одиночку. Впервые об этих духах я услышал от муллы Садуллы, старого моего приятеля, который, стараясь объяснить, что это такое, весьма опрометчиво для своего звания (и не подозревая, как он прав) сравнил их с ангелами — парашата, но потом, пораздумав и устыдившись столь вольнодумного сравнения, приумолк и даже попросил вычеркнуть эти слова из полевого дневника. А капитан рассказывал об арангьярах так, будто ежедневно имел с ними дело. Это не удивительно. Уж кто-кто, а старый дарга за 45 лет, проведенных на реке, знал, какие опасности таит течение Амударьи. Но оказалось, что арангьяры не столь уже всеильны, если им противостоит человеческая отвага.

И Ходжи-бобо поведал мне старую легенду, родившуюся на берегах канала Газават в окрестностях Ханки. Сейчас Газават заглох рядом с такими усовершенствованными каналами, как Шават и Палван, но в прошлом он играл заметную роль в водном хозяйстве левобережья. Однажды, гласит легенда, Амударья неожиданно бросила в канал такую массу воды, что она вышла из берегов и стала затоплять посеы и кишлаки. Это вырвались на свободу злобные арангьяры, объявившие войну человеку. Народ в ужасе метался по берегу, бессильный что-либо сделать. И тогда с горы к каналу спустился ишан, духовный наставник, известный своей праведной жизнью. Он шел с мечом в руках, чтобы сразиться с арангьярами. Войдя в воды канала, он медленно погружался в мутный бурлящий поток, а потом исчез. Люди молча ждали. И вода успокоилась, течение замедлилось, водовороты затихли. А затем на поверхности воды растеклось огромное кровавое пятно и всплыло израненное тело ишана. С тех пор якобы и назвали канал Гази-абад, так как гази — это герой, погибший в битве с врагом.

То, что Ходжи-бобо рассказал об арангьярах, позднее дополненное другими нашими собеседниками, для этнографа представляет большой научный интерес. Вера в лишенных каких-либо индивидуальных черт

подводных духов, враждебных человеку, восходит к самым древним пластам в истории религиозных верований. Эта вера возникла в те отдаленные времена, когда человек, еще бессильный в борьбе с природой, населял окружающий мир сверхъестественными существами, духами, от которых на каждом шагу мог ожидать всяческих неприятностей.

Но столетия сменялись столетиями, и человек, вступающий в более тесный контакт со своенравной рекой, научился разгадывать ее характер, противостоять ее прихотям. Он овладел ее богатствами; рыболовство, например, в Южном Приаралье, как свидетельствуют археологи, существовало уже в IV тысячелетии до нашей эры. Самое примитивное земледелие здесь началось на каирных землях, непосредственно в поймах естественных протоков. А потом человек научился выводить воды реки на свои поля при помощи искусственных каналов и создал в низовьях Амударьи широко разветвленную ирригационную систему. Он строил плотины на каналах и дамбами укреплял берега протоков. И только тогда, когда человек вышел из слепой зависимости от Амударьи и река стала щедро одаривать его, прежде всего питать водами его поля, в религиозных представлениях мог сложиться образ Анахиты, прекрасной богини плодородия, олицетворения великой реки.

Однако вернемся в прохладные покои Ходжи-бобо на текинский ковер и послушаем еще старого капитана. А он расскажет немало примечательного. Вся жизнь водителей судов была связана с рекой и зависела от нее. Поэтому в начале всякого дела — при спуске на воду вновь сооруженного кема или в начале длительного рейса — необходимо было отдать себя и свой баркас под покровительство божества реки. Команда судна, а также его хозяева и купцы, отправители грузов, совершали весьма интересную церемонию. На баркас вводили барана или козла и над бортом совершали жертвоприношение, спуская кровь заколотого животного в воду Амударьи. Реке посвящалась и последующая ритуальная трапеза, когда мясо заколотого животного варили и съедали участники обряда.

Любопытен и другой момент церемонии спуска на воду нового баркаса. Когда он касался воды, в реку сталкивали дарга, капитана судна; чаще он откупался деньгами. Трудно установить корни этого обычая, но есть основания полагать, что здесь мы имеем дело с каким-то отдаленным пережитком человеческих жертвоприношений священной реке.

Эти обряды, совершавшиеся в прошлом речниками, не имеют никакого отношения к мусульманству, истоки их лежат в доисламских верованиях. И невольно вспоминается древний гимн, посвященный Анахите, в котором наряду с другими персонажами, благодетельствованными богиней-рекой, упоминается некий лодочник Парва; ему Анахита в благодарность за принесенные ей жертвы оказала свое покровительство.

Судоводители совершали жертвоприношения Амударье и во время рейса, когда неожиданно поднималось опасное волнение. В этих случаях в воду бросали соль, все ту же жертвенную соль, с которой на паромной переправе началось мое знакомство с рекой — богиней плодородия. Но почему именно соль? Быть может, потому, что она растворяется и может быстро насытить воды реки? А быть может, потому, что с глубокой древности соль в этих пустынных местах считалась одним из драгоценных продуктов? Мне вспомнились Каракумы и караваны верблюдов, растянувшиеся между барханами. «Что везете?» — спрашивали мы. «Соль!» — неизменно отвечали караванщики.

Я все внимательнее вслушивался в рассказ Ходжи-бобо.

Амударьинские баркасы, пожалуй, были примитивнее аналогичных им судов других народов. Было на кема место, которому придавался особый сакральный смысл и которое в связи с этим было тщательно отделано и украшено. Это место — нос судна, по местному боша. Боша изображало человеческую голову. Ходжи-бобо, а позднее другие речни-

ки подробно описывали это изображение. «Когда кема поворачивалась, казалось, что кто-то поворачивает голову», — говорили они. Соответствующим образом обтесанная носовая часть судна украшалась двумя или несколькими длинными косами, сплетенными из конского волоса, в центре было одно или два зеркала (глаза?), с боков на полосах черной материи были нашиты монеты, раковины и амулеты. Не могло быть никакого сомнения в том, что боша имитировало изображение женской или девичьей головы с соответствующей прической и украшениями. Чье же изображение красовалось на носу баркаса? И тут я натолкнулся на одну исторически сложившуюся нелепость, характеризующую, видимо, довольно позднюю деградацию религиозных верований.

Ходжи-бобо и другие речники говорили, что боша изображала голову хазрати Нуха, святого покровителя судоводителей. Мусульманский Нух — это Ной, тот самый библейский Ной, который на своем ковчеге носился по волнам всемирного потопа. Этот эпизод заимствован Кораном из Библии. Казалось бы, все вполне логично: Нух, капитан ковчега и его строитель, сделался покровителем речников; его голову изображали на носу судна. Однако эта логика оказывается совершенно несостоятельной. Предположение, что в мусульманское время (образ Нуха появился в Средней Азии только вместе с исламом) мог сложиться обычай делать изображения человеческой головы (строго запрещенное исламом) — явная нелепица. И наконец, последнее: если это изображение Нуха, то почему же с женской прической и украшениями?

Однако оставим в покое Ноя. Не вызывает никакого сомнения, что в древности нос амударьинского судна украшался изображением божества реки, Ардвисуры Анахиты. Во все времена у разных народов было принято украшать суда изображениями водных божеств и духов.

Итак, древняя богиня плодородия не была окончательно забыта. Пусть мусульманская религия, пришедшая на смену зороастризму, лишила ее имени, но и безымянная, она продолжала жить в народных верованиях и обрядах. Это прежде всего относится к сфере специфических женских обрядов. Напомним, что одной из главнейших функций Анахиты было покровительство деторождению и облегчению родов. Именно в этой связи Амударья на долгие столетия сделалась столь притягательной для тех женщин, которые магическими и жертвенными обрядами стремились преодолеть бесплодие.

Дальнейший рассказ Ходжи-бобо, а также сведения, добытые нами несколько позднее уже непосредственно от женщин, блестяще это подтверждают.

Как бы далеко от реки ни проживали женщины, не имеющие детей, они стремились попасть на берега Амударьи и обычно этого добивались. Здесь они совершали особый ритуал: на рыбацких лодках дважды пересекали течение реки и бросали в ее воду жертвенные лепешки и соль. Причем считалось, что, чем меньше лодка и чем сильнее качает на волнах, тем вероятнее женщина забеременеет.

Особенно стремились женщины совершить такое магическое турне на юге оазиса в районе Питняка. Я как-то побывал в этом месте. Здесь на реке, ближе к левому берегу, овальным пятном темнеет островок Аранджа-бобо, весь заросший деревьями. Даже издали между ветвями можно различить шесты с полотнищами над могилой святого. По пути лодки обычно причаливали к острову, и женщины совершали паломничество к могиле. Самое примечательное — это поверье, что на острове пребывают детские души, невидимые людям. Заполучить такую душу и забеременеть было желанием каждой паломницы.

Позднее от знакомых женщин мы узнали, что имелось множество способов «уловить» душу, освободившуюся от телесной оболочки, и с рождением ребенка начать ее новый жизненный цикл. Так, в Ханки нам поведали, что можно поймать, как порхающую бабочку, душу умершего

человека. «Когда умирал очень старый человек, имеющий многочисленное потомство,— рассказывали нам,— бездетные женщины устраивали настоящую охоту на его душу. По мусульманским законам женщины не сопровождают траурную процессию на кладбище. Но когда она двигалась по улицам селения, в переулках и тупиках ее караулили бездетные женщины. Со всех сторон они кидались на дорогу, стараясь пересечь путь траурной процессии, и бросали на носилки с телом умершего отрезки материи и деньги. Каждая из них надеялась, что именно она за этот выкуп приобретет душу умершего, которая, по существующим поверьям, следует здесь же за телом покойника». Интересно, что не каждую душу стремились уловить, а только душу человека, прожившего много лет, здорового и многодетного, чтобы и ребенку передались эти завидные качества.

Но не будем слишком удаляться от Амударьи. Ходжи-бобо еще не закончил свой рассказ. Не только сама река, но и все, что соприкасалось с ее водами, наделялось бездетными женщинами особой силой плодородия; это прежде всего относится к амударьинским судам.

«Когда мы возвращались из рейса,— рассказывал Ходжи-бобо,— прослышавшие об этом бездетные женщины сбегались из окрестных кишлаков к месту нашего причала. Уже издали мы видели их на берегу под ветлами. Стоило нам покинуть судно, как они кидались к воде и взбирались на баркас. Они опускали ладони в воду, скопившуюся на дне, заполняли ею бутылки; они подлезали под скамьи гребцов и трижды обходили вокруг мачты. Но особенно их привлекал нос судна — боша с его украшениями. Это место у нас, речников, считалось запретным. Здесь находились только дарга; рядовые матросы во время рейса сюда не допускались, дабы не оскорбить почитаемую часть баркаса. Конечно, мы старались не допустить к носу судна женщин, один матрос всегда оставался сторожить баркас. Но кому-нибудь из них все же удавалось проскользнуть к боша, прикоснуться ладонями к изображению головы и даже срезать прядку волосяных кос; эти волосы они после жгли и дымом окуривали себя».

Любопытна роль капитана судна во всем этом обрядовом комплексе. Бездетные женщины всегда стремились получить у него потия. Возможно, в глубокой древности дарга нес какие-то жреческие функции в культе великой богини-реки. В курьезной форме эта традиция дожила до наших дней. Мне самому приходилось видеть, как женщины на переправах за мизерную мзду получали благословения от паромных билетеров. Курьезов немало в пережиточных верованиях. Так, святой Дауд (библейский царь Давид), патрон кузнецов и медников, по совместительству сделался покровителем шоферов, когда эта профессия появилась в Хорезме, а архангел Джабраил (Гавриил) по совершенно уже непонятным мотивам стал патроном фотографов — «моментальщиков».

Мусульманская религия, проникая в Среднюю Азию в VIII в., прежде всего постаралась заменить старые божества своими святыми, посредниками между людьми и всевышним Аллахом. Не избежала этой участи и Ардвисура Анахита. Чтобы вытеснить культ столь популярной богини плодородия, пришлось создать ей мусульманский эквивалент.

Так появился на свет образ хорезмской святой Амбар-она, ставшей патронессой женщин, покровительницей деторождения, облегчающей роды, опекающей детей. По всем низовьям Амударьи от Кунграда до Питняка и даже выше по течению реки разнеслась слава этой святой — судя по легендам, ничем не примечательной, кроме ее материнской привязанности к сыну — святому Султану Хубби, который после конфликта с отцом бежал из дома и скрылся в водах Амударьи.

Легендарные мать и сын поделили между собой основные функции древней Анахиты: Амбар-она взяла под свою опеку женщин и детей, Султан Хубби стал заступником на водах Амударьи; это к нему зывали

о помощи судоводители, терпящие бедствие, обещая отблагодарить святого жертвоприношением.

Но и сама Амбар-она, эта преобразованная на мусульманский лад Анахита, не потеряла связи с рекой. Ее имя призывают женщины, совершая ритуальное путешествие по Амударье. Именно с нею некоторые мои собеседники связывали изображение головы на боша амударьинских судов. Посвященные ей святилища располагаются по течению реки на обоих берегах. Одно из них находится в горах Каратау. В урочище Шейх Джелиль надо найти у подножия гор священный родник Джидали-булак и за ним отыскать узкую тропинку, почти отвесно поднимающуюся в скалы; здесь на довольно большой высоте вы увидите нагромождение камней с воткнутым среди них шестом с полотнищем; шест весь увязан ленточками — обетными дарами паломниц. В этом месте, согласно легенде, Амбар-она в своих скитаниях вдоль реки доила дикую козу. Такой тип святилища, видимо, наиболее древний.

Итак, я не прогадал от того, что явился на берега Амударьи; среда и собеседники были выбраны правильно. Слушая Ходжи-бобо, я ловил каждую деталь его рассказа, и уже в ходе нашей беседы складывалось довольно четкое представление об Амударье священной.

Но в цепи моих поисков оставалось еще одно неясное звено. В Хорезме никогда не было богарного, неполивного земледелия; оно целиком зависело от Амударьи. Поэтому хотелось узнать, в каких отношениях богиня-река находилась с земледельцами, которых она щедро снабжала своими водами? Пользовалась ли она почетом и в этой среде?

Выяснить это было не так-то просто. Заранее можно было сказать, что в современном Хорезме, где по полям проплывают тракторы и хлопкоуборочные комбайны, где сложная техника регулирует водоснабжение посевов, а сам человек, вооруженный научными знаниями, управляет урожайностью земли, чувство зависимости от реки и, следовательно, былая вера в ее сверхъестественные свойства давно исчезли. Но быть может, какие-то следы культа остались хотя бы в воспоминаниях старых людей? Надо было сделать новую попытку в этом направлении.

И начался заключительный этап моего знакомства со священной Амударьей, причем далеко от нее, в самом центре земледельческого оазиса, в группе кишлаков северо-восточнее Хивы. Когда-то это были самые пшеничные поля.

Однажды я в полной темноте пересекал по тропкам хлопковые поля, перескакивая через маленькие арыки. Селение было недалеко, и скоро я плутал уже между могучими серыми стенами усадеб. А потом из темноты сразу вынырнул на ярко освещенную лампами и факелами площадку перед воротами дома, где происходило торжество — свадьба. Здесь шумел народ, играла музыка, было весело и красочно. На паласах и коврах полукольцом расположилось около 150 человек. У стены дома сидели музыканты. Началось уже томошо, зрелищная часть празднества.

Меня втиснули между стариками. Все пили чай и слушали музыкантов. Это были уже не первой молодости женщины-артистки из Хивы. Одна играла на дутаре, другая на бубне. Третья пела и, время от времени выходя в круг, танцевала.

Моим соседом справа оказался очень древний дед. Он сидел согнувшись, смотря мутными глазами на крышку чайника. Но иногда дед вдруг оживал и, видимо, механически следуя привычке завязтых поклонников музыки и пения, ударял себя в грудь и тоненьким голоском восторженно кричал «дуст!». В эти минуты дед, наверное, опять чувствовал себя лихим джигитом и гулякой.

Мог ли я предполагать, что сама судьба усадила меня рядом с Юсуф-бобо, с которым я еще встречусь и которому буду обязан последними страницами моего знакомства со священной Амударьей.

Два дня спустя, совершая в жаркий полдень пеший переход из одного селения в другое, я остановился отдохнуть на берегу канала Палан-яб. Здесь росли старые деревья, тень их спасала от солнца. Воды в канале было мало, и она подавалась вверх насосом; урчал дизель, и около него возился молодой колхозный механик. Я сидел в тени и выверял свои записи в полевом дневнике.

Сверху к воде медленно спустился старик с палкой, и я узнал Юсуф-бобо, моего соседа на свадьбе. Дед походил вокруг дизеля и насоса, постучал посохом по трубам. Наверное, уже много лет ходит он сюда и все удивляется новшествам. Я окликнул старика и напомнил о нашем знакомстве. Юсуф-бобо уселся рядом и снял свою овчинную шапку. Он оказался весьма разговорчивым. Мы поахали по поводу чудес современной техники. Казалось, совсем недавно весь Хорезм скрипел колесами бесчисленных чигирей. Чигирь, водоподъемное сооружение для перекачки воды из большого арыка в малые, разносящие ее по полям,— это система из трех деревянных колес, приводимых в движение силой верблюда, уныло бредущего по кругу. Сейчас с чигирем можно встретиться только в музее. А в 1926 г. в одном лишь Хивинском уезде работало 1248 чигирей.

Нет, Юсуф-бобо против чигирей; насос и дизель ему больше по душе. Но стоит ли с презрением вспоминать неуклюжего скрипучего друга хорезмских крестьян, без которого в те времена было трудно обходиться?

Вся вода, которая поступала на поля и в селения, окружалась ореолом святости; загрязнять воду канала считалось грехом. Если она была чем-либо осквернена, особенно если в ней оказывалась падаль, происходила сложная церемония ритуального ее очищения. Почитание воды доходило до того, что невероятным казалось предположение о том, что вода может быть причиной болезней. Когда весной первая вода начала течь по полям и кишлакам, бездетные женщины перепрыгивали через арык, чтобы, как и на Амударье, приобщиться к плодотворной силе воды.

Разговор со старым Юсуфом шел на убыль, когда я спросил его о тех бедствиях, которые приносило в старину маловодье. Да, Юсуф-бобо хорошо помнил страшные годы, когда в самую пору полива по дну каналов лениво ползла вязкая илистая вода, поднять которую чигирем нельзя было, а все кругом изнывало от жажды. Людей и животных спасали колодцы, а поля медленно гибли. Что можно было сделать?! Юсуф-бобо молча развел руками. А потом он вспомнил об одном старинном обряде, и рассказ старика снова перенес меня на берега Амударьи.

Весной, когда уровень воды в Амударье заранее предвещал опасность маловодья, в головах магистральных каналов происходили события весьма примечательные. В эти дни кончалось казу, ежегодная очистка каналов, на которой трудились люди из общин, расположенных по их течению. Участники работ постепенно стягивались в верховья, к реке. Здесь в голове каждого канала народ собирался со всего Хорезма. Кишлаки в эти дни пустели. На арбах, конях, ишаках, часто захватив всю семью, люди тянулись к реке. Везли продукты, посуду, гнали баранов. Чинно ехали убежденные седины старики. Шумными компаниями с музыкантами, певцами и плясунами проносились молодые джигиты. Торговцы везли свои товары. Среди расступавшейся толпы важно проезжали в фаэтонах сановники, окруженные свитой. Особенно много было мулл и ишанов.

В голове канала вырастал огромный временный лагерь. Дымили костры, ревели ишаки, между арбами бегали ребятишки. Около котлов хлопотали женщины, переговариваясь возбужденными голосами. В тени деревьев старики пили чай.

Наконец, наступал момент, когда все население лагеря облепляло берега канала. Здесь у самого его выхода из реки еще оставалась не-

широкая перемычка, сдерживающая напор воды. Человек 20 с кетменями стояли наготове. Главный мираб, распределитель воды, давал знак, перемычку рушили, и вода из реки с шумом неслась в канал. Народ волновался.

Когда вода заполняла голову канала, происходило самое главное. Несколько человек торжественно подводили к берегу быка, которого специально для этой церемонии посылал сам хан или кто-либо из его приближенных. Стреленожному животному подрезали шею и тушу сбрасывали в воду канала. Народ молился. «Сувли болсин! Хосилдор болсин! Кобчилик болсин!»¹ — говорили люди.

И тут же с берега и с заранее приготовленных лодок в воду стремглав бросались десятки полураздетых джигитов из общин, пользовавшихся водой этого канала, и начиналась борьба за тушу быка. Победившая община вытаскивала ее на берег. Тушу разделявали, мясо варили в огромных котлах и раздавали всем желающим. Иногда в воду сталкивали мирабов, или они откупались от этой процедуры деньгами. Муллы и ишаны молились об урожайном годе. Торжество занимало два дня.

Смысл этого ритуала был предельно ясен. Это было общественное жертвоприношение водам Амударьи; оно должно было обеспечить обилие воды и богатый урожай текущего сезона. Так объяснил мне старый Юсуф, это позднее подтвердили и другие мои собеседники. Правда, появлялись варианты, иной раз еще более интересные. Были старики, которые утверждали, что при совершении обряда быка сбрасывали не в канал, а в саму Амударью и не вытаскивали на берег, а оставляли его на сведение рыбам. Так или иначе, это был дар Амударье земледельцев, ждущих от великой реки помощи в их труде. Это был тот обряд, которого мне так не хватало для воссоздания более полной картины культа реки. Обряд этот исключительно древний. Бык в качестве животного, приносимого в жертву Анахите, богине водной стихии, упоминается еще в Авесте.

Обряд жертвоприношения реке уже давно ушел из быта земледельцев Хорезма. Не только молодежь, но и люди среднего поколения не знают о нем. И только поистине золотая память стариков сохранила его в весьма выразительных подробностях.

Итак, еще один цикл моих поисков был завершен. Поздней осенью, возвращаясь домой, я увозил с собой полевые дневники, полные ценных записей. Год для меня выдался «урожайный», и обязан этим был я все той же великой реке, источнику плодородия. Теперь уже с чувством благодарности смотрел я на ее быстро несущиеся воды, в последний раз переправляясь на правый берег Аму. Но чем же отблагодарить тебя, река? Соли со мной не было. Я подошел к борту парома и опустил в воду серебряную монетку; река благосклонно приняла мой дар.

Когда машина преодолела клубы береговой пыли и неслась по асфальтированному шоссе к столице Каракалпакии, я оглянулся, и уже издали прекрасная Анахита прощально махнула мне своим золотистым покрывалом.

Литература

- Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969, тл. IV; его же, Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с древним культом плодородия, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4, М., 1960.
- И. С. Брагинский, Из истории таджикской народной поэзии, М., 1956.
- Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957.
- Э. Э. Бартельс, Отрывки из Авесты. Перевод с языка Авесты, «Восток», 1924, кн. 4.
- H. S. Nyberg, Die Religionen des alten Iran, Leipzig, 1938.

¹ «Да будет вода, да будет урожай, да будет достаток!».

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

16—18 декабря 1970 г. в Ленинградском отделении института этнографии АН СССР состоялась сессия, посвященная 125-летию Географического общества СССР. В ее работе приняли участие 220 человек — помимо ленинградских ученых, представители отделений Географического общества Москвы, Минска, Душанбе, ряд исследователей из других научных учреждений упомянутых городов, а также из Рязани и Таллина. Было заслушано 27 докладов, раскрывающих основные направления работы Географического общества и его отделений, освещающих различные аспекты его деятельности и характеризующих работу ряда ученых в области этнографии.

Л. М. Сабурова во вступительном докладе «Роль Географического общества в развитии этнографических исследований» охарактеризовала основные направления работы общества в различные периоды его деятельности, вводимую им передовую методику (комплексный подход, анкетный метод) и показала формирование в его рамках этнографии как особой отрасли научных знаний.

Из доклада С. И. Брука (Москва) собравшиеся узнали о деятельности Комиссии этнографии Московского филиала Географического общества, организованной в 1963 г. Комиссия поставила перед собой важнейшую задачу — восстановление традиционных связей между географией и этнографией. Ежегодно проводится 8—10 заседаний Комиссии, на которых рассматриваются этногеографические и этнодемографические проблемы, анализируются этническая, языковая и религиозная ситуации в разных странах и регионах земного шара.

Ю. В. Маретин (Ленинград) в докладе «Этнографическая тематика в работе Восточной комиссии Географического общества» рассказал о работе одной из самых молодых комиссий общества, созданной в 1955 г. по инициативе академика В. В. Струве. За эти годы проведено 200 заседаний, где было заслушано 340 докладов, треть которых посвящалась этнографической тематике.

Комиссия издает сборник «Страны и народы Востока» и «Доклады Восточной комиссии».

А. С. Бежкович в сообщении «Работа отделения этнографии» подытожил главным образом издательскую деятельность отделения, начавшуюся выпуском этнографических карт в 1851 г. Далее докладчик остановился на работах отделения, связанных с изданием в 1853—1863 гг. «Этнографического сборника» (тт. 1—6), и, наконец, проанализировал «Записки по отделению этнографии» (1867—1925 гг.), в которых наряду с экспедиционными материалами этнографов и географов помещались статьи этнографов-любителей (тт. 1—43). Интересен и журнал «Живая старина» (тт. 1—25, 1890—1916 гг.).

В заключительной части доклада А. С. Бежкович прослеживает изменение структуры Общества.

В докладе М. Г. Рабиновича (Москва) «Программа Русского Географического общества для собирания местных этнографических сведений» говорилось о программе, которая была разработана группой ученых под руководством Н. И. Надеждина и издана в 1848 и 1852 гг. Ее цель — изучение современного состояния культуры и быта населения не только деревни, но и тех слоев городского населения, «кто живет еще по-просту, по-русски».

А. А. Лебедева (Москва) доложила о материалах по этнографии русского населения Сибири, хранящихся в архиве Географического общества в Ленинграде, которые не вошли в «Описание рукописей РГО», составленное Д. К. Зелениным, и указала, что они содержат интереснейшие сведения. Наибольший интерес из них представляет описание Тобольского наместничества (1784 г.), содержащее данные по хозяйству и материальной культуре, описание Слободы Усть-Тюменской Тюменского уезда Тобольской губернии и многое другое. Изучение этих материалов поможет узнать о планировке усадеб и жилища того времени, технике постройки, одежде и терминологии. Большая часть этих описаний (свыше 30) была составлена в соответствии с присланной РГО

программой. Они характеризуют культуру русского населения Енисейской, Тобольской, Оренбургской, Томской и Иркутской губерний.

Н. В. Новиков (Ленинград) в докладе «Деятельность Сказочной комиссии РГО» рассказал о роли и значении этой комиссии в развитии русского и советского сказководения.

Сообщение Т. В. Станюкович (Ленинград) раскрыло музейно-организационную и музейно-собираТЕЛЬСКОЮ стороны деятельности РГО. С первых лет его существования в Петербурге, а затем при местных отделениях общества (в Тифлисе, в Киеве, в Иркутске), создается ряд этнографических музеев, интенсивно пополнявшихся материалами из экспедиций. Коллекции, собранные в них, впоследствии были переданы другим организациям или послужил базой, на которой выросли крупные региональные музеи (Иркутский музей, музей Грузии и Тбилиси и др.).

РГО принимало также активное участие в создании и выработке профиля этнографического отдела Русского музея и выдвигало проект организации широкой сети периферийных народнохозяйственных музеев.

Г. В. Пионтёк (Ленинград) посвятил свое выступление деятельности комиссии Географического общества СССР по организации музеев под открытым небом.

Б. П. Полевой (Ленинград) в сообщении «О роли отделения этнографии Русского Географического общества в изучении „Книги Большому чертежу“» отметил большую роль, которую сыграло Отделение этнографии РГО в истории изучения этого памятника.

Ряд докладов конференции был посвящен деятельности местных отделов Общества, а также роли РГО в изучении отдельных регионов.

В. К. Бондарчик (Минск) на основании архивных данных восстановил историю создания Северо-Западного отдела РГО, познакомил слушателей с его структурой, с программами по изучению географии, экономики и истории Белоруссии, а также культуры и быта ее народов. Результатом недолгой, но плодотворной деятельности этого отдела, явились четыре тома «Записок», значительное место в которых занимали материалы по этнографии.

И. И. Гохман (Ленинград) в докладе «Троицкосавско-Кяхтинское отделение РГО и антропологическое изучение Забайкалья» рассказал о научном наследии первого председателя отделения Ю. Д. Талько-Гринцевича. Докладчик пояснил, что интереснейшие находки (первое погребение неолитического времени, погребения в листовидных срубках), их умелое использование и смелые гипотезы Ю. Д. Талько-Гринцевича способствовали успешному изучению Забайкалья в антропологическом отношении.

Е. В. Рихтер (Таллин) в докладе «О некоторых связях Русского Географического общества с Эстонией» сообщила, что с первых лет основания Общества русские исследователи-члены Общества, многие из которых получили образование в Тартуском университете (К. М. Бэр, В. В. Струве, В. И. Даль) в контакте с эстонскими этнографами провели огромную работу по изучению Эстонии в том числе и в этнографическом отношении. Особенно много сделали А. Шегрен, П. Кеппен и А. Шифнер, работавшие совместно с эстонскими исследователями (например, с Крейнцвальтом, собравшим материалы для этнографической карты и др.).

Л. А. Иванова (Ленинград) осветила роль Русского Географического общества в изучении Минусинской котловины.

Совместный доклад Н. И. Лебедевой и В. И. Чернышевой (Рязань) был посвящен роли РГО в этнографическом изучении Рязанского края и современному состоянию этнографических исследований в этой области.

А. М. Решетов (Ленинград) в своем докладе рассказал, что с первых лет существования РГО его члены, исследуя малоизученные или совсем не изученные в этнографическом отношении районы Восточной Азии, собрали ценный научный материал. Здесь прежде всего следует отметить работы П. П. Семенова Тянь-Шанского и Ч. Валиханова по центральной Азии. Благодаря трудам Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, А. В. Гребенщикова и др. получены ценнейшие сведения об этническом составе тибетских, тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских народов, а также об этнографических группах китайцев. Эти сведения не потеряли своей научной ценности и в настоящее время.

Н. А. Бутинов (Ленинград) в докладе «Н. Н. Миклухо-Маклай, Русское Географическое общество и проблема современной Океании» кратко охарактеризовал существенные изменения в хозяйстве и быте жителей Океании за минувшее столетие.

П. М. Кожин (Москва) в докладе «Об исследованиях И. Г. Вознесенского в Калифорнии» сообщил, что хранящиеся в МАЭ коллекции И. Г. Вознесенского представляют одно из старейших в мире собраний по калифорнийским индейцам. На основании изучения материалов экспедиции удалось восстановить маршрут ученого, языковую принадлежность ряда индейских слов, записанных им, положение некоторых этнических границ в Калифорнии в первой половине XIX в. Фонетические данные, записанные И. Г. Вознесенским, на 60—80 лет предшествующие данным, суммированным в словарях индейских наречий Калифорнии, свидетельствуют о фонетической и семантической устойчивости индейских диалектов.

В. П. Алексеев (Москва) в докладе «Научное наследство Н. И. Вавилова и историческая этнография» показал, что в трудах Н. И. Вавилова содержится большой этнографический материал, связанный с земледелием, особенно ценный, потому что он освещает земледельческую культуру труднодоступных районов. Н. И. Вавилов сделал

фундаментальные сообщения, показав существование земледельческой культуры в древнем Афганистане, отсутствие развитого земледельческого хозяйства в древности в западных районах Центральной Азии, а также исключительное развитие древней земледельческой культуры в Эфиопии. Н. И. Вавилов создал теорию ботанико-географических центров культивации растений. Географическое совмещение этих центров с очагами расообразования и domestikации животных, по мнению докладчика, заставляет видеть в них частное выражение первичных очагов формирования относительно высокой человеческой культуры вообще, а следовательно, также очагов этно- и глоттогенеза.

Ч. М. Таксами (Ленинград) в докладе «Б. О. Пилсудский — исследователь Сахалина» на основании архивных материалов, показал роль этого ученого в изучении культуры и быта народов Сахалина. Значительное внимание докладчик уделил практической деятельности Б. О. Пилсудского по оказанию материальной помощи нивхам и айнам, а также его деятельности как просветителя.

А. К. Писарчик (Душанбе) посвятила свой доклад известному исследователю быта народов Средней Азии М. С. Андрееву. При изучении горных таджиков ему удалось выявить ряд специфических черт их хозяйственной деятельности. Исследования ученого позволили установить различия в календаре земледельческих и скотоводческих народов, восстановить своеобразный счет на дробные периоды, носившие название частей тела человека. Собранный М. С. Андреевым материал по семейному быту и обрядам, повериям и суевериям таджиков, а также по их космогоническим представлениям, содержит много нового. Громаден вклад ученого и в дело собирания этнографических коллекций, обогативших ряд музеев Советского Союза.

Доклад Т. А. Крюковой (Ленинград) освещал многогранную научную и собирательскую деятельность С. И. Руденко, в исследованиях которого этнография занимала значительное место. С. И. Руденко был организатором и руководителем комплексных экспедиций в Башкирию, Казахстан, Забайкалье, Горный Алтай, на Чукотку и др., что позволило ему охватить этнологическими исследованиями значительную территорию и изучить быт и культуру 14 народов. Материалы, собранные С. И. Руденко, дополнили коллекцию Музея этнографии народов СССР.

Т. К. Шафрановская (Ленинград) рассказала об издательской деятельности одного из членов-учредителей Географического общества — К. М. Бэра. По его замыслу, с 1839 г. начала выходить серия «К познанию России и сопредельных стран Азии», издававшаяся на немецком языке («Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens») и потому мало кому известные. Между тем, в ней имеются интереснейшие материалы по этнографии народов европейской части России, Сибири, Дальнего Востока и граничащих с Россией стран.

Н. Н. Степанов (Ленинград) в докладе «Н. В. Колачев и его работы в области русского обычного права» остановился на научной и научно-организационной деятельности видного русского историка и юриста Н. В. Колачева, руководившего отделением этнографии с 1860 по 1863 г. При исследовании «Юридического быта русского крестьянства» Н. В. Колачев объединил этнографов, историков и юристов. Представляют интерес его превосходные для того времени работы об артелях, о волостных и сельских судах, о нормах обычного права. Н. В. Колачев возглавлял «Комиссию для изучения народных юридических обычаев», итогом работ которой был «Сборник народных юридических обычаев» (1878 г.), где были опубликованы исследования Н. В. Колачева и С. Ефименко, А. Я. Ефименко, а также «Программа по собиранию народных юридических обычаев».

А. И. Попов (Ленинград) сообщил, что рукописный архив Общества содержит значительные материалы по первобытным верованиям. Сопоставление этих материалов с лингвистическими данными позволяет выявить пережитки солнечного культа, некогда широко распространенного у народов европейской части СССР.

Б. А. Вальская (Ленинград) в докладе «Петрашевцы в Географическом обществе» привела данные, свидетельствующие о том, что группа революционно настроенной интеллигенции (в частности, А. П. Баласаглю, Н. Я. Данилевский, А. И. Европеус, П. А. Кузьмин, Н. С. Кашкин, Е. И. Ламанский, Н. А. Мордвинов, В. И. Романович, Л. А. Спешнев, П. П. Семенов) принимала активное участие в деятельности Географического общества.

Н. И. Гаген-Торн посвятила свое выступление традициям Географического общества в изучении человека и его культуры неотрывно от природы. Л. С. Берг был характерным представителем этого направления. Географ в самом широком смысле слова, он не мыслил себе изучение ландшафта без изучения людей. В своей диссертации «Аральское море» он много внимания уделил населению. Близко наблюдая русских и казахов, он выучил казахский язык, записывал предания казахов. В местных газетах нередко появлялись его этнографические заметки.

Ряд докладов вызвал оживленные прения. Конференция приняла решение поддерживать инициативу Географического Общества о создании этнопарка и высказала пожелания о публикации материалов сессии.

А. М. Решетов, подводя итоги конференции, указал, что часть докладов содержит новые материалы, которые следует ввести в научное обращение. Сборник, составленный по этим материалам, несомненно, вызовет интерес самых широких кругов историков, этнографов и музееведов.

Т. В. Станюкович, Т. К. Шафрановская

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

«Общественный строй у народов Северной Сибири», отв. редакторы И. С. Гурвич и Б. О. Долгих, М., 1970, 454 стр.

Рецензируемая книга представляет собой первую и пока единственную в советской этнографической литературе попытку нарисовать цельную и связную картину общественного строя более чем двух десятков малых народов Сибири (хантов, манси, селькупов, азиатских ненцев, энцев, нганасанов, эвенков, эвенов, юкагиров, коряков, чукчей, ительменов, азиатских эскимосов, нивхов, нанайцев, ульчей, орочей, ороков, негидальцев, удэгейцев) начиная со времени, когда были получены первые более или менее достоверные сведения о них (XVII, XVIII, а для некоторых лишь XIX в.), и кончая 1920-ми годами. В своей реконструкции авторы — в подавляющем большинстве сотрудники сектора народов Севера Института этнографии АН СССР — основывались на обширном документальном архивном материале, работах русских и советских этнографов, а также на результатах собственных полевых исследований.

Необходимо отметить, что в книге не только используются уже имеющиеся в распоряжении этнографии данные, но и вводится в научный оборот совершенно новый фактический материал. Это в первую очередь относится к главам «Социальная организация обских угров и селькупов» (автор — З. П. Соколова) и «Социальная организация народов Нижнего Амура и Сахалина в XIX — начале XX в.» (автор — А. В. Смоляк). Несомненную научную ценность представляют сведенные в несколько таблиц результаты предпринятого З. П. Соколовой детального анализа брачных записей метрических книг XVIII—XIX вв. по Березовскому и Сургутскому уездам (стр. 115—116, 123—124). Они позволяют в значительной степени конкретизировать и уточнить представления как о дуально-фратриальной организации хантов и манси, так и о социальной природе так называемых волостей обских угров. Обращаясь к семейной организации хантов и манси, З. П. Соколова не ограничивается общими положениями о существовании у них малых и больших семей. Тщательно составленная таблица позволяет получить детальные сведения о количестве и точном составе больших и малых семей в 13 волостях Березовского уезда в 1794 г., в волостях Сургутского уезда в 1861 г. и в 3 волостях Сургутского уезда в 1875 г.

Обширный фактический материал приводит А. В. Смоляк по бракам лиманских и амурских нивхов. Он интересен тем, что проливает свет на проблему существования так называемого кольцевого союза трех родов. Как известно, понятие о трехродовом союзе как особой форме социальной организации было создано Л. Я. Штернбергом на нивхском материале. В дальнейшем трехродовой союз был объявлен некоторыми этнографами формой универсальной и чуть ли не столь же архаичной, как и дуальная организация. Как свидетельствуют приведенные в книге данные, в начале XX в. самым обычным явлением у нивхов были браки одного рода с 3-мя—12-ю другими (стр. 281—287). Конечно, можно допустить, как это делает А. В. Смоляк, что существовавший в прошлом у нивхов трехродовой союз разрушился в результате частых передвижений и других причин. Но важно отметить, что сам Л. Я. Штернберг, так много писавший о гильдийской фратрии, не мог привести ни одного примера такого союза. На наш взгляд, трехродового союза как особой формы социальной организации вообще никогда не существовало. В действительности Л. Я. Штернберг обнаружил у нивхов лишь известный и у других народов запрет отдавать дочерей и сестер замуж в тот род, откуда члены первого рода сами берут жен. Из этого запрета следует, что каждый род должен быть связан по меньшей мере с двумя родами — родом тестей и родом зятьев. Даже если мы допустим, что эти связи являются прочными: род *A* постоянно берет жен из рода *B* и столь же постоянно отдает дочерей в род *C*, то это вовсе не предполагает обязательного существования брачной связи между родами *B* и *C*, т. е. замыкания кольца. Во всяком случае там, где существовал подобный запрет, ни разу не отмечено существования

трехродового союза. Каждый род в таких случаях был, как правило, связан не с двумя, а со значительно большим количеством родов.

Хотя рецензируемая работа содержит большой и разнообразный фактический материал, ее не следует рассматривать как простую его сводку. Большое место в ней уделено обобщению имеющихся данных, что сказалось и на самой структуре книги. Из 15 глав только восемь посвящено описанию социальной организации отдельных народов или групп народов. Остальные семь носят обобщающий характер. Они посвящены хозяйству народов Севера (гл. I), пережиткам материнского рода (гл. II), отцовскому роду (гл. III и XIII), племенн (гл. XII), соседской общине (гл. XIV), пережиткам первобытнообщинного строя (гл. XV). Такое построение работы создает, конечно, и известные неудобства. Так, например, чтобы получить более или менее полное представление об общественном строе эвенков, недостаточно ознакомиться лишь с главой VII, специально посвященной этому сюжету. Необходимо также прочитать соответствующие страницы глав XII, XIII, XIV. Если учесть, что четыре указанные главы принадлежат трем разным авторам, взгляды которых совпадают далеко не по всем вопросам, то трудности, которые могут встать перед читателем, станут еще более отчетливыми. Однако ограничение работы исключительно главами об отдельных народах было бы недостатком гораздо большим. Обобщающие главы являются, на наш взгляд, самыми интересными в книге. Без них была бы невозможна сколько-нибудь цельная картина социальной организации малых народов Сибири и тех изменений, которые произошли в ней в XVII—XX вв.

Несомненным фактом является то, что у всех малых народов Сибири в начале XX в. важнейшей социальной единицей была соседская территориальная община, детальную характеристику которой мы находим в главе XIV (автор — И. С. Гурвич). Количественный состав этих общин у всех народов, о которых имеются точные данные, колебался примерно в одних и тех же пределах. Число членов общин обычно не превышало 500 человек и редко опускалось ниже цифры в 150 человек. В среднем общины насчитывали в своем составе 250—400 человек. У тех народов, у которых существовали роды, не только сами общины, но и их составные части включали людей, принадлежавших к разным родовым группам. Характерной особенностью соседской общины охотников и оленеводов была необычайная аморфность внутренней структуры. Все производственные объединения, из которых состояли общины, представляли собой текучие, непостоянные и зачастую временные группировки семей. Так, например, у эвенков зимой образовывались группы из 2—3 семей, весной и летом — из 5—10 семей (стр. 391). У чукчей в пределах соседских общин постоянно происходило реформирование стойбищных производственных объединений (стр. 406). Интересно в этой связи отметить, что существование такого же рода аморфных по своей структуре общин было отмечено и далеко за пределами Сибири. Они существовали, в частности, у эскимосов Аляски и Канады, индейцев Большого Бассейна и плато¹. В результате контакта с европейцами очень сходные образования возникли кое-где у аборигенов Австралии и бушменов². И знаменательно, что у всех указанных этнических групп размеры такого рода аморфных образований колебались примерно в тех же пределах, что и у малых народов Сибири. Все это свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с какой-то закономерностью.

Если в конце XIX — начале XX в. основной социальной единицей у малых народов Сибири была аморфная соседская община, то возникает естественный вопрос: что же ей предшествовало? По мнению Б. О. Долгих и И. С. Гурвича, у тех народов, у которых существование рода не зафиксировано, соседской территориальной общине конца XIX — начала XX в. предшествовала «архаическая», «старая» соседская община, сходная с первой по форме, но отличная от нее по содержанию.

Суждения о прошлой общественной структуре тех малых народов, у которых род существовал, в книге довольно противоречивы. С одной стороны, в ней говорится, что род был «основной социальной ячейкой первобытнообщинного строя у народов Северной Сибири» (стр. 15), что община у них в прошлом была родовой (стр. 16). С другой стороны, мы узнаем, что у эвенков, например, роды еще в XVII в. были разбросаны по разным уездам (стр. 371—372), что в силу своего крупного размера (50, 100, 200 взрослых трудоспособных мужчин) они не могли быть «производственными единицами» (стр. 375), что «экономическими ячейками тунгусского рода» были «локальные кочевые группы» (стр. 236). И эти противоречия не случайны. Сложность вопроса во многом связана с тем, что относящиеся к XVII в. материалы столь отрывочны и фрагментарны, что допускают различную интерпретацию.

На наш взгляд, ключ к решению вопроса заключается в проведенном Б. О. Долгих в главе «Типы отцовско-родовой организации народов Севера» делении родов на «большие» и «малые». «Малые роды» могут существовать и без «больших», но «большие роды» обычно состоят из определенного числа «малых». «Большие роды», как правило, были расселены на большой территории, отличались очень устойчивым составом, посто-

¹ См.: J. H. Steward, Basin — Plateau aboriginal sociopolitical groups, Washington, 1958; R. Spencer, The North Alaskan Eskimo, Washington, 1959.

² См.: M. J. Meggitt, Desert people. A study of the Walbiri aborigines of central Australia, Sydney, 1962; R. Lee, ! Kung bushmen subsistence on input — output analysis. In «Environment and cultural behavior». Ed. by A. P. Vayda, New York, 1969.

янными характерными названиями и представляли собой прежде всего экзогамные единицы (стр. 361). Имея определенные общественные функции, они в то же время не были производственными объединениями (стр. 361—362). В отличие от них «малые роды» в первую очередь были «производственными ячейками и локальными кочевыми группами» (стр. 361). Назывались они в большинстве случаев по именам или прозвищам своих основателей или лиц, их возглавлявших. Такие «роды» были неустойчивыми по составу и длительности существования. Они возникали и исчезали. Отдельные семьи могли переходить и переходили из одного «рода» в другой (стр. 361—364). Свообразием состава отличались «малые роды» юкагиров. В силу матриликальности брака они включали в свой состав зятьев и их родственников (стр. 252 сл.).

Если относительно «больших родов», на наш взгляд, не может быть двух мнений, то с «малыми родами» дело обстоит сложнее. И в этой связи нельзя не отметить, что многие члены авторского коллектива стремились по возможности не употреблять термин «род» для обозначения указанных социальных образований. Одни называют их патронимиями (Е. А. Алексеев, С. И. Вайнштейн, а в ряде мест В. И. Васильев), локальными кочевыми группами (В. А. Туголуков), фамилиями (З. П. Соколова).

Рассматриваемые социальные образования, исключая юкагирские «малые роды», действительно имеют определенные черты сходства с патронимиями. Здесь, как и в случае с патронимией, мы сталкиваемся с объединением семей, костяком которого является ядро патрилинейной генеалогической группы. Эта патрилинейная родословная группа (патрилиния) может быть низшим звеном целой иерархии патрилиний, завершающейся родом, а может и непосредственно представлять собой подразделение рода. Поздний отцовский род всегда, как правило, состоит из нескольких патрилиний, каждая из которых нередко в свою очередь делится на патрилинии меньшего масштаба и т. д.

Вследствие экзогамии патрилинии и патрилокальности брака ни одна из них, даже самая минимальная, не может быть производственным объединением. Последнее неизбежно должно состоять из семей, а тем самым из членов нескольких патрилиний. Так как каждая такая хозяйственная группа имеет своим костяком ядро одной определенной минимальной патрилинии, то она неизбежно носит то же самое название, что и данная патрилиния, и практически с ней отождествляется. В своей идеальной форме такая патрилинейная хозяйственная группа должна состоять исключительно лишь из всех мужчин — членов ядерной патрилинии, из незамужних сестер и дочерей, а также из их матерей и жен. В действительности, как свидетельствуют факты, дело обстоит сложнее. С одной стороны, в состав подобного производственного объединения могут входить семьи, главы которых не являлись членами его патрилинейного ядра, с другой — отдельные мужчины, принадлежащие к данной патрилинии, могут оказаться в составе других хозяйственных групп. Однако сколько бы чужаков ни входило в состав хозяйственного объединения, пока оно сохраняет свое патрилинейное ядро, оно продолжает носить то же название, что и ядерная патрилиния, и сохранять свое единство и определенность.

Все сказанное выше, на наш взгляд, проливает свет на природу «малых родов» народов Севера. В большинстве случаев они представляли собой не что иное, как патрилинейные хозяйственные группы, но не идеальные, а включающие в свой состав более или менее значительное число мужчин — не членов ядерной патрилинии. В этом убеждают все приводимые Б. О. Долгих данные (стр. 362—370). Что же касается «малых родов» юкагиров, то, по нашему мнению, мы сталкиваемся здесь с претерпевшими определенную деформацию матрилинейными хозяйственными группами. Их наличие свидетельствует о существовании в не очень отдаленном прошлом у юкагиров материнского рода. Во всяком случае не подлежит сомнению, что если не по форме, то по своему содержанию, по своим функциям «малые роды» юкагиров мало чем отличались от патрилинейных хозяйственных групп других народов Севера.

По данным Б. О. Долгих, в состав «малых родов» «самоедов», тидирисов, тавгов, ваяндов и юкагиров в XVII в. входило в среднем по 17 взрослых мужчин, что дает общую цифру членов объединения в 68 человек (стр. 363—364). Такими же примерно были по своему составу и «малые роды» эвенков (стр. 234—235, 376). Эти хозяйственные объединения не представляли собой в XVII в. совершенно самостоятельного социально-экономического целого. У юкагиров «малые роды» были составными частями крупных территориальных групп численностью от 210 до 600 человек (стр. 351). Учитывая совпадение этих цифр с численностью соседских общин начала XX в., можно полагать, что и в данном случае мы имеем дело с общинами. В общины были объединены «малые роды» и у других народов Севера.

Важный вопрос, который встает перед нами: принадлежали ли патрилинейные ядра хозяйственных групп одной и той же общины к одному роду (имеется в виду подлинный род) или же нескольким? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Отнюдь не исключена возможность, что все патрилинии той или иной общины могли принадлежать к одному роду. Но считать, что так было повсюду, было бы неверно. Как уже отмечалось, по крайней мере некоторые роды эвенков уже в XVII в. были рассеяны на широкой территории. А данные этнографии свидетельствуют, что там, где члены одного рода широко расселены, община обычно состоит из групп, принадлежащих к разным родам.

Таким образом, можно, по-видимому, считать, что в XVII—XVIII вв. община большинства малых народов Севера состояла из нескольких более или менее постоянных и устойчивых патрилинейных хозяйственных групп, ядра которых могли принадлежать

как к одному роду, так и к нескольким. Указание на сравнительное постоянство этих групп отнюдь не означает, что члены их обязательно кочевали совместно. Для тех или иных хозяйственных целей эти объединения могли делиться на меньшие группы по 2—3 семьи в каждой (см. стр. 234, 376). Отдельные семьи могли переходить из одной группы в другую. Разрастаясь, группы могли разделиться на два новых хозяйственных объединения. Но при всем этом патрилинейные хозяйственные группы всегда сохраняли свою определенность.

Изменения, которые произошли в XVIII—XIX вв., состояли прежде всего в разрушении патрилинейных ядер хозяйственных групп. В результате на смену общине, состоящей из патрилинейных хозяйственных групп, пришла аморфная соседская община, которую мы и застаем в начале XX в.

Интересен вопрос о существовании у малых народов Севера племен. Как известно, многие этнографы отвечают на него отрицательно. Б. О. Долгих в главе «Племя у народов Севера» предлагает иное решение вопроса. Нельзя в этой связи не отметить, что споры о том, существуют ли у тех или иных народов племена, нередко становятся совершенно беспредметными в силу того, что спорящие вкладывают в термин «племя» далеко не одинаковый смысл. Поэтому Б. О. Долгих совершенно прав, когда начинает с определения того, что он понимает под племенем (стр. 334). Он не считает обязательным признаком племени наличие общих органов власти. И на наш взгляд, с ним можно в этом согласиться. У многих, например, народов Африки (нуэры, динка, лугбара и др.) существуют такие специальные образования, которые нельзя охарактеризовать иначе, как племена, но которые тем не менее лишены общих органов власти. Вероятно, можно спорить с Б. О. Долгих по вопросу о том, является ли то или иное конкретное социальное объединение у того или иного народа племенем или нет, но в целом приведенный им фактический материал в достаточной степени убедительно свидетельствует о том, что племя в том смысле, как он его понимает, по крайней мере у части малых народов Севера существовало. Важно отметить, что в ряде случаев мы наблюдаем и существование общих органов власти, определенной племенной организации.

Согласно материалистическому пониманию истории, основой, базисом любого общества являются производственные, социально-экономические отношения. Нельзя сказать, чтобы экономика совершенно осталась вне поля зрения авторов. В главах III (Б. О. Долгих), VII (В. А. Туголуков), VIII и XIV (И. С. Гурвич), IX (В. А. Смоляк) X (С. И. Вайнштейн) мы находим немало данных о формах собственности, распределения и обмена у малых народов Севера. Однако сколько-нибудь детальный их анализ в книге отсутствует. В результате многое остается неясным. Приводя, например, данные, свидетельствующие о том, что у одних и тех же групп в один и тот же период существовали, с одной стороны, уравнилельное распределение пищи, а с другой — значительное имущественное неравенство и эксплуатация человека человеком, авторы в то же время не раскрывают, каким образом одно могло сочетаться с другим (см. стр. 262, 302—304, 392—393, 409—410 и др.). Неоднократно повторяя, что в процессе развития родоплеменные кровные связи уступили место соседским, авторы недостаточно раскрывают социально-экономическое содержание как тех, так и других. И этот недостаток присущ не только рецензируемой работе. В целом в нашей этнографической литературе социально-экономическим отношениям вообще, отношениям распределения и обмена в частности уделяется значительно меньше внимания, чем они заслуживают. Хотелось бы надеяться, что авторы рецензируемой книги продолжат начатое дело и создадут труд, специально посвященный анализу отношений собственности, распределения и обмена у малых народов Севера.

В книге содержатся отдельные положения, с которыми, на наш взгляд, трудно согласиться. Таково, например, высказанное в заключении предположение, что общественный строй нивхов в XVII в. был безродовым и что, следовательно, зафиксированный у них в XIX—XX вв. отцовский род является новообразованием (стр. 431). Вряд ли, по нашему мнению, можно считать обособленной выдвинутой в главе «Особенности социальной организации палеоазиатов крайнего Северо-Востока Сибири» гипотезу о том, что в XVII в. и раньше «на стадии охоты на дикого северного оленя, как основного производственного занятия, чукчи и коряки, вероятно, представляли собой конгломерат немногочисленных групп, у которых существовал групповой брак, ограниченный лишь возрастными критериями и близким родством» (стр. 321).

В книге не всегда достаточно четко выдержана терминология. Авторы иногда пишут о моногамном браке и моногамной семье, в то время как речь идет в действительности о парном браке и парной семье (стр. 280, 302). Нередко в слишком широком смысле употребляется термин «частная собственность» (стр. 91—92, 230, 295 и др.).

Но все это не может помешать в целом высокой оценке рецензируемой работы. Она, несомненно, представляет собой ценный вклад в литературу, посвященную этнографическому изучению Сибири.

Ю. И. Семенов

М. Зайцева, М. Муллонен. Образцы вепсской речи. Л., 1969, 296 стр., карта обследованных населенных пунктов.

Сотрудницы Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР языковеды М. И. Зайцева и М. И. Муллонен опубликовали сборник текстов, в основу которых положены записи, сделанные у вепсов в местах их постоянного жительства. Все материалы записывались высококвалифицированными специалистами на магнитофонную ленту, что придает работе характер не только высокой фактической подлинности, но также свежести и непосредственности.

История появления сборника такова. Несколько лет назад авторам было предложено составить диалектологический словарь вепсского языка, в котором финно-угорское языкознание уже давно испытывало большую нужду. Основным материалом для такого словаря могли стать лишь живые диалекты и говоры, так как вепсский язык относится к бесписьменным и не выработал своей литературной традиции. А если это так, то следовало обратиться к собиранию «летучего», «бытующего» среди вепсского народа слова.

Составительницы сборника совершили ряд экспедиций в районы расселения вепсов, говорящих на южном и среднем диалектах вепсского языка (северный диалект хорошо описан финскими учеными), подолгу жили в деревнях, тщательно изучали быт народа (приложена карта обследованных деревень, стр. 289); работая со своими информаторами, они стремились получить максимально достоверный и достаточно массовый материал. Во время некоторых экспедиций исследовательницы собирали данные совместно с этнографами и фольклористами. Не исключено, что такая кооперация способствовала общей фольклорно-этнографической ориентации уже на первой стадии сбора материала.

Довольно быстро было собрано значительное число записей вепсской речи на самые разнообразные сюжеты. Вот тут и возникла мысль об издании избранных текстов (небольшой, но представительной части полученной информации), представляющих интерес не только для лингвистов, но и для более широкого круга читателей. Эта мысль имела под собою тем больше оснований, что в указанном институте уже накоплен опыт подготовки и публикации подобного рода трудов¹.

Обратимся к содержанию сборника. В него включено более 150 разнообразных текстов, информационная ценность которых, с точки зрения этнографа, неодинакова. Одни из них кратки и маловыразительны (хотя и очень интересны для лингвиста), другие более подробны и весьма колоритны: они-то как раз и ценны для этнографа. Тексты приводятся на вепском и русском языках.

Мы не станем пересказывать конкретные сюжеты: их весьма много, и все они характеризуют те или иные черты вепсского быта. Укажем лишь наиболее важные темы, которые дают возможность ознакомиться с существенными сторонами этнографии вепсов. Это хозяйственная деятельность (земледелие, охота, промыслы и пр.), материальная культура, социальная жизнь народа. В ряде номеров описаны семейный быт (например, свадебный и похоронный обряд), народные верования.

Особое место в сборнике (около трети текстов) занимают фольклорные материалы: сказки, предания, песни, причитания, разговоры, загадки, частушки, поговорки, приметы, свидетельствующие о жанровом и стилевом разнообразии вепсского фольклора, который все еще ждет своего исследователя.

Итак, перед нами тщательно выполненная публикация хорошо подобранных фактических данных, доброкачественного материала для разностороннего анализа. Полезность ее вне сомнений.

Однако следует принять во внимание то, что, собирая материал о языке, исследовательницы чаще обращались к представителям старшего поколения, которые охотнее рассказывают о прошлом, чем описывают современную жизнь. Это сказалось и на содержании сборника. Читатель почти не найдет здесь материалов о современном быте вепсов.

В. В. Пименов

¹ Г. М. Керт, Образцы саамской речи, «Материалы по языку и фольклору саамов Кольского полуострова», М.—Л., 1961; Г. Н. Макаров, Образцы карельской речи (калининские говоры), М.—Л., 1961. В настоящее время Г. Н. Макаров готовит аналогичную публикацию по ливвиковским говорам карельского языка.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Древнетюркский словарь, Л., 1969, XXXVIII+676 стр.

Необычайно ценное научное пособие получили не только тюркологи, но и широкий круг специалистов, научные интересы которых так или иначе связаны с проблемами изучения языка, истории культуры и быта тюркских народов. Этот фундаментальный труд продолжает славную традицию русской и советской тюркологии в изучении тюркской исторической лексикографии, начатом в нашей стране более 100 лет назад¹. Первостепенное значение среди работ, посвященных этой проблематике, имеют такие, ставшие классическими труды, как двухтомный «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» (1869—1871 гг.), составленный Л. З. Будаговым (переиздан в 1960 г.); четырехтомный «Опыт словаря тюркских наречий» (1888—1911 гг.), автором которого был акад. В. В. Радлов (переиздан в 1963—1964 гг.). Словари Л. З. Будагова и В. В. Радлова не потеряли своей научной значимости и сейчас, однако со времени их издания в научный обиход вошло большое число вновь открытых памятников древнетюркской письменности, в ряде случаев было пересмотрено чтение и толкование отдельных мест в текстах. В связи с этим еще в довоенные годы по решению Академии наук СССР под руководством С. Е. Малова началась работа по составлению картотеки материалов по древнетюркским языкам.

Работа над рецензируемым словарем была возобновлена в 1958 г. Инструкцию по составлению словаря разработал А. К. Боровков. Он же возглавлял группу составителей до своей внезапной смерти в 1962 г. «Древнетюркский словарь» представляет собой свод лексики, которая сохранилась в многочисленных тюркоязычных памятниках VII—XIII вв., изданных за последние 80 лет в СССР и других странах. Помимо корпуса словаря, который содержит около 20 000 слов и устойчивых словосочетаний, включая имена собственные, географические и этнические наименования, и словарных статей к ним работа имеет Предисловие (стр. III—V), знакомящее читателя с историей создания этого монументального труда. Во Введении (стр. VI—XVIII) дается общая характеристика источников, рассказывается о словнике, структуре словарных статей, а также о способе графической передачи древнетюркского языкового материала. Большую научную ценность представляет Список источников (стр. XXI—XXXVIII), содержащий краткую характеристику каждого из них (время и место создания, нынешнее местонахождение, характер содержания), указываются основные издания каждого памятника.

В «Словаре» зарегистрированы почти все слова, встречающиеся хотя бы в одном из древнетюркских памятников. Каждая словарная статья содержит, как правило, 2—3, иногда 4—5 цитат из памятников для более полного раскрытия значения слова или особенностей его лексического и грамматического окружения. В тех случаях, когда слово заимствовано из другого языка, указывается источник заимствования.

Словарь имеет четыре приложения: I. Список слов с указанием их диалектальной принадлежности по словарю Махмуда Кашгарского. II. Указатель грамматических форм (аффиксов и аналитических конструкций) по древнетюркским памятникам VII—XIII вв. Необходимо особо отметить, что в этом указателе учтены и грамматические формы, выявленные в процессе работы над «Словарем». В Примечании III дана пагинация изданий словаря Махмуда Кашгарского на турецком и узбекском языках, соотнесенная с пагинацией факсимильного и наборного изданий рукописи. В Приложении IV приводятся отдельные слова и выражения, пропущенные в основном корпусе, а также дается уточнение значений некоторых слов, этимологий и т. п.

Даже краткое изложение содержания «Древнетюркского словаря» показывает его огромную научную ценность. Всестороннюю оценку этой фундаментальной работы дать крайне сложно, не хотелось бы отметить те стороны этого труда, которые имеют особое значение для тюркологов-этнографов.

Многие словарные статьи содержат большой материал, интересный для этнографов. В первую очередь это относится к статьям о наименованиях тюркских родов и племен, а также к статьям о родо-племенных подразделениях ряда народов, с которыми древние тюрки сталкивались на огромной территории, которую они занимали в VII—XIII вв. То же самое можно сказать о статьях, посвященных терминологии родства, религиозной терминологии и т. д. В словаре приводится много названий и терминов, связанных с хозяйственным бытом древних тюрков, различными разделами материальной и духовной культуры. В этом отношении особенно нужно отметить богатство лексики, связанной с кочевым образом жизни древних тюрков и со скотоводством.

Без преувеличения можно сказать, что материалы «Словаря» в ряде случаев воссоздают довольно полную картину повседневной жизни древнетюркских племен и народов.

¹ Первым словарем подобного типа был изданный в 1868 г. В. В. Вельяминовым-Зерновым анонимный словарь среднеазиатского «чагатайского» языка «Абушка». См.: В. В. В е л ь я м и н о в - З е р н о в, Словарь джагатайско-турецкий, Спб., 1868.

Однако одним этим его значение не исчерпывается. Проблемами этногенеза любого народа, историей их культуры и быта невозможно заниматься без привлечения лингвистических материалов². Основные этапы этнической истории какого-либо конкретного народа не могут не отразиться на его языке, вызывая определенные изменения в фонетической структуре, грамматическом строе и главным образом словарном составе³. В этом отношении «Древнетюркский словарь» также является неординарным пособием для этнографов-тюркологов. В турецком языке, например, имеется несколько пластов языковых заимствований. И если заимствования из греческого, а также армянского, курдского и некоторых других языков сравнительно просто датируются временем пребывания анатолийских турков на территории Малой Азии⁴, то о времени и месте заимствований из арабского, иранских и ряда других языков лингвисту судить трудно. С выходом в свет «Словаря» эта задача в значительной степени облегчается. Сконцентрированная в «Словаре» лексика древнетюркских письменных источников дает возможность тюркологам-этнографам более четко и ясно выяснить древнюю тюркскую основу многих этнографических терминов и названий, а в случаях их заимствования — относительно верно определить время и место этих заимствований.

Значительны и неоспоримы достоинства «Словаря», но в процессе дальнейшей работы необходимо уточнить значение ряда слов, дополнить лексический материал; об этом, кстати, говорили и другие рецензенты⁵. К сожалению, в «Словаре» не обращено внимание на вопросы языковой, а следовательно, в какой-то степени и этнической принадлежности памятников древнетюркской письменности. В вводной части составители оговаривают это: «Тюркская языковая область в период создания памятников, послуживших источниками словаря, — несомненно представляла собой обширный регион самостоятельных языков и диалектов. Поскольку классификация памятников и их языковой принадлежности пока отсутствует и цитаты в словарных статьях не могли быть подобраны по принципу отражения употребления слов в разных древнетюркских языках и диалектах, языковое разнообразие текстов не нашло отражения в словарной статье ДТС» (стр. VIII). Сказанное справедливо лишь отчасти. Действительно, до настоящего времени нет классификации древнетюркских языков и диалектов. Однако уже в широко известном словаре средневекового филолога Махмуда Кашгарского (XI в.) была предпринята первая попытка классификации тюркских языков⁶. В одной из своих работ о памятниках древнетюркской письменности С. Е. Малов писал: «Если раньше молчаливо признавали один язык всей орхоненисейской письменности, то теперь, при постепенном детальном изучении, выявляются некоторые языковые различия памятников, например Тонъюкука с р. Селенги, Кюль—Тегина с р. Орхона (Е. И. Убрятова), енисейских (на что указывал еще и П. М. Мелиоранский)»⁷. Ряд памятников древнетюркской письменности, согласно авторитетному мнению ведущих тюркологов, написан на одном, определенном древнетюркском языке. Так, например, енисейские памятники считаются написанными на древнекыргызском языке⁸. Единодушно мнение тюркологов, что такие памятники, как «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагунского (XI в.) и ряд других написаны на древнеуйгурском языке⁹.

Выход в свет «Словаря» знаменует собой определенный этап в истории советской тюркологии и наряду с этим открывает новые большие перспективы ее развития, одной из которых, по нашему мнению, могла бы стать разработка классификации древнетюркских языков и диалектов. Хотелось бы поблагодарить всех, кто принимал участие в работе над «Древнетюркским словарем», в первую очередь его редакторов и составителей, а также поздравить их с большим вкладом в советскую и мировую тюркологию.

В. П. Курылев

² С. А. Токарев, К постановке проблем этногенеза, «Сов. этнография», 1949, № 3, стр. 18, 35—36.

³ Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, М., 1962, стр. 108—112.

⁴ Д. Е. Еремеев, Язык как этногенетический источник (из опыта лексического анализа турецкого языка), «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 68—69.

⁵ Э. Н. Наджип, Большое достижение советской тюркологии (К выходу в свет «Древнетюркского словаря»), «Народы Азии и Африки», 1970, № 2, стр. 178—179; P. Zieme, Drevnetyurskij slovar, Red.: V. M. Nadeljaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenišev, A. M. Šerbak, «Centr. Asiatic J.», vol. XIV, № 1—3, 1970, pp. 229—235.

⁶ Н. А. Баскаков, Указ. раб., стр. 132—133.

⁷ С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы, М.—Л., 1952, стр. 6.

⁸ Там же, стр. 4; И. А. Батманов, Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе, 1959, стр. 14.

⁹ С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 7, 95—102; В. М. Насилов, Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма, «Вопросы языкознания», 1971, № 1, стр. 105.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Мартин Лютер Кинг. Есть у меня мечта..., М., 1970, 224 стр.

Расизм — одно из самых зловещих проявлений американского империализма. Он был и остается одним из основных способов угнетения трудящихся. «Деловой мир» США наживается на расизме и всячески поощряет его. Как указывал Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл, американский капитализм извлекает около 30 млрд. долл. сверхприбыли в год за счет расового и национального угнетения¹.

Расизм разъединяет рабочих, ослабляет боеспособность пролетариата, унижает человеческое достоинство. Еще более 100 лет назад К. Маркс указывал на необходимость совместной борьбы негритянского народа и всего рабочего класса США. Он подчеркнул, что, пока в США нет равноправия негров, не могут быть свободными и белые рабочие². Этот вывод приобретает особое значение в наши дни, когда продолжающееся угнетение негров стало главным препятствием на пути социального прогресса³. Поэтому борьба против расизма за освобождение негритянского народа — одна из острейших проблем, стоящих перед рабочим классом США и его союзниками⁴. Борьба против расизма привлекает к себе пристальное внимание социологов, историков, этнографов, экономистов, политических и государственных деятелей, самых широких слоев общественности.

Каждая новая научная публикация, разоблачающая расизм и характеризующая движение негритянского народа за социально-экономическое и политическое равноправие, с интересом встречается прогрессивной общественностью всего мира. Поэтому ценный вклад в понимание негритянской проблемы в США внес Институт этнографии АН СССР, опубликовав избранные труды и выступления Мартина Лютера Кинга.

Имя этого человека знает весь мир. Свою короткую, но яркую жизнь он полностью отдал борьбе против расизма, за мир и социальную справедливость. Труды и выступления Мартина Лютера, его кипучая и разносторонняя общественно-политическая деятельность вызывали страх и ненависть реакционных кругов Америки. Они не жалели усилий и не стеснялись в выборе средств, чтобы сломить мужество этого замечательного человека и заставить его отказаться от борьбы. 24 раза его бросали в тюрьмы. Смерть буквально ходила за ним по пятам. Почти каждый день он получал анонимные угрозы. На его жизнь было совершено несколько покушений. Но до самого последнего дня Кинг остался непреклонным борцом. 4 апреля 1968 г. он был убит, когда ему было всего 39 лет.

Мартин Лютер Кинг — автор нескольких книг и около 30 брошюр и статей. Перед редакционной коллегией рецензируемого сборника стояла довольно сложная задача: выбрать из большого публицистического наследия Кинга примерно десятую часть таких материалов, которые позволили бы советскому читателю получить представление о его деятельности, об эволюции его общественно-политических взглядов. Члены редакционной коллегии: Э. Л. Нитобург (ответственный редактор), Н. В. Мостовцев, И. В. Михайлов, а также составитель сборника А. Д. Дриздо — успешно справились со своей задачей. Сборник интересен не только для специалистов, но и для самого широкого круга читателей.

Книга содержит основные статьи и речи Мартина Лютера Кинга по проблемам негритянского движения в США, а также сокращенные переводы несколько глав из трех его книг: «Шаг к свободе», 1958 г.; «Почему мы не можем ждать», 1964; «Куда мы идем: к хаосу или сообществу?», 1967 г.

Подробные комментарии к этим материалам составлены Э. Л. Нитобургом. В них содержатся исторические справки о событиях, лишь упомянутых в трудах Мартина Лютера Кинга. Небольшие исторические экскурсы полностью вводят читателя в курс анализируемых событий, помогают лучше понять многогранную деятельность Кинга, полное раскрыть его мировоззрение. В комментариях также раскрывается значение специфических терминов. Предисловие к сборнику написано Национальным председателем Коммунистической партии США Генри Уинстоном, который дает очень высокую оценку рецензируемой книге.

Общественно-политическая деятельность Мартина Лютера Кинга неразрывно связана с мощным подъемом негритянского движения в США в 50—60-х годах нашего столетия. Поэтому почти все его труды и выступления отражают определенные события борьбы негритянского народа за гражданские права в эти годы.

Читатель найдет в сборнике волнующие рассказы о жестокой травле и унижениях, которым подвергаются негры в США. Буквально каждая фраза, каждое слово в нем —

¹ «Правда», 15 июня 1969 г.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 18.

³ «New Program of the Communist Party U.S.A.», New York, 1970, pp. 47—48

⁴ Там же, стр. 54.

это гневное обличение расизма, страстный призыв к борьбе. Документально точно и в то же время с большим мастерством М. Л. Кинг рассказывает о бойкотах общественных учреждений и транспорта, где осуществлялась расовая дискриминация, о рейсах свободы, демонстрациях и других массовых выступлениях негров. Только долгая и упорная борьба приведет негритянский народ к победе, заставит господствующий класс пойти на уступки — такова мысль, которая красной нитью проходит через все труды и выступления Мартина Лютера Кинга. «На опыте мы знаем,— подчеркивал он,— что конгресс и президент ничего не сделают, пока мы сами не развернем активной деятельности и при поддержке всех людей доброй воли не окажем на них давление» (стр. 170). Кинг понимал, что нельзя питать никаких иллюзий по поводу обещаний правительства США решить негритянскую проблему. В статье «О тактике ненасильственных действий» он писал: «...Зная упорное нежелание конгресса сделать что-нибудь в этой области в отличие, например, от его готовности увеличивать ассигнования на войну во Вьетнаме, следует честно признать, что не удастся добиться от конгресса каких-то молниеносных результатов» (стр. 171).

Мартин Лютер Кинг глубоко верил, что наступит день, когда его мечта о свободе и счастье негритянского народа станет явью, когда «даже изнемогающий от притеснений и несправедливости штат Миссисипи превратится в оазис свободы и справедливости» (стр. 81).

Большое значение Мартин Лютер Кинг придавал тактике ненасильственных действий. Однако он никогда не руководствовался евангельским учением о непротivлении злу. По его словам, ненасильственные действия — это мощное оружие в борьбе за разум и справедливость, но они совершенно не означают покорности и бездействия (стр. 138).

Тактика массовых ненасильственных действий в определенных условиях, несомненно, весьма эффективна. Однако, как подчеркивает в своем комментарии Э. Л. Нитобург, М. Л. Кинг явно преувеличивал ее возможности и недооценивал степень решимости правящих кругов США сохранить систему сверхэксплуатации негритянского народа (стр. 178).

Особого внимания заслуживает опубликованная в конце сборника обстоятельная статья Э. Л. Нитобурга «Борец против расизма, за мир и социальную справедливость». В ней читатель найдет основные биографические данные о М. Л. Кинге, познакомится с эволюцией его взглядов, а также с важнейшими событиями борьбы за освобождение негров, в которых он активно участвовал.

Следует, однако, отметить, что эта заключительная статья выходит далеко за пределы обычного биографического очерка. По существу — это глубокое исследование основных направлений негритянского движения в США в 50—60-х годах нашего столетия. Вскрыв причины мощного подъема негритянского движения в эти годы, Э. Л. Нитобург показал, что «в процессе этой борьбы у миллионов негров появилось понимание собственной силы, окрепло чувство собственного достоинства и уверенности в том, что они преодолеют все препятствия, родилась воля к победе» (стр. 209).

В статье на большом фактическом материале показана высокая политическая зрелость Мартина Лютера Кинга. Весьма интересны сведения о стремлении Кинга выковать союз между рабочим движением и негритянским народом. Этот союз он считал важнейшим условием победы негритянского народа в борьбе за гражданские права. Он отмечал также, что и пролетариат заинтересован в союзе с неграми. «Для организованного рабочего движения,— писал Кинг,— союз с негритянским движением за гражданские права — это не вопрос выбора, а необходимость» (стр. 212—213). Опыт суровой борьбы в последние годы жизни Кинга привел его к убеждению в необходимости осуществления радикальных социальных реформ. Главным аспектом негритянского движения он считал не расовый, а социальный и в поздних своих работах все ближе подходил к пониманию классовой сущности негритянской проблемы.

Необходимо отметить, что до выхода в свет рецензируемого сборника в советской историографии фактически не было работ, раскрывающих взгляды Лютера Кинга на специфику борьбы негров в США. Э. Л. Нитобург уделяет этому вопросу большое внимание. Кинг понимал, подчеркивает Э. Л. Нитобург, как велико влияние национально-освободительного движения в Африке на американских негров. Однако он неоднократно предостерегал против механического перенесения африканского опыта борьбы в США. В книге «Куда мы идем: к хаосу или сообществу?» Кинг писал: «Мы являемся многорасовой нацией, где все расовые группы, хотя они это признать или нет, завязаны один от другой. И ни одна из них не может обособиться, как на острове... Борьба негров в Америке очень сложна и отличается от борьбы за независимость. Завтра американскому негру придется жить рядом с теми людьми, против которых он сегодня борется. Американский негр живет не в Конго, откуда бельгийцы смогли вернуться в Бельгию после того, как борьба была окончена, и не в Индии, откуда англичане смогли уехать к себе в Англию после того, как Индия стала независимой. В ходе борьбы за национальную независимость можно говорить об освобождении сейчас, а интеграции позднее, но в борьбе за расовую справедливость в многорасовом обществе, где угнетатель и угнетенный оба находятся „дома“, освобождение должно прийти через интеграцию» (стр. 213).

Кингу было совершенно чужд расизм. Он полностью отвергал сепаратизм и «черный национализм», провозглашающий необходимость создания отдельной негритянской нации и самостоятельного негритянского государства. Негры являются составной частью

американской нации. По мнению Мартина Лютера Kinga, решение негритянской проблемы возможно только путем такой консолидации североамериканской нации, при которой люди не делились бы по цвету кожи.

В статье Э. Л. Нитобурга подробно рассказывается также о борьбе М. Л. Kinga против «грязной войны» во Вьетнаме. King считал ее «одной из самых несправедливых войн в истории человечества» (стр. 217).

Мартин Лютер King не был коммунистом, но он всегда выступал против антикоммунизма. В своей речи по поводу столетия со дня рождения У. Дюбуа, опубликованной в сборнике, М. Л. King подчеркивал: «Мы не можем говорить о докторе Дюбуа, не отметив того, что всю свою жизнь он придерживался радикальных взглядов. Кое-кому хотелось бы игнорировать тот факт, что последние годы жизни он был коммунистом... Пора перестать замалчивать тот факт, что доктор Дюбуа был гением и что он предпочел стать коммунистом. Иррациональный антикоммунизм, которым мы одержимы, слишком часто заводит нас в тупик, и едва ли следует стараться сохранить его, как если бы это был один из видов научного мышления» (стр. 163—164).

Хочется отметить, что сборник имеет большое научное, политическое и воспитательное значение. Он безусловно представляет значительный интерес для самого широкого круга читателей. Однако приобрести его сейчас практически невозможно. Он давно уже стал библиографической редкостью, а это ставит на повестку дня вопрос о его переиздании более широким тиражом.

А. Н. Кузьмин

НАРОДЫ АФРИКИ

A history of Tanzania, I. N. Kimambo, A. J. Temu (eds). East African Publishing House, Nairobi, 1969, 276 p.

Рецензируемая книга основана на докладах второй конференции по истории Танзании, организованной в 1967 г. при Историческом факультете университета в Дар-эс-Саламе Министерством национального образования, Педагогическим институтом и Исторической Ассоциацией Танзании.

Танзанию населяют более ста племен и народностей, зачастую весьма различных по языку, культуре и этнической принадлежности. Каковы были общие тенденции их исторического развития, какую роль они сыграли в борьбе за независимость своей страны, как на их основе идет формирование единой нации — все это весьма сложные и злободневные вопросы современной истории Танзании, которые требуют подробного изучения.

Именно этим проблемам и посвящен сборник «История Танзании» под редакцией И. Н. Кимамбо и А. Дж. Тему.

Перед редакторами книги стояла задача связать все разделы единой идеей: показать роль танзанийца, как активного творца истории своей страны. Следует признать, что с этой задачей они справились вполне успешно.

Надо сказать, что сборнику предшествовала сходная по направленности книга А. Дж. Нсекелы «Основные вехи истории Танганьики; от Танганьики к Танзании»¹, предназначавшаяся в качестве учебника для старших классов средней школы. Это была первая попытка показать историю африканца — гражданина Танзании, а не историю какого-либо периода колонизации этой части африканского континента пришельцами из Европы или Азии. Книга Нсекелы представляет несомненный интерес и по сей день.

Со времени выхода «Основных вех истории Танганьики» прошло четыре года, срок совсем не малый для молодого государства. Именно в первые годы развития закладывался тот фундамент, на котором осуществляется его строительство. За эти годы оформились в общих чертах главные тенденции развития экономики, внешней и внутренней политики. И сборник «История Танзании», вышедший в свет через восемь лет после провозглашения независимости, можно в известной степени рассматривать как официальную историю этого государства. Книга рассчитана не на «подростающее поколение граждан Танзании», как определял в своей книге Нсекела, а на более сведущего читателя как в пределах самой Объединенной Республики Танзании, так и за ее рубежом. Она дает определенное общее представление об истории страны, о том фундаменте, на котором сегодня ведется строительство нового танзанийского общества — Уджамаа.

Редакторы пишут: «Нет сомнения в том, что многие в Танзании и в других странах уже давно с нетерпением ждут появления из печати „Истории Танзании“. И не только

¹ A. J. Nsekela, *Minara ya Historia ya Tanganyika*, Nelson, 1965.

в связи с тем, что ничего подобного раньше не было, но и потому, что большинство опубликованного фрагментарного материала либо полностью игнорирует, либо извращает историю африканца как такового (стр. XI)». Следует, однако, сразу оговориться, что авторам сборника, по-видимому, неизвестны работы советских историков.

Центральные разделы сборника: «Период усовершенствования и дифференциации, 1907—1945 гг.» (Дж. Лиффе); «Движение идей, 1850—1939 гг.» (Т. О. Ренджер) и «Подъем и триумф национализма» (А. Дж. Тему) — посвящены отношению танзанийцев к мероприятиям колониальной администрации, росту национального самосознания, развитию национально-освободительного движения, приведшему к завоеванию политической независимости. Эти главы в значительной степени основаны на не публиковавшихся ранее материалах Национального архива Танзании.

Очень интересен и раздел «Внутриконтинентальные районы до 1800 года» (автор И. Н. Кимамбо). Ввиду сложности и дробного характера политической структуры внутренних районов в этот период, Кимамбо на примере ряда областей показывает общие для всех областей черты развития. Это, пожалуй, наиболее солидно аргументированная часть книги.

Как справедливо отмечают редакторы, книге можно было бы дать подзаголовок «От Олдувая до Арушской декларации». Сборник, действительно, охватывает все периоды истории Танзании — от каменного века до провозглашения Арушской декларации 1967 г.

Бесспорно, изложить историю такого огромного периода достаточно полно на 257 страницах практически невозможно, и материал многих разделов книги подан довольно схематично. Слабее всего, на наш взгляд, разделы первый — «Заселение Танзании» (Дж. Саттон) и девятый — «Предпосылки революции на Занзибаре» (И. Мосаре). В главе о Занзибарской революции, кроме того, с наибольшей очевидностью проявилась характерная для всех частей книги тенденция уйти от анализа внешних факторов, повлиявших на историческое развитие этой части континента, свести исследование лишь к констатации отдельных сторон внутреннего развития страны, что вообще характерно для работ многих представителей молодой африканской историографии. В книге, в частности, не нашлось места для упоминания таких событий, повлиявших на весь ход мировой истории, как Великая Октябрьская социалистическая революция, победа Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., а для Занзибарской революции 1964 года — решительной поддержки ее странами социалистического содружества и в первую очередь признание нового правительства Занзибара Советским Союзом. А ведь без этого судьба Занзибарской революции могла бы быть совсем иной. Это неоднократно публично признавали сами государственные деятели Занзибара. Пытаясь обойти вышеперечисленные внешние факторы, авторы раздела тем самым косвенно принижают роль Занзибарской революции, результаты которой в большой мере повлияли на развитие и континентальной части Танзании в последующем периоде.

Однако, несмотря на отмеченные недостатки подхода авторов к событиям истории Танзании, книга представляет несомненный интерес для читателя.

Н. М. Гиренко

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

P. Christiansen. *The Melanesian Cargo Cult. Millenarianism as a factor in cultural change.* Translated from Danish by J. R. B. Cosney. Copenhagen, 1969, 148 p.

Датский этнограф Пал Христиансен в своей книге «Меланезийский Карго — культ. Милленаризм как фактор изменения культуры» ставит вопрос о причинах частых восстаний меланезийцев в последние годы (термин «меланезийцы» он относит не только к коренным жителям Меланезии, но и к папуасам Новой Гвинеи). Особенно его интересуют восстания, имеющие религиозную окраску — так называемые культы Карго, связанные с христианизованным культом предков.

В Меланезии и на Новой Гвинее, как известно, нет или почти нет промышленности. Поэтому все необходимые предметы широкого потребления доставляются на кораблях и самолетах из других стран в виде груза (cargo), и попадают преимущественно в руки белых поселенцев. Папуасам и меланезийцам остаются лишь жалкие крохи. И вот то в одном, то в другом племени появляется «пророк», якобы видевший во сне Христа и узнавший от него, что белые незаконно присваивают грузы, тогда как их посылают коренным жителям предки. В результате в этом районе вспыхивают восстания, убивают плантатора, миссионера, колониального чиновника, а затем строят причал или аэродром, и ждут, когда придет корабль или прилетит самолет с грузом, посланным предками. Вместо груза прибывает, как правило, карательная экспедиция.

Антиколониальный характер этих восстаний, имеющих религиозную окраску, очевиден. Однако не следует думать, что культ Карго — это единственная на Новой Гвинее и в Меланезии форма борьбы против колонизаторов.

Автор рецензируемой книги сам отмечает, что имеются «движения, в которых люди стремятся достичь материального благосостояния частично религиозными средствами, но в которых ритуал более или менее подчинен экономической или политической активности» (стр. 26). Таким, например, было движение под руководством папуаса Яли на берегу Маклая (стр. 43—47), а также такие «движения», в которых ритуал не играет никакой роли» (стр. 26) (движение под руководством папуаса Томми Кабу в дельте реки Пурари на Новой Гвинее) (стр. 49—64).

В дополнение к этим примерам можно указать также на движение под руководством меланезийца Палиау на островах Адмиралтейства (о нем автор упоминает лишь мимоходом на стр. 32, 57). Участники движения в целом ставили перед собой реальные цели и добивались их реальными средствами. В частности, Палиау вел активную, хотя и не всегда успешную, борьбу против всплеск культа Карго в отдельных деревнях¹.

Борьба папуасов и меланезийцев против колониального гнета особенно усилилась, как известно, после Второй мировой войны. Многие азиатские и африканские страны, бывшие колонии, завоевали в эти годы политическую независимость и вступили на путь самостоятельного развития. Эти развивающиеся страны были приняты в ООН. В 1960 г. ООН, по инициативе СССР, провозгласила Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. В Океании также появились первые самостоятельные государства. На повестку дня был поставлен вопрос о предоставлении политической независимости Новой Гвинее и Меланезии. Однако державы — метрополии всячески оттягивают его решение. Папуасы и меланезийцы, которым независимость была обещана еще в годы Второй мировой войны, не хотят больше ждать. Вспыхивают восстания. Зафиксировано 73 восстания, но фактически, пишет автор, их на Новой Гвинее и в Меланезии в эти годы было несколько сотен (стр. 20).

На общем историко-политическом фоне нетрудно, казалось бы, понять причины частых восстаний папуасских и меланезийских племен. Это — нежелание терпеть далее колониальный гнет, стремление покончить с нищенским уровнем жизни, с неграмотностью, вступить на путь самостоятельного развития.

Автор рецензируемой книги, как это становится очевидным после прочтения первых же строк, не выясняет, а скорее запутывает ситуацию на Новой Гвинее и в Меланезии.

Он считает, что не следует различать религиозные движения в колониях и религиозные движения в европейских странах. «По своей природе, — утверждает он, — это одни и те же социальные явления» (стр. 5). Разумеется, это утверждение не верно. Многие религиозные движения в европейских странах были порождены внутренними причинами, и представляют собой одну из форм классовой борьбы. Религиозные движения в колониях порождены колониальным гнетом. Это одна из форм национально-освободительного движения. Такой точки зрения придерживаются многие ученые. Так, В. Лантернари считает, что религиозные движения в колониях — это особая колониальная проблема, одна из форм борьбы угнетенных народов за освобождение. Свою книгу он так и называл «Религия угнетенных»². На этой позиции стоит и П. Ворсли³.

Автор рецензируемой монографии утверждает, будто и до европейской колонизации на Новой Гвинее и в Меланезии были всплески культа Карго. Но факты, приводимые им же самим, противоречат этому утверждению. Так, в книге рассказывается о жителях островков в заливе Гельвинк, где в середине XIX в. голландские миссионеры записали миф о культурном герое Мансрен (стр. 20). Но миф о Мансрене — это одно, а культ Карго, связанный с Мансреном, — это нечто совершенно другое: он возник лишь в середине XX века. Автор также утверждает, будто первые признаки культа Карго на Берегу Маклая появились в 1871 г., когда здесь поселился русский ученый Н. Н. Миклухо-Маклай. Папуасы думали, что перед ними божество Анут, или один из сыновей этого божества, Килибоб. Русский ученый дарил папуасам каменные топоры, гвозди, одежду, бусы, семена тыквы, арбузов и т. д., и на него смотрели поэтом, как на источник богатства. «Но с его именем, — вынужден признать автор, — не было связано никакого ритуала» (стр. 38). Австралийский этнограф П. Лоуренс, справедливо видит здесь обожествление Миклухо-Маклая, но это еще не культ Карго. Даже после восстания в Маданге в 1904 г., жестоко подавленного колонизаторами, по мнению Лоуренса, не возник еще культ Карго.⁴

Культ Карго сложился на Новой Гвинее и в Меланезии после европейской колонизации. Совершенно естественно, что после Второй мировой войны, когда восстания папуасов и меланезийцев стали особенно многочисленными, среди зарубежных этнографов, историков, социологов появился интерес к культу Карго, стали выходить в свет статьи и даже монографии, посвященные этому явлению.

¹ T. Schwartz, The Paliau movement in the Admiralty Islands, 1946—1954, New York, 1963, pp. 273, 283.

² L. Lanternari, The religions of the oppressed, London, 1963.

³ П. Ворсли, Когда вострубит труба. Исследования культов Карго в Меланезии, М., 1963.

⁴ P. Lawrence, Road belong Cargo: a study of Cargo movement in the Southern Madang district, Manchester, 1964, p. 69.

Автор рецензируемой книги ошибочно связывает современный интерес к культу Карго с открытием в 1932 г. в горных районах Новой Гвинеи двухсоттысячного папуасского населения, не затронутого европейскими влияниями, а также с общим интересом ученых к проблеме инноваций (стр. 24). На деле этот интерес вызван прежде всего тем, что после Второй мировой войны освободительное движение на Новой Гвинее и в Меланезии вспыхнуло с особой силой, что чрезвычайно ослабило колониальный режим.

Любопытно отметить, что автор рецензируемой книги все освободительные движения называет культами Карго, в том числе и такие, в которых миф и ритуал не играют никакой роли, или играют второстепенную роль. Послушаем его самого: «Мы группируем вместе с культом Карго те движения, которые при других обстоятельствах были бы названы политическими, потому что их цель, как правило, это политическая и экономическая эмансипация, а их методы чисто политические. Но поскольку культ Карго имеет, вероятно, ту же цель, а в ряде случаев в освободительных движениях религиозный момент стоит на втором плане, наша классификация может иметь свое оправдание» (стр. 26).

Такая тенденциозность характерна для определенной категории авторов: они говорят об освободительных движениях как о «помешательстве»⁵, подводят все эти движения под культ Карго, и при этом утверждают, будто их «классификация» в какой-то мере оправдана!

Автор критикует функционалистов и структуралистов за то, что они понимают общество как систему, находящуюся в покое и равновесии. На деле же, по мнению Кристиансена — «ни одно общество не представляет собой абсолютного гармонического единства, где все составные части находятся в равновесии» (стр. 126). Главную ошибку функционалистов и структуралистов автор усматривает, однако, в том, что они отрицают внутренние факторы, ведущие к изменениям в обществе, и придают слишком большое значение влиянию внешних сил. Те, кто видит причину культов Карго в колониальном гнете, в рецензируемом издании отнесены к структуралистам и функционалистам (стр. 59). Так общее положение, абстрактно правильное, искажается при его тенденциозной конкретизации. Уже не думает ли автор, что причины истребления тасманийцев и австралийцев, а также «охоты на черных птиц» в Меланезии и на Новой Гвинее следует искать в социальных системах этих регионов?

Функционализму и структурализму противопоставлена марксистско-ленинская теория, которая умеет искать и находить внутренние причины социальных изменений. Эта мысль изложена со ссылками на американского этнографа Эвона Фогта: «Фогт утверждает, что единственная фактически существующая теория изменения — это марксистская, которая, как известно, предполагает, что развитие — то есть изменение — идет в определенном направлении, и что знание динамизма и механизма этого развития может быть использовано, чтобы ускорить и усилить это развитие, конечная цель которого — коммунистическое общество. По мнению Фогта, эта ситуация отражена в международной политике, где США, руководствуясь статическим пониманием структуры, пытаются воссоздать или сохранить то, что существует, в то время как коммунистический мир воспринимают социальные системы в их изменении, и в состоянии поэтому предвидеть и захватывать инициативу. США со своей стороны ограничены в возможностях, так как не имеют четкой концепции о неизбежном изменении и о его направлении, и в политике они вынуждены довольствоваться реакцией на коммунистическую политику, будучи не в состоянии противопоставить ей альтернативу, и не могут захватить инициативу для осуществления изменения» (стр. 62—63).

В этих словах довольно определенно отмечена ставка американского империализма на прогнившие реакционные режимы в некоторых странах. Но приводятся эти слова для другой цели: для обоснования тезиса о внутренних причинах культов Карго. В разделе «Внутренние или внешние причины» (стр. 63—67) утверждается следующее: «Все, по-видимому, указывает на то, что культ Карго покоится на чисто традиционной основе» (стр. 66). По мнению автора, культ Карго — это целиком местное явление, подобное охоте за головами или традиционной системе обмена: более того, все эти явления имели, с его точки зрения, одну и ту же социальную функцию (стр. 70). Этот тезис высказывается в книге несколько раз по разным поводам. В конце монографии предлагается искать причину культа Карго во внутренней структуре папуасского и меланезийского общества (стр. 126), а не в колониальном гнете.

Представляется, что выводы, содержащиеся в монографии Кристиансена, научно несостоятельны. Более того, они могут быть использованы для оправдания колониализма. Поскольку такие идеи нередко встречаются в буржуазной литературе, поучительно проследить, какими средствами автор приходит к столь тенденциозным идеям.

Н. А. Бутинов

⁵ F. E. Williams, The Vailala madness and the destruction of native ceremonies in the Gulf Division, «Papuan Anthropology Reports», 1923, No 4.

СОДЕРЖАНИЕ

XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы советской этнографической науки	3
С. И. Брук (Москва). Этнодемографические процессы в СССР (по материалам переписи 1970 г.)	8
Т. А. Жданко (Москва). Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана (принципы и методы составления)	31
С. Я. Берзина (Москва). Материалы к этнической истории фульбе	43

Дискуссии и обсуждения

Н. А. Сердобов (Кызыл). О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири	53
Л. Р. Кызласов (Москва). Еще раз о терминах «хакас» и «кыргызы»	59
М. А. Членов (Москва). Можно ли считать «австралийскую контроверзу» разрешенной? (по поводу статьи Ю. И. Семенова «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому. Опыт теоретического анализа»)	68

Сообщения

З. Шифельбейн-Соколевич (Варшава). О применимости функционально-структурного метода в толковании изменений культуры	72
Ю. А. Евстигнеев (Москва). Национально-смешанные браки в Махачкале	80
Г. А. Сергеева, Я. С. Смирнова (Москва). К вопросу о национальном самосознании городской молодежи (по данным паспортных столов отделений милиций городов Махачкалы, Орджоникидзе, Черкесска)	86
Т. Б. Долгих (Москва). Традиционное жилище лесных ненцев бассейна реки Пур	93
Н. А. Баскаков (Москва). Жилища приирийских казахов	104
Г. А. Меновщиков (Ленинград). Эскимосский субстрат в топонимике Чукотского побережья	116
Э. П. Стужина (Москва). Восточные коллекции Иркутского и Кяхтинского краеведческих музеев	121
А. Яндаров (Алма-Ата). Первый ингушский этнограф Чих Ахриев (к 120-летию со дня рождения)	127
М. М. Герасимова (Москва). К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса (III в. до н. э.—IV в. н. э.)	131
Л. Ю. Янкелович (Рига). Гердер о народных песнях Прибалтики	141
Н. Ц. Мункуев, В. С. Таскин (Москва). Об общности института поворотимства и термина <i>jad</i> у киданей и монголов	149

Поиски, факты, гипотезы

Г. П. Снесарев (Москва). По следам Анахиты	153
--	-----

Научная жизнь

Т. В. Станюкович, Т. К. Шафрановская (Ленинград). Сессия, посвященная 125-летию со дня основания Географического общества	166
---	-----

Критика и библиография

Общая этнография

Ю. И. Семенов (Москва). Общественный строй у народов Северной Сибири	169
--	-----

Народы СССР

В. В. Пименов (Москва). М. Зайцева, М. Муллонен. Образцы вепсской речи	173
--	-----

Народы зарубежной Азии

В. П. Курылев (Ленинград). <i>Древнетюркский словарь</i>	174
--	-----

Народы Америки

А. Н. Кузьмин (Москва). <i>Мартин Лютер Кинг. Есть у меня мечта</i>	176
---	-----

Народы Африки

Н. М. Гиренко (Ленинград). <i>A History of Tanzania</i>	178
---	-----

Народы Австралии и Океании

Н. А. Бутинов (Ленинград). <i>P. Christiansen. The Melanesian Cargo Cult. Mil-lenarianism as a factor in cultural change</i>	179
--	-----

На первой странице обложки: Олени. Якугская костяная скульптура

SOMMAIRE

Le XXIV-e Congrès du P. C. U. S. et les questions d'actualité de l'ethnographie soviétique	3
S. I. Brouk (Moscou). Les processus ethno-démographiques en l'U. R. S. S. (d'après les matériaux du recensement de 1970)	8
T. A. Jdan'ko (Moscou). Un Atlas historico-ethnographique de l'Asie Centrale et du Kazakhstan (principes et méthode de composition)	31
S. Ya. Bierzina (Moscou). Matériaux pour l'histoire ethnique des Peuls	43

Discussion et deliberations

N. A. Sierdobov (Kyzyl). Sur quelques problèmes de l'histoire ethnique des populations de la Sibérie du Sud	53
L. R. Kyzlassov (Moscou). Encore une fois des termes «khakass» et «kirghiz»	59
M. A. Tchlienov (Moscou). La «controveree australienne» peut-elle être consi-dérée comme résolue?	68

Communications

Z. Szifelbejn-Sokolewicz (Varsovie). De l'applicabilité de la méthode fonctionnelle-structurale pour l'interprétation des changements culturels	72
Yu. A. Yevstighnéiev (Moscou). Les mariages mixtes à Makhatch-Kala	80
G. A. Serghéieva, Ya. S. Smirnova (Moscou). Contribution au problème de la conscience ethnique de la jeunesse urbaine (d'après les données des ser-vices de passeports des villes de Makhatch-Kala, Ordjonikidzé et Tcherkessk)	86
T. B. Dolguikh (Moscou). Habitat traditionnel des Nénéens forestiers du bas-sin de la rivière Pour	93
N. A. Baskakov (Moscou). L'habitat des Kazakh de la région d'Ili	104
G. A. Mienovchtchikov (Leningrad). Le substratum esquimau dans la to-ponymie du littoral des Tchouktchi	116
E. P. Stoujina (Moscou). Collections orientales des musées régionaux d'Irko-utsk et de Kiakhta	121
A. Yandarov (Alma-Ata). Tchakh Akhriév, premier ethnographe ingouchi (pour le 120-e anniversaire)	127
M. M. Guérassimova (Moscou). De la composition ethnique de la population de l'ancien Tanaïs (III-e s. av. n. è.— IV-e s. de n. è)	131
L. Yu. Yankielovitch (Riga). J. G. Herder sur les chants populaires des régions Baltes	141
N. C. Mounkouiev, V. S. Taskine (Moscou). Sur le caractère commun de l'institution de fraternisation et du terme JOD chez les Kidan et les Mongols	149

Recherches, faits, hypotheses

G. P. Snéssariév (Moscou). Sur les traces de Anahite	153
--	-----

Vie scientifique

- T. V. Staniukovičh, T. K. Chafranovskaya (Léningrad). Session, consacrée au 125-e anniversaire de la Société Géographique 168

Critique et bibliographie

Ethnographie generale

- Yu. I. Sémionov (Moscou). *Structure sociale des populations de la Sibérie du Nord* 169

Peuples de l'U.R.S.S.

- V. V. Pimienov (Moscou). *M. Zaitseva, M. Mullonen. Specimens du parler Vepsi* 173

Peuples de l'Asie etrangere

- V. P. Kourileuv (Leningrad). *Le dictionnaire vieux turque* 174

Peuples de l'Amérique

- A. N. Kouzmine (Moscou). *M. L. King. J'ai un rêve* 176

Peuples de l'Afrique

- N. M. Ghirienko (Léningrad). *A History of Tanzania* 187

Peuples de l'Australie et de l'Océanie

- N. A. Boutinov (Léningrad). *P. Christiansen. The Melanesian Cargo Cult. Milenarianism as a factor in cultural change* 179

Sur la couverture: Rennes en pâturage. Sculpture yakoute populaire en os

Технический редактор *Т. И. Сироткина*

Сдано в набор 13/V-71 г.	Т-13005	Подписано к печати 27/VII-1971 г.	Тираж 2310 экз.
Зак. 4607	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 16,1	Бум. л. 5 ³ / ₄ Уч.-изд. листов 17,4

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10